

САТПРЕМ

Том 1

МАТЬ, или Божественный материализм

Мы с Матерью - одно, но в двух телах.

Шри Ауробиндо

17 ноября 1973 года, 7 часов 25 минут пополудни. Она ушла.

Трое врачей констатировали смерть.

Ошибки быть не может.

И всё же...

Её лицо было таким утончённым, таким бледным - нет, в нём не было ни блаженства, ни <смертного покоя>, - могучая собранность. Она обрела всё блаженство, Она воплотила полное освобождение души. Сильнейшая собранность; её глаза были устремлены - на что? На Загадку? - пронзительный и неумолимый взгляд, подобный мечу, нацеленному в самое сердце Лжи. <Смерть - это Ложь, - говорила Она. - Мы затвердили её, но победа над этой нелепостью в нашей власти>.

Что произошло? Или, быть может, что происходит?

Что видела Она своими закрытыми глазами? Она говорила так: <Я лучше вижу закрытыми, чем открытыми глазами.

Они решат, что я мертва, ибо я не буду ни двигаться, ни говорить... Но ты-то знаешь, ты расскажешь им...>

Ты расскажешь им...

Древнейшая со времён появления человека тайна; не было ничего, равного ей по силе со времён существования Древнего Египта, и ещё раньше, когда в ночи времён умер первый человек. <В конце концов, пока существует смерть, - только и сказала Она, - ничто ничем хорошим кончиться не может>. Вот так: можно петь, рисовать, сочинять стихи, ударяться в религию (это главная причина нашей любви к религиям), философствовать (это главная причина нашей любви к философии), но в конце всегда будет возврат к радикальному вопросу, а он-то уж обличит тщету всех наших порывов и миленьких песенок.

Уже несколько миллионов лет мы перекладываем на плечи будущих поколений и заботы, и надежды, и ожидания лавров - потом, потом, а мы продолжаем пустую песню и ждём, когда наши глаза откроются и увидят Загадку. Стоит устранить одну нелепость, и всё изменится: религии, философии, песни, жизнь. Только это и имеет значение. Только эта нелепость изменяет и определяет всё. <Будто этот вопрос я и должна разрешить>, - говорила Она.

Ты расскажешь им...

Величайшая тайна; нам даже не распутать её нити, но все они здесь, прямо под рукой - в этой великой эпопее, Агенде Матери, где шаг за шагом изложен опыт перехода к новому земному существованию. Только вот с этими тайнами дело обстоит так же, как и с тантрическими мантрами: мало просто пересказать их - нужно, чтобы они вошли в субстанцию, надо переключиться, чтобы они стали живыми, могучими и динамичными - в опыт Матери надо войти. К Её открытию приходится подходить по-особому; это переворот всей жизни. Пока мы не произведём революцию смерти, мы ни на йоту не изменим ни один атом в мире, даже ценой уничтожения всех бомб, библиотек и уравнений. Можно сдвинуть с оси всю планету, но ничего не изменится - даже на других планетах мы будем решать те же самые уравнения, и всё начнётся с начала - от аминокислот и молекул до какой-нибудь там Нобелевской Премии, только никак не мира. Ведь ничего не изменится, пока это останется прежним. <Мы хотим этого изменения> - сказала Она.

И Она ушла...

Или нет? В чём тайна <смерти> Матери?

<Шри Ауробиндо ушёл и не раскрыл нам своей тайны>, - однажды сказала мне Мать. Однако, Она-то, может быть, оставила нам свою тайну, которая позволит раскрыть и секрет Шри Ауробиндо, ибо разницы между ними нет. Когда мы поймём, что сделала Она, то узнаем, что сделал и Он - мы убедимся, что это не философия, несмотря на тридцать четыре тома Его сочинений, а живая эволюция или, скорее, живая революция, продолжающаяся вечно. Они оба пришли ради этой революции, ради новой ступени эволюции, или нового, бессмертного состояния, которое, однако, совсем не то, что физическое бессмертие - обратная сторона нашей смертности, или её блистательное продолжение в обход могилы, - их революция жизни настолько всеобъемлюща, что даже росток смерти не может пробиться на свет, а сама смерть, как и жизнь, превращается в... нечто другое.

Перейдем к главному.

<Можно ли надеяться, что вот это тело, инструмент нашего нынешнего существования на земле, постепенно превратится в то, что сможет явить

высшую жизнь, или придётся начисто отказаться от этой формы жизни и принять другую, которой на Земле ещё и нет вовсе?.. Будет ли сохранена непрерывность, или новое появится внезапно? Удастся ли нам постепенно перейти от нынешнего существования к тому, чем стремится стать наш внутренний дух, или придётся решиться на разрыв, то есть отбросить настоящую человеческую форму бытия и ждать появления новой формы? Мы ведь даже предвидеть не можем, как она появится, и как она будет связана с нашей жизнью, сегодняшней жизнью>.

Это было сказано в конце 1957 года, ровно за год до того, как Она погрузилась в великий опыт, в <опасное неизвестное>, как выражалась сама Мать, и за пятнадцать лет до рокового 17 января 1973 года. Что произошло за эти пятнадцать лет? Нашла ли Она ответы на свои вопросы?

Вот ещё один: <Должен ли человеческий вид, по примеру прочих, исчезнуть с лица Земли?>

Её отнесли в комнату и положили в шезлонг, на покрывало из белого атласа. Люди проходили мимо Неё под вращающимися лопастями жужжащих вентиляторов и ярким слепящим светом - так тело разлагалось ещё быстрее. Они позаботились, чтобы Смерть побыстрее закончила свою работу. А Она ведь говорила: <Надо оставить это тело в покое... Не спешите класть его в яму... хотя бы доктора и сказали, что оно умерло; оно всё равно останется в сознании, клетки останутся сознательными, - тело будет знать, что с ним происходит, будет чувствовать, и это добавит страдания клеткам. По-видимому, глупо суетиться, - продолжала Она, - лучше уж промолчать>.

В могилу, рядом со Шри Ауробиндо, Её опустили в гробу из красного дерева, но Она полусидела в нём, потому что спина Её сгорбилась - от боли, наверное: <Я пережила все болезни на свете, причём одновременно> - говорила Мать. Медленно опускали крышку. Луч света ещё падал на Её щеку. Она на что-то смотрела - лицо склонилось к груди. Но что?

Крышка закрыла Её голову - наступила ночь. Или что? Крышку привинтили двадцатью пятью шурупами.

Ей было девяносто пять лет. Она до самого конца сражалась как львица. Но где этот конец?

Во внешнем мире шла вторая война в Израиле. Ноябрь 1975 года. Впервые перекрыли нефтяной кран - маленький такой краник. Палестинские террористы устроили пальбу в Хартуме, Афинах, Флумичино. В Афганистане и Чили - государственные перевороты. Ирландский терроризм. В Барселоне, Бангкоке, Греции студенты вышли на демонстрации. Культурная революция в Ливии и Китае. Засуха в Сахеле. Падение доллара. Уотергейт. Пятнадцатая атомная

бомба в Китае, пятые ядерные испытания Франции. Последняя четверть двадцатого столетия. Умер Пикассо. Может быть, умер мир. Или началось что-то другое.

Даже те, кто окружали Мать, начали ворчать. Она была так одинока.

С ухода Шри Ауробиндо минуло двадцать три года. А мы ещё слышим его пророческие слова:

Может прийти день, когда Она окажется беспомощной

На опасной границе между судьбой мира, и своей собственной,

В одиночестве несущей на плечах будущее Земли,

Несущей в опустошённом сердце надежду человека

На победу или поражение на последнем рубеже

В битве один на один со смертью и на грани исчезновения.

Ей, великой и единственной в этой ужасной сцене,

Придётся в одиночку перейти через опасный мост времени

И достичь последней точки участи мира,

Где для человека всё - или победа, или поражение.

Они ворчали. Но на самом деле ворчал весь мир, <будто выбросили что-то такое, отчего повсюду вспыхнула ярость>. Не надо заблуждаться: дело не в борьбе за лучшую жизнь. <Даже лучшая жизнь не стоит ничего!> - говорила Мать. Речь идёт не о том, чтобы добавить социализма здесь, демократии там, ну, и ещё немного равенства и братства, - даже братство принадлежит смерти. И починка зданий или нефтяного крана тут тоже ни при чём - завтра ведь он всё равно даст течь в другом месте, поскольку утечка происходит повсюду. Это <красный закат Запада>, который Шри Ауробиндо разглядел ещё 33 года назад, когда все наши науки находились на вершине и мы праздновали их открытия. А открывать-то, кроме нас самих, нечего! Если и есть сверхсила, то только в нас, если и есть источник новой энергии, то только в нас! <Супраментальная Сила> стучит по голове земли, <рвётся наружу>, чтобы открыть подлинную тайну Материи, настоящую силу, истинную жизнь без смерти, братство без расстрелов, правосудие без гильотины и людей, что будут хозяевами своей судьбы, - или вообще других людей. <Подготовительные периоды неизмеримо долги - прошлое изживается, будущее подготавливается -

они очень длинные, скучны и однообразны: одно и то же повторяется без конца и кажется, что так будет продолжаться вечно. И вдруг, ни с того, ни с сего, между двумя такими периодами случается изменение. Вот так на земле появился человек. А сейчас появится что-то другое, иное существо>.

Потерпела ли Мать неудачу, или Ей удалось найти <механизм>, путь к иному существу?

В этой самой <смерти> секретов куда больше, чем кажется. В ней тайна будущего.

Эта тайна сложна и мы подходим к ней с молитвой на устах и дрожью в сердце. Точно так же, быть может, первый человек на поляне впервые подошёл к сомнительной мысли. Однако, тайна будущего мира - это не мысль, а супраментальное, она разворачивается в глубинах тела, в гнезде жизни-смерти, где когда-то первая вещь впервые воплотилась в Материи, на границе биологии и молитвы. Эту тайну не <поймёшь>, это испытание огнём, ибо понимание для Материи означает силу. Эта сила находится на узкой полоске между жизнью и смертью, где клетки выходят из-под власти старого генетического кода, чтобы войти в царство закона будущего вида. Новая трансмутация куда тяжелее, чем трансмутация гусеницы. Трансмутация в следующую эру. Раскрыть тайну означает обрести силу свершения. Это означает - стоять перед смертью и перед жизнью с гордо поднятой головой, быть там, где и жизнь и смерть умирают, или, скорее, переходят в другую физическую жизнь, которая уже не жизнь и не смерть, а что-то другое. Может быть, божественная жизнь? Новая поляна. Великий переход.

Ты расскажешь им...

Мы попытаемся вместе осуществить этот переход, проложив путь через великий девственный лес Матери. Возможно, в самом конце, на опушке нового мира, глядя глазами другого существа, мы увидим, что искала Та, которая говорила: <Я вот-вот открою иллюзию, её надо уничтожить, чтобы физическая жизнь текла непрерывно>.

Не обманемся: открытия ещё нет, его надо сделать.

Может быть, даже многим придётся его сделать самим, чтобы оно осуществилось.

Тогда - кто знает? - мы снова встретим Мать, будто Она и не умирала.

И глубинная ложь смерти рассеется.

Олений Дом, Нанданам,

6 января 1975 года

Часть первая

В поисках настоящей материи

1

КОРНИ

Великий девственный лес Матери появился давно. Он полон неожиданных поворотов, оврагов и таинственных чащ. Никто не знает, куда идти - налево, или направо; может быть, следует избрать сразу все направления? В лесу Матери троп, может статься, и нет, но, возможно, он сам - тропа. Он везде начинается и везде кончается, ибо каждая былинка может содержать в себе всё. <Пройдёмся, это забавно> - говорила Она.

<Я бывала во всех человеческих зданиях, - рассказывала Она сразу после своего видения, - Она ведь видела так много, везде и во всём, жить рядом с Ней означало видеть мир с неожиданной стороны, так, как ты ещё никогда его не видел, и никто не увидит, будь он хоть Пикассо, хоть Сверх-Пикассо (кстати, Пикассо был младше Матери на три года), - во всех, но не совсем обычных - в философских, религиозных, духовных; всё это символизировалось огромными зданиями - высоченными домами, по сравнению с которыми люди казались не выше вот этой табуретки. Пока я прогуливалась там, ко мне то и дело подходили люди, и каждый говорил: "Я знаю истинную дорогу". Я шла за ними к открытой двери, за ней виднелась безбрежная земля, но стоило нам подойти поближе, дверь закрывалась!.. Мне было смешно, и я думала: "Это действительно забавно!" Представь себе: пока они говорили, за дверью виднелись безбрежные просторы, яркий свет - просто чудесно! А подойди поближе - закрыто! Правда, очень интересно.

Там было, было... множество народу, и всё время появлялись новые лица - мужчины, женщины, юноши, старики, люди из самых разных, каких только можно себе представить, стран. А продолжалось всё это очень долго.

Помню одного из них, я сказала ему: "Да, тут чудесно, но это не похоже на настоящую пищу, вы всё равно голодны". И ещё... не знаю, откуда он родом: тёмная одежда, чёрные волосы, круглое лицо (китаец, наверное, не знаю), - он сказал: "Нет, со мной идти не надо! Попробуй лучше вот это," - и что-то дал мне. Это было так вкусно, просто великолепно. Я оторваться не могла. Потом я посмотрела на него и сказала: "Да, ты умён! Покажи мне дорогу." А он в ответ говорит: "У меня нет дороги">.

Вот и нам следует быть такими же мудрыми, как этот китаец, и не нарезать Мать маленькими научными ломтиками: <Вечно нам надо ставить один ящик внутри другого!> - говорила Она и смеялась, ибо Мать смеялась всегда, - за исключением разве что последних лет, но даже и в ту пору Она находила людей удручающе серьёзными. <С самого раннего детства во мне живёт какая-то смешинка. Она видит все катастрофы, страдания, но не может удержаться от смеха - ведь любой человек смеётся над тем, что претендует на существование, а на самом деле не обладает им>. Она уже тогда воевала с иллюзией, не уничтожив которую, жить по-настоящему нельзя, - и самой привязчивой и дорогой среди всех иллюзий является, возможно, наша любовь к страданию и всему трагическому. Можно спорить, но истина от этого истиной быть не перестанет.

Стало быть, мы пойдём по великому лесу Матери <наугад>, не пропуская ни одной тропы, ни одного поворота, поскольку смысл может носить всё, и мы не можем быть уверены, что входит, а что не входит в бездорожную дорогу, и не можем поручиться, что конец не является началом, как в детской сказке.

За бесконечным лесом мы, может быть, увидим леса, горы, прекрасные пейзажи, но самое интересное, по правде говоря, - сама прогулка.

Удивительная бабушка

Эту маленькую парижанку, прожившую в Париже сорок лет (точнее, тридцать восемь), Матерью называли не всегда. Когда-то её называли просто Мирра (с двумя <р>), и жила Она в странном космополитическом племени.

Начать можно и с бабушки, так как в ней было что-то своеобразное и любопытное, напоминающее некоторые черты Матери. Ее звали Мира (с одним <р>) Исмаун, и родилась она в Каире в 1830 году. Египетские корни Матери, возможно, не случайны - это древняя земля, - но у Неё вообще очень много корней, древних корней, везде... повсюду... <Мне миллионы лет, и я жду>, - говорила Она в последние годы со взглядом, который, казалось, нёс весь мир и

всё сопротивление его земных детей. Мне вспоминается прекрасный очерк Уолтера Пэйтера о Моне Лизе, с которой Мать объединяло странное сродство и улыбка: <Она старше гор, окружающих её... Она умирала множество раз и познала тайну могилы>. Но родина Исмаилов - это также и древняя урало-алтайская Венгрия, отец Миры Исмаилун, Саид Пинто, хотя и был египтянином, но род его происходил из Испании. Над её колыбелью дули изменчивые ветра. Уральский воздух смешивался с тайнами долины Царей и огнём Иберии. На самом деле над колыбелью Матери бодрствовали совсем не мужчины, а женщины: это был род женщин-повелительниц.

Итак, мы оказались в эпохе Махмуда Али: Суэцкий канал ещё не прорыт, армии Паши поднялись против гнёта Османской империи, феодальный Египет столкнулся с современным миром и ещё хранит память о Бонапарте. Яростный ветер Наполеона, похоже, оставил какой-то след, поскольку Мира Исмаилун не теряла даром времени и тоже сбросила с шеи ярмо. В тринадцать лет, как то предписывал обычай, она благоразумно вышла замуж за банкира; с женихом она познакомилась, путешествуя по Нилу: <Он подарил мне дорогую диадему и корзинку клубники>, - сообщает Мира в своих мемуарах - она ведь оставила нам столь же очаровательные и смешные, сколь и краткие, мемуары, надиктовав их по-французски в семьдесят шесть лет своему внуку, губернатору Альфасса. В двадцать лет она прибыла в Италию. На это требовалась известная смелость - мы помним о положении женщин на Ближнем Востоке в прошлом веке. <Я говорила только по-арабски и носила египетское платье. По Италии я путешествовала с двумя детьми и гувернанткой, а мой муж оставался в Египте [он всегда был домоседом - Сатпрем]... Я оказалась первой египтянкой, осмелившейся вот так вот покинуть Египет>. И вот ещё: <Я была восхитительна в египетском небесно-голубом платье, украшенном золотом и жемчугами>. Кроме того, она носила <маленький тюрбан с золотой верхушкой... но совсем не знала языка и потому поклялась себе выучить его как можно быстрее>. И правда, итальянский она усвоила довольно скоро, а потом ещё и французский - решительно, Мира Исмаилун была неординарным субъектом. Затем она свела знакомство с Великим Герцогом, который <как и композитор Россини, каждый день засыпал меня цветами>, - и с непосредственностью, в которой кокетство трудно отличить от шутки, она добавляет: <Несмотря на свою благовоспитанность и даже строгость, я не была безразлична к этим знакам внимания>.

Происходило это где-то в 1850 году.

Неизвестно, действительно ли она была столь строга, но в жизни она разбиралась превосходно и искренне любила ее. Мира Исмаилун была наделена тем вселенским разумом, для которого границы любой страны кажутся ничемными и обременительными. Путешествуя по Европе, старшего сына она оставила в Венском пансионе, второго, а затем и третьего - в <Коллеж Шапталъ> в Париже: <Париж сводил меня с ума, при моих необычных взглядах

и темпераменте, я не находила ничего дурного в том, что повсюду бывала с Эльвирой [это её старшая дочь, названная, как мы видим, прекрасным египетским именем], но поскольку мой наряд был более заметен и элегантен, публика обращала внимание на меня». Не ошибитесь: в голове Миры Исмаун не гулял ветер, она читала Ренана, Тэна, Ницше, Дарвина, но при этом, как и Мать, была одарена чувством равновесия и умела примирять противоположности: <Я всегда старалась не давать особой воли ни сердцу, ни голове, что позволяло мне удерживаться от крайностей. Что до моих финансов, то я постоянно заботилась о том, чтобы расходы соответствовали доходам>. Гениальная идея о соединении приятного с полезным появилась у неё, когда она узнала, что бедные египетские княгини в своих гаремах умирают от желания узнать Париж. Поэтому в Египет Мира везла самые модные платья, самые дорогие драгоценности, парфюмерию и журналы, оправдывавшие причуды её выбора. <Куда бы я не приезжала, меня принимали как королеву. Величественная внешность, роскошные туалеты, строгие манеры и мои расходы создали мне высокий пьедестал>. Но помимо всего прочего она привозила домой и картины, ибо маленькие принцессы до смерти желали увидеть себя во всём великолепии на картинах кисти лучших художников Парижа, похожих на фотографии. Вот так Мира Исмаун и познакомилась с Парижем живописцев и мастерской Вьено и Эдуарда Мориссе, который станет тестем молодой Мирры.

Широта духа Миры Исмаун не знала никаких границ; религия тоже не слишком занимала её - вероятно, она считала её такой же узкой, как и патриотизм, но окружающим она предоставляла право поступать по собственному усмотрению. Поэтому, обнаружив, что не в меру благочестивая горничная обратила Эльвиру в католическую веру, она не только не упрекнула свою дочь, но даже начала поиски мужа-единоверца для неё, поскольку Эльвира хотела этого. <Я была первой египтянкой, - замечает Мира, - позволившей своей дочери выйти замуж за католика (да ещё и итальянца, добавим мы). В нашем кругу смотрели на это косо и бранились. В нашей семье некоторые даже довольно долго не желали меня видеть>. Поскольку во всем она привыкла видеть и смешную сторону, она добавляет: <Брак был гражданским, его заключили в итальянском консульстве. Церемония была очень красива и интимна. На мне было чудесное платье, украшенное серым жемчугом. Когда с формальностями было покончено, Эльвира с мужем и свидетелями вошли в церковь, а я сделала вид, что ничего не замечаю. Я вообще весьма либеральна и не вижу в этом ничего дурного>.

Она надолго задержалась в Египте, чтобы присутствовать на открытии Суэцкого канала. <Господин де Лессепс приехал за мной с целым эскортом> (кого только не знала эта удивительная бабушка). Второй своей дочери, Матильде, которая станет матерью Матери, Мира разрешила выйти замуж за того, кто ей нравится. Это случилось в 1874 году в Александрии. <Свадьба была очень торжественной и проходила в правительственном дворце.

Присутствовал вице-король и все его министры. На мне было чудесное платье; люди находили, что я красивее, чем моя дочь>. Наконец, маленькая арабская женщина, покорившая Париж в своем небесно-голубом платье и маленьком тюрбанчике, читавшая <О происхождении видов> и опустошавшая Гранд-Отель, обосновалась в Ницце. Последние годы её жизни прошли <между Средиземным морем и спокойными водами Женевского озера>: <После праздников и театров, набегов на столицы, близких знакомств со знаменитостями, прожив великолепную жизнь и не зная других забот, кроме собственных дел и удовлетворения своих капризов и желания хорошей жизни, я обрела достаточно мудрости, чтобы удалиться и вести более скромную и спокойную жизнь>. Муж сопровождал её. <Он обожал меня>, - лаконично сообщает Мира (нас это не удивляет).

Самое удивительное в этой блестящей жизни, которую не могли удержать никакие границы и которая брала начало в долине Нила, - то, что в конце праздничного путешествия раздался неожиданный крик, будто Мира не желала принимать никаких ограничений, даже смерти: <В семьдесят шесть лет мне, откровенно говоря, совсем не нравится старость, я по-прежнему нахожу жизнь прекрасной и восклицаю вместе с Гёте: "Вперёд, через могилы!">

Это зерно ещё даст урожай.

Мирра у материалистов

С Матерью мы попадаем в царство другого ритма - глубокого, обширного, безмолвного... но бесстрашного. Да и как обойтись без бесстрашия там, куда шла Она?

Изваяние страсти и несокрушимой силы

Абсолютная мощь властной и мягкой воли

Покой и неистовство богов

Неукротимое и неизменное.* *Савитри

Родилась Она в Париже, 21 февраля 1878 года. В ту пору импрессионисты открыли цвет. Она знала их всех - Моне, Дега, Ренуара, - <Я была самой младшей>. Цезарь Франк слагал свои <Красоты>, Роден заканчивал <Бронзовый век>. Та же пора - мягкая ирония Анатоля Франса. Матери была знакома и она. Жюль Верн уже выпустил <Вокруг света за 80 дней>. За десять тысяч километров от Парижа жил шестилетний Шри Ауробиндо. Годом позже, в 1879 году он приедет в Англию и останется там на четырнадцать лет.

Она прожила первые восемь лет своей жизни в доме № 62 по бульвару Осман, рядом с магазином <Весна>. Это здание не сохранилось. Вряд ли обстановка соответствовала Матери, но это, наверное, можно сказать о любом периоде Её жизни. Матильда, Её мать, родилась в Александрии, где, в возрасте семнадцати лет, справила пышную свадьбу с молодым и не слишком удачливым турецким банкиром Морисом Альфасса, рождённым в 1843 году в Адрианаполе. Она-то и была женщиной-властелином, что шло совершенно вразрез с мягким характером бабушки Мирры: <Железный засов>, - просто говорила Мать.

Внешность обманчива. Нам хочется считать одну взбалмошной, а другую суровой и властной, словом, представить их себе как два противоположных полюса, однако в обеих бежит один и тот же ток, только окрашен он по-разному - но важно только то, что он всё-таки есть! В Индии его называют Шакти - творческая сила. Матильда, как и Мира Исмаун, была первоклассной Шакти, только для неё всё было сконцентрировано на человеческом прогрессе и воле к совершенству: <Мои дети будут лучше всех. Это была не просто претензия, - рассказывала Мать, - я даже не знаю, что это было. Уж что-что, а в воле ей никак не откажешь! Жуткая воля и твёрдость - как у железного засова! Если уж она что решит, то раз и навсегда. Даже если кто-нибудь умирал бы рядом с ней, она бы не дрогнула. Вот она решила: "Мои дети будут лучше всех," - и дело с концом>. В неясных сумерках, где копошатся человеческие существа, воля к совершенству блеснула, как маленький алмаз, и этого хватило, чтобы в мире появилась Мать, ибо бытиё подчиняется совсем не тем законам, которые знают люди, а мы сами движемся как куклы во внешнем мире, и другие глаза следят за нами как светлячки, привлечённые светом, подобным своему собственному. Однако ни Матильда, ни Мать не имели ничего общего со светлячками.

Прежде всего, помпезность Египетского двора Матильда сочла столь же невыносимой, сколь и железный ошейник, одетый обществом на шеи женщин тех времен, однако, вместо того, чтобы последовать царственной манере Миры Исмаун, улыбнуться и показать, что ты выше этих условностей, или даже, напротив, извлечь из них выгоду, она попросту отбросила всё, что не устраивало её. В один прекрасный день разразился скандал: Матильда отказала хедиву в поклоне, полагая, что это несовместимо с чувством человеческого достоинства. Пришлось укладывать чемоданы. Ей было двадцать лет, у неё уже был ребенок, Маттео (остаётся лишь недоумевать, откуда в Александрии взялся итальянскому имени), старший брат и близкий друг Матери. Их разделяло 18 месяцев: он появился на свет 13 июля 1876 года. Таким образом, Матильда прибыла в Париж в 1877 году только потому, несомненно, что Матери было предназначено родиться на французской земле.

Она ещё и коммунисткой станет, а все благовоспитанные дамы в ту пору скромно занимались вязанием. Коммунисткой Матильда останется до самой

смерти - а прожила она восемьдесят восемь лет - она ведь твёрдо решила быть ею. Однако, не все так просто, вот в чём парадокс: для поддержки семейного бюджета Матильда держала кур и продавала яйца. Как-то раз некий отважный фискал решил - он, верно, тоже решал раз и навсегда - взыскать налоги не только за те яйца, что продавались, но и за те, что только можно было продать. Матильда так и не поняла его: <Это же мои куры!> Неизвестно, что думал по этому поводу Карл Маркс, неизвестно и то, насколько ортодоксальной коммунисткой была Матильда, но она всегда ненавидела любую ортодоксию, ей всегда была мила только первая часть слова: вперёд, прямо к цели, и никаких разглагольствований.

Жизнь на бульваре Осман подчинялась тому же принципу. Не то, чтобы Матильде не доставало образования, напротив, она была весьма образована, ничуть не менее, чем бабушка, восхищавшаяся Гёте, она была даже умнее, однако жизнь рассматривала как математическую теорему, которую всё время необходимо доказывать: она должна быть точна и неуклонно приближаться к идеальной асимптоте - не Богу (Матильда, естественно, была совершенной атеисткой), но триумфу homo sapiens. Мирре тоже достанется кое-что от этих взглядов, но Она пойдёт дальше. Впрочем, настоящим математиком в доме была не Матильда, а её муж, Морис Альфасса. <Мой отец был первоклассным математиком>, - говорила Мать, но в банковском деле всё обстояло не так гладко (бедняга, это ему, надо думать, совсем не нравилось), так что дела семьи частенько пребывали в плачевном состоянии. Конечно, бедняками они не были и в час нужды могли обратиться к богатой бабушке (она, правда, была не так уж и богата, ибо имела четырёх сыновей, <один экстравагантнее другого>), но такие обращения уязвляли спартанское достоинство Матильды. На бульваре Осман все шли в ногу - даже сын, Маттео, закончит Политехническую школу. Мать же получит жёсткое и суровое воспитание: все фантазии будут исключены, как пустая трата времени, религия - запрещена как <слабость и предрассудок>, а всё то, чего нельзя увидеть и пощупать, попадёт под отрицание: <Всё дело в болезнях мозга>, - отрежет Матильда. Никаких разговоров, всё решено раз и навсегда. Однако, несмотря на грубую личину, беды тут не было, поскольку без суровой материалистической брони маленькая Мирра просто не выстояла бы против лавины странных переживаний, обрушившейся на Неё в первые же годы жизни. Она попросту пошире открывала глаза и внимательно изучала непривычные явления, как разглядывают под лупой насекомое, но никому ничего не рассказывала, особенно матери - та немедленно потащила бы её к первому попавшемуся врачу.

<Скромная середина - говорила Мать, - аскетическая и стоическая мать>. Иногда остаётся лишь удивляться относительности человеческих учений и философий, ибо та же самая Шакти, которая воодушевляла Матильду, в другом месте или под другим небом могла бы сделать из неё с тем же успехом йога в пещере, революционерку не хуже Дантона, физика, не выходящего из

лаборатории, а то и просто светскую львицу, подобно Мире Исмаун, штурмующую столицы Европы - только в другом тюрбане. Но она сама избрала свои границы (если только не они сами были избраны для неё) - мы ведь можем хотеть чего угодно и заниматься чем угодно, но всё это - хоть удобные, но только временные плотины в великом Потоке, который течёт и смеётся над словами, найденными нами для него.

И всё же в строгом доме Матильды нашёлся островок воображения - как это не удивительно, он скрывался в голове неудачливого банкира. Нам даже кажется, что этот великий Турок, забытый в багаже Матильды, был вполне приятен собой. Впрочем, он не был лишен скрытых талантов, а кроме того в его характере присутствовало нечто не то кавказское, не то русское, что обычно называют словом <Барин>. Он был силён, как всякий турок; сжав колени, он заставлял лошадь лечь на землю (Морис Альфасса был неплохим наездником, но верховая езда с точки зрения Матильды была роскошью, потому она скоро запретила её). Учился отец Мирры в Австрии, где нашёл наставников по вольтижировке, и знал немецкий, английский, итальянский и турецкий языки (он быстро натурализовался во Франции)*. *Декретом президента Карно от 28 августа 1890 года. Он твёрдо стоял на ногах. <Удивительное физическое равновесие> - говорила Мать. От отца ей тоже кое-что достанется. <Он не только знал массу языков; я не встречала никого с такими способностями к математике... А как он любил птиц! В нашей квартире была особая комната (мать не терпела этого увлечения), а там стояла клетка, полная канареек. Днём он закрывал окна... и выпускал канареек!>

Вероятно, больше поэзии в этом доме не было.

Кроме того, он обожал цирк.

Вот каковы корни маленькой Мирры. Было бы, впрочем, ошибкой пытаться найти здесь <объяснение> Матери. Скорее всего, она вообще необъяснима. А когда нам уже ничего не объяснить, начинается поэзия и - кто знает? - настоящий мир. Мы вспоминаем слова Шри Ауробиндо:

Вселенная - бесконечный маскарад,

Нет ничего, что было бы тем, чем кажется;

Так в мечте видится истина,

Что без мечты не была бы до конца истинной.* *Савитри

Даже если мы вспомним о других корнях Матери - у неё ведь было очень много корней, не только в Европе, даже если пройти её целиком от Уральского хребта до Иберийского полуострова и захватить Долину царей, - даже если

вспомнить о законах генетики - господин Мендель в ту пору как раз закончил работу в Брюнне, - даже если заключить её и всех нас в сумрачной крипте генетического лабиринта - он ведь грозит стать нашей последней криптой, которая упокоит нас навеки, - Она была рождена, чтобы сокрушить этот лабиринт, как Мира Исмалун потрясала условности, а Матильда двор хедива, и из этой <атавистической норы> вывести нас на свежий воздух, к новому человеческому состоянию, или новому миру: <Мы не желаем подчиняться законам Природы, даже если за миллиарды лет привыкли повиноваться им!>

2

ЕДИНСТВО

Ребёнок - изначальная очевидность всего того, что скрыто нашей культурой. Человеку приходится долго учиться, чтобы разучиться и найти потерянное вновь. Но и это удаётся не всегда, - в таких случаях остаётся только культура, маска, прикрывающая пустоту. К несчастью, нам не всегда удаётся найти ребёнка, который рассказал бы о своем опыте - ведь у всех детей разный опыт; как остриё иглы или как океан, в соответствии с... С чем? Если бы лучше объяснить, в чём тут неравенство, мы бы, может быть, ближе подошли к тайне рождения, чем все законы Менделя, по крайней мере, в том, что касается рода человеческого, ибо есть одна роза, а есть другая. По правде сказать, мы и не знаем, можно ли найти во всей вселенной хотя бы две похожих друг на друга вещи, хотя бы два листка на одном дереве, и мы недоумеваем, какие тут могут быть законы, если только они не выдуманы нами самими: все люди дальтоники, когда речь идёт о цвете, о существовании которого они даже не подозревают. Вот найди мы этот вот Цвет и этот вот Закон, нам удалось бы обнаружить и то, что даёт жизнь всем формам, - острию иглы и океану, и трепещущему на ветру листку на ветке, - и то, что объединяет весь мир в великом Единстве. Эйнштейну не хватило какой-то мелочи, чтобы завершить теорию <единого поля>. Возможно, эту мелочь даст нам ребёнок.

Стало быть, дело тут не в сомнительных видениях ясновидящих, нет, в этом маленькая Мирра недостатка не знала, - чем необычнее, тем проще, а в конце концов нас ждёт такая простота, что мы и не увидим, насколько она необычна.

Шакти

Надо сказать, порядки в доме Мирры были строги и обращались там с ней достаточно сурово, однако когда Матильда немного перегибала палку, Она садилась на свой маленький детский стульчик и смотрела своими большими переменчивыми глазами - иногда они были золотисто-карими - из-под банта, который стягивал тёмно-рыжие, или, скорее каштановые, позже ставшие янтарными, волосы, и длинной чёлки, как у королевы Тий, - Она смотрела. Мать всегда подолгу смотрела. Ни направо, ни налево, ни даже внутрь, поскольку там - то же самое, что и снаружи. Она не плакала, поскольку это не входило в программу - недаром Она была дочерью Матильды. Она непонимающе глядела на суровый, тёмный и странный мир, где длинные портьеры пахнут нафталином, и грохочут запряжённые четвёркой экипажи. Острота непонимания создавала нечто вроде понимающего непонимания, плотной массы, в которой было... что-то, <объяснение> без мысли (Ей было тогда пять лет), возможно, сама Мирра - немая сосредоточенность. Она жила, отвечала, была. Она рассеивала все призраки. Вот она: сознание. <Я чувствовала его как свет и силу у себя над головой... Очень приятное ощущение: я сижу на стуле, сделанном специально для меня, одна в комнате, и... (не знаю, что это было, ничто, наверное, нуль для ума) ощущаю над головой сильное и светлое Сознание. Мне казалось, что им я должна жить, быть (ну, конечно, слова тут многого не скажут), и потому я пускала его вниз, ведь для меня оно было единственным основанием, чтобы жить... Порой я не могла отделаться от чувства небывалого удивления. Постоянно я получала удары. Любая вещь, любое событие приходило как удар кинжалом - или кулаком, или дубинкой, - и говорила себе: "Неужели такое возможно?" Понимаешь, низость, ложь, лицемерие... В родителях, в друзьях, куда ни кинь взгляд - везде одно и то же. Как тут не удивляться? В плане разума это не выражалось никак, было только недоумение. Так прошло лет двадцать, или двадцать один год - тогда я встретила Знание, с тем, кто объяснил мне, в чём тут дело и откуда взялось мое недоумение. "Как, это и есть жизнь? Как, это и есть люди? Как?.." Я чувствовала себя избитой и израненной... Поэтому, когда мне было больно, я остерегалась говорить что-либо матери или отцу: отцу до этого дела не было, а мать просто выругала бы меня (это всегда было для неё первым делом), я просто уходила в свою комнату, садилась на стул, собиралась с силами и пыталась понять - по-своему>.

Опыт приобретался сам собой: <Мне нужно было только присесть на минутку и почувствовать это, приходящую ко мне силу>.

Самый первый опыт Матери - ключ ко всему остальному.

Да, сила, подобная сознанию - <это> понимало, сила и оказывалась пониманием, чистым и обнажённым, ибо прежде она воспринималась чувственно, - ребёнок ведь всё трогает, чувствует, - как плотность, которую Она пускала вниз и потому наполнялась спокойствием. Когда <это> спускается, человек полон свежестью и светом, как дышащее растение. Шри

Ауробиндо будет говорить о <Сознании-Силе>. Это - Шакти, движитель миров. Нам не так просто понять её или почувствовать, поскольку мы окутали её словами, мыслями, цветами, политическими или религиозными учениями, или музыкой, и с триумфом говорим: <Это моя мысль, моя музыка, моё евангелие>, - более или менее громко, в зависимости от интенсивности Потока, но проходит-то именно он, через всё - атом, растения, галактики... Если вы коснётесь этого здесь, то коснётесь этого и там, за тысячи миль от вас, в самых далёких и потаённых предметах - исчезнет всё далекое, всё потаённое, всё чужое, поскольку всё течёт в этом и через это: Сила-Сознание, Шакти - всеобщий связующий мост, сущность мира. Она - основание Единства мира, которое мы тщетно пытаемся высказать на языке уравнений, братства или машин; все наши телескопы, перископы, телефоны и телевизоры суть неуклюжие сачки, в которые мы пытаемся поймать то <теле->, что находится прямо у нас под рукой, перед глазами, в руке, в глазах, или же вообще нигде, ибо поймать его можно и без глаз, и без рук - просто так, лёгким вздохом, вздохом всего мира, ключом ко всему миру и, наконец, - пониманием всего мира. Ну, а пока мы не найдём эту мировую первосущность, можно и не пытаться приблизиться к тому, что мы искусственно отдалили от себя, отрезали, отшвырнули вовне, до тех пор бессмысленно объединять братьев, ведь объединиться они могут только в одном месте; бесполезно ломать границы (или нарушать их - это одно и то же) - исчезнуть они могут только в одном месте; и можно отправляться хоть на Луну, а то и на луны вплоть до самого Судного дня, так и не заполнив наши пустые сердца и умы, ибо заполниться они могут опять-таки только в одном месте, там, где бьётся сердце мира, там, где живёт жизнь, а ветер играет всеми нашими пустыми словами, музыкой, лунами - он-то и создаёт мысли, музыку и вообще всё. Мы - неизвестно что возомнившие о себе инструменты Силы; мы не знаем её, но она-то нас знает хорошо и хочет, возможно, дать нам ещё больше радости, если только мы позволим ей самой делать свою работу вместо того, чтобы без конца мешать ей <своими> абсурдными идеями, <своими> абсурдными философиями, <своими> абсурдными религиями, и прочими глупостями, которые, как мы начинаем понимать, никого не спасут, ничего не значат и ни на что не пригодны.

Все йогические упражнения и медитации, все наши усилия - в конце концов, не более чем средство утихомирить нашу поверхностную самонадеянность и заносчивость, ментальную машину, всё на свете скрывающую, запечатывающую, разделяющую: когда она спокойна, приходит всё. Ребёнок знает это, как знала это Мирра, но как только он получает способность высказать своё знание, он теряет контакт, и ему приходится переделывать всё, точнее, уничтожать уже достигнутое. Мы-то думаем, что в этом мире у нас масса дел, а на самом деле нам надо разрушить всё, прежде чем мы получим первое слово о знании, организации и силе. Однако, разрушение приносит боль, которая доходит до самых клеток. Прежде, чем мы сможем уловить

великий Поток в его бессмертной и безграничной чистоте, мы должны уничтожить что-то очень и очень важное:

Всемогущие силы заперты в клетках Природы.* *Савитри

Вот вся жизнь Матери, все её труды на протяжении девяносто пяти лет, точнее девяноста, ибо начались они, когда Ей было пять лет: <Только об этом я и думала, только этого и желала, меня ничего больше не занимало, и я ни на минуту не забывала, что хочу этого. Никогда не случилось так, чтобы я забыла, а потом вдруг вспомнила: без конца, и днём, и ночью... а прошло ведь уже восемьдесят лет>, - говорила Она. Мать без усталости повторяла детям Ашрама: <Вы должны выбраться из своей скорлупы; вы полностью заперты в неё и на всё натываетесь - понимаете, как мотыльки, бьющиеся о стекло лампы? ...Сознание человека похоже на мотылька: то там ударится, то там, ведь всё ему чуждо. Вместо того, чтобы наткаться на вещи, надо войти в них, и тогда они станут частью вас самих. Вы расширяетесь, у вас появляется воздух, чтобы дышать, пространство, чтобы двигаться, и вы больше ни на что не натываетесь; вы входите, проникаете, понимаете и живёте одновременно во многих местах>.

Собственно, Мирра и жила разом во многих местах, и это касается не только пространства, но и времени, ведь прошлое и будущее, как мы их называем, на самом деле, возможно, отделены друг от друга и от настоящего не более, чем наш сосед от нас, или отец от матери, или котёнок, бегущий по крыше. Нам придётся отучиться от всего, что мы узнали о мире, чтобы постичь настоящий мир и настоящее время - оно ведь не имеет никакого отношения к часам и гробам, - и настоящее пространство, в котором мы повсюду будем чувствовать себя дома. А для этого нужно знать средство достижения, надо познакомиться с великой Шакти и узнать, что это такое. Надо научиться иному образу существования. Наставниками вполне могут быть и дети, поскольку для ребёнка во всех этих вещах нет ничего необычного, пока он не испорчен воспитанием. С Миррой путешествовать хорошо. В её великом лесу таится множество тайн и множество измерений. Только это нужно испытать самому, мало просто читать книги: они оставляют человека в прежней неопределённости, в прежнем смертном облике, при прежнем фальшивом течении времени, несущем только нашу боль и жизнь, которой вроде как и нет вовсе. Нужно идти с Миррой, нужно быть с Ней. Странно - хотя, что тут странного? - первое школьное сочинение Мирры, написанное в конце прошлого века, заканчивается следующими словами: <Не спи в настоящем, иди к будущему!>

Будущее же может пробиться и в настоящем.

Пляска вибраций

Как и Мира Исмалун, маленькая Мирра не выносила никаких границ, однако наиболее глубоко чувствовала она не искусственные рубежи, которыми люди опутали матушку Землю, а куда более реальные ограничения, которые мы сами налагаем на себя. На них Она натыкалась повсюду: мать, отец, подружки, вообще всё, куда ни глянь: <Куда ни ступишь за пределами тела, всюду боль, - говорила Она. - Иногда соприкасаешься с приятной, гармоничной, тёплой, ярко светящейся субстанцией, но это случается редко. Вот цветы - да, хотя и не всегда. Но материальный мир... Шагу не ступишь - везде получаешь царапины, удары, ссадины; ни одна вещь не раскроется - вот как замкнута человеческая жизнь! Она зажата, невыносима, ни света, ни тепла, я уж не говорю о радости>. Она наблюдала. Она рассматривала каждую вещь. Она всё время пыталась разгадать загадку человека. Наощупь Она изучала, как работает великая Шакти.

Семья переселилась с бульвара Осман на площадь де Руль, в дом № 3, где Мирра прожила до девятнадцати лет (в этом возрасте Она вышла замуж), но особых перемен не случилось, поменялись только занавески и стены. Но пристальный взгляд стал ещё острее, и Сила спустилась к Ней и стала ещё интенсивнее, она циркулировала, двигалась, ей можно было управлять. Потом Она увидела, что и с другими происходит то же самое, только с другой интенсивностью - сила двигалась, приходила, уходила, а всё не то жило в ней, не то приводилось ею в движение. Так откуда же стены? Мирра наблюдала, и это зрелище было куда интереснее цирка, куда брал Её отец, или болтовни с подружками. Однако Матильда (кто бы говорил!) однажды взорвалась: <Ты - чудовище, у тебя нет чувств!> Что до чувств, то Она находила их столь же стереотипными и грубыми, сколь и стены; Она полагала, что это ещё один способ строительства стен вокруг себя. Поэтому Мирра промолчала. Она вглядывалась - <Мирра молчаливая> - и люди вокруг считали это невыносимым, поскольку наиболее невыносимо то, что отличается от вас: это не сожрать, вот люди и царапаются, и лягаются - они хотят силой взять то, что уходит от них, и это всего-навсего обратная сторона <добрых чувств>, в отсутствии которых они упрекают вас: <Агрессивны даже добрые порывы, даже привязанность, даже влюблённость и прочие нежные чувства - все они похожи на удар палкой>. Вот так. Мирра неустанно разглядывала мир, чтобы понять его <по-своему>. Она замечала, что всё, исходящее от людей, а иногда даже и от предметов, на разных уровнях затрагивало её, точнее то <нечто>, которое воспринимало движение (мысли, чувства, слова, даже молчание - даже <тишина> человеческого присутствия) и отзывалось. Дело тут не только в разных уровнях; даже то, что дрожало, было разным. Мирра открывала таким образом вибрации и тщательно, как химик в лаборатории следит за реакциями, измеряет валентность элементов, изучала их. Невольно Она обнаружила знаменитые <центры сознания> или чакры, о которых часто повествует

индийская литература. И всё же, всё составляло лишь разновидность единого Движения, и <сила>, то витавшая над Ней, то живущая в Ней, в людях и вещах вокруг, была его частью. Она циркулировала, а Мирра воспринимала её с удивлением и интересом; стенки же казались... такими странными. Однажды родители повели девочку посмотреть на умершего родственника (Матильда, верно, хотела вселить в дочь свой собственный стоический дух). <Первый мертвец> не заинтересовал Мирру, и не вызвал в ней никаких особенных чувств, и всё же ни с того, ни с сего на глаза навернулись слёзы, горло сжалось - Ей хотелось плакать, будто Она была охвачена величайшим горем. Это происшествие удивило её, <и вдруг я поняла: как, их скорбь вошла в меня?!> Это циркулирует, движется, входит, выходит, переходит от человека к человеку, и всё едино - мы, по Её словам, подобны <базарной площади. Вибрации перемещаются в едином и абсолютно однородном поле. Только их сложность и взаимовлияние создают впечатление их независимости. Нет ничего независимого и отдельного: есть только одно вещество, одна сила, одно сознание, - одна воля идёт по бесконечным путям бытия>.

Мирре совсем не нравилось уподобляться базарной площади и предаваться чужому горю или гневу Маттео, Её брата: <До чего серьёзный мальчик, до чего прилежный - это даже пугало! А при этом очень сильный характер, сильная воля, да и было в нём что-то интересное (когда он готовился к поступлению в Политехническую школу, я готовилась вместе с ним, потому что меня это занимало). Мы были очень близки (разница в возрасте составляла всего восемнадцать месяцев), а его жестокость при потрясающей силе воли привела к тому, что он трижды едва не убил меня. На третий раз мать сказала: "В следующий раз ты точно убьёшь ее," - и он решил, что это больше не повторится - вот и не повторилось>. Что и говорить, энергичные люди были в этой семье. Однако, когда Маттео охватывал гнев, Она чувствовала дрожь в центре нижней части живота: таких центров было множество и они походили на узлы дрожи или вибраций; они получали извне или сами испускали более или менее сильную, в зависимости от уровней, дрожь. Иногда (но это относилось к самым высоким узлам) дрожь бывала приятной. Она хорошо изучила это явление - вместо того, чтобы улавливать чужую вибрацию и, вслед за братом, впадать в гнев, проще было отключить ток. В волевом усилии (так делал Маттео) никакой нужды не было: ток просто отключался. Больше он не проходил. Так Она открыла <заразность> вибраций: <Все вибрации заразные - а сколько их! - Пляска вибраций>. Но Ей-то не хотелось подхватывать симпатическую (или антипатическую) болезнь соседа - Мирра хотела быть хозяйкой в своем собственном доме, а не поплавком в море. <Нужно точно и с научной достоверностью изучить все свойства вибраций. Когда вы подходите к этому с научной точки зрения, - говорила Она, - вы уже не поплавок, который волны мотают то в одну сторону, то в другую. В Природе (О, Природа, - вот уж кто любит позабавиться с людьми! Боже, когда видишь это, то одного зрелища хватает, чтобы стать бунтовщиком. Не понимаю, как это люди до сих пор терпят), идет волна желаний, и люди, как стадо баранов, несутся по воле своих

желаний; идет волна насилия, и все неистовствуют, как то же самое стадо баранов, и так всегда, во всём. Злость! Природа щёлкнет пальцами, и все не помнят себя от ярости. Стоит ей из прихоти махнуть рукой - и толпы людей следуют за ней>.

Мирре было мало просто отключить ток. Она обнаружила, что им можно управлять. Вместо того, чтобы копить его в голове - в результате начинается, как она говорила, <брожение разума> - ток можно отводить на любые другие уровни и даже проецировать вовне, на людей или на события, причем не без последствий; на уровне сердца или ещё глубже он становился приятным и широким, обретая ритм <огромных крыльев>. Это <чистый> ток, <чистый> поток, Шакти сама по себе. Мирре совершенно не нравились человеческие краски, подмешанные в этот поток, всё замутнялось так, что ничего не разберёшь: так камень разбивает гладь пруда. Нужно быть спокойным и чистым, чтобы Шакти шла без деформаций. Мирре нужен был чистый поток - так гораздо приятнее: человек танцует, он становится легче. Она хорошо изучила путь Шакти и увидела, что, в зависимости от уровня, Шакти облачалась то в чувства, то в мысли, то в желания - она тяжелела, угасала, принимала любой возможный цвет, но уже не была просто цветом, и мир оттого как бы обесцвечивался; поток становился серым и плотным - то есть, мутным. Мыслей становилось больше, он тяжелел, усложнялся, и вдруг пух! Она дунула на него, и он стал как зеркало - чистым, ясным и прозрачным. Мир становился удивительно простым. В этой необыкновенной простоте всё как по мановению волшебной палочки становилось на свои места. Если была нужда в знании, то Поток говорил всё, что нужно: он ронял капельки слов - <Дождик белого цвета будто бы растил слова, будто бы поливал их - так приходили слова. Они пускались в пляс, начиналось что-то вроде кадрили, и когда кадрили складывалась, фраза становилась ясной. Это чудесно, Правда, чудесно - будто игра блуждающих огоньков: они появляются то тут, то там, танцуют, переплетаются - просто чудо!> А если есть нужда сделать что-нибудь, то он помогает, и об этом даже не надо думать - он толкнёт здесь, потянет там, он оттолкнёт тех, с кем не к чему встречаться, или, наоборот, притянет - он притягивает даже обстоятельства. Всё образуется совсем по-другому: это другой образ существования, или другой ритм - почти что чудо (но мы не знаем, почему говорим <почти>). Это и есть чудо, только такое естественное, что мы не говорим о нём и почти даже не замечаем его (за исключением разве что Мирры - Она-то всегда видела это своими огромными серыми глазами, которые иногда приобретали изумрудный, или чёрный, или небесно-голубой оттенок - странные глаза, они меняли цвет, сообразно... может быть, с дождиком света или с уровнем, с которого Она смотрела), мы не замечаем несуетных чудес. В общем, суета идет от ума, и <чудеса> нужны тоже ему, ибо простое чудо, в котором он живёт, начисто скрыто от него. Вот он и изобретает машины - он хочет заменить воздух, которым он дышит. Впрочем, дышать ему тяжело, он едва не задыхается, однако, кажется, что именно удушье даёт ему

ощущение жизни. Станный мир. Мирра охотно соглашалась с этой точкой зрения.

Тщательное изучение мира не ограничивалось ни для Неё, ни для других только осязательным зрением вибраций (так Она сама позже назовет это явление, поскольку здесь речь идёт об осязании и зрении, расположенном не в глазах, а во всём теле сразу; в клетках словно мерцают тысячи маленьких глаз, и мы полагаем, человеческие глаза являются просто-напросто, так сказать, эволюционной условностью, а на самом деле видеть можно повсюду, на всех многоцветных уровнях, по примеру вечно изменчивых глаз Матери; только лень заставила нас заикнуться на внешних глазах - мы ведь вообще имеем обыкновение на чём-нибудь заикаться, а затем торжественно объявлять: <Это закон>, - это и правда закон, но только нашей собственной лени). Она наблюдала за всем; для Неё не было ничего неживого. Она молча прогуливалась по Тюильрийскому саду, по Булонскому лесу, по Зоологическому саду, держась за руку огромного турка, и повсюду видела один и тот же Поток - он тёк сквозь каждую вещь и перекидывал мост между Ней и миром, а если Её взгляд надолго и безмолвно (любая мысль мучила всё) задерживался на цветке, дереве, питоне в Зоологическом саду, Она довольно скоро ощущала ответ, связь, обмен - что-то вздрагивало на том или ином уровне; наверное, это похоже на язык без слов, или, скорее, на запах, несущий смысл, будто он тоже был языком; на самом деле, всё является языком: формы, движения, цвета - всё говорит, только мы забыли это наречие! Это всеобщий язык, ибо, в действительности, есть только он - язык Сознания. Когда мы забываем его, мы начинаем громоздить Вавилонские башни. Целая гамма вызывала у Неё интерес: <Различия вибраций напоминают различия во вкусе. Сами по себе вибрации суть только вибрации, но отличаются друг от друга, как различаются цвета, или вкус, или интенсивность, или даже сила - конечно, это качественные различия, забывать о них нельзя... Не знаю, как это различие называется по-научному, но оно есть. Это только ощущение, но... у некоторых вибраций пики сглажены. Некоторые идут горизонтально, другие - вертикально. А иные... будто рассматриваешь их через мощнейший микроскоп. Одни сглаженные, другие острые, одни темнее, другие светлее. Некоторые беспокоят тело, а иные даже кажутся опасными. Настоящая химия вибраций>, - вскоре скажет Она.

Но особенно Её интересовали цветы (и кошки, но в ином аспекте). Она чувствовала, что в цветах сила течёт по-особому, там она чиста, а кроме того у цветов было особое качество вибраций - как-никак, говорящий запах, - и они раскрывали Ей свой смысл и воздействовали на клетки Её тела: <Запах очищения, - говорила Она о маленьком жёлтом цветке с круглыми лепестками, похожем на маргаритку, - однажды с помощью него я вылечилась от насморка>. Позже Она даст имена сотням цветов, отмечая качества вибраций, которые они пробуждали в ней: <О! Преданность!> - воскликнула Она однажды, уже в Индии, взяв в руки веточку базилика... Он дрожит, он что-то

означает - всё означает что-то. <Нежность>, <Вдохновение>, <Новое творение>, <Зов радости>, <Супраментальное солнце>, <Пламя>, <Свет в клетках>, <Трансформация>, <Божественное сознание материи>, <Благодать>, <Прозрачность> и так далее. А маленький жёлтый, похожий на маргаритку цветок Она назвала <Простотой>, <Вибрации в Природе сознательны. Цвет, запах, форма - всё непосредственно выражает истинное движение>. Великий лес Матери полон неожиданных запахов. <Одни запахи дают вам облегчение, будто раскрывают новые горизонты - они облегчают вас, дают радость, - а другие раздражают (я научилась не чувствовать их); что до отвратительных запахов, то я их чувствую только тогда, когда желаю этого - например, мне надо что-то узнать...>, К несчастью, запах есть и у людей - <психологический запах> говорила Мать: <Когда люди приближаются ко мне, я чувствую их психологическое состояние; дело тут в запахе - это очень специфические ароматы, целая гамма>, Человеческие существа пахнут, вероятно, не так приятно, как цветы, но причина этого, скорее всего, в том, что они забыли, в чём суть аромата любого существа - его настоящего цвета, его чистой вибрации - внутренний звук, как бы музыка сверчков или мангустов, или же никакой музыки вообще. Это наше природное имя. Один ребёнок спросил у Матери, почему цветок отражает определённый цвет спектра и оттого кажется красным, голубым, жёлтым или белым, отбрасывая все остальные, и Она ответила: <Ученые скажут, что дело в расположении атомов, но я скажу, что дело - в природе дыхания цветка>. Это настоящее дыхание мира. Дыхание - это ритм истины, чистое течение великой Шакти, запах всех запахов, настоящий цвет вещей, смысл, всему дающий смысл.

Великий материнский язык мира.

Великое тело

Уже можно представить себе, насколько исключительными и необыкновенными были опыты маленькой Мирры, и действительно, острота восприятия вибраций с годами выросла до удивительных масштабов, как это показывает история, рассказанная нам Матерью в один ноябрьский вечер в 1964 году: <С самого раннего детства я была очень чувствительна к составу воздуха. Так сказать, каждый "воздух" имеет свой вкус, цвет, качество, и я настолько хорошо запомнила их, что иногда говорила: "Смотри-ка, воздух той местности (я же была ребенком) или того места донёсся сюда". Восприятие было очень острым; например, если я переезжала из одного места в другое, то перемена воздуха могла вылечить болезнь. Вот так... Скажем, несколько дней назад я сказала себе - окружающим я, конечно, ничего не говорила, - "В воздухе что-то появилось", - знаешь, что-то неприятное, вредное, и я

чувствовала его запах, очень тонкий, не физический, оно обладало силой отделять ментальные вибрации от физических... словом, очень вредный элемент. Я тут же принялась за работу, всю ночь я пыталась противостоять ему. Я подбирала высшие вибрации, ища среди них ту, что сумеет победить, и в конце концов очистила атмосферу. Но воспоминание осталось - очень чёткое воспоминание. А совсем недавно мне сказали, что китайцы взорвали на севере Индии атомную бомбу. Когда я услышала об этом, то моментально вспомнила "запах">. В этой микроскопической точности нет ничего удивительного, на самом деле это вполне естественный опыт для всех... кроме рода человеческого.

Она читала великую Книгу вселенной, полную растений, белок и толстых питонов, и вглядывалась в её страницы, или, скорее, спокойно (Она ведь ничего не боялась) испытывала (в этот, наверное, миг Её глаза становились изумрудно-зелёными); Она двигалась в соответствии с ритмическим законом, направлявшим Её прямо к тому, что было Ей необходимо, к желанной встрече, нужному опыту, к тысячам путей великого Потока, опустившего Её на гравий в лесу Фонтенбло - <Ты знаешь, что такое французский гравий?> - без единой царапины с высоты в десять футов. Она жила с великой Шакти, плыла в её безраздельном Единстве. Об <инстинкте> говорят только оттого, что мы в совершенстве изучили искусство придумывать красивые слова для всего непонятного, подобно колдуну, изгоняющему (лучше на греко-латинском наречии) все эти злые неприятные штучки, никак не уместяющиеся в наши неритмические законы, однако, как только мы обретём этот самый инстинкт и вспомним отца отцов, родившего сына сыновей, в конце концов, мы окажемся в великой изначальной Целостности, где существа ещё не стали людьми, и не заросли новыми корками, и свободно двигаются среди высоких папоротников и блуждающих звёзд, и одним единым телом идут прямо к своей цели. Можно только спросить - и это единственный уместный вопрос - отчего Природа, всегда отлично знающая, что она делает и никогда не упускающая случая расширить границы своего королевства, - отчего Природа вырастила эти вот экраны - первый мозг, второй, третий, прямо как взрыв - всё более тонкие, сжатые, упакованные один в другом, покрывающие наши рептильные восприятия (мезэнцефалические, если нам нравится греко-латинское наречие) - затем мозг <двигательной системы>, и наконец наш мозг с долями и дольками, который почти как раковая опухоль покрывает всё и делает из нас homo sapiens - ценой отрыва от всего, ибо <sapiens> осознает только свое собственное горе в своей собственной клетке, хотя он и располагает целой грудой приспособлений, заменяющих то, чего уже не увидишь, не потрогаешь и не узнаешь <инстинктивно>? Мы не знаем мира, нам знаком только его перевод на мозговой язык. Никакая это не <дихотомия>, это полнейший и окончательный отрыв от великого Земного Тела - вот вся наша боль и вся наша нищета. Возможно, Природа поставила этот вопрос потому, что мы должны ответить только на него, будто она создает <все препятствия для того, чтобы достичь большего совершенства>. А может быть, её мир был слишком широк

для населявших его стад бизонов и колоний простейших, перемешанных в великом тёмном Телe и слепо следовавших Закону сообразно с основами коммунизма, куда более древнего, чем наш; может быть, дугу пришлось разделить на маленькие, изолированные секторы, чтобы скрыть слишком великую необъятность, слишком широкий вид, чтобы умерить слишком, возможно, яркий свет, и создать индивидуумов, которые считали бы себя отдельными единствами и постигали бы себя, исходя из собственных границ. Но когда кривая со всеми своими ответвлениями, ставящими множество вопросов, и создающими множество проблем, и всё больше и больше отделённых друг от друга, ломающих себе головы и перепуганных индивидуумов, когда эта кривая была вычерчена, когда мы узнали, что ничего не знаем и ни на что не способны, но при этом мы составляем один индивидуум, а он богаче всех наших горестей и всех наших вопросов, которые в конце концов зажигают странный огонь в несуществующей лампе, вроде бы пробивающийся наугад даже сквозь старые стены и слепо пробивающийся к великому огню, подобному ему самому, и понимающий без слов, и стремящийся - к большему пространству, к большей истине, большему свету и зрению, - тогда, возможно, на долгом эволюционном пути начнется этап, когда Поток пройдёт сквозь другие, не столь ограниченные, центры и разобьёт преграды, выйдет из ментальной куколки, которой Мать Природа защитила нас от преждевременного рождения, и вернётся в великое Тело, но ни мистически, ни космически, ни демократически не потеряет при этом ничтожную точку индивидуальности, воздвигнутую ценой величайшей муки, ибо в том, наверное, и состоит великий эволюционный проект, будущее супраментальное <человечество>, возведённое Матерью и Шри Ауробиндо, чтобы новое существо <обладало как сознанием точки, так и сознанием целого>.

Причем обладало на физическом, клеточном уровне.

Человек должен сознавать целое.

Каждый человек должен сознавать целое.

<Дело не только в простом разрушении иллюзорной раковины индивидуальности в Бесконечном, - писал Шри Ауробиндо, - Быть, причём быть сполна - вот цель, которую Природа преследует в нас... а быть сполна означает быть всем сущим>.

Тогда высохнут все наши слёзы, страдания возместятся широкой улыбкой, невидящие глаза вспыхнут тысячами видимых и невидимых цветов, изгнанных до времени нами, и бесподобным Цветом; мы постигнем Закон ритма, бьющегося во всём, тихую музыку в глубине, везде узнающую себя же саму, единую вибрацию, которая есть мы сами, и которая каждый миг без преград и окольных путей проходит повсюду - сквозь все времена, пространства, города, моря и леса великой Шакти к своей цели - радости.

КРЫЛЬЯ И ПОЛЁТЫ ШАКТИ

На самом деле, строгая семья Мирры оказалась прекрасной естественной почвой: подражать было нечему, за исключением вкуса к Материи вместе со всем, что мог посеять ветер, если только семена не дремали уже в самой почве, но откуда тогда они взялись? Загадочен этот ветер, да и дул он не с Урала, а из краев куда более далеких, не говоря уж о хромосомах; почему только было избрано именно это поле, лежащее между канарейками Большого Турка и теоремами Матильды? Более того, всякую там математику любила и Она, подросшая уже маленькая Мирра: <Ну да! Я понимала, что смысл в этом есть!>

Другая гравитация

Однако, на этой дикой земле происходили события, имевшие весьма слабое отношение к математике и плохо совместимые с законами Ньютона, - Мать никогда не любила законов, ни моральных, ни физических, за что её часто упрекали: <Конечно, это против правил! - воскликнула Она как-то раз в присутствии некоего лица, весьма этим потрясённого. - Всё, что я делаю - против правил, так уж у меня заведено! Иначе зачем я здесь? Правила могли бы продолжать свое правление!> Мы уже упоминали о происшествии в лесу Фонтенбло, когда Она, убегая куда глаза глядят от подружек, сначала выскочила на обрыв, а затем оказалась на дороге, покрытой гравием - Мирра не смогла удержаться наверху и упала: <Раз! И я полетела. Мне было лет десять, может быть, одиннадцать, словом, ни о каких там чудесах я и не думала - просто полетела и всё. Я чувствовала, как что-то поддерживает меня, несёт и буквально опускает на землю. На камни>. Эту историю можно связать с чем угодно, но интереснее всего в ней следующее замечание Мирры: <Представляешь, я не видела в этом ничего сверхъестественного! Ни царапинки, ни пылинки, я цела и невредима. Я падала медленно-медленно. Когда люди сбежались, чтобы посмотреть, что произошло, я сказала: "Всё в порядке! Со мной ничего не случилось">. Вот именно, <ничего>, никакой мысли - в том-то и дело, что мыслей не было; задумайся Она хоть на секунду, и Её нос был бы расквашен, а то и похуже. Откуда же берётся это самое <похуже>? Не думайте о нём, и оно минует вас. Читайте, что всё идет

нормальным порядком, и вас, в полном соответствии с ним, что-то поддержит в воздухе. Это просто. Сама простота. Может быть, гравитация существует только в наших головах? Или, может быть, существует и другая гравитация?

Однажды Мать со своей обычной простотой сказала мне: <Я не знала правил, поэтому мне даже не приходилось с ними бороться!>

Другой случай (вообще-то их было множество) произошёл в большой гостиной на площади Руль. Она была весьма вычурна и довольно скучна, но только не тогда, когда там бывала Мирра - Она ничего не говорила, никогда не говорила, непокорная молчальница: Она делала. <Вот сейчас увидите, как надо танцевать>, - подружки встали в круг, столики в стиле Людовика XV (или Людовика XVIII, какая разница) были отодвинуты, и... - <Я отошла в угол, чтобы у меня было больше места, и сказала подружкам: "С одного прыжка я окажусь в центре комнаты", - и прыгнула (а в длину в гостиной было больше десяти метров)! Я даже не заметила своего прыжка - я будто танцевала на носочках, и приземлилась я на носки, прыгнула ещё раз и оказалась в противоположном углу гостиной, а это не под силу даже чемпиону... Я даже не бежала, просто стояла в углу, а потом хоп! (я сказала себе <хоп!>, но, конечно, не вслух) и фпрр! - опустилась на цыпочки, опять прыгнула и приземлилась в другом углу. Ясное дело, меня перенесли>. Мирра добавила: <Таких историй случалось сколько угодно, и я не находила в них ничего особенного: мне не казалось, что я совершаю чудо - всё было в порядке вещей>. Подумай Она, что это чудо, <чуда> бы не было, и Она растянулась бы посреди гостиной. Быть может, чудесное мы изобретаем как некую неправдоподобную ложь для нашей машины истины - или эта машина оказывается <чудесной> в универсуме без сучков и задоринок, хотя бы и ньютоновских? Мать замечает: <В тот момент душа была живой как никогда [для этого совершенно естественного явления у Неё, вероятно, даже не было имени, но найди Она имя, душа ринулась бы прочь с быстротой лани из леса Фонтенбло, обычно сопровождавшей Её на прогулках], она всеми силами сопротивлялась вторжению материальной логики мира - мне-то это происшествие казалось совершенно естественным. Я просто сказала себе: <Нет, никаких несчастных случаев>. Иногда задумаешься поневоле, уж не происходят ли все несчастные случаи только в нашей голове? Мы хотим проследить именно <другой путь>. Интересны-то, в конце концов, не банальные истории, а зерно, которое Они содержат; правда - семьдесят пять лет спустя, вспоминая о своих воздушных и танцевальных подвигах, Мать заметила странную связь между загадочной не-гравитацией и неким внутренним центром около сердца (тогда Она уже вполне ясно ощущала его), он создавал <гармоничное волновое движение, подобное взмахам крыльев>, но к этому самому центру Она тянула Шакти, желая отринуть от себя приступы гнева Маттео или упреки Матильды: <та же самая вибрация>. Возможно, существует некий тип вибрации, неподвластный ни Ньютону, ни нашим законам.

Надо изучить закон <широких крыльев>.

Прежде всего скажем, однако, что дело не столько в том, чтобы научиться летать, сколько в том, чтобы избавиться от удушающей машины, скрывающей от нас более реальную жизнь. Где реальность, где? Где реальная жизнь, где настоящая жизнь? Вот этот вопрос и возник перед двенадцатилетней Миррой, внезапный, как революция: <Я была совсем маленькой, а мне рассказывали, что всё есть <атомы> (так выражались в то время). Мне говорят: "Видишь стол? Ты думаешь, что это стол, что он твёрдый, что он сделан из дерева, но на самом деле это только движение атомов". Помнится, когда я впервые услышала об этом, в голове у меня всё перевернулось и появилось ощущение, что весь мир нереален. Я мигом ответила: "Если это так, то ничего истинного нет!"> Это был первый решительный эксперимент Матери. Здесь и открылась первая настоящая страница её жизни и началась охота на лживые видимости, которая продлится более восьмидесяти лет. Глобальное переосмысление не метафизики, не мистики, но предельно материальных вопросов. Какова материальная реальность земли? Настоящей земли?

Что истинно? Атомы, стол, или ковёр-самолёт Али-Бабы?.. Может быть, истинно всё - и атомы, и стол, и ковёр-самолёт, - плюс ещё что-то, что скрепляет их в одном и том же всеобъемлющем зрении - мы ещё можем прийти к нему, когда нам достанет разделяющей работы разума? Нужно найти <другой способ>. Нужно видеть вместе с Миррой. Что за другой способ? Пока и не скажешь. По пути мы, может быть, узнаем, и весь мир окажется изменённым - кто может поручиться? - это чудо куда грандиознее яблока Ньютона, прославившегося своей удручающей привычкой падать на голову. А может быть, изменение ждёт лишь старую привычку, зашитую в новой коре нашего мозга - может быть, если только не придётся спуститься до самых клеток и покончить с их памятью, злобной и злопамятной, сбросившей нас в пропасть. Да почему же пропасть; Мать Природа, как мы знаем, не делает ненужных поворотов, и любая её бездна скрывает тайную и пока незавершённую вершину. Но мы забегаем вперёд.

Другая история

Не только время, но и пространство легко вело себя с Миррой. Ну да, всё легко и прозрачно, когда легки мы сами, и зачем нам пытаться улучшать мир, если очистить надо только самый первый мир? Мы маршируем как оловянные солдатики во внешнем мире, а внутри течёт великая история мира - единственная нить, соединяющая все на свете истории. Вот она, нить, но куда уж нам, поглощённым своими неразрешимыми проблемами (на самом деле все

они проистекают только из нашего ложного зрения), принять ее всерьёз?! Маленькую Мирру отдали в школу: <Моя мать полагала, что не пристало девочке ходить в лицей!> - в <Школу Фельянов>, кажется, и там Она, как и все, старательно изучала поддельный мир географических карт, атомов и <великих эпох> - в конце концов мы обычно узнаём, что не такие уж они и великие, эти эпохи, а об атомах нельзя даже сказать с уверенностью, что они не оказываются маской для чего-нибудь другого, под чем скрывается ещё что-то - но где же Вещь? Конечно, мы строим цепочки истин; пока они тянутся, по непогрешимости они не уступают ни Папе Римскому, ни Сорбонне, но вот мы идём дальше, и новые истины оказываются столь же непоколебимыми, пока не проходит и их время, а в ожидании этого момента мы покрываемся ржавчиной от кончика носа до костного мозга, - вот они, наука и история для всех, но только не для Мирры. Её так просто не обманешь. А История представлялась для Неё в виде странных, невинных картинок: <Я читала, а книга ни с того, ни с сего становилась как бы прозрачной, и слова тоже - я видела либо другие слова, либо образы>. История ожила. Она пустилась в пляс и рассказывала не совсем то, о чём говорила типографская краска страниц. Только не думайте, что Мать присутствовала при <феномене> (откуда нам знать, где он случается, и что он такое?). Она-то находила это столь же естественным, как понимать зверей, чувствовать то же, что и цветы, или летать над дорогами: <Понятия не имею, что со мной происходило, всё казалось настолько нормальным, что я полагала, будто все переживают то же самое. Я была в большой дружбе со своим братом и сообщила ему: "Понимаешь, История - это сплошные глупости: книги говорят, что дело было так, а на самом деле всё обстояло иначе!" Я не раз делала предельно точные поправки>.

Да и не только книги; для Неё прозрачны были и животные, и вообще всё: в любой местности и прошлое и настоящее как бы сосуществовали одновременно, а может быть, к ним добавлялось ещё и будущее. Если бы мы всматривались в него, оно, наверное, пришло бы быстрее, проломило бы тонкую корку настоящего, не более толстую, чем страницу учебника истории, и вспыхнуло бы солнечными лучами. Ночью Она отправилась со своими подружками в Версаль: <парк озарился огнями (то есть, электрический свет погас), самыми разными огнями - фонари, переносные лампы... По аллеям гуляли люди в костюмах эпохи Людовика XIV! Я смотрела во все глаза и держалась за парапет, чтобы не упасть, ведь я даже не могла поручиться за то, что это - я! Я смотрела на людей и вдруг увидела саму себя: я беседовала с двумя братьями-скульпторами... [Мать тщетно пытается вспомнить их имена] Значит, там я кем-то была (не помню уже, кем точно)... В ту ночь в Версале были самые разные люди, и среди них - я>.

Кем было это <я>?.. Даже для Мирры этот вопрос оказался сложным, но не тупиковым - просто предмет <следовало изучить> до мельчайших подробностей. Для Неё мир не был жёсткой, линейно разворачивающейся, данностью - куда ни посмотри, всюду впадины, ухабы, бездны и неожиданные

трясины - <очень интересно>. Странные <я>, одетые во всевозможные костюмы, дождём падали на Неё, да и с обычными предметами дело обстояло не так просто - они не желали оставаться в каменных или кристаллических клетках, они оживали и принимались за свои истории, только без слов, ибо слова созданы для учёных людей, которые так хорошо знают мир, что давно упрятали его в словарь; нет, вещи рассказывали свои истории наподобие обезьяны, хризантемы или питона, на языке камней, прекрасно знающих, что такое движение (тут ученые согласны с нами), только не атомов, а сознания, которое оказывается сознанием всего мира, ибо оно одно, а пальчики, глядящие сегодня аметист или драгоценности древнего Египта, в своих клетках хранят ту самую память о старом друге, что и камни в своих атомах (предметы ведь тоже имеют воспоминания, даже дома и места). У нас много старых друзей, может быть, весь мир - наш старинный приятель, только мы забыли язык встреч. Она ходила в Лувр, в музей Гиме, и <нашла там вещи, которыми пользовалась во время оно. Позже я распутала этот клубок>. А в музее Гиме мумия мигом поведала Ей свою историю: <Мой первый контакт случился в восемь или десять лет в музее Гиме. Там были две мумии: от одной уже ничего не осталось, но вторая сохранила настолько ясный "дух формы", что человек мог вступить с ней в сознательный контакт>... Мать простодушно добавила: <Ты понимаешь, когда толпа идиотов подходит к тебе, смотрит на тебя круглыми глазами, ничего не понимает и говорит: "Он похож на то, он похож на это", - приятного тут мало>. Вот так. Однако даже мумия может иногда встретить собеседника, способного понять её.

Если бы Матери сообщили о <реинкарнации>, то вполне вероятно, что пришла бы Её очередь делать круглые глаза, однако сейчас мы находимся в веке Тэна и Ренана, причём с одной стороны стоит Матильда, а с другой - её супруг-банкир. Но в возрасте Мирры ничего удивительного в этом случае не было, просто Природа решила вести себя немного иначе, но это не более диковинно, чем дамы, гуляющие с раскрытыми зонтиками у собора Сен-Филипп дю Руль в воскресный вечер. В любом случае, Она, слава Богу, не имела ни малейшего желания рассказывать о своих переживаниях окружающим: <Моя мать свято соблюдала табу: к этому даже подступаться нельзя, иначе сойдёшь с ума!> Таким образом, Её опыты могли разворачиваться свободно, без помех и критики, подобно причудливой петунии в здравомыслящих позитивистских клумбах XIX столетия. По примеру Матильды можно говорить о умственном расстройстве или болезненном воображении, но Мать ответит: <Ну и что? Лишь бы ваше воображение толкало вас вперёд!> Она никогда не утверждала, что человек должен <верить> - хоть в Бога, хоть в дьявола, - просто каждый должен иметь свой собственный опыт: <Это мой опыт>, - говорила Она, вот и всё. <Цель ОДНА; она находится за вершинами, но к вершине каждый может прийти своим путём и покорить свою, а не чужую, гору>.

Заметим, что Она сказала <за вершинами>, Она, вскормленная точными науками; что-то здесь звучит странновато, как и <за могилами> Миры

Исмалун. Одно, наверное, лишь изнанка другого, либо... его обязательное дополнение.

Однако гора маленькой Мирры заслуживает взгляда, ибо он может хоть немного осветить причудливые галереи наших кротовых ходов, выходящих на поверхность то здесь, то там, то в XIX, то в XX веке, то на полях Франции, то в Патагонии, - внезапно, неизвестно отчего, как лучик, и выносящих на свет странные костюмы и целую грудку старья, или влечений; мы чувствуем, что они возникли не здесь, а где-то далеко, но вот где именно, как? - ведь мы-то здесь, во внешнем мире, стоим, как забывчивые путешественники среди тысяч затоптанных следов, рядом с историей, которая, быть может, ещё не началась здесь и не закончилась.

Преследуемые самостью, что нам уже не вспомнить,

Подгоняемые Духом, которым мы ещё не стали,

Мы несём боль в уже не дышащей груди.* *Савитри

Опыт продолжается всегда и всюду - хаотические, неожиданные переживания приходят сами собой, где угодно: перед портретом Клуэ в замке в Блуа или над страницами словаря. <Это случилось в Блуа. Мы ходили по музею, и вдруг я остановилась перед портретом... Подожди, кто же это был? Куэ... Нет, Клуэ! Принцесса Клуэ... одна из принцесс. Я начала размышлять вслух: "Да что же это такое! Что этот тип из меня сделал! Кто учил его рисовать?! Смотрите, здесь вот так, а надо так!" Детали. А потом до меня дошло (мне не удалось сохранить ясность сознания), что вокруг столпились зеваки. Тогда я пришла в себя. Но всё равно, на портрете была я! Это был МОЙ портрет!> Надо сказать, у Матери было много корней. Просто счастье, что Она родилась не в Китае, иначе нам бы пришлось далеко забираться. Хотя, кто знает? Мы говорим только об этой планете и вот этом маленьком небе, вззирающем сверху на человеческий путь, но ведь готовило его множество других планет, и мы не узнаем уже их, ибо иные исчезли, а иные вечно скитаются как перекасти-поле по безбрежным межзвёздным полям. Мы вспоминаем слова Шри Ауробиндо: <Опыт человеческой жизни на Земле разворачивается сегодня не впервые. Он начинался уже миллионы раз, и ещё миллионы раз повторится бесконечная драма. Что бы мы ни делали - будь то грёзы, открытия, мимолётные или кропотливые свершения, - бессознательно мы используем опыт бесчисленных предшественников, а наш труд семенем падет в почву неизвестных нам планет и несотворённых ещё миров>.

Только вот этот мир здесь и нам хотелось бы, чтобы наш труд пал семенем в его почву, а ещё хотелось бы лучше понять, как он работает, то есть лучше жить, ибо в конце концов речь всегда идет только об этом... что же до теорий, то лучше бы им никогда не выходить из библиотеки. Можно ещё раз

вспомнить о переживаниях Мирры. Их были сотни, но мы коснёмся того, которое случилось в Италии, когда Она, в возрасте пятнадцати лет, путешествовала там с матерью. <Я была потрясена, но это и правда потрясающе. Я вспомнила, как меня задушили в тюрьме дожей!.. В сопровождении гида мы с моей матерью и ещё несколькими путешественниками осматривали Палаццо Дукале. Гид провел нас в подземелье, где находилась тюрьма, Он начал рассказывать какую-то историю - меня она не занимала, - и вдруг какая-то сила овладела мной, я оказалась в углу и увидела слово на стене. Тут же передо мной развернулась картина: слово написала я сама (я видела это, моими собственными глазами; надпись осталась, а гид сказал, что стены никто не трогал с тех пор, как там находились заключённые), а потом я увидела, или почувствовала, как входят какие-то люди, хватают меня (я уверена, что в камере находился ещё один узник), стражники схватили меня за горло, связали (рядом стояли люди и слушали гида, а в стене было прорублено окошко на канал), и мне показалось, будто меня подняли в воздух и вышвырнули в окно... Понимаешь, мне ведь было всего пятнадцать лет! Я сказала матери: "Лучше уйти отсюда!"> Она рассмеялась. Боже, нам и не рассказать, что такое смех Матери, как она шутила надо всем с озорством, похожим на юмор Шри Ауробиндо.

Растущий взгляд

Да и не в том вопрос, чтобы выяснить, каким ветром занесло на это поле или в эти столь необычные хромосомы крылатое зёрнышко Матери - в общем, тут ещё есть, над чем подумать, - вопрос даже не в желании выяснить <тайную генеалогию> Мирры: Она бы смеялась над подобными попытками ещё больше, чем над пингвинами в первых фильмах. Какая разница в конце концов, кем Она была - задушенной в подземелье дочерью дожа, принцессой Наваррской, или русской или китайской императрицей, - неужели весь смысл тяжёлого человеческого пути только в том и состоит, чтобы на свет появлялись всё более и более важные, титулованные и властительные персоны? В результате в таком мире остались бы одни фараоны да султаны, словно нам и без того мало тиранов. Даже не в изобилии утончённых гениев, сверх-Гёте и сверх-Бетховенов цель, - в противном случае в мире было бы столько литературы и музыки, что они бы набили нам оскмину и пресытили нас, - и разве бесконечное восхождение человека из боли, хаоса и раздора есть только бесконечное повторение одной и той же песни, только всё более громко, всё более оглушающе? Где то, ради чего поют все певцы, ради чего человеческое войско лепит, пишет стихи, завоёвывает мир? Где королевство, ещё не узнавшее захватчиков, нота, покрывающая своим звучанием всё на свете, оттенок, которого не сыщешь ни на одном полотне во всех галереях мира? Они

говорят, что завтра будет всё, только завтра никогда не приходит, а где единственное действующее лицо, скрытое за фигурами всех актеров? Нас всё больше и больше, раскрашенных и разодетых, на большой дороге человечества, а внутри как будто никого и нет.

Перед лавиной <я>, отовсюду рушившейся под спокойным взглядом маленькой Мирры, разумнее было бы задуматься не над тем, кем они являются - все мы жили тысячи раз, - а над тем, отчего случилось так, что тысячи жизней, имён и мук, познанных нами в белой или чёрной коже, не были поглощены, подобно всем остальным, рекой забвения. Почему они остались, почему так получилось с Миррой и ещё с несколькими избранными? Отчего они ещё живут и, возможно, будут жить вечно? Что привязало слабую неуничтожимую вибрацию к определённому действию и определённому моменту, к камню в нашей руке, ничем не примечательному уголку, парку вечером и тысячу раз пережитой тщете? Жизнь столь суетна и бесполезна, что мы считаем её великой и позлащённой, как книги по истории или двор Великого Могола, но на самом деле она складывается из тысяч шажков и лесенок в головах, из тропинок под ногами, которые не ведут никуда, или ведут в место, как две капли воды похожее на точку отправления, - мы приходим туда и не приходим, будто и не шагали никогда, никогда не видели этих стен и не переживали этих минут. Так что же есть, что живёт? Если что-то есть, оно есть всегда, или его нет. Если живёт, то живёт всегда, иначе это не жизнь, а часы с кукушкой. Жизнь-то велика, а вот мы?..

Одна история из тысяч воспоминаний маленькой Мирры задела нас больше остальных своей, если можно так выразиться, банальностью деталей. На самом деле речь здесь идёт уже не о Мирре, а о Матери: однажды утром Она увидела годовалого или, может быть, двухлетнего малыша, который показался ей знакомым. Она даже не знала, почему - может быть, глаза, может быть искорка в них, вспыхнувшая огнём безмолвного узнавания. Вечером же у Неё было видение: <Я оказалась в огромном здании. Стены были голы, только в одном месте я обнаружила великолепные фрески и признала в них работу мастеров древнего Египта. Я вышла из своих покоев и попала в огромный зал; вдоль стен тянулось что-то вроде водосточного жёлоба. А в нём я увидела играющего малыша (полуголого). Я была возмущена и сказала: "Что за мерзость! Этот ребёнок невыносим, он постоянно занимается тем, чего делать нельзя." Подошёл наставник, и я сказала ему: "Как вы можете позволять ему играть здесь?" (я слышала произносимые мной звуки, знала, что хотела сказать, переводила всё в уме на французский, но самих звуков уже не помню). Наставник мигом подскочил ко мне и сказал (тут я и очнулась): "Так повелел Аменхотеп..." Вот так я и узнала имя ребёнка>.

Что там Аменхотеп, куда интереснее жёлоб, проживший три тысячи сто лет (XVIII династия!), и ребёнок в нём. Что заставило жёлоб жить так долго?

Можно со всем простодушием сказать: чтобы жила память, должен быть тот, кто помнит. А кто помнит, кто смотрит? - Старая привычка смотреть как обычно: как мы просматриваем книги, глядим на отцов, матерей, смотрим фильмы; это готовый взгляд, такой же готовый, как готовое платье, видящий только свои желанья, идеи в своей голове, свои симпатии или антипатии, пустые-пустые узоры, история всегда одна и та же, неважно, кто смотрит, неважно, что за одежда - пеплум или костюм, в Карфагене или в Нью-Джерси, в этом веке, прошлом или следующем. Но вот просто взгляд, ни на что не устремлённый, внезапный как крик, раздирающий никчемные узоры, сердце и миллионы суетных вещей, - вот так вдруг раскрывается кошмарная пустота... а она-то, быть может, и есть первое <нечто> всей жизни - острое, безымянное, безликое, бескачественное, как взгляд, глядящий сам на себя, как рана, настолько болезненная, что она обретает силу, что становится первой дрожью бытия, без слов, без мыслей, без знания или понимания, чистая дрожь, чистая вибрация, крик изнутри - вот, что помнит. Как будто только это и есть память. Когда открывается этот взгляд, в его бесконечности видно всё: жёлоб или цвет неба, лицо, котёнок на крыше, всё равно что, ибо видно повсюду, внутри и вовне ОДНО И ТО ЖЕ, глядящее само на себя - ВЕЩЬ, взорвавшаяся во всём мире разом, всюду дрожащая, без начала и конца, без веков и времён, повсюду живущая и всё соединяющая, вчера и тысячу лет назад, камень и рассеянную руку, это место и то, соломенную шляпку и убор фараона, но при чём тут вообще уборы, если нашёлся тот, кто смотрит - Сознание-Сила, Шакти. Этот взгляд открывается однажды, затем ещё раз, а затем жаждет открываться всё чаще и чаще, повсюду, в храме и не в храме, на улице и в тысячах бедствий - взгляд, растущий от жизни к жизни, проясняющаяся вибрация, сила, копящаяся так, будто она одна избегает печальной участи наших тел - могилы, беспамятная память, помнящая всё, королевство без подданных, всюду живущее и оказывающееся своим собственным властителем, ибо это - королевство Великой Шакти, в чьи владения входит весь мир.

Однажды взгляд уже никогда не погаснет.

Есть создания, глядящие очень долго, тогда как другие приходят и уходят как слепцы; иные по капле собирают розовые, голубые и разноцветные жемчужины великой Шакти и становятся горным потоком, тихим ручейком, широкой рекой, а иногда и океаном. Только в этом и есть различие, но ни хромосомы, ни законы Менделя не объяснят его. Эволюция касается не видов или талантов, но Сознания и Силы, или, точнее, миллионов взглядов одного и того же Сознания, раз от разу открывающегося всё более обширным, сильным, живым: каскад или водопад. Может быть, это эволюция оптики? Но и она - та же капля Того же. Одна и та же великая Река течёт сквозь века и наши несчастья, наши философии, системы, религии, позлащённые или почерневшие клетки, и миллионами поднимает людей, раскрывает чёрные и голубые глаза на Великую Страну, медленно и уверенно ведёт нас к следующему Моменту

своего долгого пути, к внезапному повороту, где наши экранчики падут, ибо они нужны лишь затем, чтобы выжать из нас, заключённых в клетки, крик.

Тогда каждый найдёт под грудой костюмов своё настоящее имя, свою неповторимую вибрацию, свою единственную в великой вселенной музыку, вернувшуюся память и широкие крылья. Мы увидим землю так, как никогда ещё не видели её.

Может быть, это будет другая земля.

Другая история.

Другая гравитация под звёздами.

Настоящая страна и неразрушимое тело.

За могилами и за вершинами.

4

О МУЗЫКЕ И КРАСКАХ

Гильотина ума обрушивается чаще всего именно на непосредственный опыт, - у нас есть только нити, обрывки воспоминаний, но мы не знаем ни того, что на самом деле это наши переживания, ни того, чем, собственно, является опыт, и потому говорим о <снах>, <впечатлениях>, всё это слишком туманно и расплывчато, к тому же логика декартового мира, прицепившаяся к нам как рыба-прилипала, довольно скоро перекрывает и их. Нам рано преподают урок жизни, то есть урок удушья к полной радости окружающих. После обучения мы говорим: это мистики, иллюминаты, шарлатаны, но в то же самое время верим всем, пусть даже не слишком философским, религиям, поскольку так и не поймали одну-единственную вещь, которая связала бы все нити. Но дело может обстоять и так: людям нужна хорошая логическая и рациональная база, чтобы встретить Великую и простую Истину на своей земле, а не ловить её в воздухе, и не принять маленькую экзотическую лагуну за весь Тихий океан. Экономия природы столь чудесна, что может даже показаться, будто всякая ложь или искажение, присущее тому или иному возрасту, оказывается защитной оболочкой истины, - сама по себе она может быть опасной для наших жалких челнов - более того, лжи вообще нет, как нет и ошибок, просто истина растёт по мере нашей способности постичь её. Если всегда помнить о том, сколько осталось за нами и вне нас, мы бы быстро положили конец детским распрям <материалистов> и так называемых <идеалистов>: ведь они <исты>

того, что только должно родиться - не чистой Материи, не чистой идеи или Духа, а... другого, без всяких <измов>; может быть, настоящей земли, только очки материалистического или идеалистического homo sapiens пока не дают нам разглядеть её.

Антиномии Мирру не смущали; на кривлянье этого, как и любого другого, мира Она смотрела своим спокойным взглядом как на явление, <требующее изучения>, модели поведения одного и того же объекта, которые возможны не здесь или там, а только в нас самих. Когда исчезает тюрьма, <здесь> и <там> следуют её участи. Она занималась живописью, музыкой, много играла в теннис: полюбила эту игру в восемь лет и постоянно играла в неё до восьмидесяти. Похоже, что наиболее важна тут живопись (больше всего Мать любила портреты: для неё в человеческих лицах было куда больше загадочного, нежели в фараонах или математических уравнениях), удивительная бабушка ввела её в среду художников, и там Она познакомилась с Анри Мориссе, своим будущим мужем, юным учеником Гюстава Моро и одноклассником Руо. Мира Исмалун по-прежнему колесила по европейским столицам под чутким присмотром Матильды. Похоже, что к Мирре она питала слабость: <Она считала меня единственным разумным человеком в семье(!) и делилась со мной своими секретами>. Однако живопись - Она начала заниматься ею в возрасте двенадцати лет - играла для Неё не такую уж важную, или, наоборот, важнее некуда, - это уж как посмотреть - роль; мы подозреваем, что Мирра взялась за кисть, чтобы досадить Матильде и избавиться от пристойных кандалов площади дю Руль: один из персонажей пьесы, написанной ею позже, говорит: <Рождённый в благопристойной буржуазной семье, где искусство рассматривали скорее как времяпровождение, нежели как "серьёзное" занятие, а художников считали легкомысленными, склонными к разгулу, презирающими деньги и, вообще, опасными людьми, я, возможно, из чувства противоречия, ощущал властную потребность в занятиях живописью>. Ну да, на свой лад, подобно Матильде с её хедивом или Мире Исмалун, презревшей обычаи феодального Египта. <Если бы я родилась в Индии, я бы там всё разнесла на кусочки!> - однажды сообщила нам Мать. Я охотно поверил ей.

Тем временем в Лондоне Шри Ауробиндо готовился сбросить кое-какие британские оковы.

Неизвестно, стала ли бы Она великой художницей, но хороший музыкант из Неё бы точно получился, - только величие не слишком занимало Мирру, - действительно удивительные <импровизации> Матери всегда поражали людей. Чтобы сказать о Ней хоть немного, пришлось бы написать десять книг, и ещё останется на целые поколения толкователей, над которыми Она обычно посмеивалась. <Я слышу наверху звуки... Они красивы, но я понятия не имею, что это такое. Вот так и я играю, своей игры я не слышу, я слышу другую музыку... Забавно. Кто-то забавляется, кто-то, так сказать, заставляет меня

играть. Вот я сяду, а он мне говорит: "Начнёшь так-то", - я начинаю, а он украшает мелодию, импровизирует. Вдруг он говорит: "Всё, хватит!" - и исчезает!.. Не знаю, что это такое>, - Мать рассмеялась.

В другой раз Мать сообщила мне: <Я постоянно чувствую как бы великие музыкальные волны. Стоит чуть-чуть отступить, и я слышу их. Так всегда. Звуков нет, но это музыка! Великие музыкальные волны>. Странно, что <великие> волны тоже связаны со <взмахами крыльев>, мягко перенёсших Её на гравий в лесу Фонтенбло - кто знает, наш мир, возможно, куда ритмичнее и музыкальнее, чем нам кажется. Только прежде всего надо открыть свою собственную музыку, ибо как без неё услышать другую - она, наверное, тоже наша, но рассеяна повсюду? Несколько лет назад, когда я писал книгу, Мать сказала мне: <Не знаю, как тебе помочь? Я пошлю тебе музыку>, - и действительно, пришёл всеохватывающий ритм - возможно, он и был музыкой, - облачившийся в слова, которые находились сами собой, будто звук творил слово или притягивал подобное себе, но если хоть отчасти вмешивалась мысль, звук путался и слова выходили фальшивыми. Мысль подрисовывалась на заднем фоне автоматически, почти незаметно, будто её создавала музыка как вторичное и побочное своё следствие: когда терялся ритм, вместе с ним пропадала и мысль. Происходило это, наверное, потому, что мысль, как и всё остальное - архитектура, живопись, поступки, революции - транскрипция великого потока Шакти, дающего ритм всему. Если бы нам найти чистый Поток, какое чудо! Творение означает обретение великой Музыки, согласие с чистым Ритмом, его разрешение. Но чаще всего мы соглашаемся только с <нашими> идеями: мы всё переводим через непрозрачные ментальные Саргассы; конечно, ритм искажается и становится фальшивым, а мысль и жизнь следуют за ним. Это уже не взмахи огромных крыльев, а просто что-то бьётся о прутья клетки. <Будь у меня оркестр из двухсот музыкантов - воскликнула Она, - получилось бы интересно!> К несчастью, в её распоряжении было только старое пианино, а потом немногим лучший электрический орган: <Будто собираешь пипеткой капли и потом, опять же, по капле выдаёшь - конечно, горизонт сужается!> Но даже капли ждут, чтобы их открыли; может статься, в один прекрасный день Она обнаружит того, кто, к нашему восхищению, поймёт, как оркестровать великие волны любой человеческой музыки. <Озвученная медитация>.

Взрыв наверху

Однако, Она не медитировала; до двадцати лет она и представить себе не могла, что можно предаваться медитациям или, вообще, усложнять что-либо: всё, что переживала Мирра, было предельно просто, перемешано с самой

жизнью; Она нашла бы странным обыкновение садиться в позу лотоса, чтобы сделать то, что просто как дыхание. Просто Она всюду несла с собой подобную горячему огню силу, уничтожавшую видимость. Её взгляд желал видеть только настоящие вещи, настоящий мир, истину во всём. Потребность совершенства - всего лишь пред-знание тайного Совершенства вещей, искажённого, извращённого и разрушенного вовне, прямо на наших глазах, но эта потребность творит силу, словно мы во всём и всегда ищем настоящее лицо мира, словно пытаемся ухватить загадочное воспоминание в существах, встречах, предметах, пианино, по которому барабанят изо всех сил, чтобы оно издало Звук (Она каждый день по несколько часов кряду занималась музыкой), в полотне, скомканном, чтобы оно взорвалось невозможным цветом, или, наоборот, с криком выплеснуло невыносимую белизну, в математической задаче, решение которой будто бы может провести человека сквозь тома и строки, и задачу мира, замкнутого в круг геометрии, только не совсем эвклидовой: <Чтобы поступить в Политехническую школу, мой брат изучал высшую математику и находил её весьма сложной. Я посмотрела [ну да, Она по-прежнему <смотрела>], и всё стало ясно. Учитель, значит, корпит, мой брат корпит, а я вдруг говорю: "Вот, как надо!" - и вижу лицо учителя... Потом, кажется, он сказал моей матери: "Учиться-то надо вашей дочери!..">

Но однажды что-то взорвалось, благодаря силе, которую Она всюду носила с собой. Это случилось на концерте великого бельгийского скрипача, друга Рубинштейна Исэ: <Я впервые услышала концерт Бетховена в ре-мажоре для скрипки с оркестром. Когда вступила скрипка (не с самого начала, начинает оркестр, а она вступает немного позже), с самых первых нот (играл Исэ, вот музыкант!...) моя голова будто распахнулась и меня выбросило в настоящее чудо! Больше часа я пребывала в блаженстве. Я ничего не знала о тех мирах, понятия о них не имела. Все мои опыты проходили точно так же: я не ждала ничего, не искала...>. В индийской литературе извели немало чернил на описание этого взрыва: в центре головы открывается центр, sahasradala, <лотос о тысяче лепестков>, обеспечивающий прямую связь с потоком великой Шакти и мирами света и красоты, которые мы неуклюже пытаемся протащить сквозь нашу черепную коробку. Мирра увидела мир по-иному, не через прозрачные страницы учебника Истории или потаённый шёпот камней и цветов, не через тайные вибрации всего живого, а прямо в его истоке, наверху; позже Она заглянет ещё и вниз, в глубину вещей, в сердце Материи, где, может быть, находится тайное Начало; ибо оно не только в бесконечностях Шакти, но и в атомах, и в клетках тела. Мирра ведь никогда не прекращала <смотреть>, даже бесконечности казались Ей завесой <чего-то другого>, что, возможно, не только бесконечно. Она была слишком <материалистичной>, чтобы не любить Материю больше, чем ученые и не находить её более прекрасной, нежели все на свете уравнения квантовой физики.

Перед глазами Мирры мир выплеснулся фонтаном, и вещи вырвались из своего фотографически плоского плена: <Я смотрела на картину, и тут

случилось то же самое: "это" открылось в голове и я увидела начало картины - краски!> Живые существа открывались подобно картинам, и за их словами или поступками прочитывалось оживляющее их истинное движение, вибрация, толкавшая их на те или иные действия, ритм или цвет, окрашивавший их душу или бездушные, и всё это складывалось в живой, многокрасочный, гигантский калейдоскоп, ведущий безостановочную игру на гранях Шакти, или в тысячах способов извратить и скрыть маской один-единственный цвет, который хотел бы сам создать прекрасную картину: <В одно и то же время я вижу и физический объект (или слово, или поступок), и его цветовую или световую транскрипцию. Они наложены друг на друга. Например, если кто-то говорит, это переводится в образы, в игру форм, света или красок (не всегда светлых!). Это выглядит как пятна, как движущиеся формы, и именно в таком виде хранится в памяти земли. Поэтому, приходя из той области в активное сознание людей, вещи выражаются на языке каждого из них, словами и идеями, привычными ему, - это не принадлежит никакому языку и никакой идее, это точный отпечаток происходящего>. Этот отпечаток привязан не только к местам, домам и предметам, но и к клеткам: бесконечная живая история, точная, как истина мира в красках. В общем, магнитные записи - не такое уж свежее изобретение; мы всегда изобретаем карикатуру того, что уже есть. Чуть позже Мать вдруг заметит: <Ведь ультрамодернистские художники видят именно это!> Со своей детской улыбкой, надув щеки, Она добавила: <Только они очень непоследовательны, потому и мир видят непоследовательно!>

Открывается мир, и открывается всё: далёкое становится близким, далёкое неизвестное дрожит будто бы под самым носом, а здешнее известное словно уходит в далёкие века; каждый предмет становится миром, содержащим в себе мир. Музыка смешивается с красками, краски - с тем же великим Ритмом, а он может слагать как поэмы, так и геометрические теоремы, в зависимости от того, так он дышит или иначе, а ещё он создает гравитацию или множество гравитаций... наверное, сообразно с истиной нашего взгляда. Взор же становится всё более и более истинным; наши глаза моргали в теле гусеницы, глядя на единственную в мире линию, зверя на извилистых тропинках и чертили прямые борозды, проводили линии меридианов на картах и запирали галактики в один пузырьёк, пока тот не лопнул, и мир не возродился с новой уже геометрией. Может быть, ментальные подставки потребовались для того, чтобы удержать нас от психоделического или ещё какого-нибудь падения в мир, слишком необъятный для нашего сознания. Но путешествие ещё не закончилось, настоящего взгляда ещё нет - мира ещё нет! Он всё больше и больше становится тем, что он есть. Мир - это взгляд, становящийся истинным. Надо вырасти в сознании, надо открыть глаза и не останавливаться перед решёткой географической карты. Когда мы откроем настоящий взгляд, мы станем настоящими и сами, мир целиком станет тем, что он есть, а всечеловеческие законы опрокинутся как детские кубики в саду богов.

Ибо огромный Калейдоскоп мира можно повернуть одним лёгким щелчком.

ДРУГИЕ МИРЫ, ДРУГИЕ ТЕЛА

Этот великий мир, по которому мы идём уверенным шагом, выпрямив спины, но, тем не менее, держась за поручни, - вряд ли этот мир наш дом; домов у нас много, но нас там ещё нет, мы знаем только опушку великого леса. Неприметная тропка, появившаяся бог знает откуда, неожиданный поступок, нарушающий обычное течение жизни, голос, шепчущий слова, движение, овладевающее человеческими массами и раскачивающее их (как гневливость Маттео или прыжки девочки по приглаженным клумбам Тюильрийского сада), - мы не знаем, откуда они, мы не знаем, что за ветер тут дышит. Внешний мир рушится, мы же возмемся с машинами, попадаем в несчастные случаи на улицах, или встречаем случай, который изменяет всю нашу жизнь, но вот кто передвинул, и что передвинул? Кто дал эту непредвиденную координату? Мы не знаем. В великом лесу миллионы случайностей, будто случайные ростки сочетаются в невероятный лес, или случайные человечки создают невероятную историю подобно тому, как случайные движения и разбросанные молекулы вместе либо создают симфонию, либо взрываются. Словом, если тут и повинен случай, то нам придётся признать, что он весьма разумен. Мы, однако, так боимся увидеть, как наш прекрасный случайный разум вытесняется высшим сознанием, что предпочитаем отдать этот мир скорее дьяволу случая, нежели Богу-демиургу, чьи отнюдь не случайные удары иногда оказываются на удивление дьявольскими, а зачастую - ещё и жестокими. В обоих случаях мы отдаёмся на пожирание одному и тому же оборотню. Может быть, пора отправиться на исследование этого разума мира, выбросив из головы капризы и богов, и позавчерашних учёных, и случай, восходящий к какому-то взрыву, - но тут не надо бояться ни Бога, ни дьявола, ни даже самого себя. Ведь всё, возможно, содержится внутри, в маленьких случайных клетках, а мы сами - первый предмет нашего исследования; конечно, другого и быть не может, ибо то, что есть в одной клеточке, есть и во всех телах и вселенных. Нам непонятно, зачем люди отправились на Луну. Действительно, найди мы настоящий закон клеток, мы бы, наверное, без всяких ракет и суматохи могли добраться не только до Луны, но и до всех лун и всех вселенных на свете.

Поэтический сон

Она попробовала всё, даже поэзию, <чтобы увидеть>; Матильда была в отчаянии: <Она никогда ничего не добьётся в этой жизни!> Живопись, музыка, наука, литература, практика, - Мирра ничего не упускала. <В конце концов я забросила всё... Я попробовала всё, но ничто не казалось мне достойным того, чтобы посвятить ему жизнь>. Она думала, что перед ней лежит широчайшее поле экспериментов, что весь мир - огромная экспериментальная площадка, и Мирра продолжала пополнять свой жизненный опыт вплоть до девяносто пяти лет без остановки. Но замкнуться на одном, пусть даже наиблагороднейшем, предмете, представлялось Ей безумием, муравьиным трудом: <Они заостенели, вот для музеев они подходят как нельзя лучше. Я не вижу никакой необходимости становиться величайшим музыкантом или живописцем, мне всегда казалось, что тут всё дело в тщеславии...> С простодушием (и, как всегда, долей лукавства) Она добавила: <И никакого особого значения в этом тоже нет. Это то же самое совершенство для человеческих существ>. Может быть, бессознательно(?) Она уже догадывалась, что все - и великие, и малые - вершины человека рано или поздно рушатся перед некоей бездной, а самому человеку следует искать чего-то другого. <Моя мать (она была очень сурова) сказала: "Моя дочь ничего не может довести до конца" Так оно и получилось - ничего не довожу до конца, берусь, бросаю, а потом начинаю новое дело, нет, даже целую кучу дел: "Она никогда ничего не добьётся в этой жизни!" Так оно и есть, это детское выражение потребности большего и лучшего... так всегда, без конца - всегда вперёд, к совершенству, но я чувствую, как совершенство ускользает от мысли, это нечто... словом, "нечто". Нечто неопределимое, но его ищут во всём>.

Надо полагать, Мирре пришлось выстоять не в одной схватке с Матильдой. Как-то раз война началась из-за какого-то блюда из моркови - оно едва не испортилось, - Мирра упорно отказывалась есть морковь, а Матильда столь же упорно заставляла Её съесть пресловутое блюдо; Она голодала три дня. Мы не знаем, кто первым пошёл на попятную. Вероятно, Матильда. Однако, пределом стал день, когда обнаружился первый знак нового увлечения - Матильда узнала, что её дочь пишет стихи... <Моя дочь и стихи!...> - да ещё и во сне! Ну да, сон у Мирры был странноват, как и всё остальное, но если взглянуть на него глазами ребенка, который ещё не знает, что тело - это твёрдый ящик, в котором мы заперты до конца своей жизни, то ничего удивительного тут нет. Боже мой, из тела можно выйти - выходят ведь из дома - и что тут странного? Матильда считала иначе. Да и мы сами далеко не на каждом шагу встречаем детей, способных рассказать нам о своих прогулках. <Каждую ночь, в один и тот же час, когда все домашние засыпали, я выходила из своего тела - вот уж навидалась я тогда! Мало-помалу тело приобретало все признаки сомнамбулы (то есть, связь - что-то вроде световой нити, связывающей нас с телом - ничуть не нарушалась, а сознание формы* *Сознание формы, или сознание тела, или, точнее, сознание в клетках тела, продолжает существовать даже у мумии, если она пребывает в хорошей сохранности, и позволяет войти в контакт с ней, что

случилось с Миррой в музее Гиме - войти в контакт с тем, что лишено сознания, невозможно. Сознание - это мост. обретало всё большую и большую ясность), и у меня появилась привычка вставать по ночам, но не так, как это делают обычные сомнамбулы: я вставала, открывала секретер, брала лист бумаги и... писала стихи! Я, без всякой поэтической жилки, и вдруг стихи! Я всё помнила. С полным знанием дела я прятала бумаги в ящик и тихонько закрывала его прежде, чем снова лечь в постель. Однажды, не знаю уж почему, я забылась и оставила его открытым. Моя мать (мать меня будила, поскольку во Франции окна закрывают очень плотными занавесками; она приходила по утрам, резко раздёргивала занавески и бесцеремонно будила меня; только вот я привыкла просыпаться до её прихода, иначе пробуждение было бы не очень приятным* *Нить, связывающая с телом, очень непрочна, и при резком пробуждении связь может быть нарушена: человеку тяжело вернуться в тело - будто в кошмар, иногда даже нить может порваться, такие случаи хотя и редки, но весьма опасны: человек не может вернуться в тело, то есть, выражаясь медицинским языком, <умирает>.); так вот, моя мать входит, громко зовёт меня и видит, что секретер открыт, что лежит бумага: "Это ещё что такое?" - хватает её: "Ты чем тут занималась?" Не помню, что я ответила... А она отправилась к доктору: "У моей дочери лунатизм! Дайте ей лекарство!" - Мать со смехом добавила: "Неудобно получилось">.

Мы не думаем, что поэтические опыты длились долго, но Мирра или, скорее, Мать всегда испытывала известное сочувствие к этому неуверенному и не слишком научному занятию - Она невольно переложила свои чувства на высочайшую поэзию, но они были слишком просты, чтобы прибегать к александрийскому стиху. Важно для Неё было только одно - истинность, чистота, вибрация, чистое выражение великой Шакти - прозрачный передатчик, - вот каким был высший ключ даже в девяносто пять лет. Так почему бы Шакти не открыть поток поэзии, раз она низринулась водопадом в 23 814 стихов <Савитри> Шри Ауробиндо? Нам ещё не известны все тайны этой силы, и Мирра изучала её механизм, - Она любила это слово. Постепенно Она убеждалась, что прозрачность есть высшая власть над всем, включая и поэзию. Шри Ауробиндо говорил о <молчании разума>. Когда всё умолкает, когда сознание становится прозрачным, вибрации идут чистыми, без искажений, руководствуясь только своим ритмом - нужной силой и нужным действием в нужное время. Ведь мы забыли, что, в конце концов, поэзия, как и живопись, и музыка, и всё прочее суть <всего-навсего> сгустки определенных вибраций, обладающих силой воспроизводить или материализовать представляемое ими состояние сознания: пламя вдохновения, или, проще говоря, огонь, свет, радость, любовь... Всё в этом мире - выражение состояния сознания: цветок - состояние сознания (или, скорее, сознательности), камень, огонь, дождь. Да и вообще весь мир состоит из мириад состояний сознания. А магия звука, мантра, <Глагол> Шакти сообщает всему форму, вибрацию, цвет, музыкальную или электромагнитическую геометрию. В конце концов, однажды, возможно, придёт сила, способная напрямую материализовать или

облекать в форму всё, что будет объектом нашего сознания: непосредственное творение будет осуществляться через сознательную работу с вибрациями. Такова <поэзия> завтрашнего дня, когда мир станет чистым действием Шакти, перенесённым через прозрачные передатчики. А пока мы <сгущаем> идеи, желаньца, бессильные (исключая пагубные разновидности) и не слишком сознательные состояния, да всякие машинки и всё это затем, чтобы заместить простую силу первородной вибрации. Мирра уже учила поэзию будущего, не только по стихам, но и по всему: ощущаемое Ею <это> было как бы тайным совершенством всего, даже булжника. <Я ведь не поэтесса, - говорила Она, - я довольствуюсь действием>. По-гречески <поэзия> и означает действие: poiein. А на санскрите слово <Шакти> означает силу или свершение - shak.

Изменение среды

Таким образом Мирра открыла то, что сюрреалисты найдут тридцать лет спустя; на самом деле, никакого открытия не было, или же оно столь же старо как Веды или фрески Аянты, да и кто творит, полуприкрыв глаза и наощупь ловя высшие проблески? Мало сесть за стол одним прекрасным утром или одной прекрасной ночью и предаться <автоматическому письму>, ибо то, что получится, может оказаться безумным блуждающим огоньком снизу, из лагун нашего подсознания и весьма слабого сознания, или усиленным эхом человеческой же бессвязности. Сначала надо стать прозрачным, и тогда можно услышать нечто большее, чем свой собственный грохот. А все разноцветные лагуны, все порывы вдохновения рождаются отнюдь не в одном и том же потоке, хотя повсюду - один и тот же океан. Надо изучать пороги и знать шлюзы великого потока - они бывают маленькие, большие, и нет никаких шлюзов вообще. Это и открывала Мирра - медленно, тщательно, шаг за шагом, порог за порогом и мир за миром. Звери, портреты, цветы и мумии (не говоря уж о живых, kloчущих от переполняющих их желаний, людях) уже научили Её, что каждая вещь звучит по-особому на разных уровнях тела, а <центры>, научного названия которых Она не знала, представлялись как бы связанными с узкими и очень точными звуковыми диапазонами, поэтому по тональности звука или вибрации Она моментально узнавала не только что означала та или иная вибрация, но и с какого уровня мира она пришла; можно было показывать Ей самые распрекрасные разноцветные видимости, самые закрытые предметы, самых утонченных людей света, но Она не обманывалась ни на секунду: вибрирует здесь, значит пришло оттуда. Можно подписать полотно или поэму самым громким именем века, но и это будет лагуна шестого порядка. Тут Она достигла математической точности, и ошибка была исключена. Её, однако, интересовало, откуда приходит музыка, на какую ноту отзываются центры, узкие диапазоны? Если бы Ей, пользуясь выражением одного, в ту пору ещё не

рождённого, американского бихевиориста, сказали, что дело в некотором <механизме, порождающем сознание>, то есть в нашем благородном мозге, Она бы широко раскрыла свои глаза, на сей раз, вероятно удивлённые и голубые, и тут же спросила бы, откуда взялась такая идея и не является ли случайно этот великий бихевиорист родителем мира? Почему бы, в конце концов, и нет? Во всяком случае того мира, который встал на голову. <Вы же не будете утверждать, что звук творит граммофон; такая мысль даже в голову вам не придёт!>

На самом деле Она открывала миры и ступени миров самым прозаическим и неожиданным образом, как человек, который неожиданно натывается на сад, входит за ограду и начинает есть яблоко. Какая уж тут мистерия: знай себе пробуй, трогай да смотри. Дверь открылась, вот и всё. Тело - это множество дверок, которые открываются в самые разные стороны, при случае можно даже вообще отказаться от него - не только во сне, но и за завтраком, и во время прогулки в парке. Оно стало вполне отделимо, поэтому Она скидывала тело как пальто, чтобы прогуляться в других местах, среди других людей, в других городах или других мирах, которые Она открывала просто так, почти случайно, но удивлялась этому не больше, чем в Булонском лесу или у полотна с <живым> портретом Клуэ. На языке словарей это называется <трансом>, но такое ужасное слово мигом воскрешает в памяти дервишей или Пифию на треножнике, тогда как тут речь идет об обычной приятной прогулке вне своего тела (<приятной> для тех, чье сознание и так приятно, в противном случае прогулка может обернуться кошмаром). Поэтому мы предпочитаем употреблять слово <экстерриоризация>, то есть выход во внешнее пространство (на самом деле оно находится внутри всего): <Я уходила прямо посреди разговора или дела, - никто не знал, что происходит! Все думали, что я засыпаю. А я оставалась в полном сознании - рука поднята, или рот открыт, снаружи никого, а внутри очень сильные переживания, богатейший опыт. Со мной это случалось ещё в детстве. Однажды (мне было, верно, лет десять-двенадцать) родители давали обед. Пришло с дюжину гостей, все выглядели соответствующим образом (в общем, пришли только родственники, но как-никак <обед>! Надо придерживаться определённых норм), а я сидела в конце стола со своим кузенком; он потом стал директором Лувра (очень способный был мальчик, с артистическим складом ума). Ну вот, мы сидим, и тут я замечаю в нём что-то интересное (заметь, что в ту пору ни о чем оккультном я ещё понятия не имела, но способности-то были при мне!); от него было какое-то странное ощущение, и, не донеся вилку до рта, я ушла! Сколько шуму было! Мне говорили, что я не умею себя вести, что меня нельзя сажать за стол!> Иной раз случалось ещё менее благопристойно: Мать роняла своё тело на землю: <Это случилось в Париже. Мы обедали, а затем вышли в гостиную. Там было множество народа, а дышать совсем нечем. Я стою, обед в желудке, и чувствую какое-то неудобство. Я сказала соседу: "Мне немедленно надо выйти". На улице же (мы оказались на площади Трокадеро) я полностью

покинула тело и как бы потеряла сознание. Когда я увидела, как оно растянулось на земле, то немедленно вернулась - это было ужасно>.

Взращенные в детском саду эволюции, мы привыкли полагать, что тело содержит сознание, а то и производит его, и что без тела человек мёртв, а без глаз и ушей он не может видеть и слышать точно так же, как не может двигаться без одной, или, в зависимости от случая, множества ног. Это эволюция, и <ничего тут не попишешь>. Не может же ребенок гулять в парке без няни, и ворота ему самому не открыть, потому что ростом ещё не вышел. Частички сознания выросли в великом парке Первоедиства, там они индивидуализировались и признали себя <отличными от...>, но признали это отличие только из-за стенок вокруг себя, то есть стали смотреть своими глазами и чувствовать своими щупальцами, и, конечно, мир стал феноменом их глаз и щупалец. Когда мы, <помудрев> на несколько тысячелетий, скажем, что мир - это не наше личное дело, мы, как и первобытные маленькие животные, по-прежнему будем индивидуализировать его через череп и личные очки. Мир будет <отличным>, и мы будем <отличными>, и всё будет отличным благодаря личным очкам и уютным черепным извилинам; в конце концов вот, к чему мы придём - я существую только в своих очках, а то и - я продукт своих очков. Без очков и извилин я мёртв. И это верно для тех, кто не вышел из детского сада эволюции. Для рыбы в аквариуме за стеклом нет существования, или есть смерть. И всё же на свете существуют летающие рыбы, у рептилий пробиваются крылья, все виды выходят из своей <среды> - честное слово, у нас за спиной осталась не одна среда с тех пор, как мы встряхнули первой ложноножкой... Быть может, мы стоим на пороге нового изменения среды, однако на сей раз вместо того, чтобы выходить из одного аквариума в другой, будь хоть небесный, хоть воздушный или отращивать сверх-извилины, будто нам ещё не стало тесно в человеческом аквариуме, речь пойдет об обретении единственной Среды, содержащей все аквариумы, и тела, и картины, предстающие миллионам глаз, и неверные ощущения миллионов антенн, и окошки донжона, и маленькие очки, - все они режут мир на кусочки, но лишь затем, чтобы с каждым днём и каждым шагом всё ближе подходить к своей собственной Тотальности. Тогда мы и поймем, что мы видим вполне хорошо, а без очков даже ещё лучше, что без черепа думается лучше, а гулять приятнее за пределами аквариума, - смерть-то остается в нём. Да и в конце концов, не тело содержит сознание, а сознание - тело, и даже все тела. Тогда мы легко можем пройти где угодно, поскольку повсюду будет наше тело.

Иерархия миров

Мирра при желании легко выходила из аквариума. Она не была неофитом эволюции. По правде сказать, мы все выходим из него во сне, только не знаем об этом, - на самом деле о настоящей жизни мы вообще знаем очень мало; нас учат математике, кодексам, законам, языкам, но ни об азбуке жизни, ни о языке мира мы не знаем ничего: <На целый миллион не найдётся ни одного человека, знающего, как жить! - восклицала Мать. - Они даже не знают, почему они появились на свете; они знают, что проживут некоторое число лет, но почему - не знают, они думают, что им придётся покинуть этот мир, ибо все его покидают, но отчего это так, они не ведают... Люди рождаются, живут, претерпевают то, что называется счастьем или несчастьем, затем их жизнь заканчивается, и они умирают. Они приходят и уходят, так ничего и не поняв>. Иногда, благодаря чистой случайности, на операционном столе или во время несчастного случая, мы замечаем, что выйти из тела легко, но это представляется нам неким <феноменом>, возможно, связанным с болезнью, и мы, подобно Матильде, пытаемся втиснуть его в рамки <мозгового нарушения>, да на самом деле для маленьких премудрых привычек, унаследованных нами от всех млекопитающих, это и есть нарушение. Мы умеем держаться своей клетки. <В общем-то - замечала Мать, - люди по большей части похожи на узников тюрьмы: все двери и окна закрыты, и люди, конечно же, задыхаются; у них в руках - ключ от всех окон и дверей, просто они не желают воспользоваться им>. Или же, подобно неосторожным юнцам, наглотававшихся наркотиков, мы отправляемся... чаще всего за смертью. Мало просто выйти, снаружи нас ожидает не прогулка в самой распрекрасной на свете роще, раскрашенной во все цвета радуги, хотя там есть и цвета, точнее, всё зависит от нашей собственной <окраски>, если можно так выразиться, ведь подобное тянется к подобному: если мы сами напуганы, если наш цвет серый, то и мир вокруг будет полон угрозы и весь пропитан серым цветом, точно ночной кошмар, - то, что движет нами здесь, движет нами и там, только в <чистом>, так сказать, виде и без примесей защитной оболочки тела и хороших манер. Действительно, там находится незримый (для нас) источник всякого нашего движения, и перед ним мы бессильны: <Безграничное поле исследования>, - для тех, кому не нравится чувствовать себя марионеткой. Вот и Мирра всегда и везде видела это движение: оно присутствовало как изнанка картин, облаков, вещей или настроений её кузена: облачки, красные или чёрные волны, искры, тёмные стрелы, всплески силы, подталкивающие нас на совершение того или иного поступка и творящие наше будущее, неожиданное происшествие, благословенное или фальшивое вдохновение и миллионы совсем уж неведомых нам случайностей. <Люди, живущие на обычном уровне сознания, почти ничего не знают о событиях в физическом мире. Они уверены в обратном, но на самом деле им доступна лишь внешняя видимость; это всё равно как рассматривать обёртку пакета и не заглянуть внутрь. Они видят только поверхность и настолько привыкли к этому, что им постоянно нужно объяснение>. Но для тех, кто лишён доброго или злого дара видения (это ведь не всегда приятно, вероятно, рачительная и мудрая Природа открывает нам глаза только на то, что мы способны уразуметь), для тех существует огромное

поле сна: ночью глаза избавляются от шор видимости. <Днём учат одному, а ночью - другому, - Мать училась везде и всегда. - Но ведь нас даже не учат спать. Они думают, что достаточно улечься в постель, и вы тут же заснёте. Но это неправда!>

Когда вы выходите из тела, то находите отнюдь не вселенский кавардак: над Материей надстроена целая иерархия миров, (или <планов сознания>, это уж как вам угодно) восходящих к свету, блаженству, откуда величайшие из людей черпают озарение, симфонии, евангелия, - но миры тянутся и дальше, в те области, о которых мы даже и не ведаем. Это открытие столь же древнее, как колонны Луксора или Упанишады. Таинственным и сомнительным оно представляется только в нынешней научной интерлюдии, когда учёные предпочитают развивать машины, а не сознание, пока не закончатся ресурсы, пока не перехватит дыхание, и люди не найдут воздух, которого так недоставало их жизни, и не обретут силу, вдыхающую жизнь даже в машины, быть может, даже более богатые и зрелые, нежели наша школа за железной оградой. Однако, пока мы ждём, надо сказать, что в настоящее время мы столкнулись с некоторым затруднением философского и психологического характера, которое нашим не столь механизированным предкам показалось бы просто смешным. <Основная беда почти любой философии, - сказала Мать, - состоит в том, что различные планы сознания и различные области бытия не признаются и не изучаются. Философы придумали Бога-творца и его творения. Тут и начинаются проблемы. Он создал мир, но из чего? Некоторые говорят, что из пыли, но что это за пыль такая, и где она была прежде, чем из неё сотворили мир?... Другие говорят, из ничего. Вселенная создана из ничего - что за бессмыслица! Для логического ума это просто немыслимо! Наконец, вам сообщают, что "Он" творил мир сознательно и желая этого, а, закончив работу, воскликнул: "Это хорошо весьма!" Я считаю, - добавила Мать, - что одна из главных трудностей понимания происходит от того, что мы совершенно произвольно ставим по одну сторону Дух, а по другую - Материю. Именно из-за этой глупости мы ничего не понимаем. Тут дух, а тут материя - очень удобно. Если что-то не принадлежит материи, значит оно принадлежит духу. Но что называть Духом, а что материей? В мире множество предметов, бесконечная лестница. Вселенная - это бесконечная череда миров и состояний сознания, а граница материи и духа очень тонка. Как узнать, где кончается одно, и начинается другое?... А философы говорят: "Освободите дух от материи, умрите, и дух будет свободен". Вот из-за этих глупостей мы ничего и не понимаем, ведь на самом деле мир совсем другой!> Чтобы достичь <мира на самом деле>, Мирре понадобится восемьдесят лет, потому что миры и планы сознания сами по себе - ещё не весь мир; нечто таинственное и очень простое станет, возможно, революцией будущего мира. Новый мир в маленькой клетке. Наша основа - тело - оказывается и нашей последней тайной. Даже главная наша беда - смерть - ведёт к высшей победе. Наверное, польза <научного поворота> в том, чтобы ткнуть нас носом в материю и силой подвести к нашей собственной тайне, отбрав от поисков так называемых духовных вершин, до

сих пор никого не спасших. К сути вещей ведёт долгая дорога, но все повороты и тропинки великого эволюционного леса складываются в прямую, подготавливающую сознание и формирующую Шакти в наших телах.

Растущее тело

В общем, о формировании Шакти и идёт речь. Древние Риши говорили о <человеческих праотцах>, которые выковали в себе богов, как <кузнец куёт железо>*. *Синтез Йоги. Все эти миры и планы на своём месте прекрасны, как бразильские леса или Ниагарский водопад, но что нам толку от всех на свете лесов и водопадов, если мы не можем взять из них несколько капель для нашей водяной мельницы или цветов для нашего сада - или это привилегия гениев? У каждого из нас есть дверца, выходящая на эти великие поля, надо только открыть её. Как и у Мирры, у любого есть маленький пульсирующий <центр>, сообщающийся со всеми мирами, он подобен радужным щупальцам теребелла. Надо знать, где нам хочется жить, и где мы находимся; надо знать, чего мы хотим: нажать на кнопку кошмаров и утонуть в болотцах тысяч желаний, что делают жизнь серой и унылой, или открыть двери наверху и оказаться в безбрежных просторах, которые постоянно обновляют нас и делают шире. Жизнь с открытыми глазами является переводом жизни с закрытыми глазами; здесь мы продолжаем историю, сложенную в другом месте, - история может получиться великолепной, можно добыть силы или свет, которые дадут жизни новый ритм и, может быть, даже изменят её. Ведь огромный калейдоскоп <над нами> беспрестанно вращается, ожидая, пока мы не позволим ему пролиться дождём цветов, чудесных рисунков или великих Ниагар, неизвестных нам, но несущих изменение мировой судьбы. Все центры нашего инструмента должны быть настроены на прекрасную частоту, на широкий ритм, мы должны пустить сюда гармонию, соразмеряющую все наши поступки, неважно, великие или малые, ибо если ритма нет здесь, в ничтожной секунде, в каждом шаге, то его не найдёшь нигде.

Мирра желала, чтобы он наполнил не только Её, но и всех. Странно, эта девушка, чьи корни уходили в далёкие времена, вместе с тем, казалось, могла обнимать собой и величайшие пространства, будто Она могла вмещать в себя расстояния точно так же, как и годы, словно пространство является одним из измерений времени, или же сознание расширяется в соответствии с опытом, пережитом во времени, и мы словно бы всё время растём, но в другом, более тонком, теле опыта, выковывая всё более и более обширное бытие. Одни куют себе садик с единственным цветком, другие - парк, а у тех, кто долго плыл в потоке великой Шакти, выходят моря и реки, эти люди знают, что такое боль и борьба, но и в огромной радуге они видят гораздо больше одного цвета. Они

много любили, возможно, они любили всё. <Когда мне было лет тринадцать, - рассказывает Мать, - каждый вечер, едва я легла спать, я чувствовала, как выхожу из тела и поднимаюсь над домом, над городом, очень высоко. На мне было чудесное золотое платье, и по мере того, как я поднималась, оно удлинялось и огромной крышей ниспадало на город. Я видела, как со всех сторон тянутся мужчины, женщины, дети, старики, больные, несчастные. Они собирались под кровом платья, просили о помощи, перечисляли свои несчастья, страдания и беды. Платье, гибкое и живое, тянулось к ним, и как только человек касался его, он утешался или исцелялся и возвращался в своё тело более счастливым и сильным, чем прежде. Ничто не казалось мне более прекрасным, ничто не давало мне больше счастья; все дневные занятия казались скучными, серыми и безжизненными по сравнению с ночной деятельностью, которая была для меня истинной жизнью>.

Но тонкое тело, возможно, тело страданий мира, распространялось не только над городом, не в одном только направлении, оно казалось неизмеримым, а иногда меняло и цвет, и размеры. Мирра заметила, что в зависимости от района, где Она гуляла, тело или тела, или существа в Ней приобретали разные оттенки, менялось даже движение, словно Она понемногу росла в различных планах своего существа, в различных направлениях - и каждая из жизней, будь это в Египте или где угодно ещё, каждое из тысяч мест, где нам доводилось бывать, бедными или богатыми, принцессами или монахинями, все они представляют один тип опыта, вибрации или ноты, особенно милой нашему сердцу, один центр, на котором мы особенно сосредоточили усилия - <способ прикоснуться к Материи>, скажет Мать - и так будет продолжаться, пока все центры и ноты не настроятся на один ритм, и мы не сложимся в более или менее единое и полное человечество, живущее на всех планах и властвующее над всеми цветами и ритмами. Мы понемногу кроем тела опыта (или, если угодно, личности), соответствующие тем или иным центрам, в них отражаются тысячи пройденных нами шагов, наши труды и муки; тела растут, ибо движение никуда не исчезает. Всё, что есть - есть всегда, а если нам удалось создать ручеек, бурный поток или проклятие, то мы вновь обретём их даже через тысячи лет, но они уже станут рекой, океаном или вселенской катастрофой. Надо знать, что ты взращиваешь. В отличие от нас, Мирра создала отнюдь не один мир, у неё было отнюдь не одно существо, но одни существа приходят и уходят, а другие широко открывают глаза и помнят. Одни сложены из плохо подогнанных и по-разному развитых частей, постоянно спорящих друг с другом, подобно тупоголовым гномам или тёмным пигмеям, а другие объединяют всё свое королевство и подчиняют жизнь Великой Гармонии. Они создали в конце концов так много сущностей и миров, что кажется, будто в одном сознании заключен весь мир. Наверное, опыт именно такого рода посетил Мать в храме (наверняка, Она впервые очутилась в подобном месте). <Одно из первых переживаний случилось со мной в храме; я пришла на свадьбу. Мы с матерью сидели в галерее наверху и слушали чудесную музыку. Её играли на органе (великолепный орган - второй в

Париже). Мне потом сказали, что это был Сен-Санс. Значит, мне четырнадцать лет, я сижу в галерее, вокруг окна, совершенно пустые, без всяких витражей. Я заглянула в одно из них и вдруг (а от музыки я как бы парила) сверкнула вспышка, яркая, как молния. Глаза у меня были открыты, и вспышка проникала прямо мне в грудь. Я почувствовала, что будто бы расту и становлюсь бесконечной и всемогущей. Так продолжалось несколько дней...>

Хорошо бы описать все миры и тела, но говорить о них высокопарные академичные слова было бы несправедливо по отношению к Матери: она никогда не любила положения, столь же догматичные и не терпящие возражений, как Десять Заповедей Господних (Она, кстати, считала, что последние <на удивление плоски! ...Надо же было Моисею лезть на Синай, чтобы услышать такое!). Вот и мы не полезем на Синай незримого, чтобы втиснуть его в дюжину параграфов. Да, таких миров действительно двенадцать, но как их не разделяй, мы по-прежнему будем пытаться по-иному взглянуть на вечно ускользающую от нас землю: да возможно, мы ещё и не видели её по-настоящему! Ещё есть что открывать, ещё не всё сказано, даже теми, кто причастен высочайшей мудрости (наверное, она слишком высока). Можно только удивляться - но что тут удивительного? - девушка с площади де Руль в век позитивизма и просвещения обнаружила то же, что Риши и многие другие мудрецы семь тысяч лет назад, но таковы факты. Более того, Она не придавала этому особого значения, во всяком случае, этой тайне она уделяла внимания не больше, чем тысячам других, уже совсем не таинственных для нас: ведь мы прикрепили к ним аккуратные и мудрые ментальные ярлычки и привыкли к этим тайнам так, что их для нас будто бы и не существует, хотя, если отбросить нашу привычку к миру и удобные ярлыки, мы бы, возможно, открыли множество вещей, ещё более таинственных, чем Элевсинские мистерии.

Вот и мы не дадим ни рецептов для <хорошего сна>, ни описания миров: <Привычка навязывать другим свой образ мысли всегда казалась мне странной... У вас есть опыт; старайтесь сделать его как можно более правдивым и совершенным, но оставьте другим их опыт>. Так просто. Главное - знать, что опыт есть и снять очки привычки. Важно знать, что нам есть на что смотреть, причём взгляд наш должен быть лишён позитивистских и вообще всяких догм. Позитивным должен быть наш опыт, вот и всё. Самое удивительное то, что, стоит хотя бы попытаться узнать, двери к открытию откроются сами собой, словно могучая маленькая вибрация, покоящаяся в вещах, откроет невидимые окошки в привычных мелочах, и всё заговорит, начнёт рассказывать свои нескончаемые истории, будто сами наши слепые шаги, без знания, но с одним лишь желанием узнать, слагаются в дорогу. Искреннее усилие словно творит в нас тело Шакти. И мы идём от одной дверцы к другой, от открытия к открытию, и там, где были пыльные бульвары и бестолковые прогулки, обнаруживается смысл.

Мы переходим от жизни к жизни, от опыта к опыту - от одного способа прикоснуться к Материи к другому, пока тело опыта не вырастет до размеров Вселенной.

Ведь смысл эволюции прежде всего в том, чтобы развить тело Шакти в нас. Мы думаем, что воюем и совершаем революции и отправляемся в крестовые походы, что создаем философию, социализм, капитализм и империи от Геллеспонта до Бактрии, машины или литературу, хорошую или плохую, маленьких детей, но всё это - только развитие Шакти в нас, в хорошем, плохом, социализме, деспотизме, даже в машинах или в нашей глупости повсюду простирается огромная империя Шакти, а мы пытаемся ограничить её, под всеми именами и лицами, под чёрной или белой кожей, за грехами и добродетелями - это одно и то же, - в поражениях и триумфах, - везде одна и та же Шакти, один и тот же кусочек великой Среды, которую мы обживаем, собираем и по зернышку складываем в амбарах мышления и чувств, подобно пчелам великого Луча, и этот труд тянется день за днём в трудах, муках и бесчисленных жизнях, то в одном наряде, то в другом, то с философией, то без неё, то с религией, то с разноречивым вздором: мы индивидуализируем Великую Шакти, барахтаемся в ней, как головастики в стремительном потоке, - они станут птеродактилями или мышами, математиками или бродягами. Кто станет кем? Некоторые существа полностью ограничены своим телом и его функциями, они копят зернышки Энергии лишь затем, чтобы не остановилась их маленькая машина. А когда машина всё же ломается, остаётся только то, что им удалось вложить в неё, и они исчезают без следа, потому что не содержали ничего, кроме горючего; любая философия полностью лишена смысла, если она обходится без живой субстанции, способной уловить хоть несколько капелек великой Шакти. А куда такие люди попадают во время сна? И внутри их тела и вне него равно царит ночная тьма, ибо они добыли только то, что помогает их телу быть здоровым и хорошо работать - как во сне, так и в смерти, люди уходят в те края, которыми они сами являются. А если человек представляет собой только мыслящее желе, он может уйти только на переделку. Чтобы куда-то уйти, нужен транспорт. Чтобы покинуть своё тело, кто-то должен из него выйти - это очевидно.

А кто выходит? Некоторые существа собрали капельки великой Шакти мечом или резцом, религией или отсутствием таковой, какая разница! Им помогал всякий предмет, попавший в их руки - пианино, кисть, эти люди переживали каждую минуту так, словно должны быть только в этой минуте, неважно, кем, но быть, а не брести сквозь жизнь от одного занятия к другому, делая тысячи шагов в пустоте. Эти люди копили и копили искорки великой Энергии повсюду, в бунте и покорности, в да и нет, в чём угодно, лишь бы оно было живым, лишь бы оно было. Что остаётся, когда мы закрываем книги, перестаём махать руками, останавливаем шаги, тысячи шагов по жизни во сне или в смерти? Остаётся только это, капельки бытия без религий, партий, занятий и знаний - такие простые и живые. Вот и всё. Они малы и бессмертны, ибо

какому огню под силу уничтожить Энергию, поддерживающую жар звёзд?! Капли копятся в нас часами, днями и жизнями, и в конце концов складываются в недоступное разрушению тело в нас и вокруг нас; оно окрашено в наш цвет, оно несёт нашу меру бытия и нашу силу. Вот это и есть наш транспорт. Собранная в нас Шакти может находиться в любом времени, в любом месте и подчиняется гравитации лишь настолько, насколько тяжелы мы сами. Некоторые люди сосредоточивают все свои малые силы в одном-единственном деле; они хотят только знать, знать больше, хотят любить, любить больше, хотят действовать и действовать как можно чаще; они распространили свое пламя на маленький круг семьи, или на маленький круг отечества, или на широкие круги, и растворили свою маленькую личность в любви к земле или ко всему, слили свою малую силу с Великой Силой. У них множество цветов и множество тел: тело собранного ими знания, тело собранной ими любви, тело их действия, - множество тел, сияющих всеми центрами вибрации; эти люди освоили все ноты своих диапазонов, все цвета силы. Они расширились дальше и дальше, действовали всё активнее и активнее, их тела росли в каждой эпохе, под любой широтой, при любом деле, они выросли, в конце концов, настолько, что у этих людей не было нужды куда-либо уходить или изменять среду, поскольку всё стало их телом, и Шакти стала их средой.

Поэтому они откроют высший способ прикоснуться к Материи и высший образ бытия.

Следующего тела на земле.

Возможно, никакого <высшего> и нет, а есть лишь единственный образ, растущий вечно.

6

ОТ ИСКУССТВА К МАТЕРИИ

<Жизнь художника> Она начала в 19 лет, выйдя замуж за Анри Мориссе, учившегося в Школе Изыщных Искусств у Гюстава Моро. Странно говорить о <жизни художника> по отношению к Ней, в чьей памяти было так много разных жизней, блестящих, жестоких, светлых, тёмных, таинственных, не говоря уж о тех, о которых нам вообще неизвестно. Её перспектива мира существенно отличалась от нашей, спешка и лихорадка, присущие нам, полагающим, что мы падём замертво в конце пути, по истечении нескольких лет, полных борьбы и страданий, перемешанных со скудными радостями (тем более, что мы даже не знаем, дадут ли наши труды хоть что-нибудь, помимо чуждого нам потомства), - такая лихорадка была совершенно несвойственна Ей. Нам же придется признать полную абсурдность окружающего мира, хотя

нашим куда менее образованным предкам такой взгляд на вещи показался бы сущим варварством. У Неё всё было по-другому. Она иначе прикасалась к Материи, иначе шла по открытой дороге, с каждым шагом становившейся всё яснее и шире: <Удивительно... меня учат. Проживи я хоть тысячу лет, а то и больше, я бы по-прежнему училась, каждый день узнавая что-то новое, так как вчерашняя истина не истинна сегодня, а сегодняшняя - завтра>. Однажды ребенок спросил Её, что случится с душой Бетховена (конечно, он был уверен, что гений должен родиться во второй раз сверх-гением и сочинять сверх-квартеты), а Мать со своим неизменным юмором ответила: <Не знаю... возможное он будет сапожником!> Ведь открытая дорога представляется нам столь же абсурдной, сколь абсурден отрезок извилистой тропинки, по которой мы поспешно семеним к своей цели - стать сверх-тем-что-соответствует моде, нашим взглядам и знаниям, - к счастью они подвержены изменениям. Но что неизменно? Что постоянно? Она успокоила обескураженного незавидной судьбой Бетховена ребёнка: <Это не падение, просто он взглянет на ту же проблему под новым углом>. Так что за проблема встаёт во все времена и в каждом времени?

Жизнь художника

Шаг из Луксора или Палаццо Дукале на улицу Лемерсье (там находилось ателье Мориссе) отдавал святотатством, но все события в мире суть внешние проявления <одного>, таящегося в каждой вещи и существующего лишь благодаря ей.

Итак, год 1897, до смерти Гюстава Моро остался один год, Рембо умер шесть лет назад. На картинах импрессионистов взорвался свет, волны пошли по всей Европе и вернулись на берега Сены новой тысячецветной палитрой. Моне пишет <Тополя на берегу Эпта>, а пуантилисты испещряют полотна микроскопическими точками в жадном стремлении распылить Материю и извлечь из неё совсем уж невиданные оттенки и свет. Неоимпрессионисты, экспрессионисты, фовисты уже чертят на холстах дикие линии канареечно-жёлтого неба и кирпично-красных деревьев: они раскрасили мир в цвета своей души или того, что не имеет ничего общего с внешним обликом предмета. Руо оттеняет лица на своих портретах наподобие барельефов, целые века жили в них, и глаза ассирийца с удивлением смотрели на наш мир. Как и Мирра, живопись прорвала корку мира в поисках неуловимой тайны. Фламенка это головокружительное приключение заставило бросить скрипку. Брак и Пикассо с яростью голодных волчат набрасываются на старый принцип связи вещей, желая окончательно растерзать его. Роден без конца переделывает <Врата ада>, и из хаоса души вот-вот выплеснутся новые небеса.

И Мирра видела это.

Она открывала глаза, Она смотрела на всё это с улыбкой Моны Лизы и смеялась: Её забавляло всё. Она играла со всем на свете, и, смеясь, отлично улавливала то, что другие стискивали в кулаках, рвали зубами, разлагали на части на полотнах или дробили в камне. Матисс и Руо, как и Мориссе, учились у Гюстава Моро. Мирра знала и их, и старых импрессионистов - Ренуара, Дега, Сислея, Синьяка и того, <кто никогда не изображал тарелки круглыми (это Сезанн), но был прав>. Её взгляд никогда не останавливался. Её жажда была не слабее, а может быть, даже и сильнее, чем у художников. Когда те останавливали поиски, Она продолжала копать и углублялась в Материю, стремясь вырвать у неё тайну. Уже в семьдесят семь лет Она, обладавшая столь утончённой культурой, восклицала, глядя на картины наших современников: <Ужасно то, что такие работы вызывают полное отвращение к другим художникам!.. Да, им удалось отбить у меня вкус к классической живописи... Когда-то я смотрела на картины Рембрандта, Тициана, Тинторетто, Ренуара, Моне и чувствовала радость. Её больше нет; эти полотна полностью лишены радости... Конечно, когда я вижу подобных художников, мне совсем не до удовольствия, но в их произведениях есть нечто такое, что заставляет исчезнуть всё прочее. Может быть, небольшое усилие, небольшой рывок в сторону будущего поможет нам найти формулу новой красоты>.

Она видела это... случайно? По существу, с 1789 года не было более глубокого переворота; Эйнштейну исполнилось восемнадцать, когда Мирре было девятнадцать. Скоро Макс Планк обнаружит вслед за пуантилистами, что свет движется не благодаря вселенской мудрости, а <маленькими пучками>. Над яблоком Ньютона нависла опасность, ибо новое яблоко гнало нас из рая. И это не всё.

Конечно, Её любили все. <Им было по тридцать - тридцать пять, а то и по сорок лет, а мне - девятнадцать, потом двадцать... я была всеобщей любимицей>. Что-то неуловимое открывало Ей любые сердца и двери, то же было и у Миры Исмаилун, но ни экстравагантность ни гардероб (<Как-то раз мои лакированные ботинки потрескались, и я просто покрасила их, чтобы это не бросалось в глаза!>) тут были ни при чём, а говорила Мирра куда реже, чем смеялась: Она без слов доходила до самого сердца вещей, срывала с предметов маски внешнего облика и подступалась к вибрирующему средоточию вещи; художник может уловить её, но вряд ли сумеет дать в этом отчёт хотя бы себе самому. А кроме того, в характере Мирры мягкость соседствовала с спокойным и убийственным чувством юмора и непосредственностью восприятия: Она моментально находила место каждой вещи, причём делала это так просто, что никто даже представить не мог, и все разражались смехом. Даже Роден доверял Ей. Вокруг него было так много секретов, так много интриг - они завязывались между его женой и натурщицей, между искусством и тяжелой истиной, которую он хотел без прикрас запечатлеть на полотне или в камне, - все эти

интриги представали перед Матерью в своей первозданной чистоте. Если бы Мирра записала воспоминания, у нас бы были замечательные мемуары, но всё это представлялось Ей мимолетным ветерком, а сама Она находилась уже гораздо дальше, в кузнице будущего, и интересовали Её прежде всего те, кто всегда и под любыми формами работал там. Когда она проходила мимо, все знали, что идет именно Она. Мы представляем себе Мирру в длинном, по моде тех дней, платье, с осиной талией, сжатой корсетом, волосы на голове собраны в высокий шиньон, напоминающий ятту Шивы; на круглых щеках играет румянец, свойственный выходцам с Ближнего Востока, бесстрастное лицо готово в любую секунду взорваться смехом или застыть, если Она начнёт вглядываться во что-то, но самое главное - это глаза, перенимающие все цвета на свете. Мирра словно сошла с полотна Ренуара, но никакой Ренуар не написал бы Её глаза, да и, вообще-то, Она ужилась бы на многих полотнах, в зависимости от дня и часа, в который мы заставляли её: Мать напоминала мне картины Клуэ, египетские маски, монгольские миниатюры (а однажды мне показалось, что Она похожа на кошку). Такая <подвижность> представляется нам величайшей странностью - но что тут <странного> для Неё? Ведь Она становилась тем, на что смотрела, и проникала в предмет настолько глубоко, что сливалась с ним, будь то питон в Зоологическом Саду, герань в Тюильри (<спокойная и весёлая: ничто её не тревожит>), опаловые солнечные блики на поверхности спокойных рек у Моне, горе этого человека, беда того, - и, наконец, всеобщая вездесущая мука. Она входила в картины, в живые существа, в кошек, в камни, обтёсанные как скульптором, так и ветром, оставляла в сердце каждого то, что не смогла бы оставить никакая Мира Исмалун.

Разделение

Странная Мирра.

Но всё это оставляло Её неудовлетворённой. Она искала более глубинной революции, нежели восстание линий и цвета; Эйнштейн или Планк заинтересовали бы Её скорее, чем импрессионистский бунт. Впрочем, всё связано: новый, ещё неизвестный фермент начал подтачивать старый фасад Материи.

Шри Ауробиндо в Бенгалии начал революционную деятельность. Она искала повсюду, широко раскрывала глаза, пускалась в самые разные <исследования>, и сплошной чередой шли хаотичные и неожиданные новые переживания. Теперь их героями стали люди. Что это означало? Да, можно писать прекрасные картины, спорить ночи напролёт, посметь положить на холст такую вот линию или этакий вот цвет, обтёсывать мраморную глыбу, лепить из

глины, но что такое жизнь - первоматерия без красивых завитушек и рамы? Всё остальное - яркая, опаловая, или лимонно-жёлтая, или какая угодно ещё пена, покрывающая серую, унылую и блёклую массу (<Культура? Просто пена на поверхности>, - говорила Она), иначе жизнь превращается в кисть или резец, или ещё что-нибудь в этом роде, а всё остальное - в интервал между двумя взмахами кисти. Так где же жизнь, настоящая жизнь? Тёплый и живой цвет на полотне часто отсутствует на лице художника, написавшего картину, а с Миррой всё было наоборот: стоило Ей открыть глаза, и картина изменялась; иногда она была любопытна на вид - черты становились прозрачными, и появлялись новые линии и новые цвета, не всегда красивые, зачастую тёмные, иногда она даже видела вместо человека безголовое грязное месиво, а порой голова окрашивалась в разные цвета, в зависимости от настроения её владельца, а всё в целом представляло собой что-то вроде разноцветного контрастного коллажа, хотя цвета могли быть грязными и ничуть не походить на прекрасное творение художника. Если бы Мирра посмела написать то, что видела, Её работы показались бы куда <реалистичнее> Пикассо. Но за <Арлекинов> Пикассо ещё и не брался. <Когда я смотрю на человека, состояние его сознания я физически воспринимаю как внешний облик. Меняются его глаза, лицо, тело, даже цвет и форма... В одном и том же человеке есть всё, и всё постоянно изменяется - меняются вибрации, неизменен только внешний вид, но это - пустая оболочка. Состояние людей заметно - видел бы ты, что это такое!.. Бесконечные формы, лица, жесты, словно перед тобой не человек, а коллекция набросков умелого карикатуриста. И всё крутится, крутится, изменяется, - очень интересно. Только суровый человек или злодей не увидят этого, - тут нужна чуткость, чувство юмора и ирония. Формы просто бурлят... А те, кто наглухо закрыт в своей кожаной сумке, кажутся инертными и искусственными>. Так почему же одна картина может быть не столь красивой, как другая? Зачем ставить жизнь ниже её изображения, удачного взмаха кисти в сердце <грязной трясины>? Работать с человеческой материей Мирре было интереснее, чем раскрашивать холст, мало напоминающий прообраз. А если картина получится красивее? В целом, Мирра выводила мораль в первую очередь из эстетики - да и греки делали то же самое. Просто мы не уверены, что все их Аполлоны на самом деле не таят в себе того же самого горя.

А Мирра вообще не выносила лжи. Честность видна уже в цвете человеческой мысли.

<Жизнь художника> Она вела ровно десять лет, до развода с Мориссе; именно в тот год Пикассо начнет <Арлекинов> - совпадение? <Большая часть художников представляется мне уже возделанной почвой, - заметила Мать. - Когда они пишут, вокруг них великолепная красота, но в обычной обстановке они, как правило, имеют очень мало общего с искусством, и представляют собой весьма плоских и заурядных людей>. Мы не знаем, относится ли это к Мориссе, - Она никогда не говорила о нём, - но проблема не в этом. Мирру

давно ужасал раскол бытия - раскол всего сущего - между искусством и жизнью, тем, что есть и тем, что мы делаем, идеалом и повседневностью. Вечное разделение Материи и Духа. А ведь <дух> начинается не на некоторой высоте над уровнем моря, если его нет в самом обычном поступке, его либо нет вообще нигде, либо первый же просчет на житейском уровне уничтожит его. Нам ещё предстоит открыть силу <обыденного> и увидеть, как все цивилизации, духовные или научные вершины, одна за другой, да, в общем, и наша жизнь, и наше собственное тело, рушатся под давлением самых что ни на есть обыденных причин: вмешательство <случая>, щепотка пыли, тысячи пустяков. Обычно дух не утруждает себя заботой о них, но именно они заполняют, а в конце концов и пожирают, жизнь. Да и какие же это <пустяки>, если нам надо пятьдесят, а то и шестьдесят лет на то, чтобы осознать их разрушительную силу, тем более, что эти годы мы проводим в бессмысленных блужданиях среди миллионов безмолвных смертей, ждущих своего часа. Я вспоминаю одну беседу (да простит читатель это отступление). Некий человек жаловался на свои проблемы, а я сказал, что ему достаточно <утопить зверя>, то есть найти для микроба вечности в пространстве и времени место в океане, тянущемся до Тихого океана и Малайзии под вращающимися галактиками. Конечно, космическое сознание должно избавить вас от зверя. Но он мстит - он вообще не тонет. Собеседник ответил: <Ну да, но ведь эти микробы и создают галактики>. Разрушают галактики тоже они. На самом деле, мы будем умирать до тех пор, пока не вдохнём дух в самого распоследнего микроба. Может быть, все цивилизации погибли лишь затем, чтобы выучить этот урок.

Но ведь цель нашего пребывания здесь - не создание цивилизаций. Мы должны найти новый подход к Материи, и вооружиться не мыслями, не ярлыками и кистями, а чем-то другим.

Мирра была слишком <материалистичной>. Она слишком любила Материю, чтобы поддерживать раскол и не одухотворить всё, или, скорее, не освободить дух во всём, ибо везде Она видела одно и то же целостное и всеобъемлющее сознание. <Соединить полюса>, - скажет Она. <Вселенная была создана только для того, чтобы соединить полюса, две крайности сознания. Когда они будут едины, мы увидим, что противоположности являются одним: они едины и вместе с тем бесконечно многообразны>. А в Калькутте Шри Ауробиндо, захваченный революционным движением, открывал ту же истину и исследовал, как бесконечность Духа проявляется в самом грубом или обыденном действии: <Религии - напишет Он, - по большей части проклиная Материю, отказ от физической жизни или смиренная стойкость по отношению к ней оказываются для них критерием религиозной истины и духовности. Древние верования, более терпимые и продуманные, не знали такого разделения: они признавали как Мать, Землю, так и Отца, Небо, равно любили их и равно почитали. Но для наших глаз древние мистерии тёмны и непостижимы, какими бы ни были наши взгляды, материалистическими или идеалистическими, всё равно, - гордиев узел проблемы существования нам хочется разрубить одним махом и принять

либо бегство в вечное блаженство, либо исчезновение во всеобщем небытии или покое>.

Мы вспоминаем чудесную строку Шри Ауробиндо:

Дух прикован к золотому столпу блаженства.* * Савитри

А материя прикована к чёрному столпу смерти. Догма, гласящая: <Мы движемся к смерти>, - столь же лжива, сколь и другая: <Мы движемся к небу>. Мы движемся не к смерти и не к небесам, а куда-то туда, где нет ни Материи в том виде, как она представляется глазам ментальной гусеницы, ни небес, как они видятся духу; этот край могут увидеть только совершенно другие глаза. Очень может быть, что нам придётся разрушить последнюю догму - смерть. Но для этого человек должен снизойти до мельчайшей, клеточной <обыденности>, ибо до сих пор, увлечённый куда более занимательными картинами, он просто не обращал на неё внимания. А ведь как дух не начинается с некоторой высоты над уровнем моря, так и смерть берёт начало не в rigor mortis*. * (лат.) - трупное окоченение.

Шри Ауробиндо и Мать несут в себе целую историю новых отношений Духа и Материи. Открытие третьего слагаемого изменит и Дух, и Материю, и откроет двери новому земному виду.

Очищение материи

Как должна была Мирра взяться за это? Какой дорогой идти?.. Трудно сказать. Она, наверное, и сама не знала как следует: <Даже для мысли моя дорога должна быть чиста>, - заметит Она. Легко сказать: во-первых, во-вторых, в-третьих... сначала Она сделала это, затем - то, такие-то упражнения, такие-то медитации - и вся дорога вроде бы упрятана в коробку. А Она с прежним озорством могла отступить вправо или влево, забежать вперёд или сделать вообще что угодно и запутать всех. Или только головы; мы ведь думаем, что йога - обычное занятие, вроде упражнений с гантелями, геометрии или плавания под парусом. А вот Она не знала, что такое йога, никогда не слышала разговоров на эту тему, что же до <занятий>, то Мирра чем-то занималась и <упражнялась> всю жизнь, поэтому дорога для Неё простиралась вообще повсюду. Конечно, можно попытаться поймать Мать на каком-нибудь повороте, но Она просто посмеётся и мы увидим, что Она уходит уже совсем в другую сторону... Тяжела задача её нынешних и будущих летописцев, если только они не пожелают вести себя в обычной смехотворной манере: <Так говорила Мать...>, или <Так делала Мать...>, - Мирра говорила всё, даже противоречила своим словам, а поступки Её бывали порой слишком необычны:

<Мое сознание всегда было действием. Действие, действие и ещё раз действие. На самом деле, это означает постоянное творчество, Я могла быть эрудитом, писательницей, художницей, но мне никогда не хватало терпения. "Что-то" всегда исчезало слишком далеко и слишком высоко>.

Такая скорость была не по плечу Мориссе, поэтому их дороги разошлись - никаких скандалов не было, они с Миррой остались добрыми знакомыми; он даже женился вскоре на Её подруге. Мы почти ничего не знаем о нём кроме того, что он, по примеру прочих членов этого святого племени, был неверующим; кроме того, Мориссе был неплохим человеком, может быть только чуточку легковесным и не желавшим вдохнуть в свою жизнь то, что он вдохнул в свои картины. Мирра никогда не пыталась <изменить> или переубедить мужа. Это полностью противоречило Её натуре. Она от рождения прекрасно чувствовала, что такое абсолютная свобода: <Пока мир не освободится полностью, он не станет правдивым>. Позже Она с обезоруживающей простотой ответит на упрёки в том, что Она недостаточно строга с некоторыми заблудшими овцами: <Божественное реализуется в разных людях по-разному - иначе на всём свете была бы одна-единственная живая душа!> Когда Мориссе закрыл глаза, чтобы отойти в мир иной, он думал о Мирре и просил прощения у Неё. <У каждого своя дорога; остальным нечего на ней делать>. Вот так, всё просто.

Просто, но трудно, если быть честным.

И всё же, Она родит сына, Андре, который тоже станет инженером (наследственная болезнь). Родит Мирра ровно в 20 лет. Но не этого Она ожидала от жизни и от Мориссе: <Я мечтала о великой взаимной любви, свободной даже от следа животных проявлений - скажет Она устами одного из своих персонажей. - Смысл здесь в том, чтобы физически воспроизвести великую любовь, лежащую в основании миров. А производить на свет детей... физически я никогда не ощущала себя матерью. Этим занимаются миллионы людей, так что же, мы должны начинать всё с начала? Да нет, не затем люди рождаются>.

Не затем люди рождаются... Мы - тайна для самих себя, мы замурованы в кожаный мешок, заполненный всем подряд: мать, отец, география, законы, история, самые разные истории - но где наша история? - друзья, семья, дела - а мы что делаем? - жена и дети, начинающие сначала ту же самую историю... мы-то её так и не начали - разве мы прожили хотя бы одну секунду, маленькую секунду, принадлежащую только нам, а не дедушке, или прадедушке, или друзьям друзей? Различаются только вечное перо или стетоскоп в руках, коричневый или белый цвет платья жены, религии, соломенные шляпки и библиотеки, рассказывающие историю, которая ещё и не начиналась. Мы не успеваем перевести дух, а вокруг уже громоздятся две тысячи триста тайн. Но по правде говоря, тут вообще нет тайны; просто вместе с отцом, бабушкой,

географией и законами на нас взвалили ещё что-то. Вот мы думаем, что должны <сделать> то, <выучить> это, и бегаем за книгами, в которых говорится о том, что другие выучили от третьих, добавив туда несколько тайн и уравнений, чтобы половчее упрятать в коробку ими самими созданную великую Тайну. Мы перескакиваем от объекта к объекту, мы меняем миллионы объектов, и лишь затем, чтобы заполнить бездонную дыру субъекта? Его, очевидно, здесь нет, но где же он? Он запечатлевает себя в миллионах копий, он гонится даже за тем, чего нет. Он изобретает часы, телефоны, но самого себя изобрести даже на кратчайший миг он не сумел. Да был ли он вообще, был ли он на самом деле, без примесей, которые он добавляет себе сам - без философии, религии, тысячецветной оболочки? <Мы рождаемся в грязной трясине, и нам надо вычиститься, - говорила Она. - Знание, знание! Я знала только самые заурядные вещи - это внешнее знание, - но узнала всё, что было дано узнать: не только то, чему меня учили, но и то, чему учили моего брата - высшую математику, и так далее. Я училась и училась, - но это ничто. Ничто ничего не объясняло, и я не могла понять ни единой вещи>.

Мирра вычистила безбрежную трясину тайны. Она хотела видеть мир ясно - никакой тайны, это важнее всего! Она заглядывала в себя, и Она видела там всё: Матильду, Большого Турка, соседку соседки - <жуткая смесь>. <Возьмите краски - четыре или пять Цветов - и разведите их в воде. Получится серая неразличимая и непрозрачная жижа, правда? Где красное, где голубое, где жёлтое, где зелёное? Не понять, всё перемешалось. Вам придётся поработать, чтобы разделить эти цвета и расставить их по местам!>. Вполне возможно, что Та, кто в других жизнях прошла через множество <Тайн>, вновь родилась в материалистической и банальной обстановке только затем, чтобы, сбросив груз прежних посвящений, освободившись от цепей мудрости, обрести высшую тайну Духа в сердце Материи. Может быть, только так и можно <взглянуть на ту же проблему под новым углом>. Угол может быть широкий или узкий, их миллионы, но все они происходят из одной точки точно так же, как Большой Взрыв разразился в одном-единственном атоме.

Прежде всего надо очистить Материю.

Она занималась этим в каждую минуту, на улице и на лестнице; самые ничтожные дела и незначительные встречи помогали ей. Жизнь вовсе не таинственна, просто мы не знаем, как жить. Мы не вылезаем из болота, где бы мы ни были, и что бы мы не делали. Что же удивляться, если мы ничего не можем разглядеть? Наши мысли, эмоции и реакции не знают ни минуты покоя, но мы не встречаемся ни с чем, кроме нашей собственной смеси, в которой мы безнадежно запутались. Откуда же взяться чистой вибрации и чистому восприятию? С таким же успехом можно окунуть радиоприемник в ведро с дёгтем, а потом потребовать, чтобы он настраивался точно на ту длину волны, которая нам нужна. <Мы просто купаемся во всевозможных вещах: хороших, плохих, нейтральных, светлых, тёмных, - вокруг нас есть всё, а сознание, в

принципе, должно действовать как фильтр... В общем, это и есть смысл физического существования: люди управляют некоторыми количествами вибраций, представляющими рабочее поле каждого человека. И это великолепно, люди не понимают, что это величайшая благодать: вселенная организована таким способом, что субстанции, начиная от самых материальных, и заканчивая самыми высокими и духовными, собраны в одной маленькой личности, но подчинены Центральной воле. И всё это ваше, это ваше поле работы. Словно кто-то тщательно собрал вибрации и дал их вам, чтобы вы работали с ними и день и ночь, бодрствуя и во сне. Никто не отнимет их от вас, это чудесно!> Итак, целая сфера жизни приходит снизу - это семейные и родовые привычки, реакции, всосанные с молоком матери - они <естественны>, это громада воспитания; затем приходит мир горизонтальных вибраций, рушащихся на нас как вода на барабан мельницы, нас болтает из стороны в сторону - адская сарабанда, по сравнению с которой поездка в метро в час пик кажется детской сказкой. А мы каждый день добавляем к этой дикой смеси новые <познания>, встречи, новые <прозрения>, но нового в них ничего нет, разве что ментальные блуждания в ослепительно тёмных лабиринтах. Мы летим по большому кругу вокруг маленькой трапеции, и думаем, что это кругосветное путешествие. А что до трапеции, так даже не мы создали её. Что же здесь принадлежит нам? - мимолётное мгновение, не замеченное нами и улыбающееся неведомо кому.

Нет ни исключительных талантов, ни исключительных прозрений: просто одни машины ясны, а другие - нет.

Как только немного проясняется,.. просыпается интерес к миру. <Кто-то> понемногу открывает глаза - совершенно свежие и чистые глаза, словно смотрит впервые. Тайн больше нет. Мы покинули таинственную и запутанную страну. Подобно Мирре, сидящей на стуле или под деревьями в лесу Фонтенбло, мы учимся читать великую книгу мира: <В ту пору я ещё не знала ни что такое медитация, ни как медитируют. Я сидела под большими деревьями, чувствовала в себе спокойствие и собранность, почти теряла связь с внешним миром и ощущала очень тесную связь с деревьями. Я была счастлива. Дружба людей с некоторыми деревьями может быть очень близкой. Они куда более привязаны и щедры, чем люди и могут дать защиту, неизмеримо большую человеческой. Если вы понравитесь им, то ясно почувствуете вибрацию их жизненной силы>. Мы изучаем новый поток жизни, текущий во всём, не знающий преград, связывающий всё и не ведающий о разделении времени и пространства. <Я бы сказала, что река - хороший символ жизни, - заметила Мать. - В реке постоянна "вода". Капли могут быть разными, но они остаются водой, иначе не было бы реки. А в человеческом существе постоянно "сознание">. Избавившись от ментальной оболочки и тысячецветной <жуткой смеси> <наших> чувств, <наших> реакций, и других бесчисленных <наших>, вовсе не принадлежащих нам, сознание течёт свободно и несёт бесчисленные знания. Мы обнаруживаем, что его сила так же конкретна, как электрическое

или магнитное поля, и управлять ею легко: человек направляет луч, испускает его, отключает ток, пускает его там, где нужно, и так, как нужно. Мы получаем всё, что нам угодно. Мы видим всё, что нам угодно: мы видим, как приходят лёгкие и тёмные, наполненные симпатией или ненавистью, болезнью или несчастьями вибрации. Только чтобы изучить их качества, нужна огромная работа. Они не знают <морали>, - ужасного <тигра в полосах добродетели и греха>, как говорил Шри Ауробиндо, неизменного дьявола чёрно-белого, просто некоторые вибрации <созидательны>, а другие <разрушительны>, одни <прямые>, а другие <все в безумных и совершенно бесполезных извивах>. И вместо того, чтобы путаться в сплетениях горизонтальных вибраций, человек освобождается, постигает и получает целый мир вертикальных вибраций; он может поднять над своим черепом антенну и постепенно, шаг за шагом, мир за миром, план за планом, изучить вибрации, приводящие в движение и мир, и людей, и события: <Я знаю даже то, о чём не имею ни малейшего представления>, - воскликнула однажды Мать. Да, всё здесь. Надо только черпать в потоке Великой Шакти. Она говорила со своим неизменным юмором: <Образование - это попытка заменить сознание библиотекой внутри!>

Да и откуда взяться горю, если мы так обширны? Несчастливы лишь те, кто мал и замурован в теле.

Мы вышли из ментального кожаного мешка, или <ментального цирка> - чудесного шатра с разрисованными клоунами, окрашенными цветами, танцовщиками и акробатами, крутящимися вокруг трапеции, - такое зрелище никогда не надоест: лёгкость, прыжки сквозь горящие круги, жонглёры... но стоит покинуть этот шатёр, такой огромный, такой красивый и так ярко освещённый... ацетиленовыми лампами, и мы понимаем, что это маленькая палатка, затерявшаяся в бесконечности. Можно просидеть в ней пятьдесят лет, а можно и целые столетия. Вы думаете, что вы - канатоходец, шут, наездник, <кто угодно: мальчик, девочка, мужчина, женщина, собачка, лошадь, камень, море, сознание; вы воображаете себе всё, что угодно, а лучше бы подумать, что вы - Единое>. Здесь и начинается тайна.

<Общее поле> без уравнений.

В 1905 году Эйнштейн впервые опубликовал уравнения, связывающие Материю и Энергию.

Она в одиночку продвигалась сквозь мир, лишённый внешних обличий. Даже те, кто слышали первый удар набата - или первый перезвон колокольчиков - прогремевший над их красками или наукой, не знали, что они делают. В лесу будущего глаза у нас завязаны, хотя именно оно подталкивает нас вперёд; оно уже здесь. Мирре было года двадцать три - двадцать четыре. Не ведая страха. Она одна шла сразу через несколько миров, и очищенная Ею Материя, казалось, всё глубже и глубже тонула во времени, не знающем часов, в пространстве, не знающем расстояний, и в странной географии, смешивающей прошлое и будущее; твёрдая и тяжелая Материя растекалась под натиском мощных потоков, и неприкосновенной оставалась только её хрупкая корка - бесполезная, почти несуществующая, и всё-таки крайне нужная её материалистической душе: казалось, что в этом осколке погасшей звезды - ключ ко всем остальным звёздам, что в крошечной клетке собрана вся сила, приводящая в движение миры, а в беспричинном порыве, заурядной обыденности - финальная сцена, в которой завязываются и развязываются все узлы других миров. Так в мелочах полностью представлено то <нечто>, чьи законы движения наугад искала Мирра. К счастью, <Бог> не дал Ей знания о буддизме, иначе Она бы уверовала в иллюзию Майи, - на Её долю выпал благословенный дар не знать вообще никаких <измов>; с невинной душой и открытыми глазами Она в одиночку продвигалась вперёд; так неужели Её путь хуже пути людей, что идут, зажмурившись? Да и кто поручится в истинности любого направления там, где есть только что-то такое, что светит в сердце и днём, и ночью, и в чуде, и в заурядности, и в катастрофе, и в не-катастрофе, оно и толкает на поиск настоящей истины Материи и Духа. <В своей жизни я прошла через всё, и всегда чувствовала нечто вроде света - неуловимое и совершенно чистое (не в моральном смысле, я говорю о чистом свете) - оно пронизало повсюду, светило везде, но ни с чем не смешивалось. Даже ребёнком, я ощущала это белое пламя. Я никогда не чувствовала отвращения, презрения, ужаса, никогда не казалась себе испачканной чем-либо или кем-либо. Пламя, настолько белое, что никто не лишил бы его этого цвета, горело всегда>. И что могло испугать это? Какая Майя устояла бы перед этим? Какой ад или рай двенадцати миров? Или тринадцатого, нашего, хотя он, похоже ещё не стал тем, что он есть на самом деле. Когда же это случится, все тринадцать миров станут одним во времени без несчастий, пространстве без столкновений и - теле без смерти.

Сверхчувство

Мы говорили, что Мирра искала настоящий закон Материи, настоящее движение жизни, но ведь на самом деле всё вращается вокруг одного вопроса.

Мы стоим перед фактом смертности человека или, во всяком случае, смертности человеческого тела; пока не будет найден ключ к смерти, у нас не будет ключей ни к Материи, ни к жизни. Странно: чтобы понять, что такое материя, надо узнать, что такое смерть, словно, взглянув на Материю, мы видим и смерть. Они идут вместе. Ни духовные, ни научные перевороты ничего не перевернут, пока не совершится переворот смерти. Одна-единственная прореха разделяет все стороны жизни: благодаря ей жизнь и мир в теле - это одно, а вне тела - другое, мир разделён смертным телом. А умирает оно, быть может, лишь потому, что не умеет иначе, не знает другого пути. Правильный путь - это и есть настоящий закон жизни и Материи. Найдите его, и прореха, мешающая жизни стать настоящей жизнью, будет залатана. Жизнь не должна быть добычей смерти, а Материя должна стать тем, что она есть, но мы не знаем, что есть на самом деле, мы видим только свои микроскопы и телескопы. По правде сказать, они ничуть не умнее нас; это просто продолжение нашего интеллекта, неизменная чёрная или золотистая сеть, окутавшая даже бесконечно малое, всё та же пара очков, уставившаяся на саму себя совсем не так, как надо - а как надо? Так, чтобы изменить всё? Стоит нам только приоткрыть настоящее окно в Материю, и Материя изменится так же радикально, как в тот день, когда окно Разума заменило окно обезьяны.

Шри Ауробиндо в Калькутте, как и Мирра, видел тот же взрыв видимого мира. Вскоре он напишет: <В настоящее время все знают, что наука говорит не об истине предметов, а лишь о языке, выражающем некоторый опыт предметов, их структуру, их математику, впечатление, упорядоченное экспериментами, и пригодное к употреблению, - не более того. Даже структуру Материи мы знаем поверхностно (возможно, это просто одна из форм энергии), лишь настолько, насколько она доступна разуму, чувствам и некоторым инструментам исследования (а ведь сейчас предполагают, что последние очень сильно влияют на результат: Природа приспособливает ответ к инструменту), и ни один ученый не знает более этого или не может знать>.

Мирра только начинала этот поиск, но продолжать Она его будет до девяносто пяти лет, шаг за шагом, каждую ночь и каждый день. <Видения> не очень интересовали Её, разве что Она наблюдала, как меняются черты лица, форма или цвет объектов, погружающихся в другом измерении - а кто скажет, где <истинное> измерение? Все это интересовало Мирру лишь настолько, насколько что-то изменялось в Материи, в её организации, и, в конечном счете, что это могло дать миру, тому миру, по которому Она уверенно шла. И для Мирры, и для Матери весьма важен такой прагматизм. Из своих переживаний Она стремилась создать не философию или систему, но средство действия. <Я никогда не стремилась к пониманию через голову, меня интересовал результат: как изменяюсь я сама, как изменится моё отношение к миру, как изменится моё отношение к творчеству. Так было с самого детства. Откуда приходят изменения в мир, окружающий ребёнка? Происходят вроде бы совершенно обычные вещи, но моё отношение к ним меняется, и меняется всё вокруг.

Почему? Всегда происходит одно и то же. Зачем чувствовать себя так, будто у вас на голове огромный груз, если можно подняться над ним, улыбнуться и мало-помалу начать изменяться? Почему не выпрямить то, что скручено? Это так же просто, как выпустить пар из клапана>.

Чтобы найти тайну тела и Материи, нужно, конечно, овладеть ими, ведь никто не признается, что он в тюрьме, пока не выйдет из неё; да и нужно ли рассматривать стены здания в микроскоп, если хочешь всего лишь убедиться в его реальности? Кроме того, надо ещё узнать, как работают чувства и глаза, когда вы смотрите в микроскоп. Каждый день Она проводила сотни экспериментов, по любому поводу, но, главное, без повода. Нам тяжело сделать выбор, поскольку это то же самое, что выбирать из полётов птицы, не знающей клетки, какой-нибудь один. И всё же, нам немного легче, ибо Она вспоминала об одном типе экспериментов, дающем нам указание на то, в каком направлении двигался Её поиск: <Несколько месяцев я пролежала в постели, мне было скучно, и я хотела выйти из дома. Я была в спальне, к которой примыкала небольшая комнатка, а за ней тянулось что-то вроде мостика. В середине сада он переходил в лестницу, ведущую в просторную и красивую мастерскую в саду... - Дело происходило на улице Лемерсье. - Я хранила спокойствие, закрывала глаза и понемногу посылала вперёд своё сознание. Сознание собирается в пучок, затем как бы вытягивается (оно вытягивается почти физически), проделывает весь путь и попадает в мастерскую. Если всё делать правильно, то можно увидеть, что там происходит и даже услышать, хотя сама я не была в мастерской: тело лежит на кровати в спальне, но сознание там. Это Физическое сознание, поскольку я всё видела и слышала физически. Если в комнате были люди, я видела их, если они говорили, слышала их разговоры... Это как бы сверхчувство, то есть настолько мощное и развитое чувство, что оно может воспринять то, что недоступно обычным чувствам, например, видеть на расстоянии, действительно видеть - физически - сквозь стены>. Это <сверхчувство> является сознанием, поскольку, в общем, существует только одно чувство - сознание; для удобств эволюции оно привыкло пользоваться глазами, ушами и так далее, но только эволюционная лень, или, возможно, снисходительность, постоянно довольствуется тем, что есть у нас, младенцев эволюции, и твёрдо верит, что без глаз нельзя видеть, без ушей - слышать, без тела - двигаться. И поскольку мы верим этому - иначе быть не может. Стоит отказаться от этой веры, и всё изменится. Может быть, даже смерть, если в неё не верить, исчезнет. Нам надо отказаться от многих привычек: <Тюрьма тысячелетних привычек>, - говорила Она.

Она вновь открывала то, что знали древние мудрецы - санжнану санскритских текстов; Шри Ауробиндо определял её так: <Способность чувствовать связана не с работой различных органов, но прежде всего с контактом сознания и его объекта, то есть санжаной>. Мы, как и все дети эволюции, забываем фундаментальный закон, содержащий ключ от нашей тюрьмы, ключ к свободе: мир един, он делится на части, хоть мы и пытаемся изгрызть его на манер

термитов, вырывая для себя гнёзда и черепные коробки; мир представляет собой одно тело - мы слагаемся в это тело, поэтому нет ничего удивительного в том, что вы можете коснуться Нью-Йорка или Гонконга, мастерской на улице Лемерсье, или своей ноги - точно так же одна клетка тела знает о другой. Мы запираемся в клетках, и мы говорим, что это закон. Да, закон нашей клетки, но не мира и не Материи.

Сознательный сон

Способность расширять сознание - первый шаг, независимость от физических инструментов - второй, а в конце концов мы приходим к независимости от тела. Тело - это <этап>, как говорил Шри Ауробиндо, но какого пути? Мирра была независима от своего тела довольно долгое время, <просто так>, даже не желая этого, и не стремясь к этому. Оно стало практически независимым предметом, и Она могла покидать тело в любой момент и отправляться в иные миры, но куда именно? Таких миров множество, но если они не давали большего знания о Материи и лучших возможностей работы с ней, главным полем Мирры, то все эти эфирные прогулки были столь же неинтересны, сколь <видения>, да и зачем нужно тело, если его можно покинуть и прекрасно зажить вне его? Это просто и логично. Остается лишь удивляться, неужели все истории о рае и благодати были выдуманы лишь затем, чтобы блаженствовать в горнем мире, пока гниёт мир дольний? Природа всегда была мудра в своей экономии, поэтому, если она построила эту клетку, то в ней, всё-таки, спрятано нечто такое, чего ни в каком мире ином не найдёшь - материализм всегда оказывался отличным пробным камнем, только не <нисходящий>, так сказать, материализм, не материализм смерти, требующей искусственного взращивания, а <восходящий>, тот, что овладевает Материей и пытается сделать из неё нечто иное, нежели телефоны и прочие безделицы, или даже сверхкартины и сверхсимфонии, остающиеся всё той же потусторонней музыкой. Мирра хотела, чтобы обе стороны находились в Материи, в клетках человеческого тела. Она была проста и цельна: если что-то есть, оно есть всегда, а если это не так, то его нет. Дремотное блаженство или мессы-медитации по воскресеньям были не для Нее. День - это 1440 минут и соответствующее количество секунд. Прежде всего нужно было разобраться в <механизме>, понять, как работает клетка, созданная Природой. Материя представлялась Мирре всё более и более таинственной и <пластичной>, как энергия Эйнштейна или волны-корпускулы Луи де Бройля - тело умирает, но почему? Ведь всё прочее явно жило, с телом или без него, и жило пластично. Она совершенно не заботилась ни о философии, ни вообще о каком-либо <изме>: <Я верила только в то, что видела или в то, к чему могла прикоснуться>.

А видела Она много: миры или планы сознания вытянулись вереницей от самой что ни на есть материальной Материи - но мы даже не можем сказать, где кончается Материя и начинается Дух - до всё более и более обширных, <бесплотных> сфер, они кажутся настолько приятными для жизни, что сознание там почти исчезает - но почему это происходит? Это предел? Наш предел? Граница сверхклетки? Или что? Она всё лучше узнавала миры и <с лёгкостью> переходила из одного в другой, ещё более легкий, будто просто меняла платья, а физическое тело оставалось внизу, на конце тонкой <нити света>, и <засыпало> всё глубже, почти что погружалось в каталепсию по мере того, как Мирра отдалялась от него. Жизнь и смерть сводились к этой нити: на самом деле, не умирало ничего, кроме разве что самого конца нити, мелочи в её начале. Она не боялась, Она никогда ничего не боялась. Везде и всегда горело <белое пламя>.

На улице Лемерсье Мирра начала изучать сон - он стал её первым полем исследования. Это несложно, ведь сны находятся прямо под рукой. Она просто старалась ни на миг не отключать сознание во время своих прогулок. Она хотела знать, куда идёт, что делает, почему поступает так, а не иначе, и каким образом ночные происшествия сказывались на Её материальной жизни или смешивались с различными историями, случавшимися с Нею прямо на следующий день после сна, будто они были его продолжением или следствием. Главным для Мирры было не провалиться в яму бессознательного, этого Она пыталась избежать любой ценой, ибо бессознательное для неё было равносильно смерти. Ей было важно держать глаза открытыми и по эту и по любую из сторон мира. Сначала это было нелегко: переходя от мира к миру, нужно перешагнуть небольшой порог, пережить небольшое изменение состояния, один вздох, и контакт потерян - вы <спите> как животное. <У некоторых людей нет дороги от одного состояния бытия к другому, между ними как бы зазор и люди вынуждены перепрыгивать его: у них нет единой тропы, тянущейся через все состояния, поэтому разрыва сознания не избежать. Это похоже на чёрную дыру: вы попадаете в неё и всё забываете. Но мост надо перекинуть и над этой пропастью. На это требуется время, но ещё дольше строить настоящий физический мост>. Мирра терпеливо строила его шаг за шагом, и в конце концов Она забыла, что такое <сон>: <Больше года я внимательно следила за собой и контролировала себя: я замечала всё - любое слово, любое впечатление, я пыталась переходить от одного воспоминания к другому. Сначала никаких заметных плодов это не приносило, но месяцев через четырнадцать я уже могла перелистать все свои сны в обратном порядке. Состояние изменилось; сознание не прерывалось вообще, и я больше вообще не засыпала. Тело пребывало в глубоком сне, но сознание бодрствовало. В результате я ясно осознавала все фазы сна, и ничто, вплоть до самых последних мелочей не могло ускользнуть от моего контроля>.

Мирру интересовал прежде всего <контроль>: зачем нужны <сны>, если они ни на йоту не изменяют Материю? <Если ищущий добился единства бытия и проник сознанием во все основные элементы своего тела, его сон будет сознательным и универсальным. При желании он сможет узнать, что происходит в том или ином месте, с тем или иным человеком, а благодаря естественной универсальности сознания он сможет получить контакт с любым предметом. Обычный сон имеет какой-то смысл только с физиологической точки зрения, а здесь мы имеем дело с творческим и сознательным сном>.

Механизм воспоминания Она объясняла следующим образом: <Не двигай головой, вообрази что-то вроде неподвижного зеркала и сосредоточься на нём. Тыловишь отрывок сна, самый конец. Вытягивай его, но не двигайся при этом. Тянуть надо очень мягко, и постепенно часть за частью появится сон. Сначала приходит самый конец. С него начинается всё, и вдруг выскакивает весь сон: "А! Вот, оказывается, как это было!" Только не двигайся; повтори всё несколько раз, пока сон не прояснится до мельчайших подробностей. Восстановив его, сохраняй неподвижность, старайся идти дальше, и ты поймашь ещё что-то. Оно дальше и туманнее, но его тоже можно поймать. Держи и тяни его; внезапно всё изменится: ты попал в другой мир, начались необычные приключения - это другой сон. Придерживайся той же процедуры. Перескажи себе сон несколько раз, пока не уверишься в нём окончательно. Сохраняй спокойствие и уходи ещё глубже внутрь самого себя. Внезапно появится какая-то неясная форма, тебе покажется, ты ощутишь.... как бы поток воздуха, ветерок, дыхание: "Вот, вот!.." Впечатления обретають форму, становятся яснее - приходит третья ступень>.

А за всеми ступенями, высоко в сознании, нас ждёт высшая фаза, там всё светится белым светом, всё неподвижно, будто покоится в вечности, откуда выходишь совершенно свежим. Достаточно окунуться в эту ванну на несколько минут, и вы полностью обновитесь и расслабитесь.

Нам ещё предстоит открыть, что в этих мирах или планах находится источник всех событий в этом мире; миллионы случайностей сплетаются там в непрерывную и строгую последовательность, будто кто-то наверху знает и видит всё - быть может, наверху находимся как раз мы сами, только без ментальной скорлупы.

Когда мы узнаем это, то обнаружим, что человек всеобъемлющ и универсален от природы.

Тонкое тело

Но сначала мы сталкиваемся с непосредственной границей Материи; там ещё трудно знать наверняка, что это такое, прежняя Материя, нечто другое, или иная, может быть, настоящая Материя? Она видела её даже с открытыми глазами. Вокруг себя или любого человека (хотя выглядело это всегда по-разному) Она видела некий лёгкий покров - не то тело, не то одежду, которую можно было одеть на себя, отправляясь на прогулку в ближайшие к Материи области - в мир, похожий на физический, <но не знающий столь жёсткого разделения; вещи там более гармоничны и спокойны, а чувства неуверенности и спешки там меньше>. Лёгкое тело всегда было с Ней, даже на улице: оно словно переносило Мирру к другой, менее тяжёлой Материи - <физический мир будто бы удвоился>, - говорила Она. Она открывала то, что открыли миллионы людей по всему свету - для этого не обязательно быть мудрецом, просто излишний материализм скрывает от наших глаз это: сукшма шарира Индийской традиции, <тонкое тело>, которому уготована в нашей истории важная роль. Мирра видела его довольно долго, с самого детства: <На уровне интеллектуального сознания понимание пришло гораздо позже, когда я приобрела достаточный опыт, а его накопилось с детства много; он всегда приходил единым, как тяжелая глыба: он овладевает человеком, и тут нет нужды ни в вере, ни в знании! Ничего подобного, ты оказываешься лицом к лицу с вещью, и тебе уже нечего сказать>. В данном случае вещь это тело, воспринимаемое обычными людьми либо во сне, либо, ещё более отчётливо, в смерти. Этот этап путешествия мы ещё пройдем вместе с Миррой. В общем, нам повезло, так как в лице Мирры мы встретили исследователя, не обременённого ни опытами предшественников, ни всякими прочими подобными вещами, - это, так сказать, Эйнштейн-самородок, руки которого не связаны возможностями (или невозможностями) Ньютоновской механики, санскритской грамматики и священных трактатов. Можно сказать и лучше - материалистка Духа.

Мы можем повторить слова Матильды о том, что всё это - сон, и тут не будет противоречия: по сути дела, уравнения Эйнштейна - тот же самый сон, только для высших и более многочисленных млекопитающих. Мы вспоминаем забавную сцену, произошедшую между Матильдой и Миррой вскоре после смерти <удивительной бабушки>: <Представь себе, - сказала Матильда, - л постоянно вижу твою бабушку! Более того, она даёт мне советы! Она говорит мне: "Не трать деньги! " А я ответила матери [можно представить себе тон Мирры и Её щёки, раздувшиеся от едва сдерживаемого смеха]: "Ну, что ж, она права, будь осмотрительна" - "Но, послушай, она ведь умерла! Как она может разговаривать! Она умерла и лежит в могиле, в шести футах под землёй!" Я спросила: "А что такое - умерла?.." Это было смешно>. Естественно, мы полагаем, что всё, происходящее вне стенок аквариума - <сон>. Наверное, и сам человек - сон рыбы. Или чей?.. Чтобы узнать, надо выйти из аквариума. Я расскажу одну историю, чтобы было легче разобраться; это личный пример, но нет толка в знаниях, если они остаются на полках библиотек. Когда я жил в Индии, во Франции покончил жизнь самоубийством дорогой мне человек. Он

снял комнату в совершенно неизвестном мне городке. Я даже не подозревал о его намерениях. Однако как-то раз ночью я увидел вроде бы совершенно ничем не примечательный и тривиальный сон, но, поскольку Мать учила обращать внимание на всё (и прежде всего на <тривиальные> вещи), я запомнил его: я поднялся по тёмной лестнице, подошёл к комнате, и остановился на пороге. Что-то дало мне понять, что там находится мой друг, совершивший самоубийство, хотя я и не видел его. Мой взгляд просто блуждал по комнате: на полу лежал ковёр, а всю обстановку составляла одна лишь кровать. Это я видел отчётливо. Но в первую очередь обращало на себя внимание окно, словно в нём была сосредоточена некая особая сила; оно выходило на площадь, окружённую деревьями, по одну сторону которой стояли дома, а вдоль другой тянулась невысокая стена. Площадь уходила вдаль, сливаясь с тусклым и туманным холодным небом, по которому плыли чёрные облака. Я долго смотрел на небо, и его тяжесть почти физически давила на меня. Вот и всё. На первый взгляд, ничего значительного. Через два дня я получил известие о самоубийстве моего друга. Вспомнив <комнату> из своего сна, я нарисовал её и послал рисунок во Францию. От рисунка настоящая комната отличалась лишь тем, что в ней не было ковра, а был паркет. Я не увидел линий между досочками - это и понятно: от Франции меня отделяло десять тысяч километров. Но вид за окном был совершенно точен. Моего друга нашли у порога комнаты. Во сне я видел то, что предстало его последнему взгляду.

В тонком теле я вышел в мир тонкого физического.

Интересно, какой нужен телескоп, чтобы различить рисунок паркета сквозь стены, да ещё и на расстоянии, отделяющем Пондишери от Атлантического побережья? Можно только удивляться, как, ничего не зная, я оказался там в тот самый момент, когда умирал мой друг - я был предупреждён... Как? Вечная иллюзия разделения (вот вам и <сон> мира): мы не можем отказаться от мысли, что есть <здесь> и есть <там>, что <ты> и <я> находятся в разных кожаных мешках, и что нет числа маленьким незнакомым комнаткам. Мать говорила: <Ты здесь, и я здесь, и все здесь!> Мы составляем единое тело, откликающееся на свой собственный призыв через десятки тысяч километров. Нужно только выйти из аквариума, не к чему нам быть сном рыбы или другого существа... которое, быть может, - мы сами, только, наконец, целостные и всеобъемлющие.

Тонкое тело не особенно интересовало бы Мирру, если бы оно не играло чрезвычайно важную роль в повседневности, ведь ни <умершие>, ни прогулки в тонком физическом ничего не дадут, если не помогут гулять здесь. Возможно, не всем выпало счастье(?) видеть тонкое тело, но несмотря ни на что, оно есть: без него мы стали бы обычными туповатыми машинами, воспринимающими лишь то, что непосредственно касается кожи или оставляет отпечаток на сетчатке глаз. Тонкое тело связывает нас с <внешним миром>. Через него в нас проникают вибрации горизонтального мира. В некотором смысле это одежда для нашей души, сотканная из сил, которые мы обычно

притягиваем к себе - можно было сказать <вырабатываем>, но на самом деле люди ничего не вырабатывают: они пожирают всё подряд, и, едва что-то попадает к нам внутрь, говорят: <Это моё!> Человек даже не замечает текущий сквозь него поток вибраций. Словом, мы не знаем, как живём. А оболочка берёт цвет и силу у наших излюбленных вибраций: в гардеробе любого человека полно одежды - это сеть, сплетённая из микроскопических сил повседневности: тревоги, желания, гнева, вожделения, жажды, надежды... Одежда бывает прочной и ветхой, светлой или тёмной, красной, синей, золотой, но чаще всего это <жуткая смесь>, подобная той, что представлена на лучших картинах Пикассо. А иногда нет и цвета - одна серая муть. Тёмное месиво. Порой одежда изношена до дыр - <последствия депрессий и разочарований разрушительны: они испещряют её прорехами, истончают ткань, лишают оболочку силы к сопротивлению и открывают двери врагам>. Оболочка крайне изменчива: <Она поддается любому воздействию и в один момент способна полностью изменить своё состояние. Дурные воздействия столь же сильны, сколь и хорошие, только с обратным знаком... Мир, душевное равновесие, уверенность в своем здоровье, покой, неизменная бодрость духа, счастье, дают ей свою силу и свой образ существования>. Но через те же двери входят и болезни. Мы говорим о микробах и вирусах, но никаких <микробов> не существует - <мы доверху полны подобными вещами! -воскликнула Мать. - Люди дают ужасные имена тому, что им не нравится, но это не меняет дела. "Болезнью" называется устойчивое состояние, в котором можно находиться... а можно и не находиться>. Когда вы радостны, <микроб> бессилён, но стоит упасть духом, и болезнью станет всё, что угодно: человек попадает в недуг. Мы сталкиваемся лишь с теми случайностями, которые сами подготовили. Мы болеем только своей оболочкой. Это и есть болезнь.

А чтобы вылечиться, нужно только залатать одежду и сменить цвет на более яркий и здоровый оттенок. Но сначала придётся немного <просветлить> материю и не крутиться как флюгер на ветру, а взглянуть на <пляску вибраций>. Они приходят извне, и мы замечаем их издали (вибрации движутся как бы по касательной к человеку). Когда какая-нибудь из них задевает оболочку, мы видим все тридцать шесть сил, составляющие её и все цвета радуги, которыми она переливается. Цвета как будто сообщают человеку, с чем он столкнулся - желанием, гневом, дурной мыслью, чужим внушением или болезнью; вибрации не лгут, что бы там ни говорили улыбки, приятные слова или учтивые жесты, сопровождающие их. <Они несут с собой ощущение, вкус, даже запах... Некоторые болезненные образования придают воздуху особое качество, - будто ведёшь рукой против шерсти>. Мир проясняется, проясняется всё. Мы властвуем над собой и пропускаем внутрь себя только то, что нам угодно, а остальное отводим или отбрасываем в сторону. И жизнь уже не прежняя неразличимая жуткая смесь, а что-то совсем другое. Когда же мы покидаем тело, чтобы умереть или <уснуть>, кошмары нас больше не мучают.

Вертикальный детерминизм

Есть целый мир вертикальных вибраций.

Если бы оттуда нечего было принести сюда, прогулки в этом мире были бы начисто лишены для Мирры смысла. <Внутреннее озарение, отбрасывающее тело и внешнюю жизнь, бесполезно, поскольку оставляет мир в прежнем состоянии!> Она видела, как Шакти, единое тело сознания или силы, проходя через все человеческие или нечеловеческие <этапы>, окрашивалась в чёрный или жёлтый, в соответствии с окружающей средой, цвет, дробилась и почти что рассеивалась по мере погружения в Материю. Мирре же был нужен чистый поток и широкий ритм, а не полихроматический, синкопированный, рваный и дисгармоничный шум. Она интуитивно чувствовала: попав в Материю, одна чистая капля этого потока изменит всё. <Измениться> стало мантрой или паролем для Неё. В сущности, смерть, чёрная тьма, поглощающая все лучи спектра и не отражающая ничего, не откликающаяся и разлагающаяся в силу своей глухоты, - смерть это всего-навсего пароксизм раздора. Внедрив Ритм в мир, человек избавился бы от смертельных последствий раздора. Для Мирры почти весь вопрос сводился к <механике>: как выправить изломанное? <Я страдала лишь тогда, когда что-то отклонялось от светящейся, прямой линии (не в геометрическом смысле, просто линии света) Только это и мучило меня. Мысли о добродетели и грехе никогда не приходили мне в голову - никогда!> Прямой луч. Она искала только его и только его хотела провести повсюду, на каждую ступень и в мельчайшую банальность. Всё несло или могло нести смерть без него. Смерть начиналась с разделения луча. Мирра чувствовала его над собой и видела, как, проходя через любую среду, луч окрашивается и преломляется, будто в призме, а затем дробится и распадается на бесчисленные и враждебные друг другу силы - каждая хочет быть единственной и страдает, поскольку ищет великий луч, от которого отпала. Всё просто, так зачем нужны наши обычные сложности?

Стоит выйти из тюрьмы, подняться на одну ступеньку, и всё начинает изменяться; мы видим, мы можем проследить пути всех сил, кишащих подобно рыбам в аквариуме: косяки мыслишек, водовороты желаний, стремнины карликовых или прожорливых вожелений, - все они бросаются друг на друга, переходят от одного человека к другому и творят злые козни, но иногда случайно озаряются пузырьками света, изменяющими направление сил и потока. Мирра часто вспоминала одну историю, видимо, она поразила Её больше, чем сотни других. Весь Париж читал газету <Ле Матен>. На первой странице был изображён мальчишка в ливрее, вежливо предлагающий читателю взглянуть на календарь. Какое бы число не было на листке, какие бы несчастья не случились в этот день, мальчишка выглядел одинаково учтиво. И

вот, один человек, вернувшись из путешествия, снял номер в отеле и лёг спать. Ему приснился странный сон: мальчик с первой страницы <Ле Матен> вместо того, чтобы протянуть календарь и пригласить к радостям нового дня, вежливо пригласил путешественника сесть в... катафалк. Сны вообще бывают необычными, поэтому наш герой не придавал значения тому, что он увидел. Проснувшись и побрившись, он вышел из комнаты и направился к лестнице. Мальчишка-лифтёр вежливо пригласил его воспользоваться лифтом... вспомнив <сон>, путешественник вздрогнул: <Нет, спасибо, я пойду пешком>. Через две минуты лифт сорвался и разбился вдребезги.

Вот вам и ещё одна прогулка в тонком физическом, на ступеньку выше Материи, представляющей нам такой материальной; эта прогулка была удачной. Но возможно мы могли бы почаще столь же удачно выходить в эту область и тем самым разрушать козни, рождённые столкновением силовых потоков человеческого аквариума. А если бы опустили в Материю высший луч и высший взгляд, это было бы самой удачной прогулкой. Об этом говорила и Мирра. Раз всё разделённые и перемешанные между собой силы берут начало в одной, значит, в мире не тридцать шесть сил, не тридцать шесть грехов и не тридцать шесть <добродетелей>, а только одно, и если бы дотянуться только до него и вытащить его в наш запутанный мир, то все законы аквариума тотчас изменятся, - быть может, следует сказать, что изменится среда и её <коэффициент преломления>, а всё, что казалось нам разделённым, раздробленным, противоборствующим, ярким или бесцветным как безумная палитра, потечёт совсем иначе и сложится в новую картину.

Но ведь настоящая картина мира нам неизвестна. Вокруг нас набросок, почти что карикатура на нечто ускользающее, но всё же постоянно и полностью присутствующее здесь, да и где ему быть, как не здесь? Все <потустороннее> сделано из того, что мы наваливаем на этот мир - у него цвет наших глаз, плотность наших пальцев, простор нашего сердца; оно в миллионах световых лет от нашей мысли и её законов. Действительно, незачем <уходить> отсюда, карабкаться на вершины сознания, лететь сквозь бесчисленные миры за недоступной <целью>; может быть, достаточно пересечь собственное Саргассово море, пройти сквозь слои, наваленные в ходе эволюции, и это даст нам ощущение настоящего путешествия, мы будем уходить всё дальше и дальше в иные, всё более светлые, лёгкие и просторные, миры, - и самые безбрежные просторы всегда будут рядом, в каждом нашем шаге и в самых серых буднях; лёгкость всегда живёт внутри человека, ясность принадлежит не <высотам>, а находится в посюстороннем, хотя и очищенном от завалов, мире. Рай не в миллионах километрах от нас, не в завтрашнем дне, и не в <иной> жизни, жизнь целиком здесь и сейчас, а к смерти ведёт только бессознательность; стоит очистить этот слой, и вечность вспыхнет в мгновении, и рай воцарится в наших телах. Путешествовать некуда! Нет завтра, нет иного мира, нет <чего-то большего> - бесконечность живёт в наших шагах и в самых незаметных жестах, под покровом миллионов цветов и

законов, соответствующих только этому цвету и неумолимой силе тяжести человеческого невежества. А ведь мир вокруг нас бесконечно светел, текуч, подвижен и невероятен, просто мы верим не в него, а в смерть, Ньютона, законы Менделя и строгие уравнения врачей и судей цветного шарика, надутого ими самими. Мы подчиняемся жёсткому детерминизму нашего цвета и нашей среды сознания: <Последовательные слои детерминизма>, - говорила Мать. Весь этот огромный мир представляется как бы чудовищной проекцией - уникальной и единой проекцией, тянущейся сквозь всё более и более тёмные и плотные слои и среды, и на каждом уровне принимающей цвет или <закон> соответствующей среды; но ведь на любом уровне движется один и тот же луч одной и той же Шакти, чистой, огромной, всевидящей и свободной! Всюду одно, ибо двух нет. А мы в своих маленьких телах - просто нагромождение более или менее плотных слоев, в каждом из которых есть центр, соответствующий всеобщему слою или среде; в зависимости от центрального слоя человек может иметь самые разнообразные жизни. Можно сказать, что человек переживает любую историю во всех возможных вариантах: поступок, событие или случай в нижнем слое представляет собой карикатуру или искажение той же сцены на более высоком уровне, где она привела бы к совершенно другой истории - другой, но той же самой, только увиденной в ином свете; кажется, будто в каждой жизни мы пишем полотно одной краской, но иногда, подмешав к ней совсем другую (это выглядит как разрыв абсурдного детерминизма), возвещаем о будущем полотне - той же самой, только более чистой и гармоничной истории. <Кажется, - говорила Мать, - все обстоятельства, события и предметы обладают как чистым и истинным существованием, так и определённым числом нечистых или искаженных. Это возвращает нас к мысли о том, что, как бы не был строг линейный детерминизм, мы, зная как преодолеть линейность и достичь высшей Точки сознания, способны изменить вещи, представляющиеся абсолютно предопределёнными>. Примерно тем же образом жилец со второго этажа одним взмахом руки ловит камень, падающий на голову прохожего. Мальчик во <сне> - первый шаг к новому <вертикальному детерминизму>, первая ступенька вверх, - говорим мы, но может быть, так человек впервые очищает здешний мир, просветляет плотный слой и чувствует лёгкость среди варварских уравнений. Начинается настоящая история.

Может быть, все жизни проигрываются на одной огромной сцене, но свет всякий раз разгорается всё ярче. Мир - это вечно проясняющаяся история. Человек - совершенно <другой>, но постепенно он становится самим собой.

Встреча

Мирре хотелось видеть историю мира яснее, свою Она знала хорошо, пережив и затвердив её наизусть в самых разных вариациях и головных уборах, от венца фараона до соломенной шляпки. А вокруг Она видела горе - Родена, Руо, Мориссе: <Как! Это и есть жизнь?.. Как! Это и есть люди?..> - многоликое и разноцветное горе. Вот эти последствия детерминизма Она и хотела изменить, но в первую очередь - тёмный детерминизм мира, запертого в якобы научном слое, где каждый находится в мешке Материи, представляющемся ему непроницаемым, ограниченным и подверженным смерти: <Пусть рассеется иллюзия! - воскликнула Она в одном из своих ранних сочинений. - Да вырвется этот печальный мир из кошмара и остановит этот жуткий сон...> Но что у Неё было? <Сны>, хаотичные, необъяснимые порой видения, бесчисленные акты восприятия, подтачивавшие, но не исцелявшие внешний мир, ритмы другой гармонии, вибрации, сверкающие как алмаз в темноте, рассеять которую ему не под силу, ступени Её сознания, ведущие, казалось, в разрежённую атмосферу, где ни мир, ни тело уже не принадлежат земле, или принадлежат, но другой, ещё не рождённой. Всё было туманно, путано, необъяснимо. У Неё была только жажда, и только в ней можно было быть уверенной: это словно нерождённое будущее, белым пламенем горящее внутри - <сны>. <Из тебя никогда не выйдет толка>. Ей было 26 лет. Она была одинока, но чувствовала, что низвести сны в Материю можно - должен найтись способ для этого. Только желание найти образ действий в конце концов кристаллизовало его, <сны> и, как их снисходительно величают люди, <грёзы> подготовили величайшую революцию, размах которой людям пока не уразуметь. О, смерть мы можем вообразить - и смерть, и телефоны, и бомбы, и истории болезней, в плане разрушения наше воображение вообще работает отлично, а ещё проще представить себе великих врачей от науки, выписывающих рецепты от ими же изобретённой болезни и оплодотворяющих землю химическими удобрениями лишь потому, что позаботились об уничтожении птиц, живших на этой земле. По бедности сознания любой человек может представить себе фармакологию, но иные (редкие) существа, ещё дети, обладают <воображением истины>, как скажет Мать, - юные ростки, пока не знающие смрадного дыхания цивилизации разума, <способны представить ещё не явленное>: настоящую землю, живую материю, <словно антеннами они проникают в ещё не осуществлённый мир, чтобы поймать там и принести сюда что-то>. Мирра и приносила: наугад Она искала мир завтрашнего дня. Она видела, чем станет наша Материя. Сама того не зная, Она искала <горстку существ, способных низвести в мир физического детерминизма другой детерминизм>.

Она была одинока.

Примерно в начале 1904 года, когда Её силы почти иссякли, незадолго до встречи с человеком, который даст более или менее связное объяснение Её переживаний, в целой серии <снов> (опять <сны>!), Мирра видела... Шри Ауробиндо, совершенно неизвестного в ту пору во Франции, а потому незнакомого и Ей. Их физическая встреча произойдёт лишь через десять лет, в

1914 году в Пондишери. <У меня было несколько видений, и в некоторых... (имейте в виду, я знала об Индии не больше любого среднего европейца: "страна, населённая людьми с определёнными привычками и религиями, страна с запутанной историей, полной странностей" - вот и всё, точнее, ничего) словом, в некоторых я видела Шри Ауробиндо: физический образ, но в ореоле, то есть, такой же человек, как и тот, с которым я встретила позже - худой, с золотисто-бронзовой кожей, тонким профилем, длинной бородой, длинными волосами, через плечо переброшен конец дхоти, руки, часть туловища и ноги обнажены. Тогда я подумала, что это "облачение видения"! Повторяю, я ничего не знала. Я никогда не видела индийца в индийской одежде... В этих снах я по индийскому обычаю падала перед Ним ниц, чего на самом деле никогда не делала. Голова ничего не могла понять (то есть я не знала ни что делать, ни как делать - совершенно ничего). Я делала это, а кто-то вне меня недоумевал: "Что бы это значило?">

Интересно, что как раз в 1904 году Шри Ауробиндо положил начало собственной сознательной йоге, а Мирра, в свою очередь, подошла к систематическому освоению планов сознания - или слоёв детерминизма, чтобы подняться к <высшей Точке>. Оба словно ждали встречи, чтобы начать совместную работу за 10 лет до физического знакомства.

Они встретились в тонком физическом, поднявшись на ступеньку над Материей (<над>, <вне>, или в пределах той же, только более точной, чем наша?).

Если это <сны>, то где реальность? Может быть, реальность - сон, сбывающийся по мере сил сновидца? Одни видят во сне будущее мира, другие попадают в микроскопические преисподние, обладающие реальностью, а третьи всюду охотятся за выгодой, но та обращается в дым. Поостережёмся снов. О чём вообще можно грезить в аквариуме? Ни один сон не принадлежит нам - то же и с мыслями: они приходят и уходят, проходят через нас и уносятся в великом потоке Шакти; мимоходом мы можем поймать несчастье или большую беду, серый или розовый сон - всё зависит от того, волну какой длины мы можем уловить, но что бы мы не поймали, всё оказывается лишь искажением луча, попавшего в аквариум. На самом деле, будущее не в завтрашнем дне, и Пондишери не в десяти тысячах километров, и до встречи не десять лет; от великого света, преобразующего мир, разорванный расстояниями и эфирными планами, человека отделяет только его собственная темнота; путь в будущее тянется сквозь слои бессознательного, завтрашний день находится по ту сторону аквариума точно так же, как мы с братьями-рыбами стоим по разные стороны стеклянной стены, а чтобы попасть в рай, не обязательно умирать, ведь свобода обходится без сверх-конституций, а радостные знания - без тысячелетней благодати, - всё здесь, и нам не надо преодолевать расстояния, чтобы достичь этого. Всё потустороннее царство - плотность нашего сознания; детерминизм - темнота среды; законы приснились нам в

аквариуме. Так поостережёмся же наших снов. Будущее - огромный солнечный цветок, сияющий среди нас и раскрывающий лепестки по мере того, как мы открываем глаза. А если открывать их быстрее? Если понимать быстрее? Если разорвать тьму фальши сияющим взглядом? Чего мы ждём?

Некоторые открывают глаза первыми, они несут нашему сознанию великий сон о здешнем, но ведь сны не для нас. Они с трудом несут тёмный слой бессознательного, чтобы луч проник в нашу плотную субстанцию. Они ждут, ждут... Но чего ждём мы? Почему нам не пробудиться от кошмара? Мы изобретаем машины, конституции, панацеи, - всё ломается, но единственный взгляд мог бы рассеять все призраки, он ждёт. Если бы люди поняли!

Можно, конечно, размышлять, как это так вышло, что за десять лет до настоящей встречи Она увидела <незнакомца>, решив, что тот одет в <облачение видения>(!). Да разве где-нибудь, кроме как в аквариуме, бывают <незнакомцы>, где вообще может найтись <другое>, величайшая тайна, лишённая таинственности? Вся тайна собрана в слоях нашего бессознательного, другой - это я сам, полагающий, что отделён от мира своей сумкой; испокон веков миллионы <незнакомцев> делили с нами кров, радость и нищету и шли вместе с нами к высшей точке, где незнакомцев нет, поскольку там всё знакомо, и каждый человек там является всем сразу. Возможно, время - это медлительность сознания. Мать и Шри Ауробиндо долго шли вместе, долго видели сны, и каждый сон был всё ближе, каждый раз они расчищали путь Великому Лучу, они обладали <воображением Истины> и принесли на землю <настоящую реальность, обычно называемую иллюзией>.

8

ТЛЕМСЕН 1

Двери возможного

Мы подошли к новым необычным приключениям в и без того уже странной жизни Мирры. Мы говорили об <огромном лесе Матери>: можно бродить в нём до последнего дня Её долгой жизни, и постоянно наткаться на такие глубокие тайны, о существовании которых мы даже не подозревали, они не поддаются разгадке просто потому, что в них нет ничего загадочного: мы пытаемся разобраться, а они смеются нам в лицо и ускользают от наших рук,

или увлекают на затерянные тропы, внезапно обрывающиеся на залитых солнцем прогалинах, будто мы вышли на опушку... чего? Мы застываем в неподвижности перед головокружительной картиной будущего. Она фантастична, и всё же более реальна, нежели наш насущный сегодняшний день. Но попробуйте поймать её, и она исчезнет - так ничего не выйдет. Мать не разгадаешь, в Неё надо погрузиться. И будь что будет. Мать - это роман, куда более великий, чем всё, что мы пережили: здесь есть и любовь, и красота, и простор, и неожиданность, и тропы будущего, и дороги прошлого, и мы словно до срока попадаем в грядущее, проходя сквозь вымысел, становящийся реальностью. Множество вещей, для которых даже нет слов, бьются в потаённой бездне; они будут биться даже тогда, когда сгинут наши тела. Верить здесь не во что и нечему: это надо испытать.

И всё же новый эпизод - глава об оккультизме - напоминает историю без развязки, дорогу по которой не стоило идти, - однако, почему <не стоило>? Дорог самих по себе нет, они созданы для движения, поэтому идти надо всегда: налево, направо, вверх, вниз; если человек честен и искренен, он всегда попадет туда, куда ему надо было попасть. <Искренность> - одно из ключевых слов Матери. Что же до оккультных наук, познаний четвёртого измерения, чудесных сил, поражающих обычных людей только потому, что они не понимают, как это получается - Она без сожаления бросила это на обочине в мае 1962 года, сказав: <Мне это больше не нужно>. Возможно, четвёртое измерение перешло в наше?.. Да, есть более простое, прямое и куда более полезное измерение. Мирра всегда искала пользу. И всё же, этот груз Она носила пятьдесят восемь лет. Разве мы покончим с ним быстрее? Да и что <бесполезного> в этой прекрасной вселенной, где <тупик>? Мы можем до скончания веков искать одну-единственную былинку, полностью лишённую пользы и цели в экономии Природы. Точно то же самое случилось с одним учеником ведического Риши. Научив его распознавать все лекарственные растения, учитель отправил его в лес, сказав: <Найди хотя бы одно растение, непригодное ни на что, и я посвящу тебя>. Ученик долго бродил по лесу и искал, пока в отчаянии не вернулся назад: <Я ничего не нашёл>. Риши прижал его к сердцу - посвящение ученику уже не было нужно: он получил знание. Всё просто, но на практике, как бы широко мы не раскрывали глаза, это оказывается слишком сложным, поскольку при первой же царапине или <неудаче>, при первом же <грехе> мы пускаемся в крик: <Да как же так...> - хотя именно так и обстоит дело, всё так, даже яблоко первородного греха: оно-то, наверное не настолько низко пало. Смысл искать придётся нам. Затем мы и отправились в путь через лес Матери. Однажды мы увидим, как повсюду, даже в бесполезной пыли, сверкают золотые искорки смысла. А лес Матери может быть заключён в одной пылинке - в этом волшебном лесу собраны все измерения.

Дож в тёмно-пурпурном

Благодаря приятелю Маттео, в 1904 году Мирра познакомилась со странным человеком, представлявшимся как Макс Теон, <Высший Бог>, не больше и не меньше: <Он никогда не говорил, ни кто он такой, ни откуда он родом, ни сколько ему лет - словом, вообще ничего о себе>. Кажется, это был русский или польский еврей, оставивший родину из-за своей национальности. В Париже с помощью некоего Теманлиса, друга Маттео, он издавал журнал <Космическая Традиция>. Мирра ворвалась в их компанию, как голодная львица. Она впервые услышала, как кто-то говорит о Её переживаниях, пусть и на странном языке. На Ней словно снизошло откровение: опыты получили смысл, значит Она ещё не сошла с ума! Возможно, Она знала даже больше, чем думала. Нам легко представить себе эту разумную маленькую позитивистку, чужую среди людей и молчаливую - Она провела в молчании двадцать шесть лет, ибо, стоило Ей заговорить, и Её потащили бы к ближайшему врачу, - и вот в своем иррациональном мире Она находит рациональность. Это как катаклизм наоборот: <Ну вот, я не сумасшедшая!> Наверное, Мирра рассмеялась. Только не ошибитесь: Она была не из тех, кто в восторге бросается к ногам первого попавшегося гуру (<сны>, конечно, не в счёт, но кто же не знает, насколько странными бывают сны?). Этот переворот Она восприняла трезво, но всё же вздохнула с облегчением, узнав о своей нормальности. Так кто же был этот таинственный посвящённый? Теманлис знал о нём немного; из дрожащих губ юного неопита вырывался только шёпот: <Он живет в Алжире, в Тлемсене>. Вот и всё. <Он> знал. В один прекрасный день Макс Теон вдруг исчез из Парижа, но он уже слышал о Мирре! Узнал он о Ней, и правда, немало. <Теон был высок, почти как Шри Ауробиндо, худой, и даже похож в профиль>. Но Мирра сразу поняла, что видения были не о нём: <Я видела, что это не он (не видела, а чувствовала), поскольку при встрече не уловила той вибрации...> Да, <той вибрации> не было, было что-то другое. Удивительнее всего сходство, тем более, что в будущем обнаружатся общие черты и в открытиях, однако в <небольшом различии> уместались два разных мира, будто Природа в шутку создала для каждого существа контр-тип или анти-тип; кстати, чем сильнее модель, тем больше сил у, так сказать, анти-модели. За четыре года до встречи Мирры с Теоном умер Ницше - ещё одна любопытная модель или анти-модель: этого мы не знаем. Возможно, цель создания анти-типов в том, чтобы заставить настоящий тип превзойти самого себя и расти до тех пор, пока не станет невозможной карикатура или пока изнанка того, что собой представляет человек, не рассеется настолько, что исчезнут и лицевая сторона, и изнанка. Но это другая история.

Итак, <той вибрации> не было, случилось нечто более странное: стоило Мирре увидеть Теона, и перед Её глазами предстал виденный Ею за одиннадцать лет до того в Венеции портрет кисти Тициана (когда Мирра <смотрела на что-то>,

вещь запечатлевалась в ней навеки, подобно каменным жёлобам в Фивах): <Теон и Теон! Его портрет, правда, будто только что нарисовали!> На той картине был изображён дож - Мирра вспомнила, как Её удушили в подземельях Палаццо Дюкале... Наверное, у Неё перехватило дух, затем Она безмятежно улыбнулась, но Теона было нелегко обмануть. Начало было хорошим. Интересно узнать, что это был за Дождь, но мы, к несчастью, не видели картины Тициана и не можем сравнить её с замечательным портретом Теона, написанным Миррой - это одна из лучших Её работ. Он напоминает акварели Рембрандта или персонажей Дюрера: окладистая борода, длинные волосы, берет из чёрного бархата - человек лет пятидесяти или шестидесяти (во всяком случае, не моложе сорока), аскетическое лицо, орлиный профиль, и глаза... В правом свет, лёгкая улыбка - не то ироническая, не то небесно-безмятежная, а в левом... тревога. Сила! О, огромная! Но... возможно, сила боли, вездесущей боли, терзающей каждого человека от того, что он не тот, кто есть; эта боль толкает людей в битву, чтобы с тёмной стороны они прорвались на светлую, а тут, вместо того, чтобы распространиться вширь, вся сила собрана в одной точке. Высокий, очень высокий лоб, вместивший, наверное, очень многое: <замечательная интуиция>, скажет Шри Ауробиндо - не просто комплимент в его устах. Наконец, фиолетовая тога с красным поясом.

Легко представить себе могущественного дождя, чьи владения раскинулись от Далматии до Пеллопонеса и Византии, ведущего кровавые войны против рода Сфорцы и спокойно убивающего своих жертв на Мосту Вздохов. Если <генеалогия> Теона верна, то вроде бы странно видеть его на тропе Духа, но наше понятие <Духа>, вероятно, столь же ошибочно, сколь и восприятие Материи, а главное, по той же причине. Говоря о Наполеоне, Шри Ауробиндо видел <орудие Бога, идущее по Европе>, но ведь <эволюция сознания>, ещё одна из тем Теона (<если бы человечество поняло, что его роль - быть орудием эволюции планеты>, - говорил он), осуществляется не только и не столько посредством маленьких святых. Эволюция означает погружение в материю, а не взлёт в небеса. Вот только между дорогами Духа и Титана натянута невидимая нить, которая держится только на внутренней позиции человека: в одном случае он сжимает Шакти в кулаке, а в другом свободно пропускает через себя - в обоих случаях Шакти может больно ударить его. Вот и Теон <взглянул на ту же проблему под новым углом>: на завоевание Духа он отправился как на завоевание Эвбеи. На своем пути он встретил Мирру. В самом деле, мир - странное, намного более странное, чем кажется нам, место; чудесного здесь больше, чем всё, что телескопы могут обнаружить в межзвёздном пространстве. Любая мелочь, любая случайная встреча на Земле чертит траекторию, по сравнению с которой орбиты созвездий кажутся чистыми асфальтированными шоссе. Словно незнакомцы, мы ходим друг вокруг друга в течение нескольких секунд или нескольких лет, хотя любой случайный жест пробуждает эхо памяти древних несчастий или влечёт за собой продолжение старой истории, вновь оживающей на других широтах, под другими небесами в фиолетовой тоге или лёгком <я>, которому не нужны уже

цвета или завоевания, ибо в сердце своём оно обрело все цвета любви и радость во всём. Миллионы <случайностей> сплетаются в один случай, но мы не знаем, какой Тициан собрал их вместе, хотя, может быть, всё связано одной нитью и одна картина открывается нашим глазам - движение единого Тела сквозь века, полные дождей, заточённых в своих телах, а движение ищет одного тела, одного сознания, одной силы и единства любви, способной исцелить пространства от ограниченности, а эпохи - от горестей.

Мудрость мудра. Она скрывает от человека как былые злодеяния, так и благодеяния, чтобы он, освободившись и от тех, и от других, шёл вперед. В любом случае, если Теон и не узнал Мирру с первого взгляда, он заметил Её необычный дар, и пригласил Её приехать в Тлемсен... работать. Она ездила туда в течение двух лет, в 1905 и в 1906 годах, насколько можно установить точные даты для Матери, чей великий дар состоял в связи всех времён.

Зариф

Место было просто чудесным. У Теона был вкус, правда несколько саркастический: террасы с садами на склонах Атласских гор он называл <Зариф>. <Огромное поместье, сотни столетних оливковых и фиговых деревьев; я никогда не видела подобного чуда. Сад тянулся от подошвы горы почти до середины склона...> А ещё - розарий, <произведение искусства>, по словам Теманлиса, <Айя> (Теон представлялся арабам как Айя Азис - <Возлюбленный>, - что, несомненно, приятнее "Высшего Бога", но вряд ли скромнее) был также садоводом, художником, скульптором, плотником и кузнецом: он делал всё. <Выращивайте людей как растения>, - восклицал он. <Если бы вы знали! Если бы хотели! Если бы посмели!> Он посмел. Но пусть Мирра сама расскажет об этой памятной встрече: <Я впервые путешествовала одна, впервые пересекала море. Затем я долго ехала на поезде от Орана до Тлемсена; словом, добралась. Теон встретил меня на станции, посадил в машину и повёз к себе. Дорога была долгой. Наконец приехали - чудо! Мы оказались в самом низу (поместье размещалось на холме над долиной Тлемсена) и начали подниматься по широким аллеям. Пока мы шли, я молчала, наконец, он остановился: "Вот мой дом". Теон выкрасил стены в красный цвет! Он добавил: <Барли (это французский оккультист, первый ученик Теона, наладивший его связь с Францией) спросил: "Почему ты покрасил дом красной краской?"> Он сверкнул глазами и саркастически усмехнулся: <Я ответил Барли, - потому что красное гармонирует с зелёным!> Тут я начала понимать этого господина... Он продолжил путь, и вдруг обернулся: "Ты в моей власти! Не страшно?" Вот так. Я посмотрела на него, улыбнулась и сказала: "Я ничего

не боюсь. Во мне Божественное, вот здесь". (Мирра прикоснулась к белому пламени в своём сердце). Он побледнел, правда>.

Как тут не вспомнить о Гурджиеве и Кэтрин Мэнсфилд. Но Гурджиев - ребёнок по сравнению с Теоном, а Мирра - не Кэтрин Мэнсфилд.

Словом, по розарию шли с улыбками, затем - последние сады на террасе, <квадратный бассейн, куда струилась вода из источников>, и наконец, маленькая лесенка из белого камня, ведущая к дому Теона с красными, как мы уже видели, стенами, построенному в <мавританском стиле>: гостиная на одном уровне с двором, <окружённым высокими ажурными стенами с огромными амфорами, навевающими воспоминания о сказках Шехерезады>, - писал Теманлис, но за Шехерезаду мы не поручимся. Сады на террасах. В центре гостиной - огромное концертное фортепьяно, сам Теон в фиолетовой тоге. А ещё - арабский гонг, звонивший, стоило Теону пристально посмотреть на него. <Чего я там только не видела>, - говорила Мать, и мы охотно верим Ей.

Однако, в доме жила ещё мадам Теон. Совершенно другой человек. Вот у неё как раз и были необычные силы, <обширные познания психических планов>, - скажет Шри Ауробиндо. Теон основал свою доктрину на её опыте, она стала его базой, и что бы о нём не думали, заслуга Макса Теона заключается уже в том, что он был избран в товарищи этой <чудесной женщине> (говорила Мать), которой хватило знаний и прозорливости, чтобы выбрать такого способного человека. Даже слишком способного, вот в чём проблема. Но Альма (так её звали) была сама мягкость, тихий свет: <Мягкий, нежный и светящийся покой>. Мы видим её огромные голубые глаза, словно омытые морем - она родилась на острове Уайт (мы хотя бы знаем, где родилась она); маленькая довольно полная женщина, - казалось, она начнёт таять, если прикоснуться к ней... Длинное белое платье, постоянный отсутствующий вид, чувствительность к холоду; на самом деле три четверти своей жизни Альма проводила в трансе, вне своего тела. Она выходила из него даже во время прогулок и работы: <Она почти всегда была в трансе, но тело было настолько натренированным, что даже когда одна часть её существа выходила во внешний мир, другая продолжала обычную жизнь, гуляла и даже делала какие-то домашние дела>. Пребывая в мире ином, мадам Теон даже могла говорить и рассказывать, что она видит: таким образом её муж собирал материалы для своего <Космического обозрения>. <Её глаза, ясные как у ребёнка, казалось, устали от того, что видели так много...> - писал Теманлис. <Неслыханные способности, неслыханные!> - восклицала Мать; у Неё и самой не было недостатка в странных способностях, поэтому эти слова заставляют нас призадуматься. <Силы были просто из ряда вон выходящие; благодаря глубокому и жёсткому обучению, она могла выходить вовне, из материального тела в тонкое двенадцать раз подряд и не терять при этом сознания. Иными словами, она переходила в другое состояние, вела там столь же сознательную,

сколь и здесь, жизнь, затем вводила тонкое тело в транс и поднималась на следующую ступень - и так двенадцать раз, до границы мира форм>. Вот эта граница и интересует нас.

Странная материя

Чем же занималась эта странная пара? В самом деле, в Зарифе всё было каким-то странным, будто подчинялось другому закону, будто там был другой мир. Материя отвечала другой силе, - <другой> ли, или той же, но другой степени?.. Теон низвергал на розы дождь, а в двадцати метрах от розария на землю не падало ни единой капли, хотя порой он посылал дождь и на поля бедных феллахов (а также исцелял их одним взглядом, чем, наверное, и заслужил, наконец, прозвище <Возлюбленный>). Он гулял с Миррой в тенистых, благоухающих ароматом флоксов аллеях; грациозные аспиды, подобные тем, что убили Клеопатру, подползали к ним или исчезали, повинувшись взгляду Теона; хозяин поместья будто бы витал в облаках, но на самом деле уголком глаза следил за своей спутницей. Мирра улыбалась: Она дружила со всеми животными и великолепно понимала их. Теон понял всё - он быстро усвоил урок. Обстановка в конце концов установилась приятная - все друг друга понимали, да, все, ибо все разделяли другой закон, в котором нет ни понятия <другого>, ни <другого тела>. Когда мадам Теон были нужны сандалии, она не искала их, а просто приводила к себе; как муж, она одним взглядом заставляла гонг звонить, а не звала слугу, - это так же просто, как нажать кнопку звонка, только звонок может сломаться, а тут никаких поломок не бывает. <Она не хвасталась и не говорила "Вот что я сейчас сделаю..." - она вообще молчала и просто делала то, что хотела>. Мы бы ошиблись, решив, что хозяева желали похвастаться, тем более, что такое хвастовство не удивляло, а только забавляло Мирру и помогало прекрасно провести время. Просто эта пара пользовалась другим знанием и другими законами. Иногда, впрочем, они позволяли себе шутки довольно сомнительного свойства. Однажды, например, в Зариф пришёл неприятного вида арабский купец и уселся за стол: <Неожиданно я услышала крик ужаса. Огромный дубовый стол сорвался с места и бросился на несчастного... Ни мадам Теон, ни вообще кто-нибудь не дотрагивались до него. Стол покачался, медленно сдвинулся с места, и вдруг стремительно рванулся к купцу. Тот убежал и никогда больше не появлялся>. Бывали и ещё более тревожные (только не для Мирры) шутки; тогда <поток> выходил из берегов, как в один из грозовых дней: <Стояла ужасная погода. Однажды ночью он вышел на террасу перед гостиной. "Странное время для прогулок" - сказала я. Теон рассмеялся: "пойдём, не бойся". Я пошла за ним. Затем... прямо у нас над головами сверкнула молния, но на полпути отклонилась - вы не поверите, но я видела это своими глазами. Она ударила в дерево, стоявшее в стороне от нас

(разумеется, не в саду Теона). Я спросила: "Это вы сделали?" Он кивнул... Просто ужас - такая сила, а по внешнему виду ничего не скажешь!> Мать засмеялась.

Даже питались в Зарифе по-другому, этому неплохо бы научиться и нам, поскольку так мы избавились бы от множества проблем. Мадам Теон часто уставала, поскольку надолго выходила из тела, стало быть и энергия, вместо того, чтобы оставаться в своей коробке и делать всё то, что обычно ожидают от этой коробки, по большей части отводилась в другие планы. Поэтому для восстановления материальной энергии Альме требовался отдых. Отдыхала же она очень просто и очень конкретно; вместо того, чтобы сесть за стол, почистить фрукт и начать долгий процесс его поедания и переваривания, она ложилась на кровать, клала на живот грейпфрут и говорила: <Зайдите через час>. Час прошёл. Мирра возвращается, и видит: <Грейпфрут стал плоским, как лепёшка... она выпила всю жизнь фрукта, вот он и высох, и стал плоским>.

Но Материя и сама ведёт себя странно, а нам остаётся только ломать голову, размышляя о том, что же такое эта Материя? Понятно ведь, что чудеса и <магия> существуют только для очень недалёких людей - обезьянам человеческие машины тоже кажутся магией. Но мы-то знаем, что человек - не волшебник! Он просто выполняет некоторые процессы. Поэтому и мыслит он лучше, чем обезьяны, и может взглянуть на процессы в Зарифе более трезвым и менее суеверным взглядом. Однако, стоит ему подступить к Материи, и он вспоминает все свои суеверия, научные, разумеется, ибо суеверие - эта слепая вера в одну догму или процесс, в одну привычную манеру поведения Материи, - но о чём мы говорим, о привычках Материи или привычках разума к Материи?.. Земля уходит у нас из-под ног, и мы, подобно арабскому купцу, спасаемся бегством.

Вдоль аллея в Зарифе росли красивые, с приятным запахом флоксы - <Вот такие высокие. Мадам Теон всегда клала букет на подушку: цветы восхитительно пахли. Прогуливаясь по аллеям, она собирала флоксы [В эти часы Мирра гуляла с Теоном], а когда я возвращались и открывала дверь в свою комнату (я всегда запирала её на ключ, так что в моё отсутствие туда никто не мог попасть), то находила в комнате цветы>. Каждый вечер на Её подушке лежал букетик флоксов: мадам Теон умела <дематериализовать> цветы, пересылать их через стену и вновь <материализовать> уже в комнате, чтобы на подушке Мирры всегда лежали свежие флоксы. Вот и всё, каждый вечер Мирра получала от очаровательной Альмы очаровательный знак внимания.

Так что же происходило в этом доме?... Возможно, мы попали на высшую ступень эволюции, но ручаться не будем. Атмосфера была иной, тут царила почти полная прозрачность, абсолютно проницаемая для вещей, ведь величайшие препятствия на нашем пути и прочнейшие стены вокруг нас

сложены не из гранита или бетона, а из наших собственных мыслей: мы постоянно плетём между собой или вещами завесу невозможного, и если мы думаем, что нечто невозможно, то это, конечно, невозможно - как невозможное может быть возможным? Одно из величайших чудес жизни состоит в том, что, когда открывают огромный глаз Возможного и сначала думают, затем чувствуют, затем видят и удивляются, как в простой мысли о том, что <всё возможно>, может быть заключена брешь в тюремной стене - прозрачность - и вот, робко и почти незаметно проскальзывает одна мелочь, а потом, подбодрённые нашим согласием - ещё и ещё, пока всё не начнёт жить по новым законам. По нашему желанию. Достаточно подумать, а мы думаем о болезнях, смерти, несчастных случаях, математике и уголовном кодексе, вот всё и соответствует с математической точностью нашим ожиданиям. Мы не выйдем из тюрьмы, пока верим в неё.

Наша главная тюрьма - не Материя, а Разум. Стены материи - сон разума, поручни, ограждающие нас от бездны, пока слишком изобильной для человека. Нам вспоминается одна примечательная история, услышанная Миррой из уст мадам Дэвид Нил, которой вполне можно было доверять. В Индокитае мадам Дэвид Нил приобрела привычку медитировать на ходу с закрытыми глазами. Оставив спутников в лагере, она отправлялась в путь и шагала... пока не заканчивала медитацию. Однажды она открыла глаза, обернулась и отправилась назад, как вдруг увидела на своём пути реку. За несколько минут реки не появляются, следовательно, она перешла её во время медитации - но как? Чтобы вернуться в лагерь, пришлось промокнуть. Можно называть это чудом - <она прошла по воде аки посуху>, как Иисус Христос, - или думать, что медитация была настолько глубокой и эфирной, что... Думать можно всё, что угодно, на факт остаётся фактом: мадам Дэвид Нил не думала о реке, вот её и не было. Она прошла бы повсюду. Разумеется, подумав о реке (и прежде всего о том, что нельзя перейти реку, не промокнув), она сразу же промокла. Только одна тонкость: чтобы вещь не существовала, мало думать, что её нет, мысль может сыграть с самой собой как дурную, так и добрую шутку - корни магии разума уходят слишком глубоко. Вот их Мать и собиралась прояснять слой за слоем, до самых границ клетки, где, возможно, рождается смерть.

А пока Мирра пропускала через себя всё, не ведая о стене невозможности, и откуда взяться <чудесам> или <магии> - нам нужно не создавать новую магию, а уничтожить старую. Мы - в оковах науки, и любая наука только придаёт им прочности, <Шри Ауробиндо, услышав мой рассказ, сказал, что тут нет ничего сверхъестественного: человек, обладающий силой, создаёт вокруг атмосферу, в которой возможно всё, ибо всё здесь, только не на поверхности>. Вот именно, <не на поверхности>, а значит, скрыто и затёрто бесконечными плотными слоями детерминизма - стенами нашей тюрьмы. Однако, всего одной ступенью выше, вернее (ибо что такое <выше>?) там, где субстанция очищается и освобождается от привычных ей глаз, рук и процессов, неизменная Шакти (ведь только она одна течёт и в грязи, и в пыли, и в стенах, и в аспиде, и в

молнии, и в симфонии Бетховена: в мире только одна вещь, второй не найти), - неизменная Шакти, получив свободу, даёт прежней, но уже очистившейся субстанции более чистый, а стало быть, более прямой, сильный и свободный луч и изменяет свои законы, соответствовавшие нашему прежнему положению, то есть покрову, натянутому между вещами, насколько они существуют сами по себе, и вещами, насколько они представляются нашему зрению и мыслям. Вот это <насколько они существуют сами по себе> и есть наша тайна, магия, которую надо разрушить, чтобы достичь тайны, а также слой, который надо прояснить. Мы ничего не знаем, просто выполняем одни и те же математические процедуры над <чем-то> - обычной математикой нашего мозга. Шри Ауробиндо со своей обычной ясностью говорил: <Научные законы не дают ничего, кроме схематического отчёта о материальных процессах в Природе; пока схема приемлема, с её помощью можно воспроизвести, а при желании даже и расширить тот или иной материальный процесс, однако, она, конечно же, не учитывает самой вещи. Вода, например, - это не просто соединение водорода и кислорода: сочетание их - процесс или уловка, обеспечивающие возможность материализации предмета, называемого водой. А что на самом деле создает новое, это уже другой вопрос>. <Вещь> всегда ускользает от нашего внимания. На более высокой и ясной ступени всё изменяется: флоксы материализуются и дематериализуются так же легко, как кислород с водородом сначала материализуются в воду, а затем дематериализуются в газ. А что за вещь флокс? Мы не знаем. В конце концов, вещь одна - сознание, то есть Шакти, более или менее управляемая в зависимости от слоя, в котором движемся мы. <Странного тела> нет, не огонь испаряет воду: взаимодействует только сознание с самим собой; Шакти воздействует на Шакти. Шакти - единственный в мире процесс, а управлять им можно на манер обезьяны, учёного или как-нибудь иначе, вот и всё.

Значит и в Тлемсене были не чудеса, а <некоторая атмосфера более чистого знания>. Может быть, правильнее будет сказать, более реальной Материи. Она была ближе к тому, что она есть. Надо только понять, чего нам хочется - или последовать примеру арабского купца, или сменить глаза усовершенствованной обезьяны на глаза сознания. <Шри Ауробиндо всегда говорил, - рассказывала Мать по поводу событий в Тлемсене, - что величайшая трудность на пути к участию в Творчестве и пониманию - это здравый смысл. Поэтому, добавлял он, Природа время от времени создает сумасшедших: они недостаточно сильны, чтобы вынести разнузданную глупость здравого смысла>. Мать улыбалась, а мне в Её улыбке чудились грядущие фантастические возможности. Может быть, Природа ждёт, когда мы выйдем из детства, отбросим страх и одной улыбкой обрушим Великую Китайскую стену науки, защищающую нас... от самих себя.

Узнав, что такое Материя на самом деле, мы узнаем, что такое Дух. И победим смерть.

Тупик силы

Итак, надо открыть двери Возможного, но не все.

Просто чудесно управлять молниями, дождём, хорошей погодой, животными; сандалии сами приходят к нам, и даже набат науки подчиняется нашей воле - это прекрасно, мы можем, что вполне естественно, так же естественно, как вызвать пожарников по телефону. Конечно, организация тут отличается: она проще и не включает в себя пожарников и всей прочей суматохи, только действующей нам на нервы. Мирра быстро освоила эти <фокусы>, хотя на самом деле всё это - фокусы того же порядка, что и соединение кислорода и водорода в воду. По пути во Францию, когда разбушевавшееся море грозило опрокинуть корабль, Она ушла в каюту, легла на кровать, вышла из тела и усмирила сарабанду разгневанных сил; спустя полчаса пассажиры как ни в чём не бывало пили виски. Вот и славно. Силу можно использовать <гуманным> образом, ведь гуманность сейчас в моде. Можно излечить прокажённого одним взглядом - но через три минуты проказа вернётся, ибо больной не хочет избавиться от её причины; можно потушить пожар, но через три минуты огонь вспыхнет с новой силой в соседнем квартале, потому что глупость, из-за которой вспыхивают пожары и войны, никуда не денется; вспышкой внутренней молнии можно остановить преступника - прощай, полиция! - но воров и полицейские плодятся как сорняки. Поднявшись на один уровень выше, избавившись от телефонов и прочей суматохи, человек остался в прежнем замкнутом круге, ибо его материя не изменилась, а значит, он охотно воспользуется первой попавшейся молнией, чтобы покончить со своим беспокойным соседом. Короче говоря, это хаос на более высокой ступени, в высшей степени научный хаос. Неужели это и есть следующий этап эволюции? Люди очистят землю от того, что не совпадает с их представлениями о добре, и в конце концов останется только свержаскет или сверждемон: один как ни в чём не бывало пойдет пить виски, а другой столь же легко отправится на безгрешное небо - но разве мы приходим в этот суматошный мир лишь затем, чтобы уничтожить его, разве тело дано нам лишь затем, чтобы избавиться от него?

Нет, это не высшая ступень, а тупик эволюции, одна из многочисленных неудачных попыток Природы - обычно она уничтожает их, ибо мудрее нас. Наверное и на земле Атлантиды, если она действительно существовала, произрастал подобный тип сверхчеловека, точнее, над-человека: <Ибо - говорил Шри Ауробиндо, - при недоразвитых сердце и уме интеллектуально развитый человек, обладающий научными знаниями и властью над грубой и тонкой природой, превративший стихии в слуг, а мир - в подставку для ног,

оказывается низшим видом демона, пользующимся властью полубога для удовлетворения потребностей животного. В соответствии с расплывчатыми воспоминаниями и неясной традицией древности, цивилизация старой Атлантиды, утонувшая в океане в тот миг, когда её величие и беспокойство стали слишком тяжёлой ношей для земли, обладала именно такой природой>. Может статься, грубое возвращение к так называемому научному варварству продиктовано мягкой мудростью Матери Природы, лучше, чем мы, знающей свои желания; она ждёт, чтобы начали поиски на её презренных нивах, и благодаря ей наши первые неуверенные шаги на материалистическом поприще уводят дальше, чем подозревают учёные, и глубже, чем воображают идеалисты. Сколько циклов и бесплодных поисков привели к нашему появлению? Возможно, на этот раз мы действительно достигли поворотного пункта, потому что как наука, так и наши претензии не выдержали человеческого банкротства и рухнули, открыв древнюю и упрямую нищету. Лишившись ничтожных побед, как в материальном, так и в духовном планах, мы приближаемся к Точке отсчёта, где Материя и Дух превращаются... возможно, в реальность земли.

Мирра знала это.

Как и Теон, Она не обманулась и быстро поняла, что все великолепные силы исходят из двери вниз. Чем больше блеска молний и чудес, тем ниже дверь, можете быть уверены, потому что она ближе к Материи; на протяжении многих веков человечество не знало недостатка ни в благонамеренных зеваках, ни в столь же благонамеренных фокусниках, обладавших поистине небесной ловкостью рук. <Вам хочется небесного? - говорила Мать, - Всё зависит от того, какие небеса!> Да и почему не доставить людям удовольствие, если их это забавляет? Но земле-то удовольствия мало. Она страдает от боли, она ищет и хочет исцелиться по-настоящему. В Тлемсене Мирра усвоила две вещи - на самом деле одну - благо с ними Она сталкивалась каждый день. Во-первых, бедолаги, излеченные по мановению руки Теона, через несколько дней или неделю возвращались с новой, но на самом деле той же самой, болезнью. Мы заделываем одну пробоину, но течь пробивается в другом месте - можно удалить все раковые опухоли на свете, но человечество изобретёт новые. Это одна из важнейших иллюзий, составляющих жизнь так называемых рациональных существ, то есть нас. Мы без усталости ищем лекарства от Болезни - несознания - но на самом деле не хотим лечить её. Плотный слой не пропускает тонкий луч. К тому же купить таблетки в аптеке гораздо проще. А Природа милостиво плодит врачей, потому что даже так она помогает своим детям: все человеческие фокусы нужны ей, чтобы дать нам урок... невежества. Нам придется долго учить его, но усвоив его, мы будем готовы к знанию. А если учиться нам не хочется, то в запасе у Природы есть один проверенный трюк: смерть. Сменив кожу, мы, уже чуть более просветлённые, возвращаемся за парту. Так будет продолжаться до самого конца. Наконец останется одна стена, прочная... как листок папиросной бумаги. Мы дунем на неё и выйдем из

аквариума. Вот такой страшный Урок незнания. А Земля уже на грани полного истощения. Наверное, ей надоело умирать. Всё это было пережито и прочувствовано Миррой: <Условия земного существования людей следуют из степени их сознания. Изменение условий без изменения сознания - пустая химера>. Словом, если людям хочется строить больницы и лепрозории или искать лекарства против рака, ради Бога, только мир при этом не сдвинется ни на шаг и не вылечится, а люди только прочнее увязнут в своем неведении. <Изменись сам, если хочешь изменить мир>.

Другой стороной того же самого вопроса оказывается пресловутая <сила>... Чем больше чудес творил Теон, тем менее чудесными они казались Мирре. Как Она говорила нам: <Словно тянешь резину: стоит отпустить, и она возвращается в прежнее состояние. Пока она натянута, есть всё - исцеление, молнии, благословенный дождь, даже бессмертие... на полчаса>. Она постоянно возвращалась к Уроку смерти. Это и есть Точка отсчёта: откуда смерть, как помешать ей. Разобравшись с этой проблемой, мы решим вообще все вопросы. Причина, механизм. За десять тысяч километров от Тлемсена (может быть, даже в то же самое время) Шри Ауробиндо в результате зауряднейшего происшествия столкнулся с тем же вопросом: некогда одного из его знакомых революционеров укусила бешеная собака; йога помогала этому человеку сдерживать болезнь несколько лет, но в один прекрасный день во время митинга он вспылал и через несколько часов умер от бешенства. Революционер потерял контроль над собой и уничтожил условия работоспособности силы. А ведь условная сила вовсе не является силой; если она работает десять или двадцать лет, а затем истощается в результате аварии - это не сила; сила, которая действует на материю как удар кулаком, или растягивает её как кусок резины - не сила; сила, которая не изменяет материю - не сила. Изменить надо саму Материю. Надо <создать новую физическую природу>, - вскоре скажет Шри Ауробиндо. <Настоящее изменение сознания, - добавит Мать, - преобразит физические условия мира и превратит его в новое творение>.

Очень может быть, что Природа выдумала смерть затем, чтобы заставить нас найти в глубинах тела высший секрет и высшую власть.

В противном случае мы бы уже благополучно обитали на небесах среди сонма святых. В величайших падениях заключены наши величайшие возможности, а величайшие провалы вполне могут обернуться высшей Дверью Возможного.

Таков тупик силы - настолько он всемогущ. Ученые пытаются добиться того же с помощью циклотронов, распылителей и дробилок: уравнения так же грубы, как и оккультные силы, но материя мстит, и чудо, продлившись несколько часов или десятилетий, лопаются как резинка и возвращается к нам разрушительным ураганом. Сила - миф, упрямо несущий людям смерть. Надо

Быть, надо изменить бытиё Материи, и ничто не коснётся нас, ведь с тем, что есть, сделать ничего нельзя.

9

ТЛЕМСЕН 2

На подступах к эволюции

Изменить Материю... изменить смерть.

Мы были бы несправедливы к Теону, если бы решили, что он искал силы из нижней двери; это было ни к чему: они и так были полностью в его распоряжении. Он искал нечто куда более существенное, но найти это ему не было суждено. Возможно, в этом и заключается трагедия Теона: вызов, страдание и ирония; определённое величие, заранее знающее(?) о своём провале, но по примеру настоящих дождей-завоевателей идущее в битву. Наша извечная ошибка - вера в <победу>, однако иные поражения оборачиваются настоящими победами души, ибо окольными путями человек скорее может достичь того, что всегда остаётся недоступным на полях скороспелой доблести. В общем, побеждать некого, поэтому и побед никаких быть не может - одно и то же внутри радуется как победе, так и поражению, так как оно остаётся свободным в любом случае. Впрочем, о Теоне мы знаем совсем немного, а ведь в людях порой дьявольское и божественное смешаны в равных пропорциях. <Люди выше богов>, - говорил он и был прав, хотя вплоть до сегодняшнего дня мы не видим этого. А он хотел божественности как для людей, так и для земли: <Надо освободить людей от кандалов привычек и показать им, что такое жизнь...> С сумасшедшей скоростью крутя сигареты, он продолжал: <Всё зависит от плана и широты горизонта. Для червяка в редиске мир ограничен редиской, большая часть людей так и живёт>, и возразить тут нечего, но... Что-то неуловимое всегда придавало его словам оттенок неопределённости. Отчасти это напоминало Заратустру - те же проблески истины, и тот же оттенок. Нет ничего привлекательнее этого оттенка, и нет ничего более опасного, чем подкрашенная истина. В этом случае она превращается почти что в ложь - Мирра великолепно знала это! Она всегда избегала категорических утверждений и категорий вообще, лёгкая вибрация несла людей прямо к чистой истине. С Матерью истину пили, все дышали ею и смеялись. Теон рассказывал и растолковывал, а его <подвижные руки скульптора> лепили будущее или потрошили прошлое, пытаясь вырвать его тайны. Тайн он и правда знал немало, но нам всегда казалось, что этот человек колебался между истиной и ложью, как беженец из Атлантиды, хранящий память о триумфах этой страны и

не способный полностью отбросить её, хотя и видящий в будущем загадочного нового человека, превзошедшего всех Атлантов, и избавившегося от главной ноши человека - его <я>.

Теон знал Египет: он основал там общество оккультистов, но потом по каким-то причинам, возможно, связанным с его любовью к молниям, был вынужден бежать в Зариф. Непонятно, на каких окольных путях он встретил Альму - тихую англичанку с острова Уайт? По правде сказать, география встреч человеческих существ во времени и пространстве достаточно странна, и мы не знаем невидимых маяков, на которые плывут наши корабли. Эти маяки перекликаются друг с другом с разных концов света, а мы наугад плывём под южным ветром и высаживаемся у антиподов. Теон даже получил посвящение в Индии: <Он немного владел санскритом и великолепно знал Риг-веду, - рассказывает Мать, - по его собственным словам, он придерживался "традиции, предшествовавшей Каббале и Ведам">. Да в каком же забытом мировом цикле он мог получить такую традицию? Однако Теон обманывал только арабских купцов, а не Мирру, которая после двадцати шести лет одиночества жадно ловила каждое его слово во время прогулок по аллеям Зарифа или походов на базар в Тлемсене. Мирра отправлялась туда... в кимоно, не страшась злобных взглядов мусульман (век только начинался, все помнили Абд-Эль-Кадера, да и заговор Абд-Эль-Кирима с Вильгельмом II был не за горами). Теон продолжал: <Даже создатели так называемой цивилизации не имеют понятия о глубинах жизни, а невежественные мистики читают и перетолковывают священные книги так, будто бродят по алмазным полям, задрав голову к небу...> Он-то как и Мирра смотрел в землю. Теон даже цитировал Апостола Петра: <Новая земля, где воцарится Истина>. Ещё до Шри Ауробиндо, он провозглашал новое сверхчеловеческое человечество, наделённое новым телом, <более плотное, чем Материя>, по его словам. Мы не знаем, что он имел в виду, единственная <более плотная Материя>, которая известна нам - это ионизированная Материя, однако ионизация предполагает над-атомные изменения, достигаемые давлением или излучением, что справедливо для некоторых звёзд и подразумевает стягивание атомов, требующее гигантских сил... Впрочем, последующие эксперименты Матери помогут пролить больше света на этот вопрос.

Так в чём же секрет Теона?

Дверь наверху

Дверь есть и наверху.

О ней знают все, но на самом деле её не знает никто. Просвещенные люди на все лады проклинаят дверь внизу, обвиняют вас в <жажде силы>, колдовстве,

а то и посылают прямо на костёр, как в Средние века в Европе. Дверь наверху, напротив, озарена небесным светом: если человеку нужно всего-навсего выбраться из этой дурацкой истории, то есть жизни, то силы ему не нужны. Хватит и одной - силы выталкивания. В течение веков, мудрецы и святые всех мастей бежали или ковыляли в вертикальные миры, настолько вертикальные, что, <даже не видели - говорил Шри Ауробиндо, - огромных Царств Духа между двумя мирами. Цели своей они, может быть, и достигают, но лишь затем, чтобы почить в Бесконечности>. Аминь. Бедолаги внизу довольны, если им удаётся вытянуть немного света на создание поэмы, квартета, простого и красивого уравнения, а чаще - на Церковь, объявляющую луч своей привилегией. Да и зачем писать квартеты и уравнения, если нам надо выбраться отсюда? Те же, у кого не получается и это, не обладают достаточной властью или смирением, необходимыми для того, чтобы карабкаться вверх и вытаскивать оттуда лучшие квартеты или уравнения. А в общем, мы с одной стороны играем с неясным <вдохновением>, а с другой - ищем какого-то <освобождения>, хотя и сами не знаем какого: дело в том, что если какая-то сила резко выдергивает нас на небеса, то мы сразу чувствуем отвращение к суетному миру с его квартетами... Короче говоря, <небеса> ограничены стенами аббатства или ашрама. А умирают все одинаково. Итак, наши души делят бессильные мистики, всеильные шарлатаны и рассеянные поэты. В общем, вертикальный мир страдает от некоторой иррациональности, присущей, наверное, только нам...

Мирре же рассеянность не была свойственна. Она исследовала все уровни вертикального мира. Она знала цветные волны, царство ритмов, рождающее великую музыку, а выше <звук... но такой цельный! Он будто взрывается... не знаю даже, как сказать... Звук более чистый, чем у оркестра, это великолепно!.. Голубые ноты...> Она прикоснулась к источнику музыки, возможно, к источнику любой формы. <Надо поймать звук>, - говорила Она. Конечно, но как? Мощные вибрации звучали над землёй как перезвон колоколов и творили будущее, иногда роняя на землю <капли света>, несущие откровение, озарения и даже стихи, которые Мирра писала во сне. Однако, пытаясь поймать <звук свыше>, мы <будто пропускаем его сквозь сито, и он рассыпается на мелкие кусочки>. Остаётся только перевод на язык разума. Наверху же этот звук подобен светоносному обмороку: ни движения, ни форм, только снежное безмолвие. Вечность. Но, по правде говоря, нам не понять этого снежного безмолвия - оно чудесно, свободно, безбрежно, там прекрасно дышится, и один вдох переносит вас на небо, это и есть небо, но давайте забудем о скромности и подумаем, как наши друзья киноцефалы воспринимают наш собственный, предельно разумный, мир? Ведь для них он вертикален и, наверное, столь же притягателен - вплоть до экстаза непонимания, особенно если учесть ограниченность и механистичность их чувственного восприятия. Наверное <небеса> - понятие, так сказать, относительное. Наверное, <высший мир> для нас столь же неясен, сколь и <нижний>. Может быть, сложив их, мы узнаем, в чём тут дело?

С этого Мирра и начала.

Больше всего Её поразило то, что прежний ключ подходил и к <ситу>. Когда человек хочет низвести <это> в Материю - звук, вибрацию, гармонию (называть <это> можно как угодно), изменяющие низшие слои детерминизма - получается то же, что и с <водой в песчаном русле>: результат искажён, загрязнён и лишён реальной силы, будто луч затемняется, окрашивается и преломляется на каждом слое, а в конце пути рассеивается настолько, что уже ничем не отличается от привычной нам непрозрачной Материи. Наверное, именно эта причина подталкивала во все времена (нет, не во все) мудрецов и святых к окончательному уходу: внизу делать нечего, надежды нет, надо очиститься самому и уйти в великое снежное безмолвие, впрочем, можно остановиться и пониже; всё зависит от способностей, вкусов и наклонностей. В ожидании же ухода можно делать всё, что угодно: исполнять долг, любить ближнего своего, лечить больных, и так без конца, без конца, пока всем не захочется уйти отсюда. Очень хорошо. Но если небеса киноцефала вызывают у нас сомнение, как быть уверенными в своих? А вдруг на небесах нас поджидает какой-нибудь дурной сюрприз, который увлечёт нас на другую дорогу, что уже случилось с простодушным киноцефалом в миг его ментального <освобождения>? Возможно, в планы Матери-Природы просто не входят наши Евангелия, ни материалистические, ни какие-либо ещё? Да и чем может быть вертикальный мир, как не нашим эволюционным будущим? Ведь и мы сами - эволюционное будущее для рыб в аквариуме. Так зачем же помещать будущее непременно на <небеса>? Мы находимся на земле - рыбы это знают, а для нас в этом нет ничего сверхъестественного, вот и будущее наше может оказаться вполне естественным и земным, хотя и непонятным для плотной Материи и разума, запертого в ящике. Искать надо <новую землю>. Искать надо <образ>, <образ будущего>, говорила Мать. Он должен существовать, иначе какого дьявола Природе выдумывать эволюцию?

И всё же мы могли бы решить проблему <сита>, дробящегося луча, будущего, приходящего к нам по кусочкам, если бы удалось расчистить промежуточные слои. Расчистить их в себе - это понятно, но в масштабах космоса или даже человечества... эта задача представляется нам сложной. Неужели медленная и кошмарная эволюция, впустую расходующая миллионы тел и прибавляющая к старым мукам новые лишь затем, чтобы дать простой <урок>, растянется на века?.. Урок-то должен выучить каждый, ведь если останется хоть один нерадивый ученик, то и другие ничего не получают - тело у всех одно! Выйти можно только всем вместе. Измениться можно только всем вместе - измениться должно всё тело. Так разве может один Луч совершить такое чудо? На работу могут уйти тысячелетия, но она закончится, что бы там ни говорили материалисты и идеалисты: ещё никому не удавалось отговорить семя стать деревом. Эволюция - это единственная вещь в мире, в которой нельзя сомневаться, она наглядна как бульдозер. Но мы сами можем ускорить

движение и немного сократить количество мучений. Вот об этом и размышлял Теон. К этому пришёл и Шри Ауробиндо. А Мирра, со своей стороны, искала Луч, способный расчистить слои. Чем ниже мы хотим опуститься, тем сильнее должен быть луч: <чем глубже вы хотите погрузиться в Материю, тем выше вы должны подняться в сознании>, потому что сопротивление возрастает - это Она видела ясно. Но чем выше в вертикальный мир поднимается человек - в этом и состоит дилемма - чем выше он воспаряет, или скорее, чем шире перспектива, тем менее реальным кажется ему мир; в конце концов он превращается в нечто вроде дурного сна. Иллюзии.

В этой дилемме нет ничего философского, она чисто практического свойства, как физический или химический опыт. Но одного элемента здесь не хватает. Человек либо разрывает связь с землей и отправляется на небо, либо остаётся на земле и разрывает связь с небом, хотя только оно способно исцелить Материю. А жить между двумя полюсами не очень-то удобно. Такое существование столь же неопределённо, как переход от рыбы к млекопитающему.

Опасные эксперименты

Но переход есть. Обе крайности можно связать, ведь мы переносимся одним прыжком с вершин разума к бесформенной тишине вечности, - в этом случае мы были бы обречены на участь сверхчеловека, погружённого в создание сверх-квартетов, сверх-уравнений и сверх-церквей - тот же порочный круг, что и внизу, но более величественный, торжественный, титанический - человек-тысячелюбка, изобретающий очередную тысячу ног, четвёртый мозг и сверх-машины, чтобы забыть об усталости от жизни, но в конце концов надоест и это, так что сверх-люди будут готовы к последнему прыжку в вечный сон или белую бесконечность, которую им просто не стоило покидать. Как бы мы не восхищались <высшими> уровнями, они остаются обычными, хотя и более чистыми, слоями, или поверхностью воды в ментальном аквариуме, ибо разум всегда остаётся аквариумом - закон и принцип не меняется, пусть даже изменятся его способности и сила. Золотое <сито> по-прежнему будет разлагать луч на множество цветов наших разделённых картин и одиноких мучений, а на самом деле мука одна - пребывать в отрезанном от всего мира теле или на отрезанной от всего мира картине. Естественно, единственный выход для лентяев от эволюции - прыжок туда, где вообще нет картин.

Но есть другой путь.

Мирра самостоятельно обнаружила то, что Ведические Риши обнаружили семь или десять тысяч лет назад, когда под несчастливой(?) звездой начался наш

цикл. Теон искал того же, и ту же самую просеку вырубал в огромном лесу Шакти Шри Ауробиндо. Ведические Риши не давали своему духу дремать, они были великими героями и завоевателями и ещё не знали спешки и бессилия современности - Железного Века, когда машины встали на место обленившихся людей, а всемогущий свет заменили социологические нравоучения и райки, пропитанные розовой водой. Риши последовательно изучили все уровни сознания, и обнаружили предмет, названный ими <нечто четвёртое>, touriam svid.

Итак, Мирра работала. Теону разговоров было мало - он хотел результатов. Каждое утро по часу повторялось одно и то же: <на самом деле, довольно опасно: энергия уходила из тела полностью, как будто я умирала>. Она методично переходила из плана в план по двенадцать раз подряд, как мадам Теон: <Я даже достигла немалой ловкости: останавливалась на нужном уровне, ходила, смотрела, рассказывала и запоминала то, что видела>. Наконец, Она натренировала тело настолько, что могла оставаться в сознании на любом уровне (для нас это равносильно глубокому и совершенно бессознательному сну) и, не возвращаясь в свой план, пусть тихо, но говорить, когда тело лежало на диване в состоянии, близком к каталепсии с почти остановившимся сердцем. Её телесная материя очищалась и легко воспринимала опыт <сверху>. Теон жадно слушал. С землёй Мирру соединяла только тонкая <нить> - опасные эксперименты. Если бы она оборвалась, Мирра не смогла бы вернуться. Она <забыла> бы тело и <умерла>, то есть в других планах жизнь бы не оборвалась, но путь в земной план был бы отрезан. В момент смерти происходит именно это. Однажды при очень трагичных обстоятельствах Мирра даже получила полный опыт смерти; для другого человека дело обернулось бы ещё печальнее, кроме того этот случай прояснил <другую сторону> Теона. На некотором уровне Она обнаружила нечто вроде определённой тональности вибраций или сочетание вибраций, создающее жизнь, а значит способное и к созданию смерти - опасная сила в дурных руках. Она интуитивно догадалась, что об этом рассказывать не стоит, но остановилась только тогда, когда Теон заинтересовался. Он был в диком гневе, и нить разорвалась; Мирра едва выдохнула: <Отрезана>, - и Теон понял, что он натворил. Его, наверное, прошиб холодный пот. Чтобы восстановить связь, потребовались все знания Мирры и вся сила Теона; Мать рассказывала, что <трение от возвращения> в тело было связано с такой болью, будто по её нервам пропустили ток, - ток жизни, конечно. Тут Мирра и поняла, отчего плачут новорождённые. Так начались переживания сознательной смерти, которые позже превратятся для Матери в <древний вопрос>, нуждающийся в разрешении. Что же до <тайны жизни>, то Она позже передала её Шри Ауробиндо, а тот просто отбросил её, ибо ему была нужна не слепая сила, способная изменить жизнь или смерть - сила всегда обречена на провал, - а изменение самой субстанции жизни и смерти. Теона больше всего интересовали сверхчеловеки и сверх-демиурги, а Мать и Шри Ауробиндо всегда настороженно относились к ним. Они хотели новой естественной эволюции земной Природы, а не оккультной

<сверхъестественной> революции, длящейся ровно столько времени, сколько горит в небе фейерверк, поскольку как ни тяни кусок резины, рано или поздно силы кончатся, и он вернётся в прежнее состояние. Они же искали принцип, отличный от вознесённого до вершин принципа ментального аквариума - да и жалкие это вершины.

Мирра знала это.

Интересно, Мирра находила совпадения: так, например, взрыв видимого мира (Макс Планк, 1900, Эйнштейн, 1905) совпал со взрывом цвета у импрессионистов - будто это не одно и то же! В почву падает одно зерно, но прорастает оно под разными именами, с разными лицами и в разных формах. А сейчас её дорога - путь эволюции - пересеклась с дорогой Теона - воскресение Атлантов с грядущей перспективой Гитлера, - и ещё неизвестной, но уже угадываемой тропой, по которой Она пойдёт вместе со Шри Ауробиндо, но едва ли с Теоном.

Нечто четвёртое

Во время тех сеансов Мирра получила один опыт. В принципе, он был знаком ей ещё по Парижу, но тогда Она не смогла разъяснить себе его смысл, - честно говоря, Она ничего и не разъясняла; переживания хаотически сменяли друг друга без всякой видимой связи. По Её словам, не во что было верить, и не верить тоже было не во что: были факты - вот и всё. <Преимущество в том, что мои переживания не создавались на ментальном уровне>. За это Она всегда была благодарна Теону, забыв даже о его опасных вспышках (восходивших к гневливости одного из покойных дождей): <В конце концов, он меня многому научил>. Как можем мы судить о наших сегодняшних поступках? Они оказываются продолжением давно забытых событий и дополняют картину, начатую в ту пору, когда мы сами были окрашены в другие цвета и преследовали, возможно, совершенно иные цели... то есть, те же самые, но представленные в ином свете. Мы ничего не поймём, пока не поймём всё. Но это другая картина. Гораздо любопытнее, так сказать, <с научной точки зрения> то, что не только Мирра несколько раз пережила этот опыт, повторявшийся с точностью химической реакции, но и мадам Теон, и даже Шри Ауробиндо - они испытали то же самое, что и Мирра. А до них те же самые переживания узнали Ведические Риши, о которых Мирра до знакомства с Теоном даже и не слышала.

Однажды Она переходила к Высшей Точке, где сознание как бы утончалось, испарялось и теряло форму в Бесконечности. Прямо у порога Бесконечности,

где великие волны и светящиеся вибрации нижних уровней начинают затухать, - у золотой вершины, откуда люди берут Евангелия, откровения, божественную музыку и величайшие в мире картины, столь разнящиеся между собой - итак, уже подходя к Белой вершине Блаженства, где тает всё, Мирра, уже готовая к последнему прыжку через золотой порог, внезапно была захвачена чем-то совершенно незнакомым. Другим сознанием? Да сознание ли это? Оно было удивительно плотным, хотя на такой высоте всё разрежалось и рассыпалось, а этот предмет представлял собой как бы тяжёлую и даже сжатую субстанцию сознания. В нём не было движения; волны, если они и были, словно все лучи, дробившиеся внизу почти до полной неразличимости, собрались здесь в один компактный слиток, уплотнённый настолько, что он был готов взорваться. Цвет у него был малиново-золотистый. На мгновение перед ней промелькнул, как прежде, в Париже (мадам Теон видела то же самое), силуэт в <золотисто-малиновом сиянии>) как бы <прообраз> не бога, а человека, но такого, что нам и вообразить не под силу - сверхчеловека. Там что-то было. Оно ждало. Возможно, оно ждало всегда. Это наше будущее, будущее человека. Человек в другой субстанции сознания - и это не <сон>, какие могут быть сны, если видение было реальнее Гималаев? Плотный человек. Сильный, практически всемогущий, но абсолютно неподвижный, и сила была сосредоточена именно в неподвижности. Малиново-розовое сияние. Будущее. Никаких сверх-квартетов, никаких сверх-евангелий: просто плотный человек. Другой принцип существования. Человек остался тем же, но изменился воздух - от нашего он отличается так же, как рыбий кислород отличается от человеческого. Изменилось дыхание. Так мы не дышим, так мы не существуем. Это другой образ существования. Другое существование.

За <высшей> Точкой что-то есть.

Конец человека - начало чего-то другого.

Эволюция не заканчивается белой бесконечностью.

Около семи или десяти тысяч лет назад Риши на своем символическом языке рассказали об этом в Риг-Веде: <Одна истина скрывает другую Истину, и они спешиваются с солнечных коней; десять тысяч (лучей) собираются вместе; это ОДНО, tad ekam. Я видел воочию величайшего бога>. Над золотыми вершинами разума находится солнечная Истина, где десять тысяч рассеянных лучей нашей интуиции и противоречивых картин объединяются в плотное тело: вот что такое ОДНО. <Лицо Истины закрыто блестящей золотой маской>, - говорится в Упанишадах, - имеется в виду золотое "сито", дробящее всё в мире разума. Разрежённые слои <духа> проходят через духовную маску мира. Они нашли <великий переход>, mahas pathat: <Небо (сознания) стало твёрдым как хороший столп... Бог открыл человеческие двери>. Они вошли в <плотное сознание>: chidghana, они прикоснулись к другой силе и <соединили в один поток человеческие силы и божественные энергии>. <Тогда они по-

настоящему пробудились и жизнь их стала полной; за собой, вокруг себя и повсюду они поистине достигли небесного исступления>. <Будучи смертными, они достигли бессмертия>.

Шри Ауробиндо назовёт новый мир супраментальным. Это *touryam svid* Ведических Риши, <некоторое четвёртое>, возможно, четвёртое - следующее - состояние материи. Состояние материального бессмертия.

Другая материя? Или другой взгляд на ту же материю, но без ментальной тюрьмы?

Итак, Мирра нашла Луч, способный изменить детерминизм низших слоёв.

Но интереснее всего то, что Она видела внизу (мы не уверены, но скорее всего оба видения случились в одно и то же время) - словно отклик на существо в высоте, в самых глубоких слоях материального бессознательного Она увидела <существо, крепко спящее в тёмной пещере и излучающее во сне лучи раздробленного света [позже Мать будет говорить о <радужных лучах>], понемногу распространяющиеся в Бессознательном>. Один стоит на верхней ступени сознания в малиново-золотом сиянии, а другой погружен в <кристальную белизну, лучащуюся опаловым светом> на начальных ступенях существования, в самых древних слоях эволюции, где <мрак объёмлет мрак>, если вспомнить мощный образ из Риг-Веды. Когда Мать посмотрела на это существо, оно открыло глаза и как будто проснулось - словно в глубинах материи, у тёмного истока всех вещей, дремал последний этап пути, Энергия, подталкивающая эволюцию к её золотому закату... Мы говорим о <будущем>, <прошлом>, <вершинах>, <глубокой пещере>, но наш язык не подходит для точного выражения, а образы наглядны только в трёхмерном мире аквариума, деформирующем и разлагающим целое; оно всё равно остаётся целым и не знает ни верха, ни низа, ни неба, ни ада: существует только путь нашего сознания, пересекающий все слои в поисках того, что есть всегда, существует только поиск нашей Цельности - <и жизнь их стала полной>. <То, что есть в этом мире, есть и в другом, - говорят Упанишады, - а то, что есть в другом, есть и здесь: тот, кто думает, что найдёт разницу, идет от смерти к смерти>. Иными словами, чем <дальше> мы уходим по пути эволюции, просветляя и расчищая плотные слои, тем больше вечности <сверху> способно уловить наше сознание - сначала сны, видения, затем воображение, мысль, восприятие, а в конце концов, вечность сливается с человеческим телом и его Материей; таким образом высшее существо становится существом здешним, точнее оба становятся ОДНИМ навсегда тем более, что они и не переставали быть ОДНИМ. Наши невзгоды и стремления суть первый шёпот одной части, преданной забвению, но вспоминающей себя в другой части. Мы стремимся к тому, что уже здесь, да и к чему нам ещё стремиться? Грязи не нужна грязь, а если превращается в свет и в лотос, залитый светом, то только потому, что свет уже был здесь, и в глубине тёмного зерна уже светил лотос. Высшая Энергия -

то же, что и начальная Энергия, высший уровень - то же, что и начальный уровень. Всегда и повсюду мы встречаемся только с самим собой - да и как несуществующее может встретиться с существующим, если его вообще нет? В атоме прячется раздробленный, разделённый, высший Луч; как и в межзвёздном пространстве, так и в забывчивой маленькой клетке живёт высшее, цельное, могучее и бессмертное Единое. Воистину, <Дух в человеке - тот же, что и Дух на солнце, ибо Дух один, а другого нет>*. *Таитирья Упанишада. В ходе эволюции существует некий высший момент, когда единение оказывается совсем близким, и, освободившись от тёмных слоев забвения, лучезарное сознание склоняется над своим маленьким телом и становится самим собой: оно цельно, могуче, светоносно и бессмертно даже в самой тёмной клетке. И <высшее> Существо соединяется с <низшим>, сверхчеловек становится человеком, и даже в самом затемнённом участке воцаряется полная целостность - то, что было, есть. Изменяется время. Изменяется взгляд. Смерть отступает, так как люди умирают, забывая себя. Когда тело полностью вспомнит себя, когда оно полностью станет тем, что есть, просветлится и очистится, когда обе части соединятся даже в самой тёмной клетке, мы обречем бессмертие на новой земле и в новом теле. <О, люди, - говорили Ведические Риши, - идите за светящейся нитью... творите неразрушимую работу, станьте человеческими существами, создайте божественную расу... Провидцы Истины, острите сверкающие копья, что расчистят дороги бессмертных, познайте тайные миры, сложите ступени, по которым боги взойдут к бессмертию>. <И твоя человечность будет подобна деянию богов, словно светлые небеса зримо снизошли в тебя>.

Слияние двух частей Шри Ауробиндо и Мать назовут преобразованием. Так человеческое тело станет супраментальным или сверхчеловеческим.

Великий переход

Для нас этот переход - тайна, но в истории эволюции любой переход от вида к виду был таинственным. В некоторый момент всё изменялось, внезапно происходила мутация, пусть даже подготовка к ней была длительна, а само изменение никак не согласовалось с переходными ступенями. В механизме перехода можно сомневаться, здесь можно спорить, сам переход никогда не учитывал, что возможно, а что - нет, и уж конечно, не обращал внимания на сам объект мутации. Возможно, наш язык не подходит для обсуждения таких вопросов - <нам нужен новый язык!> - подобно Рембо восклицала Мать. Наше воображение беспомощно как ребёнок, когда оно пытается представить переход к другому виду, который будет дышать совершенно иным воздухом, и взгляды которого будут отличаться от наших столь же глубоко, сколь минерал

отличается от животного. Гусенице тяжело представить себе завтрашний день, когда она станет бабочкой, но даже весь рационализм и изощрённая наука гусеницы не помешают ей превратиться в бабочку. Рациональный разум, не заглядывающий дальше сверхсияния своей рациональности (но она уже доказывает свою несостоятельность), может сомневаться в чём угодно, но эволюция не знает сомнений, поэтому переход всё равно случится - с нами или без нас. На самом деле, этот великий переход - mahas pathat - уже начался, так что наш научный и рациональный материализм, возможно, устарел не меньше, чем старик Моисей на горе Синай. Мы ещё вернемся к этому Синаю - второго такого мыльного пузыря не было. Так зачем же нам стоять в стороне от перехода? Вместо того, чтобы быть пассивными и презренными подопытными кроликами эволюции, мы можем стать участниками эксперимента. В этом состоит вся история Матери и Шри Ауробиндо. И провал Теона.

В общем, бессмертие не так уж и важно; когда сознание пробуждается и научается находить нити существования, бессмертие кажется детской шуткой: <Кто будет носить одно и то же платье сто лет? - говорил Шри Ауробиндо, - Что за радость жить в одном и том же тесном жилище целую вечность?>, тем более, что это <жилище>, подверженное кроме того смерти, кажется нам крайне неудобным. Смерть - это действительно поражение, только не тела (хотя обычно мы думаем иначе), а Духа, потому что Дух и Материя едины, что бы там не привиделось глазам гусеницы, - мы до сих пор не нашли ни настоящей Материи, ни настоящего Духа. Когда они соединятся и станут чем-то другим, наши поиски закончатся - это и будет наше будущее тело.

Но оно не упадет с неба, тело надо строить. Как это делается?

Очевидно, нет смысла увековечивать гражданина-потребителя или метафизика - эволюция смеётся над метафизикой, хотя и пользуется ею, как, впрочем, и всем остальным. Ей не нужны ни четвёртый, ни второй мозг; ни сверхчеловек, ни улучшенный вид шимпанзе, располагающий математикой и телевидением, не входят в её планы. Её задачи сводятся к поиску инструмента, способного напрямую воздействовать на сознание, потому что сознание есть отправной пункт эволюции, перводвигатель и начало конца, а мы худо-бедно учимся управлять им, заключены мы в панцирь краба, черепную коробку, или вообще какой-нибудь ящик. Эволюция строит не цивилизации, а последовательность расширяющихся сознаний. Сознание - вот ключ к переходу. Это Шакти, ищущая свою целостность. Мы же видели вслед за Миррой и Ведическими Риши, как высоко в небесах парит обширное и <плотное> сознание, тогда как тело дремлет внизу. Однако даже здесь нам не отказаться от языка гусеницы или аквариумной рыбки. Если бы даже некий особенно одарённый киноцефал сумел исследовать будущие уровни эволюции, то ближайшие уровни разума, вероятно, показались бы ему запредельными небесными царствами, и достичь их он сумел бы, лишь полностью порвав с обычной обезьяньей жизнью, но вряд ли ментальное небо смогло бы укорениться в его сознании. Там нет места,

всё забито обезьяньей жизнью, а внезапное <нисхождение> ментальных небес в его сознание просто приведёт к взрыву. Но во сне, когда обычный грохот затихает, странный отблеск может промелькнуть на фоне его обезьяньего сознания и оставить после себя смутную ностальгию или стремление - это как бы прорыв в постижение бесконечности, моментально объемлющий всю его жизнь и существование всего обезьяньего рода: невыразимое объяснение. Рациональные соплеменники назовут этого киноцефала мистиком, но будущие этапы эволюции готовят именно такие смутные сны. Что-то просыпается - словно то существо в глубокой пещере медленно движется к поверхности. Природа неспешно очищает слои: в ожидании следующего этапа - слияния ментального <неба> и земли в человеческом творении - пройдут целые века. Видимо, механика перехода и заключается в очищении слоёв. Луч все растёт и растёт, захватывая всё более обширные области и всё более тёмные бездны, и всякая захваченная нами высота как бы придает лучу сил на проникновение в нижние слои до тех пор, пока высшая Энергия не найдёт саму себя в атоме высшего Существа, подвергнутого высшему забвению. Смерть - последняя дверь, ведущая к Высшему. Так и движется мир - прыжки со ступени на ступень, от существа к существу, от <неба> к небу, к целостности своего сознания, к Единому, бесконечному в любой точке.

А сейчас новое небо должно встретиться с новой землей.

Однако, отличие этого перехода от других существеннее, чем мы думаем: разница между человеком и обезьяной ограничивается, в общем, только нюансами одного принципа. Мирра, Риши и Шри Ауробиндо увидели именно другой принцип, настолько же отличный от нашего, насколько рыбий кислород отличается от человеческого, как мы уже говорили - кислород остается кислородом, но дышат им по-разному. Они увидели другую структуру. Наверное, лучше сказать: другую Материю: сознательную или созданную из сознания - плотного сознания. Возможно, это и есть настоящая Материя, которую нам никак не поймать, и в которой мы не умеем жить. Как воспринимает рыба Материю <земли>? Как смерть всего мира, если только рыба видит землю. А для нас всё дело заключается в одних тех же атомах и молекулах, соединяющихся по-разному: одно и то же <нечто> (но мы не знаем его по-настоящему) в различных сочетаниях. Однако по-разному может сочетаться только сознание. Шри Ауробиндо и Мать попытаются перенести новое сочетание в свои тела, а значит и в землю, ведь если изменение затронет одно тело, в процесс будут вовлечены и другие: тело на самом деле одно и Материя одна. Изменившись в одной точке, Материя может измениться везде. Только надо расчистить весь путь и прояснить промежуточные слои, чтобы новое сочетание, входя в Материю, не наделало разрушений. <Надо перекинуть мост над пропастью, - скажет Шри Ауробиндо, - и проложить дороги восхождения и нисхождения там, где сейчас пустота и тишина>.

Это рискованное предприятие.

Для земли этот переход опасен.

Последний мятеж

Маленький уголок в Атласских горах в 1906 году стал местом странной встречи между забытым Ведическим опытом, забытым и непонятным для <более развитых> тысячелетий, и молодой материалисткой из Парижа, верившей лишь в то, что можно <увидеть> и <пощупать>. А в десяти тысячах километров от Алжира молодой бенгалец по имени Ауробиндо Гхош, также получивший западное образование, впервые был арестован за <мятеж>. Наверное, в это самое время над высшей <вершиной> Нирваны (она представлялась настолько абсолютной, что все попытки подняться выше казались кощунством) он обнаружил <нечто> - зачатки будущего человеческого цикла. Что за ветер подул в этот миг над землёй? Что за бунт назревал в то время? <Восставать надо не против британского правительства, - скажет Шри Ауробиндо. - Мы должны восстать против всей Природы>. А Мать до самого 1973 года, когда Она оставила тело, удивлялась этому совпадению, словно оно казалось Ей ещё более необычным или провидческим, чем было на самом деле: <Теон и Шри Ауробиндо не были знакомы и даже не видели друг друга. Не зная о существовании друг друга, совершенно разными путями они пришли к одинаковым выводам. В абсолютно разных странах, не зная друг друга, в одно и то же время они открыли одно и то же. А я знала обоих...>

Два существа с одинаковым материалистическим образованием западного образца вернулись к традиции, потерянной семь или десять тысяч лет назад, в самом начале этого цикла. Человечество двигалось словно по огромной кривой и прошло её до самого конца, изучив дороги солнца и небытия, бесчисленных мудрецов и святых, бежавших в белую бесконечность или внеземной рай, до конца изучив дороги науки, ведущие к почти уродливой земле, с трудом пробиваясь по дорогам разума, ведущим к новым Вавилонам, превращающим слова и мысли в фальшивую монету, которой расплачивается жадный эгоизм и пигмеи силы; человечество шло, всё больше усугубляя свою нищету, по дорогам веры и неверия, утверждения и отрицания, добра и зла, но не было больше ничего доброго или злого, а все дороги в конце концов приводили в одну и ту же тёмную яму, где единственной реальностью была вековая смерть - от бомбы или просто так. Человек умирал на шумных торжищах, глумясь над самим собой под демократическими лозунгами и сенью радиоволн. Он прошёл весь путь страданий - от пустой Материи до пустого Духа, чтобы замкнуть цикл и прийти к высшей точке, в которой начал путь. Риши видели в ней, словно в глубине тёмной пещеры, в сердце Материи, в сердце тела новое Солнце сознания, освещающее новый Дух в новой Материи: <Сокровище в

камне>, <Солнце в темноте>. А смысл этого долгого цикла, наверное, в том, чтобы не несколько Риши, рассеянных по Гималаям, а всё человечество достигло этой реализации - ведь в конечном итоге Человек только один. Эволюция одна. Или цели достигнут все или никто.

И мы идём к точке, исчерпав всё: уже никакие чудесные верования не увлекут нас ни вниз, ни вверх; мы ясно видим: остались только двери нашей несостоятельности.

Но и последний переход так же, как и остальные, подвластен древнему закону эволюции. Дело не в новой паре лёгких, не в усовершенствованных лобных или боковых долях мозга, но во внутреннем толчке, в Необходимости, вытащившей рептилий из пересохших болот и заставившей их изобретать крылья, вытащившей рыб из удушья и вынудившей их изобрести лёгкие, тянущей людей прочь из ментальной трясины и истязающей их в ожидании того момента, когда они выскочат к новому воздуху сознания, к единству, исцеляющему Материю от разделов и разрывов.

Материя мешает нам, но это и есть ключ.

Мать должна была встретить Теона и Шри Ауробиндо: Ей, наверное, тоже пришлось пройти сквозь все фальшивые двери Возможного прежде, чем постучаться в настоящую дверь - и перекрыть путь к воскресению древних Атлантов, уничтоженных, по словам Платона, за девять тысяч лет до его рождения. Кроме того, Ей, вероятно, надо было повстречаться со смертью прежде чем вырвать у неё тайну. Древние Писания гласят, что Смерть - страж Знания.

В наше время зреет последний мятеж - против Разума в Материи и смерти в Материи. Возможно, это одно и то же.

Высшее препятствие - это высшая дверь.

10

НЕОБХОДИМОСТЬ БЫТЬ

У любого человека, как и у Мирры, могут быть прекраснейшие в мире видения, он может подниматься на высочайшие вершины сознания, плавать в волнах неземной божественной музыки, прямо на земле пускаться в необычайные приключения, переживать страсти так глубоко, как никогда прежде, вместе с Моне окунаться в мягкий опаловый свет, исчезать под крики

чаек, до последнего любить сверкающее море, бесконечность которого как бы сжимается и помещается в одном сердце, а само сердце под шум прибоя как будто уносится куда-то и переживает бесконечные века и жизни в одно мгновение. А затем... затем всё начинается с начала. Жизнь бьётся и трепещет: одну секунду мы так и не поймали. Жизнь переливается всеми цветами, но чего-то не хватает. Ей чего-то очень сильно не хватает. Вся наша суeta ничего не изменит: можно пройти все континенты, пережить все истории, но ничего не изменится - всё останется по-прежнему, будто ничего и не произошло. Нам никогда не удастся засыпать яму внутри себя, заглушить тихий крик, каким кричит ребенок, забытый на пустынном берегу несуществующей страны. Мы бегаем, говорим с собой, говорим с другими, входим и выходим, но как узнать, кто ходит внутри нас, как узнать, что это такое? Мы любим или не любим, берём и даём, смеёмся и плачем, но что происходит, что остаётся, что вообще есть? Чего-то не хватает. Наша история как будто и не начиналась, слабое дыхание внутри как будто и не дышало, - это тихий бесцельный крик Бытия: где жизнь, где я, где начало? Иногда всё рушится, а мы просто отмахиваемся, словно не видели этого разгрома и не жили в это мгновение. Иногда случается мгновение бездеятельности, и тогда что-то останавливается между двумя шагами, как две капли воды похожими на миллионы других шагов, и смотрит невидящим взглядом - это вечный, бесплодный и пустой взгляд. И мгновение словно останавливается: вроде бы в нём нет ничего, но в то же время что-то есть; человек превращается почти в ничто, но он смотрит, и мир вдруг становится близким; это ничто настолько близко, что оно оказывается единственным нечто. И тогда из забытых веков и заброшенных пляжей, из миллионов пустых шагов и миллионов однообразных историй всплывает улыбка, и однообразие исчезает... за секунду. Одно мгновение вмещает в себя все вечности и все жизни - наша любовь, наши поиски вели к нему. Это - ничто, и это - всё. Единственная история длиной в одну секунду. Чему ещё быть? По сравнению с одним слабым вздохом все Гималаи и все видения кажутся пустыми; не узнав его, мы не узнаем ничего, ничего не переживём и ничего не полюбим - его не хватает, его... Ибо это оно наполняет жизнь, оно живет, оно любит. Чему ещё быть?

Великая мировая история очень проста. Она вмещается в одно мгновение.

Одно сущее мгновение.

Как белое пламя.

Капля великого Луча.

Как много пустых рассказов. Как много криков, поисков, шагов, слов, религий и философий: <Как всё запутано!> - говорила Она. Остановись на мгновение, и всё. Всё всегда было здесь. Мгновение смотрит на нас как потерявшийся ребёнок и путается в наших историях: <Как, это и есть жизнь? Как, это и есть

люди? Как...> Мы вглядываемся, но ему это не надо - это просто взгляд. Мы ходим, бегаем, ищем, а оно ничего не ищет, у него и так всё есть. Мы желаем, не желаем, любим, ненавидим, а ему всё это просто не нужно. Если в одном мгновении есть всё, то чего ему может не хватать? Оно - и цветок, и роза, и человек, и ящерка, словом, всё. Оно смотрит - вот и всё его существование. Песок убегает из горсти, в луче света пляшет листок, мы просто смотрим на тротуар и открывается пролом; если оставить всё, как есть, смотреть можно часами: в копошащейся пустоте вдруг открывается пролом... и мир начинает существовать. Ребёнок смотрит. Взрослые разучились. Чтобы пробить брешь и вдохнуть чистый воздух, им нужна суeta, им нужны слова, Евангелия, невзгоды и философии, которые окончательно путают и без того запутанную жизнь. А если брешь пробить не удастся, то мы просто умрем, будь у нас хоть все красоты мира и шесть детей... им тоже придется искать забытое. Это есть - всё настолько просто, что нам и не представить; даже слишком просто, чтобы мы могли задуматься над этим: такой простоты не бывает! Так работает магия разума - она плетёт и путает всё, к чему она прикасается, становится непостижимым и таинственным; она пишет Евангелия и предаёт проклятию; она верит и не верит, осуждает и подтверждает; весь мир для неё выкрашен в два цвета - чёрный и белый. На всё сущее разум набрасывает сеть небытия. Микроскопы направлены в стены, а телескопы - к звёздам; чтобы измерить свою собственную плотность, и преодолеть весь путь собственной лжи разум изобрёл межзвёздные расстояния. Он хочет воспроизвести бытие звёздной мерой своего ничтожества. Однако один беглый взгляд увидит, что всё в одном мгновении - и далёкое, и близкое, и прошлое, и будущее. Оно неуловимо как воздух, незаметно как воробей и не более велико, чем былинка или лукавая улыбка. Оно не стоит даже единственной мысли: оно и так есть. Мгновению не нужны тысячи звёзд или океаны, оно есть даже в падающей капле. Ребенку под силу достичь любой стороны света и раскрыть неизвестность завтрашнего или послезавтрашнего дня, потому что он знает, что всё это уже здесь. Огромное тело мира уместается в одной точке, в одной секунде. Всё здесь сполна, ничего от него не отнимешь, ничего не прибавишь, и другого не найдешь. Откуда взяться другому? Бытие одно, двух не бывает. Нам надо узнать только одну историю. Только одну каплю бытия. В ней - всё будущее земли, <всегда-здесь>, которое недоступно её взгляду, но к которому она бесконечно и мучительно движется, продираясь сквозь слои лжи разума и забвения.

Тут и пролегают границы эволюции.

Всё - в детской улыбке.

Люди твердят о душе, Боге, рае, спасении, но от чего нам спастись? Нужно только отбросить Евангелия - наши символы веры в правое, левое, верх, низ, наши ящички спасения, - и стать каплей бытия.

Так для Мирры открывалась новая область опыта, древняя как Плейстоцен и юная как улыбка ребёнка. Примерно в 1908 году Мирра развелась с Моррисе и окончательно покончила с <жизнью художника>, казавшейся теперь совсем далёкой. Фейерверки Теона тоже сыграли свою роль. Осталось только то, что есть, или то, чего нет.

Разрушение аквариума

Что такое капля бытия? Поэзия? Может быть, ведь она <делает>, а следовательно, является в первую очередь <поэтом>. Но почему её так трудно увидеть, почему разум - это ложь? Природа не выдумывает ни лжи, ни истины, ей не нужно ни то, ни другое, - она изобретает средства. Как истину, так и её сестру - ложь - выдумал разум. Он создаёт чудеса. Природа естественна по своей природе - ей нужны не чудеса и евангелия, а только движение. Она движется, и пользуется для этого всеми средствами, как высокими так и низкими. Нисходящая дорога сама выводит наверх. Добро и зло выдуманно разумом. Природе нужны не они, а движение. Почему мудрая Природа изобрела инструмент, который хочет отбросить? Природа вообще величайший иконоборец; точно так же она с докембрийского периода отбросила уже множество вещей. Ум - вот вечный идолопоклонник; он поклоняется всему: фараонам, тотемам, пенициллину, уравнениям седьмой степени. Какая разница, кому поклоняться - материализму или Богу? Ум создаёт идеи. Природе идеи не нужны: она просто создаёт. Нам очень тяжело повторить её чудеса. Для теорий ей действительно не хватает изощрённости; это скорее по части ума - вот он выдумывает теории... и тотчас уничтожает их, пытаясь поймать Природу. А она смеётся и убегает! А пока мы развлекаемся теориями, нас подталкивает. Куда?... Вот вопрос. Разум - это сила. Неужели?.. Помедлим и осмотримся: паровые машины, автоматические двери для тех, кто спешит, и не забудьте про авиалайнеры - они весьма удобны, чтобы перебраться с одного конца ничто на другой. А у Природы нет сил, у неё есть только то, что есть. Если её что-то беспокоит, она устраивает землетрясение, вот и всё. Мы же - совсем не то, что мы есть, вот и вся разница, потому мы ничего и не можем. Ведь существование - это способность быть тем, что ты есть. А мы взяли взаймы всё на свете - человек и минуты не проживёт без миллионов открытий человечества! Даже солнце мы попытались упрятать в коробку. Ум - великий копиист. А то и фальшивомонетчик. Птицы прекрасно умеют летать - это их природа. В принципе, человек ходит пешком и даже утверждает, что знает, куда идёт, а Природа не знает: разум - это знание. Неужели?.. Остановимся и оглядимся: Природа не знает - она существует, и всё у неё идёт своим чередом - она знает, поскольку делает, и делает, поскольку знает. Это знание-действие: перелётная птица летит в Сибирь, не отклоняясь от своего курса. А у нас есть карты и угломеры. Так лучше? Может быть. Ум любит усовершенствования; Природу

он усовершенствовал так, что она уже и не знает, куда ей деваться. Впрочем, у неё в запасе всегда есть землетрясение, которое опрокинет все наши пигмейские постройки и усовершенствования. Ах да, у нас ещё есть душа? И дух? Неужели? Разум прекрасно умеет ловить дух, когда хочет задрать свой нос прямо к небесам. У Природы нет духа: она есть. Может быть, она и есть дух, тем более, что дух тоже есть. Человека нет - он не понимает, не знает, и не может, ибо он - не то, что есть. Всё просто. Когда мы есть, мы знаем, а когда знаем, можем. И смеёмся.

Так какого же дьявола изобретён этот инструмент? Природа рачительна и мудра. В конце концов, она изобрела человека и дала ему разум точно так же, как другим дала пару клешней. Только заносчивость заставляет нас считать разум величайшим орудием. Природа, иконоборец по определению, как раз сейчас рушит этого идола. Хватит ли нам <духа> заметить прелестную чистку, радостно осуществляемую Природой? Достаточно включить радио, и мы узнаем последние новости о ходе чистки и прогресса. Они ускоряются в геометрической прогрессии: мы ведь любим математику. Однако мы ещё можем разозлиться, схватить Природу за горло и спросить: зачем она придумала разум, если сейчас хочет уничтожить его?

Но Природа ничего не уничтожает: она преобразует. Это великая преобразовательница. Она ни разу не остановила своей работы с тех самых пор, как в болоте зашевелился первый комок протоплазмы. Так зачем ей делать исключение для нас? Тут тяжеловесный и серьёзный (он серьёзен до отвращения) разум скажет, что из Природы мы делаем нового Демиурга. Однако право на это звание имеет разве что человек. Ну, и что? Сейчас человек совсем не похож на Демиурга. А Природе и не надо быть демиургом, и Богу не надо быть Богом! Каждому надо быть только тем, кто он есть, а когда он есть, существует одно - Бог, демиург, крокодил или божья коровка. Какая разница? Есть только одно, а никак не два. Так где же Бог, где материалист и где божья коровка? Есть только сущее, и оно всё ближе и ближе к истинному существованию, хоть с парой клешней, хоть с парой очков. Оно становится всё лучше и лучше, и растёт всё больше и больше. Когда человек станет сущим, он поймёт. Он сможет и засмеётся.

Ум до нелепости убедительно демонстрирует необходимость быть. Всё, что притворяется, терпит крах и гибнет. Когда мы станем сущим, нам больше не понадобится умирать - смерть это последнее средство заставить нас быть в теле, как в душе. Может быть, тогда мы наконец узнаем, что значит быть. Ведь так называемой <Материи> нет без Духа, а так называемого <Духа> нет без <Материи>. Их единство и называется бытиём. <Только тело умеет понимать>, - скажет Мать. Пока не реализован Дух в Материи (или Дух Материи, или божественная Материя), мы не поймём ни Духа, ни Материи - ни Бога, ни чёрта, ни Природы, ни ничего. Ни даже себя. Материя - ключ к цельному знанию, точнее, к знанию Целого. <Я видела Тайну - скажет Мать. - Я видела,

что Высшее достигает совершенства в земной Материи, на земле>. До последних дней своей жизни Она без устали повторяла: <Старайтесь понять как крайность духа, так и крайность материи, ищите точку соприкосновения... где они становятся настоящей силой>.

Силой, - сказала Она. Настоящей силой.

Мы ещё не поняли, что бытиё - это сила. Единственная сила. Если цель эволюции в том, чтобы привести миллионы точек (то есть нас) к единству и цельности - сознания, бытия, силы, видения, а в конечном счете к цельности радости, потому что нам не хватает именно её (но как радость может существовать в рассечённом надвое существе?) - если цель в этом, то ей нужно было дать каждой точке сознание индивидуальности. Потому сеть Разума и покрыла неделимое единство древних человекообразных и зубров, плывших в одном единящем потоке бытия с лунами, птичьими стаями и человеческими племенами. Прежде не было ошибок, не было <ты> и <я>, не было <здесь> и <там>, не было <вчера> и <сегодня>, не было, наконец, боли и печального осознания того, что ты - человек, отрезанный своей кожей от окружающего мира. Эволюционная необходимость и причина смерти разума - в его призвании разделителя. Ничто не ушло от разделения: добро, зло, истина, ложь, время, пространство, далёкое, близкое, ад, спасение, дух, материя, <ты>, <я> - космические пространства разделяют различные <я>, и все они знают, что являются <я>! И все они бессильны, ибо ничего не знают непосредственно, изобретают средства, способные приблизить то, что отдалили они сами. Люди пытаются перепрыгнуть вырытый ими ров, узнать то, что забыли, потрогать то, что сами упрятали под щит, который твёрже шкуры динозавра. Они пытаются несчастной, болезненной и безответной любовью любить то, что и так любит, но в целом, и с радостью, которой даже не нужно имя радости. Весь долгий путь ума ограничен кожей, - с помощью заменителей он пытается вновь открыть весь мир, с помощью фокусов - найти единственный фокус, простоту Единства, обнимающую всё единым взмахом крыла, единым взглядом, единым биением бытия, единым знанием, подобным всемогущей любви. Миллионы цветов слагаются в одну картину, тысячи евангелий - в один спокойный Луч, тысячи рук объединяются в одну силу, тысячи маленьких существ - в одно существо, а тысячи горестей - в аквариум, созданный человеком. Воистину тот, кто верит, что разум создан ради возвышенных философских учений, божественных уравнений и прекрасных полотен, - безумец. Дело разума - разделение, ложь, боль и иллюзия, необходимые для того, чтобы каждая эволюционная точка нашла в бытии индивидуальности бытиё единства, в личном сознании - всеобщее сознание, а в личном бессилии - высшую силу. И радость бытия.

Аквариум лопнет, когда у эволюции отпадёт нужда в нём, когда миллионы существ уже не смогут выносить свои удушливые <я>, прогнившие слова и самодовольные мысли, когда они задохнутся от пустых евангелий,

бесполезных панацей и науки, которая ничего не знает, ничего не даёт, ничего не может и превращает человечество в одну гигантскую крысоловку из стали и бетона. У её дверцы стоят короли - экономические жандармы; они охраняют свободу, равенство и братство, которых просто не существует. А тысячи смертоносных партий тащат нас то налево, то направо, пытаясь узнать, где лучше топиться. Эволюция разобьёт аквариум.

Час пробил.

В нашем крахе - надежда на чудо.

Агония ментального Вавилона кладёт начало новому циклу - супраментальному. Величайшая в мире иллюзия рассыпается в пыль и труху, словно её никогда и не было. Её и правда никогда не было. Разделения не было. Сознание не было разорвано. Дух - не то, что мы думаем, а Материя - не то, что мы видим; жизнь, смерть - главное разделение - вовсе не то, что мы знаем, а нечто совершенно другое. Мы медленно падаем в это <нечто> и неожиданно словно становимся детьми. Оно ещё более удивительно, чем мир, в который перешла древняя рептилия, и воздух, который открыла первая птица, это другое бытие. Не усовершенствованная ступень прежней эволюции, а скачок, эволюционный скачок к новому сознанию. <Новая эволюция>, - говорил Шри Ауробиндо. Другая жизнь в материи. Другая материя. Другой закон существования.

Поскольку быть другим означает иметь другую силу.

Но бытие начинается с капли.

Выход вниз

Природа всегда даёт нам средство перехода к другому циклу и самостоятельному совершению эволюции. Для всех она создаёт давление среды, а для каждого - внутреннее давление необходимости... нового состояния или новой среды.

Эта необходимость - рычаг перехода.

Из тысячелетия в тысячелетие у истоков движущей силы мира лежала Нужда. Она подталкивает эволюцию. Нужда в солнце живёт в сердце растения, нужда в воздухе - в сердце личинки; нужда в жизни, необходимость быть. Даже галактикам нужно расширение. Но как может стремиться к бытию то, что

мертво? Смерти нет - то, чего нет, не может существовать. Никто не может нуждаться в том, чего нет ни у него, ни вообще на свете - если бы солнца не было, мы бы не нуждались в нём, а если мы нашли солнце, то это означает, что оно было уже в первых наших шагах к нему: солнце подталкивало нас и вспоминало себя в нас. Мы находим только то, что есть; подгоняемые нуждой в себе самих, мы пробиваемся сквозь тёмные слои сущего. Величайшая в мире Нужда - необходимость БЫТЬ. Она помнит себя и становится собой. У нас на глазах и у нас в глазах она медленно становится сущим. А быть означает быть всем, да и как то, что есть, может не быть всем - или оно есть, или его нет, а если оно есть, то оно есть всё. Человек не может быть частью себя и не стремиться стать целым. Каждая частичка в мире, и весь мир хотят стать всем сущим. Бытию необходимо быть. Вот и всё. Разве может ничто хотеть стать чем-либо?

От цикла к циклу, от вида к виду необходимость быть возрастает. Словно внутри горит пламя и заставляет частицы слипаться в атомы, атомы в молекулы, и так далее, до звёздных туманностей. Молекулы тянутся к первому телу, тела - к новым телам: так растёт тело мира и бытиё, но пока все молекулы и все клетки тела не обретут полного существования, нужда не иссякнет. Одно существо хочет охватить все точки и стать единым, как в межзвёздном пространстве, так и в мельчайшем атоме. А если что-то есть в самой мельчайшей точке, то оно есть и везде, ибо двух вещей или двух сущих не бывает. Мельчайшее и первое суть последнее и грядущее. Для полного бытия они едины. А раз одна точка вмещает в себя всё, то тайну, бытие и силу можно найти в атоме и в клетке. Точка - ключ ко всему миру. На вершине эволюции находится не груда усовершенствованных довесков к сегодняшнему нашему состоянию, а точка, помнящая, что она есть. Первая Материя содержит тайну последней или тайну бытия, так как другой тайны нет. В глубочайшем забвении живет совершеннейшее существо. Древнейший слой выйдет на поверхность и раскроется последним. На вершине эволюции сознание становится светоносным и склоняется над своим основанием, которое загло в нём огонь и отправило его в путешествие к самому себе. Воспоминание заканчивается самовоспоминанием: это ЕСТЬ. Сполна мы существуем только в своей первой материи - теле. В начале пути стоит конечное бытиё. Пламя Нужды ведёт нас в этом путешествии. Огонь Материи - высший огонь Духа: <О, Огонь, - говорит Веда, - когда мы несём тебя в себе, ты становишься высшей силой и мощью нашего существа... ты становишься множеством сокровищ, разбросанных повсюду... сыном небес на теле земли>.

Язычок белого пламени.

Радость.

Этого путешествия хотела радость бытия, потому что быть означает радоваться всему, что есть. Ничего другого быть не может. Все страдания

происходят от неполноты бытия. Мир страдает от отсутствия бытия, как оно есть, а существа страдают, потому что они не то, что есть. Но всё стремится к великой радости, к цельности, которой они всегда были. Скоро они покинут старый аквариум: необходимость, ключ к переходу, давление пламени разнесут стены иллюзии. Давление стало невыносимым. Ум задыхается как рыба на дне пересохшей ямы. А мы идём к новому, мы первопроходцы нового воздуха. Возможно, дышать станет радостнее.

Эта необходимость открывала все эволюционные переходы, от минерала до человека, и смена человека разумного новым видом - не исключение. Механизм перехода не изменяется. Но поскольку мы разумны, то и говорим: необходимость истины, справедливости, добра, свободы... разуму нужна двойственность, всякая вещь для него обязательно имеет обратную сторону, тень, однако победа <светлой> стороны столь же невыносима, как и триумф <тени>: к какой справедливости можно взывать, если справедливость сводится к безжалостному воплощению одной идеи, какая истина может быть заключена в нетерпимости одной мысли, что доброго в слепом уничтожении всякого <зла>, таящего в себе стремление и потребность в более обширном добре? <Если вы подчиняетесь закону, согласно которому нужно карать виновных, - говорила Мать, - то знайте, что рано или поздно покарать придётся всех!... идти дальше будет просто некому>. Мы ничего не знаем; ум - это не знание, а потребность в знании, обратная сторона всех двойственных потребностей, составляющих оболочку любого существа. Но быть означает знать, что нужно каждому существу, что такое добро и истина для каждого существа, что связывает всех, что всех любит и всех понимает, - и что выводит нас за границы добра и зла, справедливости и несправедливости, истины и лжи, туда, где аквариума нет, а тысяча лучей соединяются в ОДНО. На новых этапах эволюции разрушается не зло, ставшее невыносимым, а старое Добро, вызывающее удушье и использующее необходимость бытия для поддержки своего изношенного механизма.

А в человеке, возможно, история эволюции искажена самым печальным образом - хотя наверняка утверждать это сложно: для рачительной Природы необходимо любое искажение, ибо в нём может скрываться новый поворот, таящий новые сокровища, тропинка, неожиданно выводящая нас на новую поляну... словом, любое искажение может нести новую форму одной и той же вещи, создающейся во всех временах, во всех образах бытия и во всех <искажениях>. Пламя, необходимость быть - вот что такое эволюционный огонь, наше главное сокровище - <Пламя сотни сокровищ, - говорит Веда. - высшая сила и полнота бытия> - стал синонимом трагического недопонимания. Ум поймал его, как и весь мир, и повесил ярлык: <Бог, путь к небесам>. Это высшее искажение и заблуждение. (Однако, с <заблуждениями> нужно быть осторожными, возможно это просто ответвления одного и того же Направления). Может быть, эволюционное будущее представлялось тёмному человеку (а мы все такие) далёким <небом> по ту сторону стенок аквариума,

<раем>, отделённым от наших слоев забвения невообразимыми расстояниями. Поэтому приходилось <лезть>, <карабкаться>, <убегать>, чтобы поймать Бога, замогильное золотое Будущее. Нам снова слышится голос Миры Исмаун. При всей её экстравагантности она прекрасно поняла слова Гёте: <Вперёд, через могилы!> Но что останется от религий, если вычеркнуть смерть?.. Что останется от спасения? Мы уже упали на самое дно ямы; откуда взяться надежде на небеса в болоте, засосавшем весь мир, в ментальном хаосе, воскресившем разбитые идола и окрасившем их в психоделические цвета; даже слепые инстинкты и древние страхи вроде бы сгинули в триумфе наук, но нам кажется, что сама наука - ещё большее бедствие, нежели все те болезни, от которых она якобы собиралась излечить. Итак, сегодня нам, кажется, скорее, чем когда бы то ни было, надо <карабкаться> и <бежать> к далёким как никогда небесам. Но они вовсе не далеки. Они никогда не были так близки! Мы барахтаемся в грязи первых эволюционных слоёв совсем рядом с изначальной тайной в сердце обнажённой Материи. Благодаря религиям, горний мир истощён, мы упали в яму, и нам остается только одно - выйти через дно.

Это <солнце во мраке> Вед.

Надо только поймать рычаг перехода.

Надо понять, где он.

Это крайне необходимо.

Пламя, задушенное ложью религий, обесцененное ярлыком <Бога>, сбитое со своего пути - <идея единовластного высшего Бога наиболее неприемлема для любого просвещённого ума>, - восклицала Мать, - превращённое в <единого Бога> и <единый смысл>, изнанка которых непременно оказывается Дьявола, (всё это было сделано затем, чтобы уравновесить невыносимый триумф смерти), - пламя должно вновь вернуть себе истинный смысл - <сила и полнота бытия>, а не гибель на <единых> небесах.

Ибо это пламя великого эволюционного перехода и ключ к целостному существу.

Оно недалеко, прямо здесь, в сердце.

<Поняв это - вспоминает Мать, - я устремилась вперёд как циклон; ничто не могло остановить меня>.

Даже в восемьдесят шесть лет Она говорила: <Это настоящая жажда, нужда, нужда, всё остальное не имеет значения; ЭТО нужно. И ещё цепи - свобода, свобода... Я готова изменить всё, только не стремление, не жажду. Конечно, не всем нравится идея <Божественного>, и я их прекрасно понимаю. Она

сливается с этими ужасными концепциями, и немного осложняет жизнь, но ведь в этом нет нужды! Нам нужно Совершенство, Просветление, Любовь, Истина, высшее Совершенство - вот и всё! Формулы... Чем их меньше, тем лучше. Только необходимость, необходимость, которую может утолить Вещь, и ничего более, никаких полумер. Вот так! Идите своим путём, сама дорога не важна, она может быть любой, даже выступления американской молодёжи могут стать дорогой!>

ОТ БЕСКОНЕЧНОГО К БЕСКОНЕЧНО МАЛОМУ

Главный опыт

Мы перемещаемся по миру, бегаем туда и сюда, подобно Мирре заводим детей, видим все цвета и страны, наша жизнь может быть долгой или краткой, мы можем провести её в облиии жрицы, ничтожества, принцессы, или кого угодно, вместе с Ней гулять в Люксембургском саду, Фивах или Венеции - всё это почти неразлично и вроде бы даже незыблемо: Она видела множество лужаек, а на голове Её могла быть как соломенная шляпка, так и золотой венец, но что это значит, что остается неизменным, что вообще есть? Все наши дела похожи друг на друга: вот мы бегаем, а вот спим, вот слушаем одну музыку, а вот - другую, вот мы читаем <Космическое обозрение>, а вот - перечитываем; оно обозревает всё, но в действительности ни сегодня, ни когда-либо ещё мы ничего не видели и ничего не поняли: <что-то> где-то как-то движется, вот и всё, а какая разница, тащит оно багаж, есть у него семья, полно оно сил или бессильно? Миллионы слагаются с миллионами, и это не закончится никогда, но куда всё уходит? В Фивы будущего, в не открытое ещё Эльдorado; что нас ждёт? Нам предстоит масса дел, но каких именно? Нас ждут миллионы чудес, но что с того? Какая нам разница, если мы не знаем, где находится то, что есть - мгновение настоящего, насущное, сегодняшнее. Ему никогда не исполнится миллион лет, и чудес завтрашнего дня оно не увидит; более того, у него нет даже прошлого: насущное движется в ужасном и неуловимом мгновении. Что это? Что оно такое? Если чего-то нет здесь и сейчас, то его нет вообще нигде, поэтому нет толку в чудесах, если настоящее мгновение не чудесно. Завтрашний день - то же, что и вчерашний, к нему ничего не прибавишь и в нём ничего не найдёшь. Раз здесь чего-то нет, то и не будет. Никогда. Будущего нет, есть только это мгновение. Прошлого нет, есть только это мгновение. Ни надежды, ни чудес, ни выигрышей, ни утрат - только один миг.

Мы не откроем ничего нового, если его уже нет при нас, сверхчеловеки и сверхбоги, грядущий рай, взлёты и падения эволюции - НИЧТО; они никогда не воплотятся, если их НЕТ в настоящем.

Словом, можно неистовствовать, кричать о семи чудесах света и будущем восьмом, производить на свет новые религии, философии, детей, скитаться по свету, но если у нас нет секунды настоящего, то мы не сдвинемся ни на шаг. На странице восьмисотой ничего не изменится, тысяча крещений и тысяча жизней не приведут ни к чему: если сверхчеловека нет здесь и сейчас, то его не будет никогда, ни в какой вселенной. Любой сверхчеловек и любая вселенная, любое большее и любое меньшее существует только <здесь и сейчас>, только у нас нет нужды ни в <большем>, ни в <меньшем>, ни в <до>, ни в <после> - к <всегда-присутствующему> ничего не прибавишь и ничего не убавишь.

Это капля бытия.

Говорить можно всё, что угодно, но весь мир сводится к одному мгновению настоящего. Без него нет ни великого, ни малого, бессмысленны любые открытия, просто нечего совершенствовать. Да и его самого не усовершенствуешь. Для мира, заключённого в нём, оно - самое лучшее. Это величайшее путешествие продолжительностью в одну секунду.

В одной истории соединяются миллионы историй, обрывавшихся и начинавшихся снова лишь затем, чтобы открыть одно мгновение настоящего.

Внезапно оно пробуждается в биении сердца: <тёплое, спокойное, полное и нежное... Словно отражение в тихих водах вечности>.

Оно настолько светло и прозрачно, что его будто бы и нет, оно подобно лёгкому дыханию: мы улыбаемся. Великое Чудо настолько прозрачно, что мы не замечаем его. Мы смеёмся и проходим мимо. Мы проходим мимо всего. Мы карабкаемся на вершины, воспаряем к высотам космического сознания, бродим то в платье монаха, то вовсе без платья, грешниками или святыми - всё равно; <здесь>, посреди дороги, без храмов и суеты, улыбается как само лукавство, лёгкое, настолько лёгкое, что ему не нужны покровы, и настолько текучее, что его даже не поймашь, и настолько ясное, что оно в один миг пребывает повсюду в абсолютной простоте! Миллионы лет проходят за одну секунду, юную, как вечное детство мира. Где <завтра>? Где <там>? Как мы всё усложняем!

Будущее мира - это одно мгновение.

Вечность - в настоящем.

Здесь есть всё.

Без этого нет ничего, только пустые сны. За целые века не произойдёт ничего. Мы по-прежнему будем прибавлять тонны чудес к пустоте.

Просветление Мирра почувствовала в тот день, когда услышала от кого-то: <Знаете, это не всевышний Бог, Бог - внутри, и мир стремится к нему. А религии тут ни при чём>. <Я была совершенной атеисткой; до двадцати лет идея Бога приводила меня в бешенство. Словом, база была прочной - никаких фантазий, никаких мистических атавизмов; мать и отец не верили из убеждений, так что по части наследственности всё было хорошо: позитивизм, материализм. Было только одно: воля к совершенствованию в любой области и ощущение безграничности сознания - как по силе, так и по охвату. Так было с самого детства. Но разум... Полный отказ от веры в "Бога", отвращение к любым религиям: я верила только тому, что можно увидеть и потрогать. Только Свет надо мной (я чувствовала его примерно с пяти лет), и воля к совершенству: я всё должна делать лучше всех! И, наконец, безграничность сознания. Вот и всё. К Божественному я пришла через учение Теона, когда впервые услышала слова: "Божественное внутри". Я сразу же почувствовала: да, так оно и есть>.

Будто рухнула стена.

Мы томимся за стеной своих представлений о мире, страхов и надежд, ведь наши надежды так бедны, что и они отрезают нас от чуда, которое просто настолько, что мы даже и не подозреваем. Оно настолько просто, что никак не может уложиться у нас в головах. Да и как нам представить его, если для ума нет ничего простого, всё для него связано с трудом и завоеванием?.. Сам ум достаточно сложен, и без сложности он не представляет себе истины: если что-то способен сделать ребёнок, то зачем нужен я! А ведь труднее всего не <обнаружить> предмет, а очистить его от сложностей, завоевать не-завоевание, стать прозрачным. Можно даже сказать, что ум - огромное здание, построенное для ловли воздуха, но вместо этого он ловит циклоны, землетрясения и прочие фейерверки - только так он ощущает существование: <Вот какой я могучий! Сколько шума, дыма, огня, движения!> Ну и что? Ни на одно мгновение он не почувствовал свежести. Он не дышал ни одной секунды. Существование он ощущает, только задыхаясь, и об утончённой науке удушья написаны уже целые тома. Возможно, рачительная Природа создала эту жуткую машину удушья лишь затем, чтобы заставить нас выбраться из плена... и обрести сознательность. Смысл существования всех заторов и барьеров - религиозных (эти не мешали Мирре), философских, политических, научных... словом, миллионов запруд и препятствий - лишь в том, чтобы, накопив побольше Шакти, побольше силы, наконец разрушить всё, что стоит у нас на пути, и дать уму вырваться на свободу. А пока мы остаёмся докембрийскими личинками, механически поглощающими жизненные соки. В общем, мы создаём не науку, не философию и не религию, а ШАКТИ. Мы растим БЫТИЁ под стеклянным

колпаком. Но это только стеклянный колпак. Мирра собирала свой циклон двадцать шесть лет. Вдруг всё вроде бы улаживается (или осложнения исчезают): Она попадает на лекцию об Индии. <В то время я ничего не знала об Индии, один вздор. Я даже не знала, что такое МАНТРА. Я пошла на чью-то лекцию. Лектор в течение года занимался йогой в Гималаях, и рассказывал о своём опыте (не очень интересно). Неожиданно он произнес звук ОМ. Тут комнату, в которой мы сидели, залил вибрирующий золотой свет (похоже, заметила это только я) - и всё моё тело, всё как-то странно задрожало. Это было откровение - всё охватила вибрация. Я сказала: "Наконец-то настоящий звук!"> Лектор <поймал звук>.

Примерно в ту же пору случилась и другая история (решительно, всё это напоминало заговор): некий индеец, будучи проездом в Париже, дал Ей книгу Вивекананды; Мирра же никогда прежде не читала индийских книг: <Просто чудо: кто-то сумел мне что-то объяснить!> Она читала книгу запоем. Затем, другой путешественник дал Ей <Бхагавад-Гиту> и сказал: <Прочти это, но помни, что Кришна в Гите - это внутренний Бог>. Индия настойчиво стучалась в двери Мирры. Нет, Она так и не стала ученицей индусов или адептом <религий Индии> (там, кстати, нет религий - всё это чепуха); даже самые экзотические религии представлялись Ей ошибочными, нет, тут речь шла о ВНУТРЕННЕМ - не книги, не Индия, а Она сама. <Через месяц работа была сделана!> Одним махом Мирра избавилась от всех сложностей.

В жизни и правда бывают моменты, когда все обстоятельства словно объединяются в безмолвном заговоре и ведут человека; ему не нужны ни <великие события>, ни мудрые учителя, ни волшебные слова - порой тихий шёпот, случайная встреча, незнакомец попадают на нашем пути и стена мгновенно рушится. Мы потрясены: <Да я же и так всё это знал!> Всегда одно и то же: <Я-и-так-это-знал>. В этом знании нет ничего нового, но мы словно впервые сталкиваемся с ним. Будто человек встречается с самим собой; эта встреча неуловима, её вообще как бы и нет, но воздух уже изменился. Тихий вдох. Можно пожать плечами и пройти мимо: это знание недостаточно сложно для нас, но если однажды откроется дверца, если сверкнёт в слуховом окошке крепости голубой небосвод, если вы поймаете этот лёгкий вздох, то вы вернётесь к нему, словно вас будут тянуть силой. Хотя его будто бы и нет, оно полно высшей мощью, текущей через года... как улыбка. Оно связывает все жизни. И то самое неуловимое мгновение тянет вас за руку, словно в течение миллионов пустых часов не было ничего, кроме него. Маленькая кристально чистая капля. Сама Сила. Чистая. Она одна существовала на протяжении бесчисленных и бессмысленных веков. Она совсем не серьёзна, но кроме неё нет ничего. Она непрочна, как улыбка, но сильнее тонны урана - ей миллионы лет, и она не спешит, не хвастается, а просто ждёт своего часа, ей не нужны чудеса, ибо чудо - она сама. За одно мгновение она легко пересоздаст мир. Это сила, играющая вселенскими циклами и медленно вытягивающая нас от состояния простейших к человеческой силе бытия. Когда этот путь будет

пройден, нам не понадобятся ни машины, ни уран, чтобы возместить собственное бессилие. Мы будем жить в радости. Мы просто будем. Человек движется к самому себе.

Не надо только думать, что Мирре было достаточно лишь одного мгновения <как такового>. Если что-то случилось однажды, так должно быть всегда, в любую минуту, даже в мгновение, связующее два шага, когда мы прогуливаемся по бульвару или поднимаемся по лестнице, - всегда. Эти секунды настолько пусты, настолько задавлены бессмысленной пустотой, что, кажется, готовы взорваться <чем-то>. В такие моменты жизнь превращается в сущую муку. Мы словно попадаем в перевёрнутый пустой мир, и всё вокруг душит нас, будто не осталось ничего, кроме неразумия, бессмыслицы и пустоты; всё, что движется, пусто настолько, что кажется до предела болезненным - это просто... нужда, без смысла и даже без желания. Что тут можно желать, что тут вообще есть? Это чистая нужда, и всепобеждающая пустота как бы превращается в единственную полноту, само бытие нашего бытия: то-чего-ещё-нет будто бы мучается оттого, что оно есть, и ничего, кроме него, не существует; <насущенное ничто> рвётся наружу из каждого шага, каждого жеста - жгучая нужда бытия... белое пламя. Оно горит. Просто так. Горит, и всё. Оно есть, ибо горит. Бытие - огонь. Пустота - огонь, полнота - огонь. Огонь горит и в ничто, и в нечто. Всё одинаково, и мы уже не знаем, нуждаемся мы или нет, абсурдно это или нет, хотим мы или нет, живём или нет, есть или нет - один и тот же огонь горит в каждом шаге. Пока он горит, нет больше ничего, ибо это - бытие нашего бытия, единственная полнота, единственный смысл, единственное сущее <здесь>.

Ведь это всегда здесь.

Всегда. Нечего искать, нечего находить: нужда, пустота, удушье - это огонь. Добро - огонь и зло - огонь; всё есть огонь, и что нам во всех веках! Это горит: это есть. Вот и всё. Завтрашний день и вчерашний, мудрость и глупость, здесь и там - всё одно: раз горит, значит существует. Наконец, огонь сжимается настолько, что тело становится для него слишком тесным, оно переполнено бытием-огнём, которое не может оставаться в своей оболочке. Человек тогда едва не взрывается. Повсюду он натывается на стены: они внутри, вовне, в живых существах, в вещах; мир словно состоит из стен, будто сам огонь возвёл преграды на своём пути, или, скорее, дал нам почувствовать их - жизнь теряет естественность, она переполнена ложью, и мы удивляемся, как могли жить здесь. <Чем ближе к другой стороне, тем больше различий - говорила Мать. - Пока человек барахтается в невежестве, он не понимает, в чём разница>. Наступает черёд последнего удушья. Это <бронзовая дверь>. <Я ни о чём не могла думать: мир сжимался всё больше, а я словно сидела перед закрытой дверью и чувствовала физическую боль от этого давления> Мирра ощущала её постоянно: во время прогулки по бульвару Сен-Мишель, по пути к Люксембургскому саду Она едва не попала под трамвай и даже не заметила

этого. Она <всё сильнее стучалась в дверь. И вдруг без всякой видимой причины - я была в самом обычном состоянии, - раз! дверь открылась. И вот... свет, излучение, простор постоянно были со мной, только не несколько часов, а многие месяцы! Я чувствовала, что это знает и хочет, что оно направляет мою жизнь и ведёт меня. Так было всегда с того мгновения. Когда мне нужно было принять решение, я умолкала на мгновение и получала оттуда ответ.

Всё изменилось. Прежнее положение вещей исчезло навсегда... будто я стала другим человеком>. Меняется вся жизнь: <Изменения захватывают весь мир: всё, что казалось истинным, естественным, нормальным, реальным, осязаемым, представляется гротескным, странным, нереальным, абсурдным. Вы прикоснулись к высшей истине, высшей красоте и никогда не потеряете их>. Человек как будто рождается заново. Если он знает, это знание непосредственно; он знает потому, что есть - лошадь, воробей, камень, ребёнок - одно и то же существо. Он прекрасно знает себя, что здесь, что за миллионы километров. Он знает, что делать, знает, что говорить, а жизнь впервые становится естественной. Само существо не меняется, но теперь оно знает и свой путь, и пути миллионов других и тех же самых, что и оно, существ. Это простое, непосредственное и безошибочное знание, - сама Гармония. <Это очень удобно, в любую минуту вы будто прикасаетесь к великому свету...> Вот что такое главный опыт. <Огонь, - говорит Веда, - знающий пути всего рождённого... ты - полнота, ведущая нас до конца. Твоё сияние и в небе и в земле, и в полях, и в водах... живой океан света, видящий божественными глазами. Он - дитя вод, лесов, неизменного и подвижного. Человек найдёт его даже в камне, он повсюду дома, ибо он - одно во всех творениях>.

Физическое спасение

Но путешествие ещё не закончилось.

Можно остаться здесь и почить в блаженстве, но наш покой ни на йоту не изменит мир. Этот свет поможет нам служить обедни, писать Евангелия и творить чудеса, однако обедни не спасают мир, а чудеса тянут в ту же яму. Мы <спасены>, так что с того? Мир-то не спасён, а наше тело - первый мир - сгниёт в могиле, так спасение ли это? Что вообще спасено, если всё закончится могилой, ведь кроме тела нет ничего? Пока не <спасётся> это тело и эта материя, не спасётся ничего, ибо <по ту сторону> тела нет ничего? Существует только <это>. Если в этой маленькой клетке, и в этом мгновении не сосредоточен весь мир, его вообще нет, как нет и истины. В абсолютной ограниченности живёт абсолютная бесконечность. В бесконечно малом сосредоточено всё. <Спасение должно быть физическим>, - скажет Мать.

<Наша йога начинается там, где заканчиваются все остальные> - добавит Шри Ауробиндо.

Мирра понимала, в чём дело. Она была не из тех, кто почиёт в блаженстве или служит обедни. Она вообще ненавидела обедни и проповеди: <Они хотят выразить истину ясным и недвусмысленным образом, чтобы сказать: вот-это-истина, - вот где нищета всех религий: это истина, а всё остальное - ложь. Если вы считаете, что какое-то положение истинно, то можете быть уверены, что столь же истинна и его противоположность. Усвоив это, вы будете готовы что-то понять...> Она вплотную столкнулась с <противоположностями> - вечными противоречиями человеческой природы, ума, тела: всё это Мирра пережила и в себе самой, и вовне. Мы сияем на вершине мироздания, видим и обладаем абсолютным знанием обо всём... пока не откроем глаза. Извне или изнутри, пыхтя и скрежеща зубами, к нам подкрадывается древний зверь Противоречия - повсюду одни противоречия, да-нет, добро-зло, истина-ложь, жизнь-смерть, и никак нам не убежать от них! Да и <куда бежать? Некуда! Откуда нам убегать? Кроме этого ничего нет>. Нам не уйти от самого бытия. Мирра начала искать ключ - <противоположность> помогает достичь целого: <Боясь неверного поступка, мы отказываемся от действия; боясь неверного слова, приходим к молчанию; боясь... Дело добродетели всегда сводилось к тому, чтобы вычеркнуть что-то из жизни. Если собрать все добродетели в мире, на свете не останется почти ничего... Так поступают многие, но происходит это, вероятно, от бедности и бессилия - сокращать, сокращать, сокращать... а мир становится таким убогим... Чтобы не ошибиться, мы уничтожаем возможность ошибки - разве так излечишься? Люди просто сводят мир к минимуму, а естественное завершение этого процесса - Нирвана. Но если бы Господь хотел только Нирваны, то и была бы одна Нирвана. Конечно же, он желал сосуществования всех противоположностей, что и оказывается для Него основой целостности>. Вот так Мирра нащупала простой ключ, с которым можно пройти до самого конца, то есть смерти, последнего <противоречия>, до сих пор скрывающего от нас полную целостность. Препятствие - это рычаг. Противоположность - это рычаг. Благодаря ему мир продолжает расти с тех самых пор, когда первые простейшие начали задыхаться в своем болоте (будь у них разум, они, конечно, сказали бы, что удушье - это Зло, великое Зло, сотворённое могущественным дьяволом эволюции). Здесь лежит причина величайшей нищеты всех духовных учений мира, корень их несостоятельности и отказа от мира: раздираемые религиями, полные греха и Материи, одеяния греха, люди отправили Бога на небеса (это не так уж плохо), а сами продолжали жить в материальном мире как шаловливые мальчишки - хоть немного, да повеселимся, а после нас - хоть потоп. <Логично будет заключить: мир обречён, достоин порицания, антибожественен, так что же делать? - Если жизнь не отбросишь, надо отбросить Божественное>. Вот люди и отказываются от рычага эволюции - одни отворачиваются от мира, а другие - от чистых небес. Короче говоря, как идеалисты, так и материалисты, каждый на свой лад, пытаются выправить великое Противоречие: первые - через спасение, последние - через машины. И

все <убеждены, что если бы они создавали мир, то никогда не совершили бы тех ошибок, которые совершил Бог!> - шутила Мать. А в общем, свободы, силы и рычага нет ни у кого. Так в чём же великое Зло мира? При всех наших религиях, философиях и системах в горниле Природы мы остаёмся так называемыми <высшими млекопитающими>. У Природы же нет философии, только <дела>. Её дела и есть <философия>. Мы добавляем туда всякую всячину, а Природа терпит её... пока это не мешает её движению. Она движется вперёд, вот и вся её философия. Мы не знаем, какая философия была у высших рептилий, и было ли в ней место раю, но они летали. Главное было летать. Конечно, пересохшие болота и раскалённый воздух были для них великим Злом, ибо угрожали существованию рептильных принципов, словом, ничего хорошего для рептилий в этом не было. От вида к виду нас преследуют <враждебные> противоречия, и мы, несчастные человеческие создания, окружены паразитами как деревце в лесу или саженец в саду: на каждого из нас приходится по паразиту, по противнику, и каждый постоянно сталкивается с тем, чего не хотелось бы видеть, и что мешает стать... да кем же? Наверное, совершенным человеком - такими мы хотим быть, только миллионы совершенных людей затерялись бы на поверхности нашей прекрасной земли, а кроме того, у Матери-Природы совершенно иные планы. Для неё нет ничего <против>, всё за - за движение. Наверное, этот урок нам ещё только предстоит усвоить. Поняв, что нет ничего такого, что было бы <против>, мы приблизимся к великому Рычагу. Надо не отбрасывать помехи и препятствия, не отдавать в руки Бога или Дьявола, а на мгновение задуматься, в чём их суть - тогда мы будем близки к решению. А мы, как младенцы эволюции, причитаем: <О, как это чудесно!> - значит, от Бога. - <О, как это ужасно!> - значит, от Дьявола. Мы просто не видим, что чудесно всё, что каждое мгновение - это чудо; нашим глазам доступен лишь микроскопический отрезок пути, а всё, что растёт не так, как должно расти в этот бессмысленный миг, кажется нам злом. Впрочем, наше добро столь же абсурдно, сколь и зло: мы не осознаём, что живём в идее мира, а не в самом мире! Разум неизлечим: он привык резать невозмутимую целостность на кубики, но та не обращает на это внимания и разворачивается дальше - в ней-то противоречий вообще нет. Там есть всё, и всё создано для развития, всё заключено в возрастающем целом. Ведь в мире нет двух вещей, повсюду - одно. Все противоречия ведут к нему, все <нет> тянут к <да>, геометрической точке мира, в которой все противоречия сливаются в одно и становятся одним в силу своей противоречивости.

Действительно, есть лишь одно зло - не быть. Это последнее зло тела: оно умирает, потому, что его нет. Проблемы могут быть разными - уродство, злоба, болезни, несчастные случаи, страдания, смерть - <это случается в разных сферах, вибрации тоже различны, но причина одна>. Если мы доберёмся до корня, то увидим и все остальные уровни. Искать надо одно. Быть может, спасение мира находится в микроскопической клетке, и нас медленно тянет к ней. Но нам надо добраться туда самим. Чтобы достичь этой точки, придётся отбросить все покровы, накопленные за тысячелетия эволюции. На самом деле,

это - покровы забвения, бремя эволюции, то самое <против>, которое <за>, препятствие и ключ; при этом оно просто той чудесной простотой, что сводит к простейшему и универсальному выражению все <величайшие проблемы> человечества с их невероятной философской сложностью. Мать шутила: <Каждый рождается со своим собственным отклонением(!), но оно дано человеку, чтобы он мог добраться до Материи>. Она пояснила: <В любом человеческом существе надо различать два слоя: первый идёт от прошлого (существо, выжившее в силу своей разумности и организации), второй же - инертная и тупая масса, довесок любой жизни, словом, одно заключено в другом как в тюрьме: они смешиваются и поглощают друг друга, а в результате половина жизни уходит на то, чтобы выбраться из этого положения. Вторым слоем принадлежит Несознанию, Неведению, Глупости, он... не обладает равновесием дерева или цветка, покоем камня или гармоничностью и силой животного, - по правде сказать, он несёт гибель. В этом и состоит неполноценность человека. Отец, мать, предки, образование - тут перемешалось всё, причем перемешалось кое-как, и получилась трясина, в которой мы увязли с головой. Но и этот довесок существует затем, чтобы мы одержали над ним победу>. Без наших смертных или медицинских грехов мы бы давно пребывали на чистых небесах или в гигиеническом и демократическом раю, откуда эволюция нас, может статься, и не вытащила бы. Но она стоит на страже, она хорошо душит нас и заставляет шататься из стороны в сторону, чтобы мы наконец прикоснулись к материи и на дне этой ямы, в средоточии Противоречия, нашли последнюю тайну и бытиё: <Лекарство находится в самой болезни>. Выход - вниз. В 1912 году, когда Шри Ауробиндо в Пондишери готовился к новому восстанию, Мирра писала: <Дороги разума освещены ярким солнечным светом, но белые сполохи в ночи выхватывают дороги совершенства>. Так начиналась Её <дорога нисхождения>.

<Не ищите добродетели, - говорила Мать, - посмотрите только, до какой степени вы привязаны к антибожественному, вы едины с ним! Возьмите на свои плечи часть груза, признайте, что вы нечисты и лживы: так вы сможете брать и давать Тень. Всё изменится, когда это станет возможным для вас>.

Надо пробить брешь в старой стене, однако все человеческие добродетели бессильны помочь в этом; они только укрепляют нас в прежнем самодовольстве, а нам надо ощутить дикую, ужасную нужду, и тогда мы склонимся над раной, столь болезненной и жгучей, что слышен крик бытия; мы же должны принести туда луч света. Мы начинаем сначала; всякий раз мы опускаемся всё глубже, слои расширяются, - это похоже на зеркальное отражение воронки солнечных слоёв наверху, - и возрастает давление удушья. Нужда становится абсолютной, а огонь жжёт всё сильнее, будто мы достигли средоточия вековой боли земли. Мы спускаемся вниз, роём колодец света и тянем за собой лучик света, но Огонь временами как будто поглощает наше белое пламя; нам надо только гореть, как если бы в этом небытии можно

существовать только обожжённым. С понижением уровня бытия ширится: сила противоречия раздувает его как пламя, а боль, достигающая, кажется, последних пределов земли заставляет его расти. <...Я копал, копал>, - говорили Ведические Риши. Это великая брешь. Разрыв. Мост света, перекинутый между старой выжженной поверхностью, прежними райскими кущами (по сравнению с мощью пылающего бытия они кажутся призрачными и пустыми) и... тем, что тянет нас всё глубже, всё дальше внутрь, где противоречие доходит до пароксизма и превращается в ожог, в единое да-нет, небытие бытия, жгучий отказ, настолько безнадежный и обнадеживающий предел всего, что остаётся только любовь. Глубины ночи как будто созданы из любви.

Таковы этапы нисхождения. В конце пути - клетка. Тело. Чистая материя под тысячелетней оболочкой.

Человеку досталась скорбная привилегия: совершать ошибки. Так эволюция выделила его из миллионов непогрешимых животных; вот предельно ясное указание на то, что подверглось мутации. Земля полна трещин, ям и ран, словно миллионы лет Четвертичного периода прошли впустую. Совершается великий эволюционный прорыв.

<Всегда найдется место для разрыва, - говорила Мать, - чувствительная точка, которую обычно называют слабостью - на самом, деле, в ней сосредоточена сила бытия! Только через неё можно дотронуться до существа>. Мы должны принять разрыв. Надо <перекинуть мост от вечно Сущего к тёмному, болезненному и слепому материальному миру>. <Он рассекает темноту, как человек - звериную шкуру, - говорит Веда, - и земля (земля равняется телу) открыта сияющим солнечным лучам>. <Победы во внутренних мирах мало, мы должны победить даже в самых материальных мирах. Миссия человека - очищение и преобразование материи, - говорила Она ещё до встречи со Шри Ауробиндо. Человек должен <вступить на тропу божественной жизни, создать новую расу>. Пророчески предвидя йогу, созданную Шри Ауробиндо и Ею самой, Мирра писала: <Препятствия суть Цель будущего труда: я говорю о нынешнем несовершенстве физической материи... От нас требуется постоянный поиск первоосновы вселенского неведения; В СВОЁМ СОБСТВЕННОМ ОРГАНИЗМЕ мы должны постепенно претворить его в светоносное сознание>.

Вот, что интересно: по мере прохождения высоким <светоносным сознанием> тёмных слоёв эволюционного прошлого - того, что борется, страдает, бунтует, болеет, желает и не желает в нас - великой путанице, в которой мы крутимся как белки в колесе и в конце концов, умираем, - по мере того, как Материя очищается, и свет проникает в неё, озаряет её и подступает к границам чистой Материи, она сама как будто изменяется: видение, сила, ощущение, даже закон становятся другими. Она словно меняет кожу - это уже не то бытие! Это уже не та материя. Это что-то другое... <божественное> - говорила Она. Дух и

Материя в высшем Союзе сливаются в... Тайну будущего. Возможно, это будет Целостное существо. Оно снимет все противоречия - жизнь-смерть, здесь-там, покой-движение, время-вечность, бытиё-становление, высокое-низкое, ты-я... Реальная сила освобождения мира и начало <новой эволюции> - в высшем слиянии. Аквариум разбивается на уровне Материи. Только там. Бесконечное малое соединяется с бесконечным. Вот какого слияния Шри Ауробиндо и Мать искали в своих телах - в конце концов, в едином Телe Земли. Это цель эволюции, смысл неисчислимых страданий: не рай и не <посмертное спасение, - говорил Шри Ауробиндо, - не "падение", а осмысленное нисхождение сознания в Материю, к своей тайне, к телесной Цельности>. <Великая духовная революция восстановит материю и творение, - говорила Мать о работе Шри Ауробиндо. - Можно сказать, что опыт завершится, когда замкнётся круг и противоположности соединятся, а высшее проявится в материальном... Кажется, что настоящее понимание придёт только тогда, когда мы будем понимать телом>.

12

СРЕДИННОЕ ЦАРСТВО РАЗУМА

С тех пор, как Она молча общалась с деревьями, мумиями и оленями в Фонтенбло, прошло немало времени. Мать везде находила пути сообщения или создавала их. Огромный мир перед нами завален нашими собственными наносами, то есть знаниями; следовательно, наш уровень познания дурен. Некоторым удаётся очистить мир, ведь люди открывают лишь то, что уже есть, но на новом уровне. Пора и нам всем изменить уровень познания. <Божественное состояние - естественно, - говорила Она, - а в неестественном и фальшивом, в искажённом состоянии пребываете вы>. Что такое эволюция как не поиск естественного под наносами усложнённого - от первичного и пустого единства мы движемся к единству полному и сознающему себя. В конце концов, все искажения и фальсификации - просто средства для обучения и осторожного поиска истины, которую нам не удалось проглотить разом и при этом не взорваться, ведь последняя истина оказывается физической по природе, а тело, древнее животное, учится вообще очень медленно. В последнем препятствии, в последнем узле лежат последние и самые сложные познания, которые развяжут все остальные узлы.

Разум может дать нам промежуточную истину или одурманить ложью - всё зависит от того, как мы на него посмотрим. Это великий созидатель, разрушивший всё на свете. Даже когда мы моргаем, к нам немедленно приходит обоснование этого движения. Вот он и опутывает мир своей

паутиной, а мы оказываемся уже не во вселенной, но в её <истолковании>:
<Абсолютная и лучезарная истина заключена в любой вещи - говорила Она. - Когда вы понимаете это, всё встаёт на свои места, просто люди не имеют контакта с самой вещью; они ко всему подходят через посредство мыслей - не предмет, а то, что они думают о нём, или то, как они его чувствуют...> В этом причина <чудесных> затруднений, окружающих нас. Люди знают только свою голову. Мир для нас опосредован. Мы ничего не переживаем так, как оно есть.

Надо ли разрушать разум?

Возможно, он уже и сам разрушается.

Мирра у философов

Да нам и не разрушить то, что мы ещё не завоевали до конца. По существу, на любом уровне мы сталкиваемся с одним и тем же процессом: маленькие запруды помогают нам собрать Шакти, набраться сил, прорвать главную плотину и выйти... к новой, ещё более прочной плотине, соответствующей обрётённым силам. А ментальная плотина может оказаться тяжелее Гималайского хребта - Материя по сравнению с ней кажется легче ветра. Но разум укоренён в Материи - эту тайну мы ещё раскроем вместе с Матерью. Для Мирры завоевание разума ещё не закончилось. Удивительно, но к нему Она подступилась только в конце пути - хотя чему тут удивляться? Мирра просто решила изучить естественное (следуя своей привычке ставить всё с ног на голову, мы называем его сверхъестественным) прежде, чем подступиться к искусственному слою истолкования, принимаемому нами за незыблемый мир - конечно, умственно незыблемый. Она научилась общаться с животными и растениями, обнаружила великие цветные волны, созидательные вибрации. Звук свыше, великие голубые ноты, творящие музыку. Мирра играла на фортепьяно (в Тлемсене её музыка очаровывала... лягушек!) и занималась живописью. Она знала планы сознания, выходила из тела и гуляла там, где хотелось. Даже прогулки в царстве высшей математики не представляли для Неё особой сложности - казалось бы, эти упражнения сводятся к одному разуму, однако Она считала их более естественными, нежели всё прочее; наверное, уравнения ведут к Простоте. Великий упрости́тель Эйнштейн пытался математически ощутить единство Вселенной под плотным покровом поверхностных усложнений. Эйнштейн понял бы Мать, если бы знал Её. Возможно, он сформулировал бы уравнение Матери... и вселенная исчезла бы во взрыве смеха - смеха Матери, звучащего даже в самой жестокой муке. Кто поймёт его?

Итак, Мирра смеялась, устраивала с Теоном фейерверки, отправлялась в тонком теле из Тлемсена в Париж, вполне физически представала там перед своими друзьями, брала карандаш и рисовала - Шри Ауробиндо позже расскажет об этом. Странное тело, странная Материя. Вот только ни материализация, ни дематериализация не означают преобразования Материи: всё это игра с разными законами одного и того же - мы любим играть с законами, но, увы, в этой игре задают правила скорее они, а тайна останется тайной до тех пор, пока мы не повзрослеем, не утратим желание <совершать чудеса> и не заживём в совершенно естественном мире. Она играла, смеялась с Руо, Роденом, Матиссом, изучала музеи и замки Франции и Италии. Мирра великолепно знала старую культуру, и немногие могли бы похвастаться такими познаниями. Великая Парижанка, сказали бы мы. Но Ей недоставало Господина Разума. Иными словами, ментального жонглирования. Эти игры, наверное, куда сложнее забав Теона со змейками, молниями и ветрами Средиземноморья. Однако Мирра совершенствовалась <разум>: Она глотала целые библиотеки, но никогда не прикасалась к тому, что называла <механизмом>. Впрочем, дело дойдёт и до него: в ходе самого болезненного в своей жизни опыта Мать примет колоссальную дозу <механизма>. Если с Теоном Она прикоснулась к смерти, то с Полем Ришаром прикоснётся к Лжи мира. Препятствия на нашем пути призваны помочь нам совершенствоваться и доводить нужное дело до конца. А в общем, препятствие может существовать только в самом человеке: всё создано ради совершенства. <Они говорят, что живут ужасно, просто хуже всех! Что за глупость! Жизнь человека соответствует его развитию, опыт человека соответствует его развитию, а затруднения даны нам затем, чтобы мы достигли полной реализации>.

Господин Разум предстал перед Миррой в образе Поля Ришара. Мирра познакомилась с ним в 1908 году в доме сестёр Мориссе в Монморанси, где жил её сын. Она поддерживала прекрасные отношения с сёстрами и часто навещала их. Кроме того, Мирра любила теннис, а Поль Ришар тоже любил его. Он получил хорошее образование, по складу ума был <философом>, а дни свои закончил профессором известного американского университета. Работал Поль Ришар адвокатом. Наибольший интерес здесь представляет один факт (мы никогда не устанем удивляться головокружительным поворотам и хитросплетениям так называемой <судьбы>). В начале 1910 года, в силу самых банальных, а то и просто комичных, если рассматривать их в перспективах мировой истории, причин, Поль Ришар отправится в Пондишери... чтобы принять участие в предвыборной компании некоего Блайзена, не то постоянного депутата Национальной Ассамблеи, не то просто кандидата, - и встретит там Шри Ауробиндо, недавно прибывшего в этот город. Только благодаря Ришару Мирра в 1914 году увидит Шри Ауробиндо и поймёт, что перед ней - тот самый человек, которого Она почти каждый день встречала в своих <видениях> и, в конце концов, приняв за индусское божество, назвала <Кришной>. Можно только недоумевать по поводу невероятных поворотов судьбы, которая из <случайного> человека, <случайного> повода и партии в

теннис в Монморанси связала узел и подготовила развязку. Если всё это <случайность>, то мир представляет собой гигантский безумный часовой механизм. Если же дело не в <случае>, то и механизм иной, не более безумный, чем движение единого Сознания сквозь всё, даже атомы. Это Сознание только и ждёт, чтобы мы излечились от своего безумия, отправились с ним в великое путешествие и увидели миллионы нитей, связующих и полёт птицы, и бессмысленные порывы, и великое дыхание, пробуждающее Вечность. Дыхание всегда одно и то же. Вот и Поль Ришар понял, насколько необычны опыты Шри Ауробиндо и уговорил его занести их на бумагу в философской форме. Так в 1914 году был основан журнал <Арья>; день за днём Шри Ауробиндо будет писать свои труды, которые в конце концов займут шесть тысяч страниц; Поль Ришар и Мирра станут переводить журнал на французский язык... Но мы забегаем вперёд.

Вот так Мирра узнала о Шри Ауробиндо. Её поразило определённое сходство его взглядов с учением Теона, но Ришар так обильно сдабривал свои рассказы собственными прибавлениями и интерпретациями, что за ними практически невозможно было уяснить, о чём говорил Шри Ауробиндо. Мирра вышла замуж за Ришара в 1910 году и поселилась в конце Латинского квартала, на улице Валь де Грас около Люксембургского сада. Ей было 32 года. Их брак длился до 1920 года; они ездили в Японию и Индию; наконец, Мирра обосновалась в Пондишери: <Десять лет интенсивных умственных упражнений привели меня... к Шри Ауробиндо. Я развивала разум во всей полноте: изучение философий, свистопляска идей - мне надо было войти в систему и понять её>. <Войти в систему и понять её> - это метод Матери для любого предмета. Понимание для Неё означало переживание, и философией Она занималась так же, как рисованием, музыкой, оккультизмом, или истиной бытия - всему этому Мать посвящала себя полностью. <Развитие разума начинается тогда, когда мы понимаем, что истинны все идеи; нам необходим синтез... а свет и истина находятся по ту сторону синтеза>. Нам ещё надо достичь <той стороны синтеза>, ибо наш синкретизм тонет в ментальном болоте и теряет реальную силу трансформации жизни. Мирра любила конкретное: <Объяснение ценно лишь постольку, поскольку оно даёт силу воздействовать на объясняемый предмет, иначе зачем оно нужно?> - говорила Мать со своей обычной простотой. <Действительно, мысль так условна и так далека от истины... что пора уже стать практичным и сказать: <Хорошо, я приму эту мысль, если она поможет мне двигаться дальше>. Но если вы думаете, что это - абсолютная истина, можете быть уверены, вы ошиблись. Абсолютной истины в мыслях не может быть. Пока какая-то идея помогает вам двигаться, держитесь за неё, но когда она потеряет силу и начнет тормозить вас, отбросьте её и постарайтесь найти новую, которая проведёт вас ещё дальше>.

Странная встреча философии и простодушия. Нам на память приходит ребёнок из сказки Андерсена. Он указал пальцем на торжественно шествующего короля и воскликнул: <А король-то голый!>.

Возможно, разум, как и тот король, одет в несуществующий золочёный наряд, только никто не скажет, что разум гол, ибо люди боятся, как бы не оказались голыми и они. Мы ведь до смерти боимся наготы.

Конструкции разума

Разум сложен прежде всего потому, что мы недостаточно изучили его. Мы развиваем, или скорее бесконечно расширяем промежуточный слой Разума, который и так уже стал слишком громоздким и изощрённым, подобно <фотографической живописи> перед приходом кубистов. Вот это мы и называем <культурой>, этого вошедшего в поговорку голого короля, акробата, выделяющего сумасшедшие трюки на трапеции под ярким светом... карбидного фонаря. Однако и выше, и ниже этого слоя лежат другие. Выше находятся чистые и всеобщие источники разума - отсюда к нам приходит <вдохновение>, - а ниже лежат бесконечные слои, соответствующие различным этапам эволюции и разумным формам вплоть до самого глубокого уровня, Перворазума в Материи, который Шри Ауробиндо назовёт <разумом тела> а Мать - <разумом клеток>; в нём - тайна нашего будущего (нового <уровня познания>) и, возможно, ключ к следующей мутации. Но самое глубокое всегда обнажается последним, примитивное или первоначальное очищается от поздних напластований в последнюю очередь. Чтобы достичь дна, пройти надо весь путь, прокрутить в обратной последовательности всю многотрудную историю эволюции и нашего восхождения. Однако тяга привычек уносит нас на старый уровень, в сферу промежуточного разума, невозмутимо прядущего прежний кокон; он кружится, грохочет и звенит в древние цимбалы, пиликает своим смычком на скрипке изношенных идей - идеи ведь приходят в негодность быстрее всего, - и заполняет собственную пустоту грохотом словес, отражающимся от его же стен. Этот Разум замурован. Он слышит только собственное эхо. Мирра называла его миром <ментальных конструкций>. Если же вдруг несколько избранных проломают стену, то выйдут прямо к чистым источникам вдохновения, дарящим радость. Эти источники наполняют нашу клетку другим ритмом и другим воздухом, - но мы лезем в пролом лишь затем, чтобы создать новые цимбалы, а те начинают фальшивить с первого же удара. В конечном итоге дело сводится к тому, что к прежнему бедламу добавляется ещё одна идея. А избранные карабкаются вверх, оставляя нам только скупые и быстро гаснущие отблески; в конце концов они исчезают в почти что бесплотных лучезарных странах, откуда очень трудно

свести безграничный, но при этом доступный нашему неуклюжему разуму, ритм. Эти люди, подобно религиозным деятелям, словно теряются там, где нет никакой нужды в строгих формулировках, и где хочется лишь пребывать в снежном безмолвии, - ибо там всё настолько ясно, что не нуждается ни в каком выражении. Это Нирвана Разума. Там человек понимает тщетность желания низвести в клетку, в огромную ментальную конструкцию хоть какой-то отблеск, ритм или свет - всё тотчас будет пожрано и уничтожено толпой идей, всё будет испачкано и бессильно увязнет в сверкающем болоте Разума. Мирра быстро поняла, что спасение можно найти только внизу, в разуме Материи, где мысль превращается в нечто другое - и силу, и видение одновременно, в такой род непосредственного понимания, который сам по себе готов к действию и обладает странной способностью к материальному заражению там, где идеи сталкиваются и бессмысленно спорят в полном бессилии.

Однако, чтобы достичь этого уровня, надо разобрать механизм. Для Мирры это было очень просто, потому что она видела мысли. Она видела слова и идеи. В зависимости от содержания те представляли как более или менее пёстрые светящиеся завихрения и спирали - что-то вроде шума, примерно соответствующего свету или ритму во французском, английском или итальянском облачении. Мирра даже понимала шведов, хотя и не знала их языка, а некоторые иностранцы понимали её, улавливая вибрации сознания. Сквозь радужное марево и разнообразные ритмы разума Она шла прямо к тому, что скрывается за ними - к сознанию, Шакти. Зато полный набор идей, либо составляющий облачение человека, либо тяжёлой ношей лежащий на его плечи, и называемый обычно <представлением> о жизни, а то и идеалом, религией, философией жизни, - этот более или менее организованный беспорядок, более или менее ясный, более или менее строгий и связный, но всё же недоступный нашему пониманию без толстых фолиантов или сонмищ слов, с трудом уживающихся друг с другом - всё это для Мирры было прозрачно: идеи сплетались в <конструкции>. Она моментально узнавала их. Такого рода знания мы пожелали бы каждому, ибо только оно способно вывести людей из тюрем, представляющихся им просторными, полными свежего воздуха и <идеальными>. Вопреки нашим представлениям, речь идет отнюдь не о <ясновидении>; это что-то другое, более простое и доступное, более осязаемое, и мы ещё вернёмся к этому роду зрения. Оно связано с <новым уровнем познания>. Пристальный и почти весёлый взгляд как будто проникает разноцветные и разношерстные конструкции и построения, чтобы добраться до истинной сущности - и те одним взмахом кисти преобразуются в своё точное графическое или живописное представление. Мы воочию видим смесь, постичь которую абстрактно нам не удаётся. Это перевод мысли на язык живописи. Одни идеи предстают в виде изящных часовен, другие иглу - храмы, болота, потрескавшаяся старая кладка или стеклянные громады, унылые и серые монолиты многоэтажных новостроек, крысиные норы, японские пагоды, ажурные, в арабском стиле, конструкции, одинокая, твёрдая, как кулак башня, или готические своды... Им нет конца, они разнообразны как сам мир, но они

остаются строениями и состоят из стен. Колокол над человеком может быть красивым и просторным; он окружает вас со всех сторон, даёт вам устойчивость, и вам кажется, будто вы у себя дома. Таковы наши представления о мире. Мы живём под стеклянным колпаком и даже не подозреваем об этом. Но стоит бросить взгляд со стороны, и это оказывается очевидным. Мы видим всё до мельчайших деталей, с весёлой и немислимой точностью: фактуру камней, цвет, форму, размеры, украшения, - и лестницы, бесконечные, бегущие вверх и вниз, лестницы. А иногда мысли предстают в виде одежд, то прекрасных, то рваных, то чистых, то грязных, то опрятных, то невероятных - разнообразие этих нарядов неисчерпаемо. Мать говорила: <Я вижу, вот и всё познание>.

Мир идей превращается как бы в прозрачную книгу. Мы говорим: <Свобода выбора, дзен-медитация, спасение мира>, - и остаёмся в прежней средневековой твердыне, окружённой рвом с грязной водой, или вспыхиваем искрой в сердце бетонного некрополя. А иногда нам достаётся только сухой ветер, катящий по земле пустую тыкву. Да, искра красива, да, розовые прожилки на тыкве радуют глаз, да, консоли крепости похожи на крылья... Всё это прекрасно... но при чём тут спасение? Чтобы пояснить, что имеется в виду, мы выбрали из сотен примеров два. Однажды Мирра посетила <дом> самого настоящего идеалиста, полного самых что ни на есть возвышенных идей, - что может быть лучше? Но вот в этом и заключается самая забавная сторона этой истории. Пожалуй, её можно назвать <видением улыбки Материи>... над путаницей разума. <Попасть к нему, - рассказывает Мать, - было довольно сложно. Когда вошел Х., я читала мантру. На его лице был написан упрёк! Он принялся: <Пользоваться духами - дурная привычка. Духовная жизнь с духами несовместима>. (А ведь Мать ещё и губы красила. Какое легкомыслие!) Я посмотрела на него и подумала: <Боже мой! Какая отсталость!> Он нагонял на меня скуку, потому я сказала: <Всё, я ухожу>. Однако, едва я подошла к двери (что было непросто - в комнате был полный кавардак), Х. опять заговорил: <Вы действительно несколько раз были замужем и разводились?> Тут [Мать рассмеялась] я разозлилась и ответила: <Да, целых два раза!> С тем я и ушла. У двери сидела белка и дружелюбно смотрела на меня. <Вот она всё понимает!> - подумала я...> Не надо думать, что дом ненастоящего неидеалиста лучше: над нашей головой всегда нависает каменный потолок, а вокруг высятся тяжёлые стены, и нет никакой разницы, чёрные или белые, за или против. В этом мире любая идея, какой бы красивой она не была, оказывается кирпичом.

Другой пример взят из моей собственной жизни: тогда я едва ли не впервые почувствовал <улыбку Материи>. У одного, весьма сильного в духовном плане, человека было множество учеников, он обладал лучшей в мире волей, многолетняя практика дала ему солидные познания в Тантре. Назовем его Х. Однажды (в видении) я обнаружил Х. в месте, казавшемся открытым небом: ноги стояли на земле, но вокруг было только небо, - безбрежные поля света. Я

пил свежий воздух. Внезапно появился Х. Я увидел, что он подходит к сооружению, напоминавшему бетонный донжон, метров трёх в окружности и семи в высоту. Серый, тяжёлый донжон. Х. вошёл внутрь (наверх вела винтовая лестница) и поманил меня за собой. Это и был его <дом>. Он поднимался на вершину бетонной башни, чтобы увидеть галактики... в семи метрах над землей. Я отказался идти за ним потому, что свежего воздуха было достаточно и у поверхности. Часы упражнений Х. исчислялись в килограммах и кубических метрах бетона. Вечно мы строим башни, а чистое небо и так рядом. Но нам кажется, что семью бетонными, готическими или экзотическими метрами выше галактики вращаются лучше. Куда там...

Мирра пустилась в странствие по мировым религиям. Систематическая, углублённая и сравнительная <история религий> стала первым предметом её занятий с Ришаром. Ей оставалось только удивляться: зачем тому, что Она самым естественным образом переживала на вершинах сознания или в глубинах сердца, вся эта торжественная и догматическая чепуха? В словах, в любом облики Она находила более или менее прочные и пёстрые кирпичи - сгустки более или менее полного, более или менее обширного опыта, - но зачем столько выдумывать, Господи! <Человек найдёт себе уголок и лепит из него мир... Так поступают все! Но кто охватит всё, хотела бы я знать?> И ещё: <Вот почему обманываются все религии - все, все, - они хотят дать стандартную форму ОДНОГО опыта и навязать её всем как бесспорную истину. Опыт истинен, самодостаточен и убедителен только для того, кто пережил его. Такой человек может создать великолепную формулу этого опыта, но только для себя. Желание навязать её другим - грубейшая ошибка с разрушительными последствиями> просто потому, что <каждый человек - особенная манифестация в мире, и, следовательно, его путь должен быть уникальным>. Мирра часто вспоминала парадокс известного материалиста, сохранившего достаточно чувства юмора, чтобы воскликнуть: <Thank, God! He made me an atheist!> (Благодарю Тебя, Боже, за то, что Ты сотворил меня атеистом!). <Пока существуют религии, атеизм необходим для равновесия>. Суть не в том, что у материалистического доктринера меньше кирпичей над головой, не в том, что его конструкции менее удушливы; ни <синтез>, ни <союз религий> делу не поможет - неужели тысячи зданий станут легче, если соединить их в одно? - <Век религий прошёл, - говорила Мать, - Это уже в прошлом, сегодня нам необходимо вне- и над-религиозное восприятие>. Можно добавить: <вне- и над-материалистическое>, ибо давно пора уходить от старой и ложной дихотомии, соответствующей не реальному Духу и не реальной Материи, а зарешёченному окошку разума в промежуточном слое.

Ментальное <освобождение>

Мирра любила простор.

Её занятия не ограничивались религиями: Она изучала политические и социальные системы, философии всех мастей, учения и упражнения всех духовных традиций - словом, высшие слои Разума. Она жила в прекрасном доме на улице Валь де Грас: за окном был садик, на стенах - плющ, рядом Люксембургский сад, слышен шум из Латинского квартала, гостиная завалена книгами, а посреди комнаты стоит огромный рояль. В такой обстановке Мирра принимала мадам Дэвид Нил; та только что вернулась с Дальнего Востока, где, переодевшись буддийским монахом, попала на Тибет и стала <первой женщиной, посетившей Лхасу>. Мать слушала рассказы о бахаизме и даосизме, размышляла над дисциплинами медитации, буддийской дхьяны, буддийских отречений, но <в отречении я не достигла особых успехов. Для этого нужно быть привязанным к вещам, а у меня была только жажда, ПОТРЕБНОСТЬ идти дальше и делать лучше. Поэтому вместо того, чтобы почувствовать отречение, я ощущала, что избавляюсь от затруднения>. Даже в ложе Комической Оперы Она занималась буддийской концентрацией - казалось бы не очень подходящее место, но ведь в музыке Массне вообще ничего не было. Кроме того. Мирра медитировала везде: Ей казалось, что разрыв жизни и Духа, внешнего и внутреннего - самая разрушительная ошибка, и что упражнения в медитации - пустые забавы, которые не могут изменить жизнь ни на йоту: <Люди думают, что если они сидят в углу и предаются медитации, то это верный знак духовной жизни!> Да, мы умеем сидеть в углу, <но как только медитация заканчивается, пропадает и спокойствие духа...> Мирра в самом начале своего опыта столкнулась с очень важным и печальным открытием: те, кто долго занимаются внутренними практиками, достигают света, выходят в бесконечность, освобождают дух, живут в озарении, которому можно дать тысячи имен, но которое вечно остаётся Этим, абсолютном, - в конце концов такие люди обнаруживают в своем основании древнего зверя: изменение не затронуло его, и он не более божественен, чем его близнец, принадлежащий отнюдь не просветлённому соседу. Тридцать лет прошли как сон - они и были сном. <И это был сон!> - воскликнул Шри Ауробиндо:

Голоса аскетов звали одиноких мудрецов

На горные вершины, или на речные берега

В поиски небесного покоя или спокойствия духа, покинувшего мир,

И в неподвижных, как статуи, телах,

Окаменевших в исступлении отказа от бодрствующих мыслей,

Предавались созерцанию дремлющие души, -

И это тоже был сон.* *Савитри

Мир дремал четыре или пять тысячелетий: за всё это время святые, аскеты и <освобождённые йоги> не отняли ни единого атома от нашей всеобщей нищеты: <Внешнюю сущность они одевают как пальто, а потом точно так же бросают её в угол: <Всё, успокойся, отстань от меня, ты мне надоела!> Они погружаются в созерцание (<медитацию> или <глубокий> опыт), выходят из него и одевают своё пальто. А то и не изменилось, разве что испачкалось немного: люди остаются такими же, как и до медитации... Чем неизменнее тело, тем счастливее они. Можно Целую вечность провести в подобных медитациях, но они не изменят ничего ни во вселенной, ни в вас самих>. Покоя они, правда, достигли: <Спокойно, как в гробу>, - говорила Мать.

Мирра же искала решение и знала, что искать надо в другом месте. <Гроб> блаженства - тоже проблема, он такой же тяжёлый, как и человеческие ментальные конструкции, а то и тяжелее. Главное - это то же самое: наконец-то-истина. С истиной, пойманной в ловушку, еще тяжелее. С этим гробом ничего не сделаешь. Он стоит на вершине. А истина - это что-то другое; по правде сказать, мы до сих не открыли её, открыться она может только на уровне Материи, где нет возможности спрятаться в гроб, ящик картотеки или какую-нибудь систему, где живётся так же естественно, как и дышится. Материя не обманывает: она есть. Если же это не так, то она просто умирает. Тут не скажешь: <Вот это истина, а вот это - ложь>, - где ложь, там болезнь, где истина, там жизнь. Мы так и не знаем, что такое настоящая жизнь, мы так и не стали настоящей Материей: мы суть материя-запертая-в-ящик. И ещё неизвестно, уж не оказываются ли все эти чудесные, навязшие в зубах за тысячелетия, реализации - освобождения, <мукти>, сияющие вершины и безбрежные поля белой бесконечности, - теми же водами аквариума; быть может Разум уже принимает свои миазмы за божественную реальность подобно тому, как человек под наркозом принимает обморок на медитационном столе за высшую истину. А нам иногда кажется, что мы упустили из вида что-то очень важное. В конце своего пути Мать скажет: <Я постоянно сталкиваюсь с тем, что ВСЕ, полагавшие, будто они знают и располагают Опытом... остановились, так сказать, на полпути>. Мирра и Шри Ауробиндо наугад искали главный опыт, или скорее, корень: вместо того, чтобы бежать в <иссохшее блаженство>, - говорила Мать, - надо <найти в себе силу, способную победить>.

Но сначала следует почистить <пальто>. Если мы хотим изменить материю, нам надо достичь Материи. Тайна лежит не в высших слоях разума, а в темноте и мраке, от которых нам хочется убежать. Как сказал Шри Ауробиндо:

Эта темнота скрывает наше высокое предназначение,

Это куколка великой и славной истины,
Она спрятала под оболочкой крылатое чудо,
Чтобы то не сбежало из тюрьмы Материи
И, потратив свою красоту на бесформенную Безбрежность,
Не рассеялось в тайне Непознаваемого,
И не бросило на полпути чудесную судьбу мира.* *Савитри

Прозрачность разума

Мирра искала механизм изменения. Вот Разум, наш повседневный инструмент, наше эволюционное наследие, - зачем он нужен?.. Еще до Тлемсена Она несколько раз видела наверху совершенно другой мир сознания - Шри Ауробиндо назовёт его <Супраментальным>, Теон дал ему непонятное имя <патеизма> (остаётся только недоумевать, что он имел в виду), а Мать говорила о <мире Гармонии>. Дело в том, что противоположности там соединялись или растворялись. Но как низвести этот мир в Материю? Примерно с той же самой проблемой столкнулась в один прекрасный день некая высшая обезьяна, случайно поймавшая волну, ничуть не похожую на обычные жизненные вибрации. Она так и застыла <в задумчивости> между двух ветвей. Новый мир похож на ничто - с одной стороны его нет, а с другой - что-то толкает нас на его поиски, ведь найти можно только то, что уже есть. Только найдя новый мир, мы узнаем, что это новый мир. А сам процесс поисков ничем не отличается от обыденной жизни: мы движемся наугад, и вдруг <теряем ветку>, ошибаемся - память изменяет нам, и обычное течение событий обрывается: мы застываем... в задумчивости. Сквозь эти <мысли> ни о чём может просочиться новое - они подобны разрыву. Старые поступки не станут лучше в новом мире, он похож на провал памяти, разрыв привычной цепочки бытия. А в нашем случае мы имеем дело с разрывом Разума. Так где же он?

Вообще-то Мирра не размышляла над <абстракциями>. Такой подход противоречил Её натуре. Она просто шла. Идите, и посмотрите, что происходит. А Мирра видела каждый свой шаг так же отчётливо, как и водостоки в Фивах трёхтысячелетней давности. Всегда что-то происходит - всё дело в потребности <открывать> или быть, называйте её как хотите, это просто Нужда. Находка заставляет нас искать Жжение. Огонь горит повсюду, и

потому что-то есть, или что-то <происходит>. Если мы делаем только то, к чему привыкли, то ничего, кроме привычных событий, и не произойдёт. Это просто и очевидно. Мир - это <ничто>, и что-то происходит в нём только благодаря нам. Мгновение - всегда <ничто>, упущенная минута, но кажется, что существует только оно. Но в нём горит огонь. Если мы хотим создавать будущее, то должны создавать горящее ничто. <Постоянное, непрерывное, мощное, настойчивое, безмятежно спокойное стремление>.

В общем, речь идет об изменении <программы>. Если будущее хотя бы отчасти располагается на уровне клетки, то придется покинуть программу разума прежде, чем мы сможем надеяться на выход из программы клетки. Невероятная запутанность программы животного - импульсы и реакции на всё, что движется, чувствует, вибрирует, неумолимые зов и отклик в потоке жизни, - ведёт нас к ещё более запутанному потоку разума, где никто, кажется, не отвечает никому, за исключением самого разума: это словно бесконечное эхо, переходящее от одного человека к другому, усиливающееся и искажающееся, а в общем, вечно вращающееся по кругу. <Здесь нет ничего вашего, - говорила Мать, - это приходит откуда угодно и уходит куда угодно>. Мы ловим на лету какие-то вибрации, складываем их, сгущаем в более или менее соответствующие нам кирпичики мысли (ведь у каждого своя манера соединять и разрывать вибрации), строим из них здание и говорим, что это <наши> мысли или <наш> дом. Всё это так, но ведь кирпичи-то общие. Такие строения принадлежат нам не более, чем южный ветер или запах жасмина. Как говорила Мать, это <дорожная запись>. Когда животное нюхает воздух, оно делает то же самое, только среда у него другая. В конечном счете, все организмы, будь у них головной мозг или одна осмотическая мембрана, занимаются одним и тем же: они получают что-то из окружающей среды с помощью специальных органов. Мысль человек создает точно так же, как пчела - мёд: разница только в продукте. Всё зависит от особенностей восприятия и окружающей среды. Процесс эволюции сводится к улучшению способностей восприятия. <Подлинный разум в нас, - сказал Шри Ауробиндо, - это вселенский разум; индивидуальный разум - просто его поверхностная проекция... что-то вроде доски объявлений или точки для связи с поверхностью>. Если мы останавливаемся на уровне клеши, мембран или черепов, то это означает, что мы растим телефон, а не того, кто по телефону говорит. Особенность человека заключается не в его изобретениях, то есть <мёде>, как бы сладок он не был, а в возможности открывать новые уровни восприятия. Он не ограничен одним направлением, хотя бы и разумом. Если вы думаете иначе, то путаете средство с целью, инструмент с задачей, словом, принимаете <культуру> за высший смысл человеческого существования. Никто не приговаривал человека к участи желудка, поглощающего один и тот же мёд, тем более, что нас уже начинает тошнить от него.

Вот и Мирра была сыта этим <потоком мысли, перетекающим из одного мозга в другой>. В 1911 году Она лаконично заметила: <Мы полностью

детерминированы нашими предками, а движет нами слепая и незаконная воля современников». Для неё было невыносимо, что условности разума могут крутить как угодно всеми, хоть пчёлами, хоть сверх-Тицианами: <Неужели вы никогда не понимали, что это ужасно, - говорила Она детям Ашрама. - Неужели вас не тревожило, что внешняя воля может воздействовать на вашу? Нет?.. Дети мои, меня это беспокоило уже в пять лет. А вам-то гораздо больше...> Надо любой ценой избавиться от программы. А для этого прежде всего придется унять весь этот гам. Пытаться что-то понять или увидеть в сутолоке мыслей - то же самое, что стараться разглядеть дно взбаламученного пруда. Обычно Она говорила о <зеркале>. В ясном зеркале видно, откуда мысли приходят, и куда они уходят. Там начинаешь видеть великую игру мира. Там замечаешь наконец, что <отказаться от мыслей гораздо сложнее и важнее, чем бесконечно развёртывать мысли - это требует более высокого развития>.

Молчание разума (или прозрачность разума, если воспользоваться Её излюбленным выражением) пробивает первую брешь в панцире, отделяющем нас от будущего - для человека это то же самое, что мгновение задумчивости между двумя ветками для обезьяны на пути к *Homo sapiens*. <Задумчивость> была провалом в привычном существовании обезьяны. Отсутствие задумчивости - первый провал в привычном существовании человека, брешь, сквозь которую может просочиться новый мир. А разум - это старые жабры, мешающие нам вдохнуть новый воздух.

Но жабры могут превратиться в лёгкие.

Каждая ступень эволюции тянет за собой следующую. Поэтому нам хотелось бы знать, какая ступень бесполезна для нас. Возможно, это Разум. Эволюция не знает ошибок, но в её истории попадают лентяи, то есть те, кто довольствуется некоторой ступенью и считает её вершиной - они надеются остановиться в развитии. Но Природа преодолевает естественную лень видов с помощью Давления своей Необходимости роста. Открытие само подталкивает нас к поиску. Таким образом, в конце истории разума мы можем обнаружить <логическую> необходимость перехода к другому состоянию, мы можем даже смутно предчувствовать, что в этом состоянии не будет места <задумчивости>, и более того, - ощутить нужду избавиться от этого шумного, грохочущего и неутомимого механизма, то есть средствами разума остановить сам Разум. Это и происходит в медитации: люди Разумом сжимают Разум и пытаются придушить его. На несколько мгновений им это удастся. Однако стоит ослабить хватку, и всё возвращается на круги своя. Если бы высшая обезьяна, открывшая проблески мысли, решила повторить их, крутясь на своей ветке до тех пор, пока не свалится от головокружения, она бы, конечно, ошиблась. Отнюдь не мышцы помогли ей перейти к следующему состоянию, вот и нас приведёт к молчанию вовсе не усилие ментальной мускулатуры. <Любое усилие создаёт шум> - замечает Мать. К переходу всегда ведёт Необходимость. Удивительно просто. То, что мы ищем, растёт внутри нас: мы должны найти

этот росток, он пока остаётся <ничем> - будь он <чем-то>, дело было бы уже сделано, - поэтому нам надо решиться и ловить это <ничто> так, будто нет ничего более осязаемого и конкретного! Что обезьяна может знать о сверх-обезьяне? Ничего. А мы о сверхчеловеке? Тоже ничего. А если мы дадим волю воображению, то к делу подключится прежняя механика, но раздутая до высшей степени. В конце концов у нас начнётся головокружение Разума, как у обезьяны на ветке. Нище при всей его гениальности не ушёл дальше головокружения. Нам поможет только внутренняя Необходимость, росток Пламени, пустой провал, наполняющийся огнём, который наделён силой стать чем-то, неважно, аистом или лошадью, лишь бы вырваться из состояния двуногого мыслящего и шумного животного. Эта сила, эта нужда живёт во всём, в каждом шаге, каждом ударе сердца; она растёт и поглощает всё, наполняет весь мир своим огнём ничто, становящегося чем-то; нам нечего пожелать, кроме этой безымянной и бесформенной Нужды: у нее нет ничего, кроме того, что она сжигает всё - идеи, мысли, прошлое, будущее, завтрашний день и миллионы лет. В одной секунде есть только огонь. Это и есть рычаг. Молчание Огня. Он сжигает всё, что содержится в нём: грех, добродетель, верх, низ, сверхчеловека и маленьких человечков. Пустота огня, начало сущего, плотная не-мысль, сносящая все преграды с такой силой, что нам уже не удержаться в коже.

Мы выходим в мир.

А мир очищается в тишине. Это не <гробовая> тишина, но живая и активная; ей не нужны стены, она царит и в толпе, и на базарной площади среди миллионов мыслящих человеческих клапанов - такая же тишина, как в огромной спокойной степи: мир прозрачен. Мы чисты, и чисто всё. Видно истинное движение Разума - великая игра вибраций, принимающих самые разные цвета, сплетающихся друг с другом и уплотняющихся. Виден ритм, виден звук, слышны великие волны внизу, порождающие мысли, музыку, всё, что угодно - мешанину <творчества>, споров, скуки. Вокруг полная тишина, мысли приходят сами собой по мере необходимости. Мы плывём в великом Потоке, и всё происходит само собой по мере необходимости. Это Сознание, стремнина великой Шакти. Мы понимаем, что <можно мыслить вне мозга> и даже не задумываться об этом! Мысль оказывается простым осадком, <средством исполнения>, преобразования Материи в то состояние, в котором она была увидена, познана в Сознании: <широкий и открытый канал>, через который в Материю войдут преобразовательные силы. Промежуточный слой и старые жабры, созданные для фильтрации кислорода, остались позади - мы дышим чистым воздухом Сознания.

По словам физиологов, внешние жабры сначала превращаются во внутренние, и только потом - в лёгкие.

Между тёмным и светлым полюсами существования, говорил Шри Ауробиндо, Разум занимает <срединное царство в Реальности>.

Но даже в прозрачном Разуме Мирра найдет ещё один слой: проникнуть в него не так легко потому, что он скрыт за гомоном мыслей первого слоя. Это <физический разум>, последний барьер, отделяющий нас от разума клеток, будущей тайны эволюции: да, генетическое освобождение. Чтобы преодолеть этот барьер, Матери потребуются годы и присутствие Шри Ауробиндо.

Но дорога нисхождения была открыта.

13

И ЗЕМЛЯ

Мирра потихоньку прощалась с западным миром.

Она прошла все дороги, поднялась к высочайшим вершинам и нашла тайные силы (другие использовали их ради собственного покоя или собственной славы), изучила весь спектр культуры и услышала ноты, слагающиеся в симфонии (благодаря им коллекция человеческих достижений неизменно пополнялась гениями), но интересовали её достижения всего человечества, человечество как биологический вид во всей совокупности. Подобно прочим людям, Она гуляла по бульвару Сен-Мишель, но всегда сохраняла внимательный взгляд. Она продолжала заниматься <Космическим обозрением> Теона: <Я искала типографии, правила гранки - я бог знает сколько делала всю работу>. В целом, это продолжалось пять лет. Мирра даже переводила на французский переживания мадам Теон, записанные её английским секретарем: <Посвящение в форме занимательных историй>. Однако Ей была интересна только одна История, поэтому всё прочее понемногу удалялось от Неё и отпадало, словно обветшавшая оболочка мира, которому не нужны ни стены посвящения, ни идеалистические строения. Теон однажды исчез столь же таинственно и внезапно, как и появился. Он не оставил никаких следов. Во время прогулки в трансе на скалах острова Уайт разбилась Альма. <Несчастный случай>? Вряд ли. Наверное, она понимала, что Теону не дано низвести сюда новый мир, поэтому Альма больше не видела смысла в своей жизни. Потеряв её, Теон потерял всё. Он стал простым беглецом из погибшей Атлантиды, однако величие не позволяло этому человеку довольствоваться ролью фокусника. <Он знал, что не достигнет успеха, и что его роль ограничивается подготовкой некоего отрезка пути>, - скажет Шри Ауробиндо.

Быть может, мы ещё увидим как он, сбросив тогу и облачившись в лохмотья, сеет семена революции среди последних приверженцев старого мира.

Мирра начала вести <дневник>, где записывала свои переживания, надежды и молитвы о будущем - кажется, Она была почти одержима будущим. <Мы постоянно должны отряхиваться от прошлого, как от пыли, чтобы оно не осквернило девственную тропу...> Так появились <Молитвы и Медитации>: Она начала их в 1911 году. <Зачем нужен шум, суматоха, пустое и бесплодное возбуждение, зачем этот водоворот, что кружит людей, как ураган - стаю мух?.. О, только кристальная чистота пропустит Твой божественный луч без искажения и преломления... В моём сердце бьются сердца всех людей, в моей мысли живут мысли всего человечества; стремление маленького животного или неприметного растения слагаются в моё великое стремление... Всеобъемлющее и неослабевающее усилие движет нами, мы продвигаемся как неумолимый поток, сметая все препятствия, уничтожая все барьеры, срывая все покровы... в поисках чудесных тайн Неизвестного... Надо быть как можно ближе к божественному миру, неизменному царству Твоей чистой любви, надо неразрывно слиться с другими царствами божественного мира, вплоть до самого материального, ибо Ты - центр и закон этого мира даже для мельчайшего атома>.

Итак, ядро проблемы было не в космических вершинах, а в клетках, в атоме.

Мирра даже основала несколько маленьких <групп> (одна из них называлась <Идея>), в которых пыталась обнародовать первые неуверенные опыты и нечто вроде наброска будущего: <Наша главная цель - достижение всеобщей Гармонии (то есть, <Супраментального>), - говорила Она в 1912 году. - ...реализация единства человечества (это ещё до встречи со Шри Ауробиндо!) ...основание идеального общества в месте, подходящем для расцвета новой расы (предвестие ашрама в Пондишери и Ауровиля) ...связь земли с одним или несколькими источниками всеобщей силы, до сих пор скрытыми от неё>. Да, Она чувствовала, как бьётся сердце будущего - <супраментальный> источник, <Гармония> (имени пока не было) - но как подойти к нему? <Кто откроет ворота шлюзов?> Этот вопрос, этот призыв всегда были с Ней, словно должны были вывести на свет божий ответ (может быть, благодаря им, в жизни Мирры и появились Ришар и Шри Ауробиндо). Повсюду, в автобусе, трамвае и прочих ничем не примечательных местах происходили странные истории: дети бросали своих матерей и буквально липли к Мирре, измученные люди внезапно чувствовали облегчение, болезни проходили сами собой: <Однажды в автобусе я увидела плачущего человека: он сгорбился и по всему было видно, что он крайне несчастен. Я не двигалась и ничего вроде бы не делала; между тем на моих глазах <Сила> подходила к этому человеку всё ближе; постепенно он выпрямился, его лицо разгладилось и стало безмятежным. Подобные истории повторялись. Нечто, абсолютно нечеловеческое спокойно действовало ЧЕРЕЗ меня (без всяких усилий с моей стороны), и приводило к подобным

последствиям>. Оно действовало через Её тело помимо Её воли, словно прозрачность разума открывает доступ к телу: <Оно заполняет всё тело тёплой и приятной, но в то же время и дьявольски мощной вибрацией!>

Мирра наугад входила в новую область; Она ещё не понимала, что это такое, но по мере того, как разум становился прозрачнее, картина прояснялась, будто человеку надо превратиться в абсолютное <ничто>, чтобы пропустить поток: <В этой спокойной атмосфере препятствием может стать любая, даже почти неуловимая вибрация>, - написала Она ещё в 1912 году. Действительно, представьте себе высшую обезьяну: если она хочет поймать вибрацию разума, для обезьяньего мира ей придется <исчезнуть>; однако гораздо интереснее то, что связь с новыми силами осуществляется не через разум, а через тело. Тело - это мост. Каждая ступень эволюции, каждая <вершина> означает прежде всего изменение точки, через которую живое существо получает доступ к новым силам. Впрочем, выражения <вершина> и <новые силы> не точны, но таков уж наш язык. Вершина и так здесь! В силах нет ничего <нового>: просто надо расчистить новый слой, и то, что и так было рядом всегда, сверкнёт перед нашими глазами. Открывается занавес. Мы медленно движемся сквозь завалы слоёв от поверхности или <высоты> в глубину и расчищаем их, чтобы добраться до сердца истории: Материи. Чем глубже мы уходим в плотные слои, тем больше мощи и способности воздействия у силы, ведь мы приближаемся к её источнику. А цель нашего пути - высшее слияние начала и конца: <Что толку от человека, если он не станет мостом между вечностью и болезненным неведением материального мира? Человек - это связь между Тем, что должно быть, и тем, что есть; мост над пропастью>. Мирра восклицала в <Молитвах и Медитациях>: <Когда же я настолько забуду свое <я>, что стану простым инструментом, призванным выразить некоторые силы?>.

Что-то действительно надо было выразить, но, может быть, оно и само уже выражалось.

Смена правительства

Впрочем, от <Мирры> в Ней оставалось уже не так много: Она становилась не <неким человеком>, зашитым в кожаный мешок, а сознанием, стремившимся стать, так сказать, всем миром подобно тому, как в детстве Мать была и ребёнком, и питомом, и геранью в Тюильри - в общем, одним и тем же: кажется, что по мере исчезновения личности или роста прозрачности сознание расширяется и пропускает через себя больше сил. Впрочем, всё шло своим чередом. Мирра вела обычную светскую жизнь. Она познакомилась с Анатолем Франсом, чья мягкая ирония была Ей весьма близка (Она никогда не

имела мерзкой привычки принимать себя слишком всерьёз - Мать прекрасно понимала юмор Шри Ауробиндо). Мирра даже спросила у писателя, не был ли роман <Восстание ангелов> (Она очень любила эту книгу) навеян идеями Теона. Однако для Неё уже наступили времена ещё более радикального бунта. Что там древние религиозные распри! Нечто, существующее на уровне тела, связывало его с самим телом земли... будто нельзя достичь кусочка Материи, не прикоснувшись ко всей Материи в целом: <Я постоянно ВООЧИЮ убеждаюсь в существовании всеобщего единства, обеспечивающего взаимную связь всех процессов>, - заметила Она. <Воочию>, то есть прямо в материи, а не в мареве разума. От Янцзы до Агадир глухие волны бунта сотрясали землю (1911): <Земля лежит у нас на руках больным ребёнком; мы должны её вылечить>. Вот так... шестьдесят лет назад.

В начале века на земле появилось нечто совершенно новое.

Со стороны нам кажется, что только в последние десятилетия мир взорвался миллионами противоречивых опытов, и раздор вошел во всё, даже в границы наших тел и наши сердца - ведь Материя едина, и никто не может избежать изменения! Однако всё началось раньше: первый удар, первая волна пошла из Азии в начале века. Эпицентр там, как бы мы ни удивлялись. Всё остальное - только продолжение и усиление начального толчка. В Азии начались сразу три революции. И все три, как это не странно, так или иначе коснулись Мирры. Первый удар шёл из Индии: в 1893 году Шри Ауробиндо написал первую революционную статью, а на переломе столетий, за 14 лет до возвращения Ганди* *Ганди приехал в Индию из Африки в январе 1915 года, но только в 1920 году он положил начало движению <непричастности>. в Индию из Южной Африки уже стал для всех <революционным вождём>. Вице-король Индии, лорд Минто, писал о нём: <Это самый опасный человек из тех, с кем нам приходится иметь дело>, - а в Бенгалии рвались бомбы. Мирра впервые прикоснулась к Индии в 1904 году. Затем Китай: опять-таки, в начале века начались знаменитые <боксёрские восстания>, затем потянулись <тайные общества>, вдохновляемые из Франции, потом - создание гоминдана, волнения в долине Янцзы в 1911 году и падение маньчжурской династии в 1912 году. В Париже Мирра встречалась с китайским революционером. Наконец Россия: в 1904 году Япония разгромила русский флот при Порт-Артуре, что приблизило приход революционной волны - убийство великого князя Сергея в 1905 году, репрессии и высылки студентов-бунтарей в Сибирь, негибавший Столыпин... Одного из тех, кто бежал во Францию от преследований Николая II, Мирра встретила в Париже в 1907 году. Эти революции впоследствии изменили лицо мира. Непокойно было и в Европе: Вильгельм II прямо под носом Англии и Франции затевал свои интриги и в конце концов отправил канонерскую лодку в Агадир. Эти события связаны вместе - это как вспышка огромной электрической дуги - ведь движется одна и та же Материя. Возможно, она пришла в движение в тот самый миг, когда Шри Ауробиндо в Калькутте и

Мирра в Париже начали спуск в Материю, чтобы расчистить слои старого мира эволюции и найти новый источник. Преображалось одно большое Тело.

Ворота шлюза медленно открывались.

В 1906 году в Тлемсене случилось любопытное происшествие. Погружаясь в планы сознания, обволакивающие землю (обычно их называют <грядущим>, но <грядут> они долго лишь из-за плотности промежуточных слоев), Мирра увидела или точнее услышала некоторые слова и тотчас записала их, пометив дату: <Ровно через пять лет случится революция (в Китае) (Бог знает, что могло привлечь Мирру к Китаю, если Она даже не знала толком, где находится Индия). С неё начнётся земное движение, предвещающее преобразование>. Действительно, как мы знаем, в 1911 году гоминдан начал волнения, в конечном итоге закончившиеся падением маньчжурской династии. Сегодня нам виден весь масштаб этих событий, однако в ту пору они оставались смутными слухами, и требовались месяцы на то, чтобы они пересекли море и стали чем-то столь же осязаемым как последняя речь известного республиканского депутата от департамента Лот-и-Гаронна (назовём его господином Фальером). Мирра и сама почти ничего не знала о революции, пока не встретила в Париже (нам точно неизвестно ни когда это случилось, ни как) члена некоего китайского тайного общества благодаря столь же необъяснимой, как остальные, <случайности>. Мирра почему-то по-особому сложила руки (один кулак поверх другого), а это оказалось тайным знаком этого общества (всё это немного напоминает какую-нибудь книгу, но жизнь Матери интереснее любого романа), поэтому китаец решил, что перед ним также член тайной организации и во всех подробностях рассказал о событиях в Вухане. Тут Мирра и вспомнила о своей записи.

Она задумалась.

Кажется, всё было за то, чтобы Она узнала о революции. <Случайность> жеста не должна ввести нас в заблуждение: за долгое время Мирра выработала совершенно естественную привычку проникать в любого человека как в самую себя, даже не сознавая этого, и делать то, чего требовали обстоятельства, даже не задумываясь над этим, причем двигал Ею отнюдь не разум. Лично нас удивляет только одно: почему Китай? Впрочем, будущая История уже близка, и мы скоро узнаем, почему первый толчок, <предвещающий преобразование> шёл именно оттуда. Мы можем только теряться в догадках и принять это как факт. Не в этом ли сосредоточена вся наша проблема? У нас есть только факт: три революции, произошедшие в начале века, изменили лицо мира. Началось какое-то движение, а сегодняшняя ситуация - следствие и развитие этого движения.

Так что же началось?

Внешность обманчива. Здесь коммунизм, там социализм, где-то ещё капитализм - сто пятьдесят стран рвут друг друга на части, звучит военный клич; все сражаются - против бедности, несправедливости, того или иного цвета, за право, свободу, нефть, химические удобрения, за всё, что угодно, против всего, что угодно, и у каждого есть своя истина, лозунг и проклятие для истины соседа, но и у того найдется проклятие на ту истину - везде <истина>, зловонный чумной труп, выставленный на всеобщее обозрение и растиражированный на шестистах пятидесяти непогрешимых и в высшей степени истинных языках в газетах, книгах и по радио. Всё это правда, и всё это ложь. Правдивая ложь и лживая правда. Это царство да-нет, добра-зла, за-против. Вавилонская башня разума, высящаяся среди растущих как грибы шести миллиардов людей. Мы живём в век панацей - от рака, бедности, дождя, хорошей погоды; мы открываем, а спустя минуту забываем, и всё начинается сначала. Каждое мгновение мы находим что-то новое, но ничего не изменяется. Болезнь поразила сегодняшний день и завтрашний, болен весь мир. Болен сам разум: он клонится к закату. Разум обесценен: об этом никто не говорит, но это буквально вопиёт в тысячах <культур>, которым больше нечего сказать - ни идеи, ни истины, ни ложь больше ничего не означают. Мир уподобился самозванцу, увешанному миллионами истин и выкрикивающему их через мегафон так громко, что грохот поднимается даже до деревушек на склонах Гималаев, загипнотизированных, оглушённых и одурманенных словами и отупевших от идей. Это смерть Разума. Мысль уничтожила саму себя. Настало время <смены правления разума, - как говорила Она, - духовным правлением сознания>.

Это время Сверхразума.

На тысячах языках и с тысячами названий - слева, справа, в жёлтом, красном или чёрном, христианин, мусульманин, марксист, атеист, - все ДЕЛАЮТ ОДНО И ТО ЖЕ. Под невыносимым внутренним Давлением Сознания всё движется к новой стадии эволюции. Все за, против, да и нет ведут в одну и ту же точку. Мы спотыкаемся, как брахиозавр на пороге Каменноугольной эпохи - на английском, китайском или безупречном французском. Мы опускаемся прямо на дно аквариума, к выходу из Разума. Ни чума, ни землетрясение не дали подобного результата: Природа просто повернула винт Разума, точнее, разрешила ему крутиться до тех пор, пока не сорвётся резьба. Вот это и случилось на переломе столетий. Революция началась не в Китае или России, а в самом Сознании. Все революции произошли лишь затем, чтобы ускорить эту. Все горести предвещают единственное облегчение. Любая ложь подталкивает единственную Истину. К ней идут все, все работают на неё, хотят они этого или нет, чёрное, белое, истина, ложь - всё это не имеет значения... <Это просто, - говорила Мать, - человечество движется по эволюционному пути, а в некоторые века - в некоторые особенные века - исключительный опыт становится почти всеобщим, то есть земным: под разными именами, ярлыками и словами разворачивается один и тот же опыт. Впрочем, старый опыт исчезает

не полностью - он продолжает цепляться за жизнь и может даже изменить внешний вид, а то и внутреннее состояние некоторых новых явлений. Но это уже только, так сказать, след. Всё ведёт к одному опыту, и тот становится настолько всеобщим, насколько это возможно, поскольку иначе он бесполезен. Если он ограничен несколькими людьми, то похож на одинокий гриб: всё человеческое сознание им не накормишь>. Сегодня нас окружает земной опыт Сознания точно так же, как других окружал земной опыт тектонических складок или лёгочного дыхания; наши пустые порывы суть медленное отмирание эволюционных атавизмов: <Конец стадии эволюции, - сказал Шри Ауробиндо в 1910 году, - обычно отмечается рецидивом того, что обречено на исчезновение>.

Последняя дверь

Вот уже и 1914 год.

Она была полностью погружена в переживание <движения преобразования земли>, а мы занялись завоеванием Чада. Это был Триумф Науки, вылечить можно было всё, что угодно, надо было только изобрести это. <Мы погасили на небесах звёзды, которые никогда не вспыхнут снова!> - воскликнул какой-то красноречивый государственный деятель. Звёзды, действительно, упали с небес прямо в Материю, но не в ту, о которой думали материалисты. И всё же половина мира почитала за лучшее во всём следовать Западу: западная техника, западная промышленность, западный <образ жизни> - спасение в машине. Впрочем, Мирра не верила в Запад, не верил и Шри Ауробиндо: он уже видел <красный закат Запада> и тщетно призывал соотечественников искать только самих себя. <Научная, рационалистическая, промышленная, псевдодемократическая цивилизация Запада гибнет, - писал Он, - только глупый безумец станет сейчас опираться на этот тонущий фундамент>. Машину не остановишь, она покрыла уже всю землю, и <обездоленные> взывают к ней о помощи. Но на самом деле эта Машина, возможно, необходима в экономии Природы, хотя человеку и тяжело уразуметь, почему: так было проще собрать всю землю воедино и свести её к нескольким разболтанным винтам, которые однажды вдруг поставят человечество перед лицом фантастической аварии, постигшей этот символ Разума. <Один ребёнок разрушит её>, - писал Шри Ауробиндо примерно в 1914 году. Нам даже не понять всей ошеломляющей простоты этого события. Куча мировой ржавчины. Так со всеми открытиями будет покончено: мы сами будем полностью сведены к открытию. <Всеобщая реакция на культ Материи, - говорила Мать, - помогла оформить Материю, хотя бы отчасти дать ей самосознание и силой привести в

неё сознание. Возможно, этого культа было вполне достаточно для прихода полного Проявления?>

Её захватило <Проявление>. Иными словами, рождение нового Сознания. Начиная с 1913 года это слово всё чаще и чаще встречается в её <дневнике>: <Час Твоего проявления настал... Благие вести о Твоём новом Пришествии... Твоё новое проявление...> Мирра даже не знала, кем был в действительности Шри Ауробиндо. Она была одинока. Она стучалась во все двери и разбираала все механизмы - религиозные, социальные, политические - будто прежде, чем устремиться к последней двери, надо перебрать все возможные решения. Её искания словно подготовили обстоятельства, приведшие Мирру на борт корабля, отплывающего в Пондишери... для предвыборной компании Ришара, решившего стать депутатом от французской Индии (его ждало жалкое поражение). Даже до 1914 года Она не верила в демократию. Эта дверь также оказалась закрытой: <Все человеческие сообщества основаны на факте видимости (это ложь), общественном мнении (это другая ложь) и нравственном чувстве - это третья ложь. Итак...> С обезоруживающей простотой, обнажающей самое сердце вопроса, Она продолжала: <Да, мировое сообщество нужно, но какое? Люди, входящие в него, должны по крайней мере обладать мировым сознанием!> Вот так. Все пути вели Мирру к проблеме <сознания>: <Правительства, режимы и века сменяют друг друга, но человеческая нищета остается неизменной. Только преобразование, просветление человеческого сознания может по-настоящему улучшить условия человеческой жизни>.

Достаточно было взглянуть на то, что было прямо перед глазами, в Париже: <Посмотрите только на ментальную атмосферу города, подобного Парижу! Здесь миллионы мыслящих существ, и какие у них мысли! Боже мой, как тут всё перепутано - бурлящая масса. Сначала кажется, что тут ничего не разобрать, но затем оказывается, что, несмотря на все противоречия стремлений, воли, мнений, все эти вибрации что-то объединяет. Некоторая общность тут определённо есть... все мысли за редким исключением выражают... зависть - в любых формах, любых планах, под любым обликом. Светские люди: они желают лишь материальных радостей и развлечений, но в их мыслях есть только зависть. Интеллектуалы и художники жаждут признания, известности и славы, но и тут - зависть. Правители и государственные служащие стремятся к власти и влиянию - ими движет та же зависть. Тысячи рабочих и служащих, угнетённых и неудачников, людей, оказавшихся на самом дне жизни, пытаются улучшить свое плачевное существование и испытывают зависть. Все - богатые и бедные, сильные и слабые, неудачники и те, кто вознёсся на вершины жизни, - хотят только золота, как можно больше золота, чтобы унять зависть и вожделение>. Мирра написала это в 1912 году. Вряд ли ситуация с тех пор заметно изменилась; возможно на какой-то широте дела обстоят немного иначе, но разве может что-то в мире измениться, пока сознание остаётся прежним; сколько тонн

пенициллина или сколько учреждений смогут исцелить людей от алчности? Полиция тут тоже бессильна, сколько бы полицейских не было.

Мирра иногда вспоминала о своём брате Маттео. Тот закончил Политехническую школу и стал губернатором; у него тоже были особые способности (во всяком случае определённые переживания у него были), но он забросил их, так как они не соответствовали идее <блага для всех>. <В возрасте восемнадцати лет, - рассказывала Мать, - когда он готовился к вступительным экзаменам в Политехническую школу, как-то раз, переезжая через Сену (кажется, на мосту Искусств), он вдруг почувствовал, как на него снизошло нечто настолько мощное, что его как бы парализовало, а в голове зазвучали слова (хотя самого голоса не было): "Если ты хочешь, ты можешь стать богом". (Это звучало прямо в его сознании: Маттео столкнулся с высшим сознанием). Он рассказывал, что сила захватила его целиком - парализующая и светоносная сила: "Если ты хочешь, ты можешь стать богом". Маттео быстро ответил: "Нет, я хочу служить человечеству..." - и сила ушла. Естественно, матери он поостерёгся рассказывать, но мы были очень близки, и меня он не боялся. А я ответила: "Знаешь, ты просто дурак!"... Он ничего не понял. А ведь он был умён и способен: он был губернатором в нескольких странах. Но он НИЧЕГО не понимал... Ничего лучшего, чем "помощь человечеству" он придумать не мог - это и есть филантропия. Потому он и стал губернатором. Закончив Политехническую школу, он имел несколько профессий на выбор, но моментально отправился в колонии, потому что в его голове была только "помощь отсталым народам на пути прогресса" - и прочая чепуха>.

Восемнадцать лет... Лауреатам Нобелевской премии мира есть от чего дрожать. Впрочем, конголезцы, у которых Маттео был губернатором, считали его не меньше, чем Христом: их анналы не помнят подобной самоотверженности. Интересно другое: стали ли эти самые конголезцы (хотя сейчас они называются иначе) мудрее, красивее, улучшилась ли их жизнь?.. В наших делах нас подталкивает навязчивая иллюзия, и чем больше в ней нравственности и прекрасноты, тем она тяжелее - это настоящий духовный бетон. Однажды эти <гуманитарные> чудеса, возможно, покажутся нам такими же замшелыми, как завоевание Чада или <французский мир> - называйте его хоть <рах britannica>, хоть <American peace> - мира они пока никому не принесли. Просто есть несколько священных мифов, вся польза которых, как мы видим, заключается в том, чтобы формировать наше же собственное сознание, существование, добро или зло. <УСЛОВИЯ ЗЕМНОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА СУТЬ РЕЗУЛЬТАТ ЕГО СОСТОЯНИЯ СОЗНАНИЯ - говорила Она. - ИЗМЕНЕНИЕ УСЛОВИЙ БЕЗ ИЗМЕНЕНИЯ СОЗНАНИЯ - ПУСТАЯ ХИМЕРА>. В этой простой фразе выражены все проблемы мира; здесь видна как на ладони величайшая иллюзия, двигавшая нами со времен изобретения первого паровоза. <Разве можно изменить что-то, а самому остаться прежним? Только ребёнок может сказать: "Я открою ночлежки, построю детские сады, буду раздавать суп для бедных, учить детей, распространять религию"... Просто вы считаете себя лучше других и думаете, будто лучше знаете, как им

следует жить и что им следует делать. Это и есть "служение человечеству". Вам это нравится? Это почти ничего не изменило... Откройте хоть миллион больниц, но люди так и будут болеть. Более того, им будет даже легче и спокойнее болеть... На самом деле, человечество для вас должно начинаться в вас самих. Вам хочется облегчить страдания? Но пока вы не сумеете изменить способность к страданию и превратить её в уверенность в счастье, мир не изменится. Он останется прежним. Мы попали в замкнутый круг - одна цивилизация сменяет другую, одна катастрофа сменяет другую, но мир не меняется, ему чего-то не хватает, ему не хватает сознания. Вот и всё>.

<Изменить способность к страданию...> В этом для Мирры была сосредоточена вся проблема. Страдание живёт в любом человеке под покровом одежд, словарей, символов веры и надежд. Это как бы зов смерти, обычно он облачается в различные религии и спасения, в различные <измы>, чёрные или красные, в социалистические или небесные райки, но все они прикрывают одну и ту же болезненную бездну - интерлюдии, интерлюдии, интеллектуальные, сентиментальные, политические, религиозные; между этой бесконечной болью и смертью тысячи интерлюдий. Возможно, смерть появилась вместе с первым вздохом земли; жизнь знает, что она обречена - болезненный узел, плотно соединивший их, словно жизни нужна смерть, а смерти - жизнь: первой - чтобы полностью раскрыть свою тайну, а второй - чтобы претворить свой тёмный отказ и превратить и смерть и жизнь в некое третье состояние, Жизнь. Способность к боли - чистый зов нашей тайны. Надо подойти к ней без масок и фокусов, без добра и зла, словом, без мишуры, в которую мы одеваемся, чтобы забыть о боли - напрасные попытки. В открытии нового и радикального боль послужит нам инструментом. Возможно, на переломе столетий, после взрыва надежд на спасительницу Машину, после взрыва всеобщей веры в Идеологию человеческого Блага, нам открылись тропы, ведущие не к уничтожению и краху, а к самому вопросу, в самое сердце <блага>, хотя такого блага мы и не ожидали; туда, где древняя Боль, освободившись от лживых надежд, фальшивых небес и поддельного добра, истощившись, ограничившись только собственным вопросом, вытащит новую жизнь из её смертного кокона. Но сначала придётся уничтожить всё <лучшее> и избавиться от всех конструкций Разума, гуманитарного, духовного и религиозного бетона, составляющего фундамент всякого спасения Вещи. Ей не нужны спасения, так как она не может умереть, машины ей тоже ни к чему, ибо она и есть Сила. <"Если бы каждый старался", - говорят они. Но это старание ничего не стоит! - воскликнула Мать. - Если не изменится всё, то не изменится ничто. Вот это старание и надо изменить>.

А в общем ничего не изменится, пока не изменится смерть.

Мирра прошла через все механизмы, точнее, старые могилы, но дверь нашла только в безмолвии сердца: <Настоящая и прогрессивная эволюция обходит стороной все внешние средства и не касается улучшения материальных

условий или общественных преобразований; она ведёт человека к счастью, на которое у него есть полное право. Реальное движение состоит в личном, внутреннем и глубоком совершенствовании - только это способно изменить нынешнее положение вещей>, - писала Она в 1912 году. Все наши <улучшения> для следующей стадии эволюции - то же самое, что обезьянья ловкость в прыжках по деревьям эпохи Плейстоцена, за исключением тех случаев, когда они развивают наше сознание. Но и это только предлог. Шри Ауробиндо отказался от революционной деятельности по тем же самым причинам, хотя все уже видели его главенство в политической жизни будущей Индии. Никто не понял его, а многие даже возненавидели за этот отказ. <Сторонники действия полагают, что человеческая энергия и интеллект, если их напрячь, всё приведут в порядок, - писал Он, - За всю Историю интеллект никогда не достигал такой степени развития, как сегодня, а энергия никогда не растрачивалась в таких объемах, однако нынешняя обстановка ясно показывает пустоту иллюзии, вдохновляющей этих людей. Йога учит, что подлинное основание жизни можно раскрыть только через изменение сознания: из внутреннего мира мы переходим во внешний, таков закон. Только внутренний мир - это не четверть сантиметра вниз от поверхности... Мы вольны выбирать: либо путь наугад в старой мешанине и лишь иногда случайные открытия, либо шаг назад и поиски Света - так мы откроем Божество и распространим его как во внутреннем, так и во внешнем мирах>.

Ключ к внутреннему миру Мирра нашла, но ключа к трансформации у Неё ещё не было. За месяц до путешествия в Индию Она писала: <Какое же невиданное великолепие, какое чудо света и величия нужны, чтобы вытащить людей из искажённого мира, куда их забросила городская жизнь и так называемые цивилизации!>.

Когда сделаны все дела и сказаны все слова, когда мы увидели и поняли всё, что есть на этом свете, нам остаётся только любовь. Наверное, это и есть последняя дверь. Однако, одной любви недостаточно: <Один сказал: "Я несу Любовь", другой сказал: "Я несу Мир", третий сказал: "Я несу Освобождение"; произошло небольшое внутреннее изменение, что-то пробудилось в сознании, но внешне не изменилось ничего. Поэтому их и ждало фиаско... Христос проповедовал чистую любовь, но она не может изменить людей. Магомет проповедовал чистую силу, но и она не способна на изменение. Поэтому Сознание, которое сейчас трудится над преобразованием людей, соединяет любовь и силу>. За весёлым смехом и иронией Мирры, за яростным сердцем и жаждой прогресса Матери стояла прежде всего любовь: <Стать как бы огромным покровом любви - обнять всю землю, проникнуть в каждое сердце...> Правда, нам тяжело понять такую любовь, ибо она вооружена мечом. Однажды этот меч исчезнет в чистоте последних дней, и тогда в полную силу засверкает Любовь - такая всеобъемлющая и прозрачная, такая могущественная, что для тела она будет почти невыносимой, - она потребует от нас самого тяжёлого, ввергнет в самое худшее, где мы, к большому удивлению,

найдем Нежность - и кажется, что она всегда была здесь, в сердце жгучего вопроса, сливающегося с вопросом Земли в нас. <Разве ты не знаешь, что самые возвышенные силы расширения ищут укрытия в самых плотных слоях материи? - говорила Она в 1910 году - Благодаря худшему можно обнаружить лучшее, а благодаря лучшему можно изменить худшее>. Здесь, в боли Материи, человек встречает Мать, здесь он прикасается к тайне Силы-Любви, и здесь же как будто вспыхивает душераздирающий и беспомощный крик, внезапно превращающийся в чистый огонь, говорящий: <Люблю, люблю, люблю...> - это всё, но сила его сокрушит всё. Там всегда сияет Мать. Мать - это любовь в сердце Материи, и Мирра наугад искала эту истину. Она открыла век божественного материализма.

Шри Ауробиндо в Пондишери воскликнул: <Мне нужен такой материализм, который узнает материю и сумеет ею воспользоваться, не превратившись в её раба>.

7 марта 1914 года Она поднялась на борт <Кага Мару>, оставив за спиной тридцать шесть лет западного материализма.

Часть вторая

НИСХОДЯЩЕЙ ТРОПОЙ,

КОТОРУЮ Я НАЧАЛА СО ШРИ АУРОБИНДО

Мать - это сила Шри Ауробиндо

Шри Ауробиндо

14

ШРИ АУРОБИНДО

<Тот, кого мы видели вчера, живёт на земле>.

Такой простой записью Мирра отметила эту встречу. <Моё видение>. Но перед ней стояло не индуистское божество, а Шри Ауробиндо. Она произносила его имя очень мягко - Шри Ауробин'до. Я слышал это тысячи раз,

но даже через пятьдесят девять лет после их встречи в голосе Матери звучала та же любовь, смешанная с нежностью и поклонением, в Её полуприкрытых глазах блуждала слабая улыбка, и я чувствовал в ней самого Шри Ауробиндо в бледно-голубом, почти белом ярком сиянии. Она никогда не произносила этого имени просто так. Оно звучало как мантра. Шри Ауробин'до - они словно сплывались, и то вперед вырывалась Она, то Он, такая беспредельная и всеобъемлющая нежность: <Со Шри Ауробиндо вы будто попадали в нежную вечность. Это как... нечто <мягкое>, не знаю. Вибрации расширяли ваше существо и успокаивали вас - казалось, будто прикасаешься к чему-то безграничному>. Да, безграничному - это уносило человека на снежных крыльях далеко от него самого, но может быть там и был человек. Она закрывала глаза, произносила его имя и всё это неизменно повторялось. Всегда. Опыт был воплощён в этом имени, оно несло силу опыта. Это была мантра. Шри Ауробин'до...

Тайна Шакти

Сначала Мирра хотела встретить Его одна. Они высадились (случайно ли?) в Дханушkode, на юге Индии, неподалёку от высоких фиолетовых башен храма Рамешварам, посвящённого первому Аватару разумного человека и его супруге Сите, поглощённой любимой ею Землей. И, наверное, Мирре нужно было воздать дань этой давней истории прежде, чем встретиться с будущим. Она сразу почувствовала <нечто в атмосфере этой страны>. В Пондишери супругов привёз поезд. Она ничего не видела, потому что её взгляд был обращён внутрь. 29 марта вечером Она в одиночестве отправилась на улицу Франсуа Мартин, в дом сорок один, - огромное здание с колоннами, фасад немного вытерт дождями и ветрами. Сердце билось в безмолвии таких мгновений жизни, когда человек, сам того не ведая, знает всё. Старые стены; ворота, увитые лианами (позже Мать назовет их <верность>), запущенный двор, несколько банановых деревьев, сорная трава, на нижнем этаже - веранда с колоннами, а справа - лестница: <Я поднялась; Он ждал меня наверху. Всё как в моём видении, даже одежда та же. Та же поза, поднятая голова. Он повернулся ко мне, и по его глазам я поняла, что это действительно был Он. Сложились две вещи - внутренний опыт встретился с внешним; произошло слияние, резкое столкновение:

Ведь всё в космической игре

Происходит только в своё время и в своём месте>.* * Савитри

У нас всегда есть две дороги - внутренняя и внешняя; по последней мы идём как слепцы, от <случая> к <случаю> - мир слагается в нелепое полотно кубиста, радость смешана с печалью, встречи и поступки остаются для нас туманными, и мы даже не пытаемся объяснить их. А тот, кто путешествует в нас, видит всю картину, все её тайные нити, навсегда забытые встречи, не доведённые до конца дела. Но однажды путешественники встречаются, и внутренняя дорога становится внешней - весь мир превращается в вечную встречу. Сознание движется через вечную картину самого себя и узнаёт свою цельность. Мгновения воспоминаний о жизни суть минуты подобных встреч: столкновение двух дорог открывает частичку Великой Картины и мгновенно выводит нас на дорогу вечности - миг совпадения. Так раскрывается это. Всё остальное - серость случайностей, где ничего не происходит, ибо в жизни вообще ничего не происходит, за исключением тех мгновений, когда мы оказываемся на той дороге. Моменты слияния - точная мера нашего сознания. А у некоторых всё является совпадением: каждый поступок, каждый человек на пути, каждый уголок вселенной несут в себе небывалую встречу. Такие люди ведут вечную Работу; от жизни к жизни они пробуждают всё больше и больше точек, сознающих великое совпадение. Это и есть супраментальное движение, сознание будущего цикла, долгий путь Шри Ауробиндо и Матери сквозь забытые века и бесчисленных людей: <Нет разницы между моей с Матерью дорогами, - писал Шри Ауробиндо, - мы идём и всегда шли одной тропой - к супраментальному изменению и духовной реализации; и в конце, и в начале пути не было и не будет никаких различий>. А Она сказала: <С самого начала мировой истории, в разных формах и под разными именами Шри Ауробиндо всегда направлял все земные преобразования>. Мы бы могли назвать их <пионерами эволюции>. Их встреча означала, что новое Проявление уже близко. <Час пробил, - записала Мать в дневнике, - новое проявление несомненно произойдёт, оно близко... Этот час, час человека, час земли - самый прекрасный из всех часов>. Час Земли... Она всегда думала только о Земле, о её красоте, величии, осуществлении! Но, возможно, в теле Матери жило стремление Земли: <Дай моему стремлению достаточно сил, чтобы распространить повсюду подобное же стремление, - молила Она. - Да, это неизбежная Необходимость. Всё прочее неважно. Только это>. Ещё в начале пути была последняя супраментальная работа; огонь стремления переходил от тела к телу, он рос и вспоминал самого себя, пока не пришёл к своей цельности и солнечному телу. Шакти, запертая в темноте атома, шла к Шакти, нашедшей в каждой клетке своего тела полное сознание.

Такова тайна Шакти.

Мы говорим: атомная сила, сила Природы, электрическая сила, духовная сила, сила разума, но Сила всегда одна, двух не бывает. Один и тот же Поток, но разной мощности и разной светоносности, принимал то одну, то другую вибрацию в зависимости от окружающей среды. Сила поднималась от века к веку и от эпохи к эпохе; она создавала всё более и более сложные

инструменты, одевалась в самые разные панцири, и всегда хранила стремление - она хотела занять ещё больше пространства, больше света, объять ещё большую часть земли и тела; сила всегда стремилась к какой-то недостижимой цельности. Чтобы включить в свою цельность ещё большую часть мира, она ставила ловушки за ловушками: чтобы связать друг с другом существа, сила изобрела любовь - она и была любовью, вечно горящим в сердце огнём, потребностью всегда становиться больше, всегда обнимать большее, жить повсюду и во всём. Сила дала толчок галактикам; она же создала бесчисленных животных, и всего одно мгновение назад - человека. С ним сила подошла к сознательному узлу своего развития. Она хотела ещё большего роста - и в чувствах, и в сердце, и в духе, сила желала поймать весь мир в бесконечную сеть любви-огня, покорить и властвовать; даже в заоблачные выси аскетов и святых она забралась, - растворилась на мгновение в их созерцании, а затем ушла и продолжила свой вечный поиск. Сила, неутомимое Пламя, нужда бытия - она не остановится до тех пор, пока не станет всем и даже ещё большим. Желание, Зло, - говорят те, кто хочет уничтожить её и уйти в свой безымянный Мир; Разум, Мощь, - говорят другие: они пытаются заточить её в своих Машинах, чтобы потом быть раздавленными под грузом собственных изобретений, но сила разбивает все ловушки, тем более что они созданы ею же - ни человек, ни Разум, ни Дух, ни Желание не избежат этой участи, как бы они не старались поймать силу - та будет месить земное тесто до тех пор, пока не узнает свою тайну: это Шакти, Движитель миров, Осуществление; ничто без неё не сможет жить и дышать. Это Огонь атома и Огонь йогина. Смерть претворяется в жизнь. Нирвана взрывается миллионами новых галактик, чтобы вновь найти силу; рушатся райки, вымирают биологические виды, машины, инструменты и ловушки миллионами уходят в небытие, и всё это ради того, чтобы вновь найти силу. Этот Огонь не погасить никому. Некоторые люди несут её Тайну из поколения в поколение. Но даже эту Тайну сила рушит и хоронит, ибо ждёт, когда ВСЁ будет готово жить и строить её Тайну, ибо Сила - ОДНО в миллионах. Мать миров; мы все её дети.

Шри Ауробиндо знал её Секрет. Мать знала её Секрет. Они снова встретились потому, что настал Час повторить великий Опыт, - кто знает, сколько <предыдущих попыток> рассыпалось в космическую пыль, чтобы подготовить эту.

Ведь тайна Шакти воспроизводится как во вселенной, так и в каждом существе - и в Шри Ауробиндо, и в Матери. Час мира начинается с часа человека. Либо мы его теряем, либо находим. Каждому надо открыть тайну Шакти и завоевать её Секрет. Мир трепещет под натиском её Огня, Шакти неутомима, она рушит наши чувства, сердца, умы, идеи, страсти, горести. Все учения пытаются завладеть этим огнём; наука, мораль, религия, закон - все пытаются, хотя и каждый по-своему, но Она разбивает запруды, низвергает законы, очищается, и в тот самый миг, когда нам начинает казаться, что мы поймали её мудрость, танец Огня начинается вновь. Любая мудрость подлежит разрушению, как и

машины, как и древние храмы на берегу Нила. Шакти ищет дальше, чем вся наша мудрость, она сильнее всех наших машин, и в ней больше истины, чем во всех наших храмах. Сгинув в её Огне, три тысячелетия Индии* * На самом деле, только со времен буддизма. Индия до буддизма, и уж тем более Индия ведической эпохи совсем не такие. говорили <НЕТ>. Загипнотизированные её Пламенем, несколько веков Запада говорили <ДА>. Но ни отказ, ни согласие не дали Тайны. Одни поднялись к так называемой свободе и потеряли Материю, другие опустились в так называемую Материю, и потеряли свободу, - правды не было ни в том, ни в другом; нигде не было полной Тайны. Мы тянем Шакти вниз, - Она испаряется и, в конце концов, уничтожает тело, потому что в нём больше нет нужды; мы тянем Её вниз, - Она вязнет и опять-таки уничтожает тело, потому что то пытается сковать Её. Нигде нет тайны тела; Шакти будет уничтожать тела до тех пор, пока мы не найдём Тайну.

Я взглянул на мир и упустил Себя,

Я обнаружил Себя и потерял мир,

Потерял свои другие я и тело Бога,

Связь между конечным и Бесконечным,

Мост между видимостью и Истиной.* *Савитри

Ведь тело - это мост. Это последнее укрытие Истины; там Шакти превращает свой беспокойный Огонь и белую свободу в нечто другое, там её черная нищета, смерть превращается в божественную Жизнь. Может быть, даже <Бог> там превращается в нечто новое. <Те, кто следуют Неведению, - говорят Упанишады, - идут в слепую тьму, те же, кто ищут Знания, идут в кромешный мрак>.

Опасность, кажется, крадётся к нам совсем с другой стороны. Миром правит тёмная Шакти. Если правда то, что в Индии и повсюду в благословенные времена женщина считалась живым символом Шакти (Рама и Сита, Шива и Парвати, Леонардо да Винчи и Мона Лиза, Шри Ауробиндо и Мать) - и действительно, Женщина и есть Шакти, созидаящая Сила, основа жизни; без неё ни одно настоящее творение не обрело бы тела: Она дает Материи сознание, организует Материю, конкретизирует смутные мысли Человека и преобразует свободные пространства в многообразие форм. Женщина - это, поистине, вдохновенное Тело Земли - итак, если всё это правда, то сегодня вслед за ошеломляющим падением мира, вслед за обесцениванием Разума, столь же ошеломляющее падение постигло и Женщину: в нашу эпоху она стала символом секса. Нам не к чему опасаться, что мировая Шакти рассеется в высотах, - слишком плотно Она увязла внизу: Природа великолепно знает, что она делает. Просто удивительно: мы уверены, что подчиняемся высшим или

низшим принципам, что вольны выбирать между небесами и грязью, но на самом деле остаёмся попугаями Разума, а силы, бесконечно превышающие наши способности, тащат нас неизвестно куда и заставляют нас делать то, что им нужно по <причинам>, абсолютно несходным со словами, которые мы придумываем для них. Когда мы уйдём от разума, мы будем поражены не меньше Гулливера, оказавшегося в стране Гуигнгмов. Ещё за несколько тысячелетий до нашей эпохи индийские писания предвозвестили это падение в четырехступенчатом каскаде <эпох> или Юг - так, время мыслителей или провидцев истины (брахманов) сменяет эпоха всадников или воинов (кшатриев), за нею следует век торговцев или горожан (вайшьев), а затем приходят наши времена, пора рабочих (шудра) или, скорее, рабов: эго, машина, секс, комфорт. Век <маленьких нечистых тел>, ksudra deha sanskarabarjitah, - говорит Вишну Пурана*. *Кстати, <Вишну Пурана>, текст, датируемый примерно III в. н. э., содержит и другие интересные замечания по поводу Кали-Юги, например: <В Кали-Юге цари не будут заботиться о подданных, они будут отнимать у них богатства, говоря, что взимают налоги... В век Кали-Юга шудры (рабочие) потребуют тех же прав, что и брахманы... люди будут страдать от голода, поборов и болезней... облака иссохнут, и зерно будет плохо расти... все касты станут почти как шудры,.. Но, невзирая на все беды, главным достоинством Кали-Юги будет то, что духовное движение, которое завершится великими усилиями аскетов Сатья-Юги (века начал или века Истины), при небольших усилиях будет доступно людям этой эпохи>. В каждую новую эпоху центр Шакти меняется, - из центра разума она опускается в центр сердца, затем в центр живота, наконец, в центр воспроизводства, то есть в центр Материи. Мы опустились вниз потому, что в Материи сосредоточена эволюционная работа нашей эпохи - Кали Юги, или Тёмного Века. С точки зрения рациональности, морали или эстетики наше положение может показаться плачевным, но Природе нет дела ни до морали, ни до разума. Она не рассуждает, она делает. Она тянет нас к новой эпохе, ведь сказано, что мучительный, но краткий, Тёмный век наделён небывалой Благодатью, неизвестной другим векам: за ним придёт новая Эпоха Истины, Сатья Юга... или всеобщее разрушение, возвращение к истоку и новая попытка завершить вечный Опыт под более милосердными галактиками.

Мы упали так низко потому, что секс, конечно же, является одним из ключей к Тайне тела, власть над сексом, говорит Шри Ауробиндо, является непременным условием проявления новой эволюционной Силы - супраментальной Силы - в теле. Как всегда, в главном препятствии скрывается главный выход. Почему?.. Отвлечённые рассуждения не объяснят ничего, надо слиться с вещью и понять, что она скрывает - пока мы не попробуем, мы не поймём. Мы тешим себя иллюзиями, - сердце, чувства, идеи, миллионы масок и чудесных <причин> помогают нам скрыть то, что нам хочется сохранить. Но нельзя не понимать следующего: если новая Шакти хочет воссиять в теле, не разорвав его своей мощью, там должны установиться те же прозрачность и простор, как и в Разуме, пропускающем первые лучи Сознания или, по крайней

мере, ясную идею. Старая грязь не уживётся с новой Силой, однако именно эта грязь самым фактом своего сопротивления, узости, плотности, вынуждает проявиться соответствующую Силу. Плотина копит Силу, необходимую для её разрушения. Но и она может сломаться. Йога нисхождения очень тяжела, для земли она столь же опасна, сколь и для людей. Она несёт угрозу каждому человеку и земле. Этот путь с чистыми руками не пройдёшь: здесь будет слишком много ударов и падений, и всё же в силе падения мы найдём силу идти ещё дальше. По одному из излюбленных выражений Матери, в этой йоге нужна ИСКРЕННОСТЬ; любой самообман ведёт к губительным последствиям. Но любое искреннее открытие приносит совершенно ошеломляющие результаты. Это эпоха бесконечной Благодати и неизбежного Меча. Придётся выбирать: удваивать ставку или выходить из игры - или гигантский шаг вперёд, или катастрофический крах в масштабах отдельных людей, наций, сердец, всей земли. Никто не останется в стороне от этого переворота: Переворот один. Переворот Нового Сознания. Или мы перешагнём дамбу... или нет. В этой невыносимо сложной Работе главную роль будет играть женщина, первая Шакти, если, конечно, она поймёт, что она призвана творить и вдохновлять, но не дряхлые супружеские, литературные и эстетические делишки, а новый мир, новое тело: ему тяжело родиться, тяжело узнать самое себя, а нам тяжело завоевать его, ибо завоевание будет проходить шаг за шагом в самой низменной Материи. Придётся выбирать между этим, и старым миром <совершенной> обезьяны. <Поймите, тут не может быть компромисса, - говорила Мать, - нам нужно не выздороветь после болезни, а ИЗМЕНИТЬ МИРЫ>.

Таких приключений не знал ещё никто: ни неизвестных континентов, ни Васко да Гама - абсолютно незнакомый мир внутри нашего собственного тела, сознательное создание ещё не существующего существа, открытие, так сказать, нового типа сознания и нового рода восприятия. Все старые органы надо заменить. Видение, осязание, связь - всё другое: другая земля. Словом, другая Материя. Остановка прежней генетической программы. По сравнению с этим даже переход высших обезьян к идеям, породившим затем Эйнштейна, кажется не столь впечатляющим. Хотим мы этого или нет, Переход уже начался. Со времён Каменного Века не было события важнее.

Состоится он, или нет?

<Я абсолютно уверен, - сказал Шри Ауробиндо, - что Сверхразум - истина, а его приход обусловлен самой природой вещей. Вопрос только в том, когда и как. Это тоже решено и предусмотрено свыше, однако сейчас разворачивается сражение и мы оказались в Центре зловещего столкновения противоборствующих сил... Моя вера и воля хотят, чтобы Сверхразум пришёл сейчас>.

Встреча Матери и Шри Ауробиндо 29 марта 1914 года стала точкой отсчёта новой эволюции.

Жизнь сполна

Мать прожила в Пондишери ровно год, до февраля 1915 года, когда она вернулась в Европу. Ещё год там, а затем - четырёхлетнее путешествие в Японию с Ришаром (адские годы!) и возвращение к Шри Ауробиндо в 1920 году. Я часто размышлял, зачем понадобился этот болезненный путь, если Она сразу могла остаться с Ним. Мать проходила всякий путь до конца. Она шла через все сложности, чтобы принять их в своё сознание, ведь человек не может изменить того, чего в нем нет.

Ты, возьмешь на себя всё, чтобы всё изменилось.* *Савитри

Мы далеки от йогов-аскетов, что отбрасывают всё тёмное, чтобы воссесть на престол чистого света - и стать <властителями небытия> как говорила Мать. Йога же нисхождения, кажется, состоит в том, чтобы проглатывать все яды подряд и благодаря их разрушительной силе стать ещё сильнее. <Избегая трудностей, вы не избежите их, хотя такое решение кажется весьма соблазнительным. Все люди, ищущие духовной жизни, в глубине души думают: "Как славно было бы сесть под деревом в полном одиночестве, предаваться размышлениям, ничего не говорить, ничего не делать..."> Настоящую победу надо искать в жизни. Надо учиться оставаться наедине с Вечностью и Бесконечностью в самой гуще событий. Человек должен учиться свободе, дружбе с высшим прямо посреди своих обычных занятий. Вот это и есть настоящая победа>, Шри Ауробиндо говорил: <Мы обогатим свою реализацию трофеями, вырванными из рук противостоящих нам сил>. Эта гимнастика помогает нам подойти поближе к чудесной истине и увидеть, что во всей вселенной нет ни единого враждебного нам атома, ни пылинки <зла>, ни одного <врага> - всё создано для того, чтобы заставить нас открыть повсюду правду, чистоту, свободу; словом, это великий заговор света, согласно которому мы должны построить свою собственную Шакти и идти всё дальше и дальше, вплоть до последнего корня <Зла>, последней маски:

Бессмертие под капюшоном смерти.* *Савитри

Завоевание смерти начинается за углом соседнего дома. Величайшее чудо йоги Шри Ауробиндо и Матери в том, что благодаря ей мы открываем абсолютную позитивность всего, даже смерти. Вся, до мельчайших подробностей, жизнь становится позитивной и наполняется смыслом - враждебности здесь нет

вообще. <Зло> лишь в том, что мы принимаем за зло. Это невыносимая простота, такая же, как была присуща Шри Ауробиндо и Матери.

Впрочем, с точки зрения 1914 года всё это казалось пустяками: йога Шри Ауробиндо была настолько естественна, что вовсе не была похожа на йогу. С другой стороны, всё может являться йогой, как воздух, которым мы дышим. Рядом со Шри Ауробиндо жили с полдюжины мальчишек, в основном бенгальцы. Они разделили с <вождём> изгнание и всё ждали, когда же Он вернётся к революции, - в том, что он готовит революцию, никто даже не сомневался. Когда Шри Ауробиндо чем-то занимался, то никогда не подавал вида, причём это касалось даже революции - Он предпочитал держаться в тени, если бы не <дело с бомбой> и не последовавший за ним арест, никто бы и не догадался, что Шри Ауробиндо - <мозг восстания>. Он никогда не смеялся (исключение - громоподобные взрывы хохота, подобные божественному смеху), никогда не повышал голос, никогда не навязывал другим людям манеру поведения, - просто Его воля сама направляла вещи в нужную сторону. Внешнее безразличие настолько поражало окружающих, что однажды ученик спросил Шри Ауробиндо: <Неужели вы не вмешались бы, если бы увидели, как тонет человек?> - <Нет, если бы меня не попросили помочь>. Он великолепно понимал, что изменение внешних обстоятельств мало что значит, если внутренне люди остаются прежними: их вытаскивают из воды, но они вновь тонут при первом же удобном случае. Для Шри Ауробиндо главная проблема была в другом. Хотя, стоило Его попросить даже о какой-то мелочи, Он бросался на помощь с силой, подобной урагану (но, как всегда, не подавал виду). Нет, Шри Ауробиндо не был похож ни на кого. Над дверью Его комнаты свили гнездо ласточки; Он ходил в обход, чтобы не тревожить их - и так было всегда: ласточки, вице-король Индии, революция, всё было для Шри Ауробиндо равновеликим и крайне важным. А революцию Он и не бросал, - Он вёл её в каждом шаге и в каждом поступке. Ведь если революция не начинается с ласточки, она не начинается нигде. Поняв эту тайну, мы вплотную подойдём к мировому перевороту.

Вот Он и не сидел в медитации, рассылая благословения ученикам, - Он погрузился в свои труды и по восемь часов в день мерил шагами веранду, чтобы заставить Сознание спуститься в Материю. Дело в том, что такая ходьба придавала энергию медитации. В общем, несмотря на свой обыденный вид, это и есть медитация, только физическая. Медитация тела. Ходьба, еда, прогулки, лестница - всё было йогой: <Вся Жизнь есть йога>, - такой эпиграф поставит Шри Ауробиндо на титульном листе своей первой книги (<Синтез Йоги>). Потому мы и видим повсюду только огонь: ведь йога везде, как и жизнь. <Мальчишки> бродили тут и там, спорили о политике или последнем футбольном матче - футбол был их любимым, если не главным, занятием, которое они делили с ребятами из <Спортивного Круга> в Пондишери. Шри Ауробиндо был товарищем, другом: если кто-то хотел учиться, то шёл к нему - все ведь были молоды, революция оставляла не слишком много времени на

университет, поэтому последний заменял Шри Ауробиндо. Кое-кто хотел изучать языки, французский, например, и Шри Ауробиндо обратился прямо к Мольеру, выбрав для начала <Скупого>. Эта книга добавилась к гудам других, написанных на санскрите, английском, немецком, итальянском. Вообще, книги валялись по всем углам Его комнаты, даже на кровати - на шкаф денег у них не было. Одному из ребят, особенно интересовавшемуся литературой, Шри Ауробиндо преподавал греческий, латынь (<Антигона>, <Медея>, <Энеида>) и итальянский - этим учеником был Нолини, дольше всех пробывший со Шри Ауробиндо и позднее ставший Генеральным секретарём Ашрама. Впрочем, мальчишки не считали себя <учениками>, а <учитель> учил только тогда, когда его об этом просили. Ни о каком <ашраме> речи тогда не шло: Шри Ауробиндо не любил это слово, да и в йоге его не было ничего от <ашрама>. Но что-то неуловимое помогало Ему открывать сердца и сознания окружающих. Сам же Шри Ауробиндо в часы, свободные от прогулок и бесед, читал в оригинале Риг-Веду. Открыв эту книгу, Он был поражён: там были все опыты, пережитые им в Калькутте, в гуще революции - то же, что и у Матери в Париже среди художников. Человек, выросший на Западе и выучивший английский раньше своего родного языка, вновь открыл <Тайну Вед>.

Он спокойно переживал Риг-Веду в <полевых условиях>, как говорили мальчишки. На самом деле, с тех пор как в 1910 году Шри Ауробиндо приехал с фальшивым паспортом в Пондишери, он жил поистине <цыганской жизнью>, как скажет один из его учеников, менял один за другим дома - всё зависело от финансового положения - пока специально ради Ришара не обосновался в пышном, но немного ветхом <дворце> в <европейском квартале>. Пришлось даже посылать в Калькутту SOS, иначе денег на оплату было бы не найти. Мылись под краном во дворе, Шри Ауробиндо всегда был последним. На всех было одно затрёпанное полотенце, и Ему оно доставалось уже после того, как вытрутся остальные. Электричество только что провели, иначе в распоряжении Шри Ауробиндо была бы лишь одна свеча - у Него вообще были странные привычки: днём Он ходил, ночью читал, а спал на своей походной кровати вообще неизвестно когда и как. Ребята спали на циновках без подушек, без всяких противомоскитных сеток, не говоря уж о вентиляторах. Ели что придётся, готовили по очереди, причём каждый какое-то одно блюдо: один - рис, другой - горох, этим трапеза и ограничивалась, если Бог не посылал ещё овощей и фруктов. Для самого Шри Ауробиндо в этом не было ничего ужасного - как-то раз Он не ел в течение двадцати трёх дней. Его интересовала проблема усвоения энергии (Мать она будет волновать всегда), и Он обратился к собственному телу, желая узнать, можно ли изменить животный принцип работы организма, не разрушая при этом Материю: <Когда я жил в доме Четти [первое пристанище Шри Ауробиндо в Пондишери], то провёл без еды около двадцати трёх дней. Проблему я почти решил. Как обычно, я мог ходить по восемь часов в день. Умственные упражнения и садхана [йогическая дисциплина] проходили как обычно; по истечении двадцати трёх дней я совсем не чувствовал слабости. Разве что я начал худеть и не смог найти ключ к

возмещению материи тела. Закончив голодовку, я не стал следовать обычным правилам: начинать с небольшого количества пищи и понемногу увеличивать его. Я ел как обычно>. Как и Мать, Шри Ауробиндо не признавал никаких правил, даже физиологических. Он даже курил - толстые сигары, что совсем не в обычаях <йогов>. Однако, увидев, что запах табака не нравится Матери, Он сразу бросил курить. Словом йогин-джентльмен-террорист, неугодный закону и медицине. Но когда люди видели Его в белом дхоти (его конец Он перебрасывал через плечо, оставляя часть торса обнажённой), все называли его <Господин> и склонялись перед этим образом властного спокойствия, объятото неподвижным внутренним пламенем.

Затем этот огонь растаял в голубой бесконечности.

Не было недостатка и в шпионах. Шри Ауробиндо хорошо охраняли. Для своих шпионов британские власти сняли целый дом в Пондишери. Соглядатаи в штатском целыми днями сидели под дверью Шри Ауробиндо и записывали всё, что происходит, имена гостей... Чтобы оправдать слежку, они пускались на самые невероятные выдумки, лишь бы сохранить за Шри Ауробиндо репутацию <опасного террориста>. Даже среди шести <учеников> нашёлся шпион; узнав, что Шри Ауробиндо - <йог>, он перепугался и бросился к Его ногам. Шри Ауробиндо только безмятежно улыбнулся. Ему было всё равно. Шпион - тот же человек с двумя ногами, а кому придёт в голову следить за Риг-Ведой? Британские власти даже сфабриковали <секретные карты> и <компрометирующую> переписку, спрятали всё это в колодце и любезно попросили французскую полицию провести <обыск> (они шли на всё, чтобы оправдать своё рвение). Полицейский комиссар в белых перчатках прибыл с отрядом сипаев, перевернул вверх дном все комнаты, затем подошёл к столу Шри Ауробиндо - единственному в доме! - и обнаружил там книги на латинском и греческом языках. Оставалось только развести руками: <Он знает греческий! Он знает латынь!> Разве такой человек может делать бомбы? Мольеру вместе с Аристофаном и Риг-Ведой было над чем посмеяться. Словом, жизнь сполна.

Сверхразум

Вот такую обстановку и застала Мать. Ему было 42 года. Ей 36. Она вернулась к Шри Ауробиндо на следующий день после первой встречи, но уже с Ришаром. Вновь поднялась Она по той же лестнице, на Её длинных каштановых волосах была вуаль. Шри Ауробиндо ждал на просторной веранде наверху. Там стоял один крохотный стол, покрытый голубой хлопчатобумажной скатертью. За ним Он скоро испишет глыбу в пять тысяч

страниц - свою первую книгу. Деревянный стул с прямой спинкой, ещё два вряд ли более удобных стула, взятых накануне напрокат специально для гостей. Высокие лепные колонны на фоне пламенеющего неба. Шри Ауробиндо говорил с Ришаром о войне. Он знал о ней ещё в марте, хотя она разразилась в августе. При всём своём молчании Он знал многое, ведь границ разума для Него уже не существовало. <Я сидела на веранде. Перед Ним стоял стол; напротив Шри Ауробиндо сидел Ришар. Они беседовали. Я же сидела у его ног, совсем маленькая. Стол оказался прямо передо мной; он как бы прикрывал меня... Я ничего не говорила, ни о чём не думала, ничего не делала, ничего не хотела - просто сидела рядом с Ним. Примерно через полчаса я поднялась, и тогда Он сделал так, что в моей голове воцарилась тишина, причем я даже ни о чём не просила Его, и ничего не делала... Господи, сколько лет я пыталась поймать эту тишину - ничего не получалось. Сколько упражнений! Чем я только не занималась, даже "пранаяной", лишь бы это молчало - никакого результата! Я выходила из тела, (это не трудно), но внутри всё оставалось по-прежнему... А тут всё - конструкции разума, нагромождения мыслей - провалилось в яму. И в такую спокойную и светлую яму!.. Я старалась удержать это состояние. Я не разговаривала, воздерживалась от мыслей и старалась удержать это в себе - про себя я повторяла: "Лишь бы это продолжалось, лишь бы это продолжалось..." Как я была счастлива! Вот уж, действительно, награда за все труды. Всё - я ничего не знала, ничего не понимала, в голове не было ни единой мысли. Всё, что накопилось в результате моих опытов, сознательной и бессознательной йоги, за годы жизни, классифицированных и организованных переживаний (это был просто монумент какой-то), - всё это ушло! Это было великолепно! Без следа... Я словно родилась заново... А затем понемногу, капля за каплей, начало складываться нечто новое. У него не было границ, оно... велико как вселенная, но при этом удивительно спокойно и лучезарно. В голове - ничего, а над головой - оно. Оттуда оно обозревало всё. Оно никогда не покидало меня - если смотреть на него как на свидетельство силы Шри Ауробиндо, то эта сила ни с чем не сравнима! Чудеса! Это так и осталось со мной; я была в Японии - чем только я там не занималась: по-моему, я пережила там все возможные приключения, иногда даже неприятные, но это никогда не покидало меня - спокойствие, спокойствие, спокойствие...>

Обратите внимание, что всё это время продолжалась беседа с Ришаром, то есть преднамеренно Шри Ауробиндо не делал ничего. Сила передалась Материи от Материи или телу от тела совершенно непосредственно, минуя разум. Как заражение. Это супраментальная или сверхразумная сила.

Однако не надо полагаться на слова. Когда мы говорим <сверхразумный>, то представляем себе сверхинтуицию, сверхшироту сознания, сверхсилу, то есть, доведённую до крайности силу обычного человеческого интеллекта, имея в виду совсем другое. Речь идет о сознании Материи или сознании в Материи, которое способно к непосредственному и самопроизвольному действию.

Работа этой силы видна в птице, в животном, во всей Природе: она направляет птицу к цели, животного - к удовлетворению потребностей, атом - к орбите, причём всё это происходит с точностью до электрона, до миллионной доли меридиана. Точность поразительна. Мы говорим об <инстинктах> или <законах> Природы: мы ведь любим ярлыки; нам кажется, что можно изгнать беса тайны, поместив его в крестильную купель Науки, однако нам почти никогда не приходит в голову, что все труды самого совершенного интеллекта завершаются полным <Бессознательным>, чтобы не сказать глупостью. Нам не известно, как обстоит дело, но слово <инстинкт> вроде бы объясняет всё; скажи: <Закон>, - и всё в порядке! Действительно, всё в порядке - кроме нас. Всё вполне сознательно, только не мы - наше сознание ещё только становится, хотя в сердце маленькой птички или атома оно уже есть. Разве что <бессознательность> в том смысле, что инструмент не знает свою движущую силу (птица не понимает, что тянет её к тропикам или к известковой стенке яйца), должна сменить сознательная сила, сознательное движение и инструмент, знающий Силу, отдающий себя Силе и работающий прямо через неё. Сознательность - это внутреннее Сознание; вместо вечного бессознательного инструмента мы получаем инструмент сознательный. Итак, вместо долгого и окольного эволюционного пути, на котором Сознание должно пользоваться всё более и более сложными инструментами, пока дело не дойдёт до скорлупы разума, в котором оно узнает себя как индивидуальность со всеми искажениями и недомолвками разумной среды, мы имеем дело с тем же самым Сознанием, но <свёрнутым>, как говорил Шри Ауробиндо, в клетках и электронах, спрятанным на заднем плане жизни и разума, но в конце пути выявляющемся прямо, непосредственно, со всей своей силой в инструменте, который позволит ему работать без искажения и ощутит индивидуальную радость от знания того, что происходит, того, как это происходит и почему - и так повсюду и всегда, ведь Сознание едино, и Материя едина. Такое непогрешимое Сознание Шри Ауробиндо называл Сознанием Истины (ибо оно истинно по своей природе) или Супраментальным, Сверхразумом: <Даже в слепой Материи - говорит Он, - есть признаки тайного сознания. В своём скрытом изначальном существе оно способно ВИДЕТЬ и делать то, что соответствует его видению, с непосредственной точностью, неотделимой от его природы... Безотчётные поступки, осмысленные порывы бессознательной материальной Энергии мы вполне можем приписать силе свёрнутого, самопроизвольного сознания, обходящегося, в отличие от разума, без мыслей... А полностью и самостоятельно просветлённое Сознание Истины, которое мы связываем со Сверхразумом - ТА ЖЕ САМАЯ реальность, проявляющаяся на последней стадии эволюции в развёрнутом состоянии, как в материи, где оно было развёрнуто не полностью и несовершенно, так и в жизни, и в разуме, где оно было подвержено искажениям. Только на этой стадии оно получает естественную полноту, естественное совершенство и природную непогрешимую лучезарность>. <В бессознательном живёт сознательное Едино>, - говорит Веда. Эволюция происходит из инволюции - только свёрнутое может развернуться. Если в глубине атома нет Сознания, оно

никогда не появится в нём: без зерна не бывает плода, и сознание не может произойти из бессознательного. Долгий путь ведёт нас к самому началу, к чистой сердцевине первого атома.

Вот в этом <чистом> и заключается вся наша проблема.

Естественно, Шри Ауробиндо говорил с Матерью прежде всего о Супраментальном; в ту пору Он только нашёл подтверждение Своим изумительным открытиям в Ведах и даже сам не слишком хорошо представлял себе, как это работает, для Него это были, по Его собственному выражению, <джунгли>: <Заниматься нашей йогой - то же, что прокладывать тропу в джунглях; никаких дорог здесь пока не существует. Мне было очень трудно...> Нам всё ясно и просто, всё объяснено, дорога чиста, но если мы попадём в джунгли Амазонки, не занесённые ни на одну карту, даже не зная, где находится эта самая Амазонка, то даже не поймём, куда идти, налево или направо, никто не подскажет нам где находится Перу, нужно ли нам выйти к берегам Ориноко; даже если мы будем ходить кругами, мы всё равно этого не поймём - мы попали всё равно что в никуда. Потом, конечно, можно сказать: здесь истоки Амазонки, а здесь - Сознание Истины, но в самом Мраке вам не найти другого способа рассеять его, кроме как идти вперёд. Вокруг - <ничто>, а Амазонку ещё надо открыть; только внутренний компас направляет шаги подобно тому, как птица летит за десять тысяч километров к неведомой лагуне. Но чтобы этот компас работал, нужна чистота; чтобы десять тысяч идей не навязывали вам каждая свою дорогу, надо хранить молчание. Вслушайтесь во внутреннюю Амазонку, и она приведёт вас ко внешней или, точнее, создаст её по мере продвижения. <Ambulando solvitur>, - вот любимая максима Шри Ауробиндо: <Путь осилит идущий>. И Он шёл! Он хранил молчание, и Шакти свободно текла сквозь Него: подчинение, полное отречение, то есть полная прозрачность - это единственная сила. Если мы начнём возводить посреди дороги очаровательный Булонский лес, то так и останемся в нём - стены вырастают как по мановению волшебной палочки, стоит только подумать о них, а чтобы уйти в никуда и не замкнуться в <ничто>, будь это хоть высший свет, хоть что угодно, нужно настоящее мужество. Нового мира ещё НЕТ, вернее, он нанесён на будущие карты, но, тем не менее, мы уже продвигаемся через него, и каждый наш шаг ведёт к его невидимому, свёрнутому семени. Естественно, Шри Ауробиндо стало легче, когда Он смог поговорить с человеком, который наконец-то понимал Его. Теперь рядом с ним были не только шести- или семитысячелетние Веда. <О, да, я знаю!> - рассмеялась Мать, впервые услышав от Него о супраментальном творении. - <Я видела его наверху!> Речь шла об опытах в Тлемсене и ещё более ранних, в Париже.

И опять слова обманывают нас: наш язык состоит из <высокого> и <низкого>, <прошлого> и <будущего> - мы вынуждены описывать на трёхмерном языке мир, который никогда не знал трёх измерений: солнце ведь тоже никогда и нигде не <восходило>. Это мы вращаемся, мы путешествуем в сознании. С

этой точки зрения Сверхразум действительно находится <наверху>, в самом конце пути, девственный, как леса Амазонки, и Шри Ауробиндо с Матерью год за годом будут говорить о <нисхождении> Сверхразума на землю и будут <тянуть> его до некоего дня в 1956 году, когда он, наконец, <спустится>. Они путешествовали в Супраментальном, и так всегда бывшем здесь, как леса Амазонки, но Супраментальным эта среда становилась лишь по мере Их продвижения. Это труд пионеров. И всё же приключения сознания разворачивались не в бразильских джунглях, а в плотных слоях бытия, принадлежащих всему миру; цель этого приключения - связь с вечно присутствующим, но скрытым от нас идеями, чувствами, тысячелетними привычками существования и чувствования: слои громоздятся один на другом до самого дна наших клеток. Это путешествие ведёт нас сквозь тысячелетия, но в конце пути, когда мы доходим до последней оболочки электрона, когда всё становится прозрачным и чистым, нас ждёт Супраментальное. Тогда <верх> сливается с <низом>, <будущее> возвращается к <настоящему>, карта нарисована. Амазонка изучена, путь окончен. Прозрачность и явленность. <Тамошнее> становится <здешним>. Мы оказываемся в вечно-здешнем; оно было свёрнуто в сердце атома, но наше путешествие, каждый шаг которого вело именно оно, развернуло его. Первую связь создали Шри Ауробиндо и Мать. И всё-таки <Супраментальное> оставалось почти что ничем, <тамошним и горним> в видениях будущего, таинственным образом угаданных в клетках тела (Шри Ауробиндо и Мать смутно прозревали его в своих телах), а между будущим и клетками оставался всё тот же замутнённый мир. В нём надо было установить прозрачность и чистоту подобно тому, как первой обезьяне пришлось очиститься, чтобы старые обезьяньи механизмы не заглушили первых ментальных вибраций. Только в нашем случае речь идёт не об одном уровне, а о всех эволюционных уровнях вплоть до первой механики жизни в Материи. Однако через посредство Разума на всех уровнях работает одна и та же Сила, она не меняется, будь перед ней хоть булыжник, хоть тело; в зависимости от того, к какому уровню приложено её усилие, мы говорим о ментальной, витальной или атомной силе. Действительно, вибрация может быть ментальной, витальной или атомной, но Сила остается прежней - супраментальная Шакти разной степени чистоты. В начале и в конце - чистая Шакти. Шри Ауробиндо в 1913 году в письме одному из учеников, жившему в Калькутте, так определил условия супраментальной йоги: <Спокойное сердце, чистый ум и уравновешенность - вот первое требование для нашей Йоги>. То есть, прозрачность на всех уровнях. Мать называла это <очищением Материи>.

Нет ничего удивительнее, чем внезапно обнаружить, что тело умнее нас, что оно великолепно видит, что оно обладает простой и невероятной силой, скрытой разве что нашей привычкой к разуму. <Озарение> тела. Наверное, так же удивился некий древний человек, обнаружив, что одна секунда размышлений подарила ему лук. Сила тела. Видение тела. Непосредственное познание материи.

Вот с этим и столкнулся Шри Ауробиндо по ту сторону Нирваны. Это произошло во время Его опытов в Калькутте. В конце путешествия мы возвращаемся к началу всех вещей.

Настоящее освобождение - в теле.

15

ПЕРЕВЁРНУТЫЙ ВУЛКАН

Шри Ауробиндо наугад продирался сквозь джунгли Сверхразума. О том, чем Он занимался, мы можем только догадываться. Он исписал тысячи страниц, охотно и подолгу беседовал с первой группой учеников и Ришаром, но никогда не рассказывал о практических секретах тела - возможно, никто не понял бы, а <объяснять> тут что-либо бесполезно: на уровне тела надо жить, переживать. Шакти тела - это не геометрия и не тропы к Нирване, этому не научишь. Каждый должен идти, а может быть, даже искать свою собственную дорогу, потому что все тела разные, и препятствия одного - вовсе не помеха для другого. Я очень удивился, когда Мать в 1962 году сказала: <Шри Ауробиндо ушёл, не открыв нам своей тайны>. Чтобы раскрыть её и узнать, что именно Он делал, пришлось ждать одинокой йоги Матери. Вот, в чём тут дело: Шри Ауробиндо никогда ничего никому не навязывал, можно даже сказать, что он никого не учил. Просто Он запускал глубинные механизмы на материальном, физиологическом уровне, и те совершали свою невидимую работу в человеческих телах и в теле земли. Однажды они неожиданно вынырнут изнутри в телах тех, кто готов. Словом, Шри Ауробиндо дал толчок истине Материи, а та работает сама - возможно, во время беседы с Ришаром произошло нечто подобное: Он ведь ничего не делал; простое материальное излучение установило в голове Матери тишину. Никакой концентрации, никакой силы воли, в отличие от прочих йогов: заговорила, так сказать, сама Материя. Мать заразилась тишиной Шри Ауробиндо. <Заражение> - главный ключ к механике супраментальной силы. Она навязывается не снаружи (в чём состоит порок всех сил), а пробуждается внутри и желанна для внутреннего существа. По правде говоря, хоть это и звучит как парадокс, Супраментальное - единственная вещь в мире, не являющаяся <силой>. Это Истина Материи; лишь благодаря своему существованию она обладает возможностью действия - это просто, самоочевидно и естественно. Это сама естественность. Сила заключается в самом существовании. Тишина в материи Шри Ауробиндо автоматически распространялась на любую материю, готовую ответить ей. Прочие силы терпят крах потому, что навязаны изнутри и, как мы уже говорили, их действие ограничено принуждением. Только то, что есть, никогда

не узнает поражения. Удивительнее всего то, что только Материя, кажется, обладает силой существования в чистом виде - силы других уровней знают приливы и отливы, они вспыхивают, гаснут, превращаются в призраки и рассыпаются в прах. А эта сила неизменна. Тело как будто оказывается самой устойчивой в мире вещью. Узнав что-либо, оно никогда не забудет своего знания. Но узнать должно именно оно. Поэтому учить его бесполезно. Помочь может только заражение Материи. Шри Ауробиндо и Мать хотели распространить супраментальное заражение по всей земле. Вот почему Мать сказала: <В мировую историю Шри Ауробиндо пришёл не с учением и даже не с откровением, а с решительным действием, идущим прямо от Высшего>. Неважно, верим ли мы в Высшее или в Шри Ауробиндо - он не претендовал на роль ещё одного бога в веренице спасителей человечества - если бы для изменения земли нужны были наши верования, нам бы пришлось ждать ещё несколько тысячелетий, такова уж природа Разума: сначала он уверует, затем разуверится, и, наконец, поверит снова. А Материи вера не нужна; для Нёё чувствование - та же вера. Шри Ауробиндо работал непосредственно в Материи. Возможно, Он хотел, чтобы Материя поверила в саму себя.

Так что же он делал?

Работа над материей

Сначала Он взялся за свою собственную материю, и здесь мы можем найти некоторые намеки. В 1912 году Шри Ауробиндо писал ученику в Калькутту о том, как Он получил иммунитет и как работает с ним. (В общем, Он не слишком заботился о своем здоровье - <своего> у него вообще было мало, но болезни - это ложь Материи, помутнение, соответствующее ментальной глупости). Итак, в этом письме Он рассказывал: <Я не без успеха пытаюсь усовершенствовать его [этот иммунитет], устраивая ему испытания в самых ненормальных условиях>. Единственный способ заставить материю работать - это получить от неё отклик. Работать над простудой или зубной болью - примерно то же самое, что корпеть над пыльными страницами <Феноменологии духа> или умирять вихрь реактивных эмоций. Вместо того, чтобы хвататься за аспирин, вы изучаете движения, которые ослабляют клетки мозга, например. То же самое происходит и в химическом эксперименте: у такой-то вибрации такой-то эффект, это отношение его нейтрализует или усиливает, а то проясняет, как капля гидрата соды в растворе йода. Эксперимент повторяется до тех пор, пока он не станет ясным, точным, самопроизвольным и не проникнет в клеточную материю. В общем, <проникнуть в материю> - то же самое, что и <очистить материю>, поскольку дело сводится не к тому, чтобы что-то добавить к ней, а к тому, чтобы избавить

её от мути эволюции - без неё материя чиста, естественна и сильна по самой своей природе. Настоящая естественность лечит всё: к ней нечего добавлять, она просто есть. Восстановление чистой, подлинной Материи (или истинного физического, по выражению Шри Ауробиндо) - высшая задача трансформации. Но для этого придётся один за другим вычистить все слои. Честно говоря, мы не знаем, о каких <ненормальных условиях> говорил Шри Ауробиндо. Они могли быть незаметны как насморк (нет ничего менее <заметного>, чем супраментальная йога: самое нужное кажется пустяком, и его можно найти в любое мгновение - за разговором с соседом или на лестнице; это самая неприметная йога). Всё, что нам известно - это то, что Он экспериментировал с едой, голоданием (об этом мы уже говорили), даже наркотиками (только не ради <переживаний> - Господи упаси! - совсем наоборот; Он старался сохранить контроль над нервной системой и чистоту рефлексов после принятия огромных доз опиума и гашиша, - любого другого человека это попросту уничтожило бы или ввергло в Нирвану). Вообще, Он любил слово <экспериментировать>; <Несколько лет дни и ночи напролёт я экспериментировал куда более тщательно, чем учёный, проверяющий правильность своих теорий и методов в физическом плане>. Однажды у Него воспалился и покраснел глаз. Один из учеников заметил, что виной тому, вероятно, дым от Его сигары. <Подожди>, - сказал Шри Ауробиндо (возможно, Он усмехнулся и закурил новую сигару), принялся ходить, а спустя два часа воспаление и краснота полностью прошли. При этом Шри Ауробиндо, в отличие от йогов или целителей, не пускал в ход ментальную или витальную энергии. Он даже не сосредоточивался на своём глазе: просто ритм ходьбы помогал восстановить естественный поток Шакти. Он научил клетки отвечать только на влияние чистой Шакти - такая вот программа. Он разворачивал её в течение 36 лет. <Мне нужно, чтобы работа супраментальной силы заключалась не во влиянии на физическое и придании ему экстраординарных способностей, а во вхождении в физическое и его насыщении, то есть полном превращении в физическое, несущее в себе супраментальное>, - то есть в чистое физическое, избавленное от всех эволюционных довесков и искажений и располагающее своими нормальными силами. Ведь <в каждой частице, каждом атоме, каждой молекуле, каждой клетке Материи в тайне и неведении живут и всеведение Вечности, и всемогущество Бесконечности>.

Работа над собственной материей была для Шри Ауробиндо подготовкой к работе над Материей земли. Но опыт открыл, что такого разделения на самом деле не существует: <твоей> или <моей> Материи нет; она одна. Одной из самых ужасных иллюзий, возросших на добром поле эволюции, является убеждение в том, что черепная коробка отрезала нас от внешнего мира. <Сначала надо прилагать садхану [то есть работу над собой] к ничему не значащим вещам, и только потом - к своей жизни> - замечал Он в письме 1914 года. Переход от насморка к битве на Марне вполне уместен. Это кажется шуткой, но попробуйте найти людей, которые могут понять единство и слаженность всего поля земли и увидеть мировой резонанс слабенькой

вибрации в клочке материи, - для этого нужны глаза без всяких шор. Еще в 1913 году Шри Ауробиндо описал в письме четыре пункта своей программы: <Я пытаюсь наладить нормальную работу сиддхи [сил или способностей] в жизни, а это подразумевает: во-первых, восприятие мыслей, чувств и событий, связанных с другими существами и другими областями мира без посредства слов или подобного рода информации; во-вторых, передача избранных мыслей и чувств окружающим (людям, группам, нациям) простым усилием воли; в-третьих, принуждение этих людей, групп и наций поступать в соответствии с переданными им чувствами или идеями, в-четвёртых, влияние на события, происшествия и их последствия для мира простым, и безмолвным волевым усилием... В первых двух пунктах, и даже в третьем, я уже достаточно преуспел, хотя и не достиг совершенства. Только в четвёртом пункте я встретил серьёзное сопротивление. В общем, [говорит Он в том же письме] я пытаюсь применить знания и способности для воздействия на события и обстановку во внешнем мире, не прибегая ни к каким инструментам физического воздействия>.

Наверное, тяжело понять, как с веранды, где человек ходьбой заставляет Шакти течь сквозь его тело, можно перейти на огромную мировую арену. На самом деле всё очень просто: когда в нас установится ясность, ясен весь мир. <Вы> ни от чего не отрезаны: всё рядом, столь же отчётливое, как биение вашего сердца. Нужна только ясность, и никаких <я>. <Я> - это Великая Китайская стена. Пока оно существует, нет места для остального мира. Чтобы понять, то есть, вместить в своё сознание, а возможно и тело, часть мира, эту преграду надо разрушить в первую очередь. Тогда только и понимаешь, как, вылечив воспалённый глаз, можно вылечить опухоль, если это необходимо, в любом месте Земли, хоть в Сербии, хоть в Бенгалии. Шри Ауробиндо достиг момента, когда физическое <я> (индивидуальность тела) должно исчезнуть, чтобы работа в Его собственной материи распространилась на Материю в целом. Начальная ступень - удаление <я> в голове (это сложнее всего), затем - в реакциях, в чувствах и наконец - в теле. <Можно сказать, - писал Он в 1913 году, - что моя субъективная садхана завершилась и увенчалась долгой реализацией и концентрацией на Парабрахмане [то есть высшем Единстве, или, если угодно, высшей Прозрачности], длившейся несколько часов и охватившей всё моё существо за исключением физического <я>, которому для освобождения от случайных рецидивов и поверхностных прикосновений старого раздробленного существования нужна другая реализация>.

Оставалась только <объективная> садхана. Тут и приехала Мать. Когда ученик спросил Шри Ауробиндо, как Сверхразум в Его теле может изменить землю, Тот ответил просто: <Если Супраментальное спустится в наше физическое, это будет означать, что оно низошло в Материю>. Со своим обычным юмором Он добавил: <По крайней мере, вы же допускаете, что во мне тоже есть какая-то материя, а кроме того, вам сложно будет отрицать, что она сообщается или

даже (что бы там ни утверждала квантовая теория) неразрывно связана с материей в целом>.

Но при этом Шри Ауробиндо видел и изнанку единства Материи: человек существует повсюду, во всём... да, только он ещё и поглощает всё. <Во мне она [сила] пытается проявляться сразу, как только это позволяют дефекты моего разума и тела, но кроме них - и это важно - она учитывает пороки моих друзей и ближайших помощников, - писал Он в июне 1914 года. - Дело в том, что я должен принимать их духовно, поэтому они вполне могут задержать моё развитие. Я продвигаюсь вперёд, но на каждом новом этапе приходится возвращаться и брать на себя груз несовершенства, поступающий извне>. Для Матери и Шри Ауробиндо это останется громадной проблемой до самого конца.

Работа над миром

Каждый день, примерно в половине пятого Она навещала Шри Ауробиндо. Мать поселилась неподалеку от него, в маленьком домике на улице Дюплекс рядом с Домом Правительства. Со своей террасы Она видела комнату Шри Ауробиндо. Когда приходила Мать, ученики отправлялись играть в футбол, а Она готовила чай или какао для Шри Ауробиндо. С Её появлением дом начал изменяться: появились новые полотенца, на стопках книг, стоявших во всех углах и даже на стульях для гостей стало меньше пыли. Хозяин мог пить свой любимый чай всё чаще - Он пил крепкий чай в любое время дня и ночи... если кому-то приходила в голову мысль заварить его. Шри Ауробиндо взял себе за правило ни о чём никого не просить и со всеми держаться как равный. Как-то раз, случайно задев ногой ученика-тамильца (им был Амрита, будущий казначей Ашрама), Он поднялся со стула, чинно поклонился и произнёс: <Прошу прощения>. Вокруг Него собирались довольно странные и разные люди, но все уважали и любили Его - в Шри Ауробиндо чувствовалось <что-то> необычное: Мать, например, никогда не сидела в Его присутствии на стуле, но всегда на полу, у Его ног. Ученики, видя это, понемногу начинали понимать, что их учитель был особенным человеком. Им даже в голову не приходило, что Шри Ауробиндо молча работает над ними, что они, сами того не ведая, вступили на путь йоги, а через их обычные занятия и рассказы о футболе их учитель работает над всей молодежью. Как? Пока мы не усвоим, что каждый человек представляет собой весь мир в миниатюре, и что, прикоснувшись к одной точке, мы касаемся всех сходных с ней точек, нам этого не понять: <Каждый представляет некий тип человечества; если будет завоёван один тип, то это будет означать огромный шаг в нашей работе>. Всё взаимосвязано, хотя нам и трудно понять это. В 1913 году Шри Ауробиндо писал ученику в

Калькутту: <Также я приступил ко второму этапу моей работы: надо создать людей для нового века. Тем, кого я выберу, я дам сиддхи [силы]. С этой точки зрения, наша маленькая колония оказывается питомником, лабораторией. То, что я выращу в этом питомнике, затем распространится во внешнем мире>.

Но всё это разворачивалось в полном молчании, можно даже сказать в полном неведении <подопытных>, что для Шри Ауробиндо было главным козырем и залогом успеха: <ученики> не считали себя учениками, они не знали, что занимаются йогой, а потому и не обменивались своими <идеями> относительно йоги друг с другом и со Шри Ауробиндо, - действительно, наши идеи о вещах становятся самой главной помехой; стоит задуматься, и тотчас вокруг вырастают стены: <это надо, это не надо, это можно, это нельзя, это достойно йога, это - нет>, - нам достаточно трёх минут, чтобы составить подобный список. И никто уже с нами не сладит. Мы полагаем, что без <понимания> у нас ничего не выйдет, однако лучше всего развитие идёт при полном нашем неведении, когда мы ищем неизвестно что, бредём наугад и сломя голову бросаемся в неизвестность. Усилия <понять> приводят только в тюрьму понимания. Чтобы разрушить наши благие идеи, нужен тяжёлый молот, - они куда прочнее дурных мыслей. Последним, по крайней мере, хватает скромности, чтобы признать, что они глупы. В 1914 году в письме ученику из Чандернагора, интересовавшемуся тантрическими учениями, Шри Ауробиндо сделал поразительно яркое замечание, хотя оно даже не бросается в глаза: <Я сейчас развиваю силу, которая, если моя работа будет завершена, сможет автоматически достигать нужного эффекта с помощью любого метода> (подчеркнул Шри Ауробиндо). Даже футбола. Мы говорим: <это подходит, а это не подходит, это опыт, а это - нет>, - но ведь всё суть Опыт! Подходит всё, всё ведёт в нужную сторону, Материя сама преобразует себя и средства для неё не очень важны. Нас обманывает ментальное воспитание. Несмотря ни на что, мы думаем, что следующая стадия эволюции пройдёт через разум и мы получим нечто вроде сверх-интеллекта, но эволюции нет дела до интеллекта! Если даже ни один человек ничего не поймёт, это отсрочит появление нового вида не более, чем крики древних млекопитающих задержали приход человека. <Эта йога предназначена для жизни и только для жизни>, - воскликнул Шри Ауробиндо, когда Его спросили, не означает ли Его уход поисков спасения. Спасения нужны Разуму; он придумывает учения, строит райки и мельницы (а также преисподние), но даже миллионы часов медитаций и все учения на свете не дадут спасения жизни.

Сила, способная <автоматически достигать нужного эффекта>... Слово <автоматически> часто появлялось в Его письмах 1912 - 1914 годов. Шри Ауробиндо, наверное, прикоснулся к вселенскому механизму. К центральной точке.

Первого августа разразилась война. В воды Пондишери, словно чтобы показаться Шри Ауробиндо, вошёл германский крейсер <Эмден> и дал несколько залпов по Мадрасу.

Через две недели, в день своего сорокадвухлетия, Шри Ауробиндо закончил первый номер <Арьи>. Он никого не хотел <учить>, и всё же целых семь лет, день за днём, писал - глыба в пять тысяч страниц, на которых Он обратил к людям призыв к новой эволюции. А в это время Европу сотрясали тёмные судороги старой эволюции, волны расходились по всему миру и затихли лишь шестьдесят лет спустя. Кто-то словно дёрнул за скрытый мировой рычаг и, вместе с тем, прикоснулся к всемогущей и безначальной силе в сердце <любой частицы, любого атома, любой молекулы, любой клетки Материи>; казалось, что потревожен корень Смерти. Начиналось долгое умирание Смерти. За год до войны Шри Ауробиндо в письме ученику из Чандернагора, говоря о <йогической садхане, которая поможет восстановлению Сатья Юги> - Века Истины, добавил: <Эту работу надо начинать сейчас, но завершится она только к концу Кали Юги>. Нисходящей тропой мы ведём мир... к высшему источнику. Прикоснуться к одной точке материи, не затронув Материю в целом, невозможно. Победить смерть, не выкорчевав её корни из сознания каждого человека, группы или нации, невозможно. То, что тысячелетиями уютно жило под нашей мудростью, моралью, религией и спасением, сегодня вышло на поверхность - это оно скачет и копошится во внешнем мире. Вор изгнан из своего главного убежища; он бежит от двери к двери, угрожая бомбами и террором, но он уже пропал, прятаться негде, никакая мудрость больше не приютит его, маски кончились, он гол и испуган. От него идёт по всему миру волна наготы и прозрачности, и в конце концов на земле не останется ни единой тайной расщелины, ни единой конструкции разума. Тогда вспыхнет то, что есть.

Первой книгой стала <Тайна Вед>. Начало цикла совпало с его концом, первая тайна открывалась самой последней. <Наши отцы криком сокрушили твердыни (подсознательные крепости пани или воров Истины), они разбили скалу (то есть скорлупу Материи)... Гора раскололась надвое, и появилось небо>.

Высокое встречает низкое, всё заключено в одном.* *Савитри.

Медленно, сквозь слои темноты, начиная с подсознания немцев, а затем и других народов, устанавливалась связь с изначальной скалой. Сознанием Истины в глубине Материи. Ведические Риши называли его <Солнцем Истины>, Савита, - это солнце атома. <Ох, уж мне эта философия! Скажу вам по секрету, я никогда в жизни не был философом>, - воскликнул Шри Ауробиндо, когда кто-то говорил с Ним о Его <философских> трудах. <В "Божественной Жизни" нет ни грана философии, одни ФАКТЫ. Это то, что я видел и пережил>. Семь лет подряд Он будет рассылать по миру эти <факты> подобно тому, как Риши криком дробили скалу.

У Шри Ауробиндо была странная манера писать. Он садился за свой маленький <Ремингтон> и сразу печатал текст без каких-либо черновых вариантов и помарок - минимум шестьдесят четыре страницы в месяц, а Мать регулярно, пятнадцатого числа каждого месяца относилась Его рукописи в <Модерн Пресс>. Он сам правил гранки и делал всю работу. <Обычно я заставлял его за пишущей машинкой, - рассказывал Его младший брат Барин. - Вместо того, чтобы записывать свои мысли от руки, он пользовался машинкой... Он взял за правило просматривать не менее пяти оттисков каждой печатной формы. В Ауробиндо не было ничего от обычной индийской небрежности. Он всегда работал с бесконечным терпением и прилежанием, словно то, что он делал, шло от чистой и прозрачной энергии - терпение, тщательность, ни малейшего следа спешки или лени>. Даже Барин, не знавший вообще ничего (он-то и <делал бомбы>, за что был выслан англичанами на Андамские острова), заметил <прозрачную энергию>. Удивительно, но Шри Ауробиндо писал книги не по порядку: Он взялся сразу за три труда. В первом номере <Арьи> были напечатаны начальные главы <Тайны Вед>, <Божественной Жизни> и <Синтеза Йоги> (последние две книги содержат более чем по тысяче страниц). Позже Он будет писать сразу по пять, а то и по шесть книг. Ни один писатель, хотя бы немного знающий, что такое написать книгу, не сумеет представить подобного феномена; если отбросить внешнюю сторону, то речь идёт о другой организации сознания. Переберите всех гениев мира, и всё равно вам не удастся представить себе Платона, сочиняющего одновременно <Федра>, <Государство> и <Законы>, или Гёте, работающего разом над <Фаустом> и <Вильгельмом Мейстером>. А ведь ещё были стихи и драмы, не публиковавшиеся в <Арье>, и огромная переписка... Нет, это не человеческий и даже не сверхчеловеческий гений, это вообще не гений: здесь всё дело в другом порядке сознания. <Он устанавливал в голове тишину и садился за машинку, - рассказывает Мать. - Всё, что должно было быть написано, шло сверху, из высших областей, а Ему оставалось только бить по клавишам: книги писались сами>.

Однако феномен ещё интереснее, чем нам кажется: слова <сверху> достаточно разве что для детей, оно никоим образом не объясняет, как человеческое, то есть ментальное сознание может одновременно плести десять тысяч нитей и при этом слагать вполне связные и логичные фразы, не используя мозг! Что организует такую цельность знания и вдохновения?.. <Наверху> всё цельно и как бы сжато в сгусток света - вступив в контакт с высшими областями, человек великолепно видит это. Всё как одна сфера живого тока-света. А в Материю это должно спускаться последовательно, фраза за фразой, если только у человека не несколько рук, как у бога Ганеша, - поток струится по капле, если только у нас нет с полдюжины мозгов, работающих одновременно. То же самое касается и <вдохновения> - на пустом месте его не бывает. А как заставить ураган войти в воронку? В какую воронку? Ну конечно, в логическую, ведь обращался Шри Ауробиндо к существам всё ещё разумным,

хоть и делал это затем, чтобы разбить их ментальную скорлупу. Мать дала ответ на все наши вопросы, однако ответ оказался ещё таинственнее самой проблемы, ибо он ведёт нас к новым вопросам: <Сознание Шри Ауробиндо пребывало наверху, в Супраментальном [опять это "наверху", ничего, честно говоря, не означающее], а слова слагал некий род сознания, находящийся В РУКАХ. Сам Шри Ауробиндо понимал слова только тогда, когда они появлялись на бумаге>. Мать добавила: <С точки зрения интеллекта, "Арья" совершенна: чистота, порядок, логика. И всё же интеллект тут совершенно ни при чём>. А что <при чём>? - Руки. Когда они били по клавишам, Шри Ауробиндо, так сказать, <узнавал> то, что писал. Материальное сознание, сознание телесной материи к рукам делало всю работу. Шри Ауробиндо хранил полное молчание и полную прозрачность, а Материя продвигалась сквозь философские джунгли с уверенностью птицы, в первый раз в жизни летящей прямо к неизвестной лагуне. Дорогу знают её крылья. Если нам хочется отодвинуть проблему на несколько поколений назад, мы можем говорить не о крыльях, а о <хромосомах>. И всё равно, однажды перед нами встанет этот вопрос. Сталкиваясь с Материей, мы понимаем, что Сознание в ней может создавать философские системы с той же лёгкостью и совершенством, с какой она создаёт птиц и землетрясения. Оно точно, а его разумность превышает все наши понятия о гениальности. Это Сознание Истины. Слово <наверху> имеет смысл пока речь идёт о промежуточных плотных слоях (даже разум имеет свою плотность), но как только всё проясняется, <высокое встречает низкое, всё заключено в одном>. В сердце Материи бурлит ураган света и слышатся ещё неизвестные песни, которые утешат нас, когда мы покинем галеры Разума. Так Шри Ауробиндо напишет за семь лет девятнадцать томов, с криком Истины стучась в мир.

<Перевернутый вулкан>, - сказала Мать.

Последнюю точку в своем <учении> Шри Ауробиндо поставил, объявив голосом, спокойным как широкая река, уверенно текущая сквозь вечность: <Даже если бы вся "Арья" была уничтожена или вовсе не появилась на свет, со Сверхразумом бы ничего не случилось>.

Божественный человек

Супраментальное - факт эволюции, он так же неизбежен, как появление на земле растений и животных, поэтому мы движемся к нему, даже если не верим в это. Впервые на земле тот, кого мы называем <пионером> эволюции, пришёл, чтобы делать, открывать путь, а не проповедовать, учить или открывать. Путь открывается в теле, а не в мысли. Открывшись в одном теле, он автоматически

откроется в теле земли. И никакие слова ничего тут не изменят. Но даже разумом мы можем понять, можем ускорить ход эволюции - сократить невзгоды. Возможно, мы способны увидеть в мире что-то новое и интересное, проследить, как в многообразии микроскопических материальных деталей разворачивается величайший переход, для предыдущих биологических видов оставшийся незамеченным. Однако этот гораздо существеннее, чем тот, который привёл к появлению человека: речь идёт об окончании животной эволюции - уже не Материя наугад создает новых животных, а само Сознание непосредственно творит свои формы; оно было скрыто в Материи, потребовались миллионы лет и невероятное количество инструментов, чтобы Сознание расцвело в человеческом теле. Вместо мозга оно воспользуется чем-то другим. Вот это <другое> сейчас и формируется - нечему учить, и не во что верить: надо видеть. Главное - смотреть в нужном направлении. Ведь реальная эволюционная функция мозга - наблюдение, и он должен выполнять её до тех пор, пока мы не перейдём к радикально новой форме. Вот и тысячи страниц трудов Шри Ауробиндо приглашают нас не к бессмысленной суе и заделыванию древних трещин (это то же самое, что пытаться остановить землетрясение), а к наслаждению зрелищем. На наших глазах разворачивается великое потрясение Сознания в Материи. Студент из Калькутты спросил Его, не собирается ли он <готовить людей>: <Нам ведь нужны люди>, - а Шри Ауробиндо ответил: <Этим я занимался достаточно, и теперь это может делать каждый; сама Природа сейчас готовит людей. Моя же работа состоит не в подготовке людей, а в создании божественного человека>.

Но и божественный человек станет лишь первой ступенью на пути к <другому> (можно сказать, первое создание, которое отдаст свое тело Опыту). Шри Ауробиндо назовёт его ведическим словом <арий> (откуда и название журнала <Арья>): <Согласно Ведам, арийские народы объединял особый тип самодисциплины>. Шри Ауробиндо особо подчёркивал, что арий идет на завоевание самого себя (корень ар означает труд и битву): <Арий борется и преодолевает всё, что мешает движению человека в нём и вне него. Первый закон его природы - завоевание самого себя>. Действительно, речь идёт о том, чтобы наперекор тысячелетним привычкам отвоевать у материи нечто очень сложное. Это йога завоевателей и героев. Мать как обычно проникла в самую суть проблемы - завоевание смерти, - и прекрасно очертила весь круг вопросов, связанных с ней. Она говорила: <Смерть вовсе не обязательна, это случайность; до настоящего времени она происходила всегда (во всяком случае, так казалось), а мы умом и волей решили победить её. Однако битва предстоит ужасная и тяжёлая - против всех законов природы, всех мнений и всех земных привычек. Поэтому если вы не бесстрашный воин, то лучше вообще не приходить на поле боя. Нужна беззаветная отвага, так как в каждую секунду придётся сражаться со всеми установлениями разом. Это нелегко. А на индивидуальном уровне это битва против самого себя, ведь если вы хотите, чтобы ваше физическое сознание достигло состояния, позволяющего физическое бессмертие, вам понадобится такая степень свободы от всего, что

представляет физическое сознание сегодня, что сражаться придётся каждую секунду. Надо одолеть, преобразовать и освободить от привычек все чувства, ощущения, мысли, рефлексy, пристрастия, предубеждения - словом, всё, что у вас есть. В этой ежесекундной битве вас подстерегают тысячи противников>. Шри Ауробиндо в первом выпуске <Арьи> так перечислял три победы ария: <Он побеждает землю и тело, не соглашаясь, в отличие от обычного человека, на смертную рутину, ограничения, инертность и косность... Он побеждает жизнь и витальные энергии, не подчиняясь их прихотям и желаниям и отказываясь быть рабом их страстей... Он побеждает разум и его привычки, он покидает скорлупу неведения, унаследованных предрассудков, общих идей и расхожих мнений...> Вот такая программа.

Шри Ауробиндо принёс меч стране, потратившей две тысячи лет на экстатическое созерцание так же, как прежде принёс его мирным конгрессменам, пытавшимся добиться независимости с помощью разглагольствований о политике. <Вооружённое восстание> переместилось в йогу, а <независимости> Он искал повсюду, вплоть до собственного тела. Нам пятьдесят лет твердили о <ненасилии>, однако сегодня мы видим, что даже в Индии так называемый пацифизм в незапятнанных одеждах выскакивает из тёмных глубин и бросается на нас лишь потому, что нам не хватило смелости принести войну даже туда. Нет, Индию освободило отнюдь не ненасилие, а Сила, приведённая в движение в начале века Шри Ауробиндо несмотря на ненасилие. Пацифизм - ещё один <священный миф>, не подлежащий обсуждению в эпоху, когда пигмеи стали королями. <Никакого мира не будет, пока сердце человека не заслужит его: закон Вишну [бога любви] не одержит верх до тех пор, пока долг Рудре [богу разрушения] не будет уплачен. Как проповедовать закон единства и любви неразвитым людям? Конечно, наставники в этом законе нужны, ибо только так может прийти последнее спасение. Но до тех пор, пока в человеке не вызреет Дух Времени, высшая и внутренняя действительность не перевесит внешнюю и сиюминутную реальность. Христос и Будда пришли и ушли, а мир по-прежнему остаётся в кулаке Рудры. Жестокий труд прогресса человечества, угнетённого и раздавленного силами, живущими эгоизмом и служащими ему, взывает к мечу Героя и слову пророка борьбы>.

Ещё до основания Ашрама, в самый разгар первой мировой войны Шри Ауробиндо объявил: <Мне нужны сильные люди, а не дети с неустойчивым состоянием души>. Действительно, чтобы спуститься к тайнам тела, нужна хорошая закалка.

И абсолютная неподвижность. Шри Ауробиндо вовсе не знал движения - ни трепета мыслей, ни вибраций чувств - индивидуальности в Нём было не больше, чем в кристально чистом горном воздухе. А внутри - вулкан. Неподвижный вулкан. Поистине, союз двух полюсов: абсолютный динамизм и полная неподвижность, будто Динамизм рождался в Неподвижности. Таково

супраментальное сознание: противоположности превращаются в нечто третье и получают настоящую силу.

Новая эволюция

Как далеко Он видел!.. Перед бегством в Чандернагор, в 1910 году, когда Европа и весь мир пребывали в сладкой дреме - китайская революция ещё не начиналась, цари чувствовали себя уверенно, Вильгельм II только обдумывал планы <передела колоний>, а Эдуард VII <Миротворец> сидел на троне императора Индий (вы только посмотрите - одни <миротворцы>, откуда же войны берутся?!). - в 1910 году Шри Ауробиндо в беседе с изумлённым корреспондентом еженедельника <Индия> сделал поразительное заявление или, скорее, пророчество: <В 1907 году началась новая эра, полная надежд для Индии. Революционные потрясения и изменения ожидают не только Индию, но весь мир. Верх станет низом, низ - верхом. Угнетённые и обездоленные поднимутся. Новое сознание и новые мысли будут одушевлять нации и человечество в целом, новые усилия поведут к новым целям. В результате этих революционных изменений Индия станет свободной>. А до освобождения оставалось тридцать семь лет. Что за огонь горел в Нём? В тот период Он подписывал все письма именем Кали, Воительницы миров, могущественной Матери, что тревожит миры и сердца потому, что любит людей не за их маленькие добродетели и безгрешную белизну, а за Истину в их сердцах и величие, превосходящее любой наш гуманизм. Ибо на самом деле Мать, Та, которую зовут Матерью Индии, Шакти, которой служил Шри Ауробиндо и которую он славил как своими делами, так и произведениями, и молчанием, - это Сила, всемогущий Огонь, ведущий миры к их эволюционной вершине. Без Нёе можно медитировать целыми тысячелетиями, создавать электронные и демократические райки и без конца вращаться в замкнутом кругу... пока Она не взорвёт наши райки и карликовые добродетели, чтобы вытолкнуть нас в божественную Жизнь на земле и подтолкнуть к божественному Человеку в теле. <Это несокрушимая сила, осуществлённая страсть силы, божественное насилие, сокрушающее все границы, все препятствия. Её божественность полностью выплескивается в великолепии действия; скорость, действенность, прямой и быстрый удар, лобовой натиск, сметающий всё на своём пути. Воительница Миров без колебаний вступает в битву... Её дух непреклонен, воля и зрение высоки и далеки как полёт орла, шаги быстры, на восходящей тропе, а руки всегда готовы ударить или спасти. Ведь Она также и Мать, её любовь столь же сильна, как и её ярость... Для врага её гнев грозен, для слабого и трусливого её натиск ужасен, но великий, сильный и благородный человек любит её и поклоняется ей, ибо чувствует, как её удары сокрушают сопротивление материи и превращают её в чистую энергию и совершенную

истину... Без неё то, на что уходит день, длилось бы века, без неё Красота осталась бы обширной и тяжёлой, или мягкой, нежной и прекрасной, но потеряла бы огненную лёгкость своей абсолютной силы... Только с ней существует победоносная сила Божественного; по милости её огня, страсти, скорости сегодня мы можем достичь великого завершения, не дожидаясь при этом могилы>.

Это <Сила, из явного зла извлекающая максимум добра>, - писал Он в одном из первых выпусков <Арьи>, когда в Европе разгоралась кошмарная <окопная война>. В этой простой и короткой фразе заключён целый мир - а, возможно, и весь мир. Взвесьте её в своём сознании. Нам застыт глаза видимости, борьба, необходимость выбора, причем чаще всего неправильного выбора, а ещё - просто ошибок и заблуждений, если не страданий и разрушений. В результате мы не видим, что за нашими ошибками всегда скрыта дверь неожиданного блага, каждый неверный шаг ведёт нас к неожиданным просторам, боль и темнота готовят вспышку ещё более ослепительного света над ясными просторами и, как и всё прочее, присоединяются к великому, пусть ужасному, но плодотворному, заговору, который незаметно и кропотливо расширяет наши границы и границы мира. Иногда человек на мгновение останавливается, зеркало переворачивается, и нам открывается изнанка - <тёмная сторона Истины>, как говорил Шри Ауробиндо: <Он стал знанием и невежеством, истиной и ложью>, - говорят Упанишады, - тогда мы видим во всём одну Истину, одно Благо, одну чудесную Силу, претворяющуюся в каждое мгновение, превращающую яд в свой нектар... если, конечно, мы знаем, куда надо смотреть. Поистине, Шри Ауробиндо пришёл, чтобы показать нам, куда надо смотреть. Это Свет во тьме. Надежда во всём. Благо во всём, Смысл всего. Ни один тёмный атом не уйдёт от всеобъемлющего смысла, даже тень боли не останется без глубокого света, любая ошибка ведёт в верном направлении. Претворяется всё. Истина берёт бразды в свои руки, так как весь мир - это Она, стремящаяся к самой себе. Наши глаза выдумали Ложь и Зло; единственная беда состоит в том, что мы не видим благой стороны: если бы хоть секунду мы могли видеть мир, избавленный от наших представлений о добре и зле, о <да> и <нет>, мы бы исцелились навсегда, и мир, при том, что ни одно мгновение темноты и жестокости не изменилось бы, стал бы совсем другим. Невообразимо прекрасную Реальность застилает покров Лжи. А возможно, покров Разума. Шри Ауробиндо срывает покров. Это изменение взгляда на мир. Это целостное видение, охватывающее всё. Шри Ауробиндо служил великой Преобразовательнице, неустанно претворяющей наши бесконечные глупости в свет, направляющей наши неверные шаги в верную сторону, превращающей нашу нищету в Силу, которая однажды даст нам мужество разбить зеркало и отразиться на радость мира потому, что мы видели то, чем он является на самом деле. <Шри Ауробиндо дал не надежду, а уверенность в том, что мир движется к величию, Вселенная - не случайность, а чудо, ждущее своего воплощения>.

Нет, Шри Ауробиндо - это не <учение>. <Никаких учений!> - воскликнула Мать. Она боялась, как бы люди не сфабриковали новую религию из Её и Шри Ауробиндо слов: <Люди так глупы, что готовы делать религии из чего угодно... Я не хочу религий, хватит уже!> - это другая манера видения. Великий Переход к другому виду начинается со взгляда. Разница между биологическими видами не в структуре, а сознании: ведь гусеница и бабочка видят один и тот же мир. А когда кто-то начнёт видеть мир по-новому, разгорится эпидемия супраментального зрения, мы очнёмся от ментального кошмара и начнём иначе чувствовать и дышать. Мы построим другой мир потому, что будем по-другому видеть его. И в конце концов Сознание возьмёт тело и переделает его в соответствии со своим видением бессмертной красоты.

Итак, у Шри Ауробиндо мы не найдём духовной или йогической механики: Его йога вмещает всё; вместо одного направления мы имеем миллионы направлений и миллионы смыслов; любая сторона, любой взгляд, любая глупость составляют часть пути, ибо путь расстилается повсюду. Надо только видеть, <Шри Ауробиндо всегда обвиняли, - рассказывала Мать, - в том, что Он не предписывал заниматься тем или этим... А лично я только поэтому почувствовала, что Он прав! Люди не могут не сводить вещи к ментальной системе, но как только это становится привычным механизмом, делать больше нечего! Вообще-то такая механика может быть полезной для того, кто нашёл её - она принадлежит Ему. Но польза ограничивается только им самим. А я вообще предпочитаю обходиться без механики!> После создания тысяч страниц <Арьи> Шри Ауробиндо говорил ученикам, что Он писал этот труд не затем, чтобы чему-то <научить> их, а лишь затем, чтобы успокоить их разум. Когда разум спокоен, человек переходит к действию - он точно видит каждое мгновение и проникает смысл.

В эпоху, когда мы, одев шлемы, бродим по мёртвым лунам и предписываем планетам траектории, когда будущее представляется нам выбором между разными, более или менее прожорливыми механизмами, Шри Ауробиндо приглашает нас в путешествие по нашему собственному телу и хромосомам вида. <Нет, нет, нет! Никаких великих проблем! - восклицала Мать. - Шри Ауробиндо говорил, что история не заканчивается человеком, что будет и другое творение. Он говорил это не потому, что знал, а потому, что чувствовал. Он начал осуществлять свои слова. Вот и всё. Обратите внимание, что при всей своей простоте это может быть очень красиво: печальные люди поймут эту красоту, люди, уставшие от жизни, почувствуют её, люди, у которых голова идёт кругом от рассуждений и догм, ощутят её, люди, уставшие от глубокомыслия... - и я буду первой среди них, нет ничего более унылого, чем философы!>

В письме, датированном 1915 годом, Шри Ауробиндо писал: <Я "учу", что мир готовится к новому движению, новой эволюции. Любая раса, любая страна, уловившая линию новой эволюции и осуществившая её, поведёт за

собой всё человечество>. Конечно, в первую очередь Он имел в виду Индию, так как эта страна <не подражала слепо европейской политике>, помимо Индии думал Он и о Франции, к которой был <привязан как ко второй родине>. <Если учесть интеллектуальные свойства Франции, степень развития её духа, - говорила Мать, - то мы поймём, что в день, когда духовное движение коснётся её, эта страна будет совершенно исключительной. Шри Ауробиндо очень любил Францию. Я родилась там - конечно, не случайно. Я даже знаю, почему: была необходимость в культуре, ясном и чистом разуме, утончённости мысли, вкуса и ясности духа - а другой такой страны не найдёшь во всем мире. Не найдёшь. Шри Ауробиндо любил Францию именно за это. Он говорил что, живя в Англии, он любил Францию гораздо больше!.. И на это есть причина>.

Может быть, именно Франция сумеет понять смысл и <уловить линию> новой эволюции.

Тогда, возможно, мы вернём то, что забыли, когда известная революция изменила лицо Европы - это был первый перезвон колоколов нового мира. Было бы правильно, если бы страна ясного разума первой нашла достаточно ясности, чтобы сбросить с трона дряхлого короля Разума и начать революцию сознания.

Эта революция изменит лицо всего мира.

Только у одного народа хватит смелости начать забастовку против Разума, его механизмов и установлений.

Когда вышел первый номер <Арьи>, тысяча экземпляров предназначалась для Индии, а в Европе Шри Ауробиндо нашёл двести пятьдесят подписчиков.

16

ВСЕГО ОДНА КЛЕТКА

Каждый вечер Она приходила на просторную веранду Дома для гостей, и Шри Ауробиндо учил Её санскриту. Нам легко представить Её над этими красивыми письменами, словно заряжёнными энергией и тишиной. Или новые практики... Мать всегда была практичной, и этим всё сказано. С <мальчишками> Шри Ауробиндо и тамильскими подростками из футбольного клуба <Спортивный Круг> Мать создала небольшую группу под названием <Новая идея>. Удивительно скромное начало <лаборатории>, но ещё удивительнее видеть, как Шри Ауробиндо, революционный лидер, одного слова которого было бы

достаточно, чтобы поднять всю Индию, возится с горсткой мальчишек, <как простой смертный>! Но может быть, чтобы получить право на <другую манеру видения> нам придется разрушить ещё одну иллюзию: деление на <великие> и <мелкие> дела. Нам не понять абсолютной важности любой мелочи и не представить, каким эхом отзывается самый пустяковый поступок - если он действительно есть. Течение жизни имеет мало общего с нашими представлениями о жизни. Надо бы научиться другому образу бытия - образу ЕДИНСТВА. Одна точка, сияющая в здешней обыденности, связывает миллионы забытых дел и сотни великих событий, канувших в небытие как дуновение ветра. Мы не знаем, что имеет значение, просто идём в лесу без всяких путеводных знаков и даже не ведаем, не таит ли этот булыжник под собой величайший клад, но если бы мы видели сокровище, оно уже было бы при нас. На самом деле мы постоянно шагаем по сокровищам, только замечаем их редко. А если бы мы видели сокровища постоянно, то и шли бы по другому миру, оставшемуся, впрочем, тем же самым. Шри Ауробиндо и Мать увидели самородки нового мира в горстке совершенно <обычных> мальчиков - да весь мир бесконечно <обычен>! Необычные люди необычны лишь для старого мира, любящего вазочки эпохи Минь ментальной династии. Сокровища Нового Мира прячутся в обычном - оно ещё не стало необычным. Любопытно, что отклик приходил в первую очередь от христиан из <Спортивного Круга>, если верить Нолини, а не от местных индуистов - чтобы открыть экстраординарность обычного, надо разбить слишком много священных вазочек.

А ещё новости о войне: <Вот, что любопытно: несколько раз получалось так, что стоило мне отбросить занимавшую меня идею, и она сразу воплощалась - рассказывал Шри Ауробиндо одному из учеников. - Я был уверен, что Франция должна вернуть Эльзас и Лотарингию. Это было похоже на одержимость, и как только я перестал об этом думать, так и вышло>. Шри Ауробиндо любил Францию; вообще-то Он никогда не рассказывал о своих прошлых жизнях (когда Его спрашивали, чем Он занимался в предыдущей жизни, Шри Ауробиндо отвечал: <Продолжал эволюцию>, но Матери рассказал о своей <французской жизни> и сказал, что французский язык пришёл к нему <как спонтанное воспоминание>. Каждый день Мать ходила читать <депешы> к Дому Правительства. Обложившись картами, Шри Ауробиндо шаг за шагом следил за продвижением войск Мольтке по Марне: <Когда немцы шли на Париж, - сказал Он, - я почти слышал: "Они не должны взять Париж". Глядя на карту, я буквально ощущал место, где их остановят>. То же самое повторится во время Второй Мировой войны. Тело уже не останавливали физические границы, оно прекрасно понимало, что такое непрерывность материи, поэтому Он <ощущал>: под Его пальцами была не карта, а сама Марна. Чтобы получить право на новое зрение и осязание, придётся разрушить ещё и великую фантазмагорию раздельного существования тел. Мы даже не подозреваем, что нам откроется, когда мы перестанем теребить наши бесполезные машины, способные разве что довести нас до стены. В 1914 году Мать записала в

дневнике: <Заметна работа в строении физических клеток: получив достаточное количество силы, они как бы увеличиваются в объёме и легчают. А мозг остается таким же тяжёлым и не выходит из дрёмы...>. Через пятьдесят лет Мать опять сообщит об этом явлении: наименее восприимчивыми, а может быть, и наиболее непроницаемыми, оказываются клетки мозга; кажется, им тяжелее дается универсализация, хотя другие клетки распространятся повсюду сами собой. Возможно дело в том, что они подверглись <ментализации> и пропитались ментальной субстанцией, тогда как <естественные>, так сказать, клетки воспринимают единство Материи непосредственно. Вслед за Шри Ауробиндо начала расширяться и Мать: <Я больше не чувствую границ - записывала Она через несколько дней после того, как получила от Шри Ауробиндо молчание разума. - Я не воспринимаю ни тело, ни ощущения, ни чувства, ни мысли... Ясная, чистая и спокойная безбрежность, всё насыщено светом и любовью, полно несказанной красоты - только это и представляется мне сейчас моим я>. Нам даже не понять, до какой степени разум отрезает нас от мира. Мы живём буквально под искусственным глухим колпаком и потому вынуждены изобретать машины - приходится искать замену тому, что непосредственно, естественно и... весело доступно маленькой клетке. Без всяких сложностей. В принципе, нам ещё надо учиться жить. <Тело скрывает неожиданные и неизвестные сокровища>.

Не надо только думать, что Шри Ауробиндо и Мать использовали сверхчеловеческие силы - всё было совершенно человеческим, только чистым. А чистота превращает <силу> в род бытия - такой же, как чистая любовь. Такое бытие всемогуще. Безгранично. Это как полноводная Амазонка, как сокровища, рассыпанные повсюду.

А жизнь шла <как обычно>. У Шри Ауробиндо хронически не было денег, поэтому Матери пришла в голову идея открыть на базаре нечто вроде универмага - <Склады Арьи>: один из мальчиков с энтузиазмом взялся за дело и торговал там грушами, мылом, косметикой и даже одеждой - последнюю развешивали на веревках прямо в пыли Пондишери. Разбогатеть, правда не удалось; сердобольный мальчик никому не мог отказать в кредите, а значит его деньги - на самом деле, деньги Матери, - не возвращались. Шри Ауробиндо наблюдал за этой деятельностью точно так же, как и за битвой на Марне, Мать же приобретала опыт финансовой и коммерческой организации - он пригодится Ей в будущем Ашраме. В бизнесе Она была бы гением, впрочем то же самое касается музыки или управления дождями и бурями. Для Матери разницы между этими сферами не было - речь всегда шла об управлении силами, об овладении силой, будь то хоть секс, хоть Нирвана. <Вне> человека нет ничего. Можно с равной лёгкостью манипулировать миром денег, сидя в лавочке или изменять ход битвы с помощью географической карты: маги былых времён таким же образом наводили порчу на врага с помощью кусочка его ногтя. Часть содержит всё. Для работы над миром нужны не <великие дела>, а чистые инструменты, хотя даже <нечистота> составляет часть общего труда очистки.

То же и с глупостью мальчишки-продавца. Вообще, Мать и Шри Ауробиндо сталкивались с огромным количеством глупости, которую приходилось <исправлять>... Да, скромная, очень скромная работа. <Никакой мании величия>, - всегда повторяла Мать. Шри Ауробиндо слушал рассказы или, быть может, рассказы о делах на <Складе Арья>, одновременно исправляя гранки <Арьи> и дописывая <Божественную жизнь> - ведь божественная жизнь начинается с первой исправленной глупости. Кто знает, сколько мы совершаем их за день - в словах, поступках, взглядах - целая груда неточностей, перегородившая путь Шакти. А птица не сделает ни одного неверного движения, она летит напрямик к своей цели. Иногда Шри Ауробиндо отрывался от пишущей машинки, чтобы отчитать Амриту, молодого тамильского ученика. Тот обычно ворчал на наборщика из <Модерн Пресс>, который выпивал и обычно задерживал гранки: <У вас нет права вмешиваться в его личную жизнь, - возражал Шри Ауробиндо. - Все ваши советы ничего не изменят. Он совершенно свободен и может пить. Просто он должен соблюдать условия договора и вовремя давать гранки>. Это другая типичная черта Шри Ауробиндо: невмешательство. Пуритане несколько тысячелетий снабжают мир своими добрыми советами, но для ИЗМЕНЕНИЯ нужно другое. Шри Ауробиндо изменял внутренний мир; Он молча шёл прямо к Материи, туда, где клетка отвечает на точную вибрацию, ту самую, которая вела <Арью> сквозь Его руки. Мир изменит всего одна клетка в частичке материи. Всё прочее - огромное ментальное здание, в котором не удастся найти ни единой нити, не пропитанной ложью. В разуме лжёт всё, даже истина. <Светлые умы> так же источают ложь, как и обычные люди. Всего... одна... клетка. Больше ничего. В 1914 году Мать записала в своем дневнике: <Сила - Величайшая Целительница - находится в бессознательных глубинах материи>.

Она проявляла нетерпеливость. Нет, Мать не стала - пока не стала - такой, как Шри Ауробиндо. Подобно урагану, Она была готова разрушить всё на своём пути. Она видела, как мучается планета, как повсюду убивают людей и повсюду же царствует Ложь, даже в благородных философских построениях Ришара. А тайну Исцеления Мать ощущала в Материи: <Всемогущество Твоей Силы готово проявиться, оно ждёт и готовит свой час и благоприятный случай...>. Она хотела приблизить этот час, поймать силу в своей собственной материи: <Зачем Ты заботаешься о животном начале тела? Не потому ли, что ему нужно дать срок, чтобы оно могло приспособиться к чудесной сложности, к могучей бесконечности Твоей Силы? Твоя воля мягка и терпелива, она не желает ничего тревожить... Я хочу спросить: неужели так лучше, ВОЗМОЖНО ЛИ ЧТО-НИБУДЬ ИНОЕ? Терпишь ли Ты снисходительно лишь этот род слабости, или это всеобщий закон, принадлежащий тому, что надо преобразовать?>. Мать ещё не знала, с чем сталкивается человек, когда прикасается к одной-единственной клетке, и сколько надо работать с Материей всего мира, чтобы получить право на полное и настоящее изменение всего одной клетки. Нет, Она не ведала, каким долгим и тёмным путём придётся идти, сколько шагов и смертей придётся пережить в собственном теле, чтобы

открыть широкий путь для всех. <Откуда столько заботы?.. Победа или смерть! Победа, победа, победа! Мы хотим победы преобразования!>. Она спрашивала: <Будет ли преобразование молниеносным, или долгим, когда клетки по одной будут выходить из мрака и границ?>. Она ещё не знала, что ожидает её в последующие пятьдесят девять лет. В 1973 году Она спросила меня: <Сколько остаётся до моего столетия?> - Пять лет, милая Мать, - ответил я. - <Ещё целых пять лет в этом аду!> Пятьдесят девять лет ураган будет ломиться в двери Материи... пока Мать не раскинет руки, лишившись желаний и сил... <Что Ты пожелаешь, что Ты пожелаешь...> Может быть, тут и открылась Дверь. Она до конца прошла свою ужасную Амазонку. Путь окончен, ветер стих. Вот и всё.

Если амфибия становится млекопитающим, меняется не философия и не мораль амфибии, а её клетки.

<Новая форма сделает возможным новое существование>. 18 июня 1914 года. Возможно, в этот день существо в человеческом теле впервые заговорило о сознательной воле к преобразованию вида. Мать - чудесная история этого изменения. Она невероятнее Жюль Верна, глубже Данте, таинственнее далёких планет - может быть, это новая планета внутри нашей планеты. Эту тайну нам придётся разгадывать вместе. Ведь мы и не знаем, в чём заключается тайна, а если бы знали, то жили уже в Новом Мире. Возможно, наша книга является безнадёжной попыткой увидеть тайну: словом, вызвать к жизни новый мир, подобно тому как Риши былых времен криком дробили скалу.

Это наш общий крик.

Если мы не изменим вид, то погибнем.

Надо найти ключ к Новому Миру.

17

ЯПОНИЯ

Ей ещё раз пришлось пройти сквозь потайную дверь, увитую лианами <верности>, но больше этого не повторится. Мать уехала 22 февраля 1915 года, а вернулась только через пять лет. <Жестокое одиночество... очертя голову, я бросилась прямо в тёмный ад!> Внешняя причина отъезда состояла в том, что Ришара призвали на фронт, но кто такой Ришар? <Я никогда не любила жаловаться, даже сейчас у меня нет никакого желания углубляться в детали>, - спустя 10 лет писала Она сыну. Мать никогда не встречала <просто> людей, всю свою жизнь Она работала то над одним, то над другим элементом. О каком

<преобразовании мира> может идти речь, если человек не способен изменить даже то, что находится рядом? В некотором смысле Мать преобразовала или, скорее, нейтрализовала Теона и силы, которые он представлял, но Ришар... Он был неуловим - молнию поймать можно, а как ловить спрута? Тысячи щупалец ментального спрута пронизывают весь мир. Проще всего было бы остаться со Шри Ауробиндо, но... <Никакого бегства от мира! Ярмо мрака и убожество надо нести до конца!> - писала Мать на борту <Камо Мару>. Как только корабль пройдёт Суэцкий канал, Она тяжело заболеет (одной из форм неврита). Последующие пять лет стали для Матери непрерывной чередой смертельных болезней. Уже вернувшись в Пондишери, Она писала сыну: <Не думала, что проживу так долго. Наверное, такое быстрое угасание было следствием почти полного нервного истощения, ведь до ноября 1920 года я вела адскую, в сущности, жизнь>. Целый год Она провела во Франции. Ей хватило сил, чтобы ухаживать за ранеными - чтобы вылечить раны мира, Ей нужно было ощутить всё. Ночами же Мать, по её рассказам, гуляла в садах, полных змей. Змей - уродливых дурных мыслей. Чуть ли не с яростью Она набрасывалась на саму себя: <Чтобы Материя обрела способность полностью проявить божественный Свет, её надо буквально месить>. Так Она бралась за всё - любой предмет, любое существо, любая болезнь или трудность становились предложениями для работы над собственной материей: все затруднения переносились в тело. Мать всё делала физически. Она бралась не за <других>, а за своё тело - наверное, потому, что её тело постепенно становилось всем. <Существо методично и поступательно ширится, - рассказывала Она о переживаниях 1915 года. - Оно рушит все препятствия и барьеры, чтобы вместить и выразить Силу, всепобеждающую бесконечную и возрастающую Мощь, клетки как бы расширяются, стремясь полностью слиться с землёй...> Спустя многие годы, Она будет рассказывать: <Прекрасно помню начало первой мировой войны - тогда все части моего тела по очереди [Мать прикасается к рукам, ногам, груди], а некоторые и по несколько раз становились как бы полем битвы - я видела и чувствовала, я жила этим... Всякий раз... это было странно... оставалось только сидеть и смотреть: в своём теле я видела, что происходит в мире. Когда что-то случалось, я собирала божественную Силу и отправляла её туда (к боли, страданию), чтобы ускорить подготовку земли - нисхождение Силы>. <Болезни> Матери и Шри Ауробиндо совпадали с болезнями земли.

Шри Ауробиндо писал Матери из Пондишери: <Любопытное состояние мира - хаос в чистейшем виде и при этом внешне нетронутый старый мир>. Он размышлял: <О чём свидетельствует этот хаос? О начале долгого распада или о рождении нового? Битва вокруг этого вопроса развернётся со дня на день, но пока нет никаких знаков того, что решение близко>. Сегодня нам кажется, что мир пошёл по пути <долгого распада>, но кто, кроме Шри Ауробиндо, мог предвидеть в 1915 году, что старый порядок никогда уже не вернётся, что процесс необратим? Каждый старался побыстрее перестроить свой мирок (ах, дурачки!). Да и сегодня никто, похоже, так и не понял, что старый мир мёртв? Они пытаются оживить труп с помощью пенициллина и монетарных законов.

То, чего Шри Ауробиндо не знал, так это только того, что распад будет таким медленным, а битва - такой долгой: <Внутри всё созрело, или зреет, - писал Он Матери, - но мы пришли к лобовому столкновению, где никто не может достичь существенного успеха (это похоже на окопную войну в Европе); духовная сила натывается на сопротивление физического мира - каждый клочок земли даётся с невыносимым трудом и на каждом участке идут более или менее успешные контратаки... Если бы не внутренняя сила и Ананда [радость], то эта работа была бы совсем изматывающей и отвратительной>. Через три дня Мать словно эхом отзовётся в своем дневнике: <Небеса завоеваны окончательно - никто не сможет выбить меня оттуда. Но землю ещё только предстоит завоевать...> Надо, как сказал Шри Ауробиндо, <дать Небу и Земле равенство и ЕДИНСТВО по формуле Вед>.

Первый раунд битвы растянется на тридцать пять лет, до 1950 года, когда Шри Ауробиндо... я едва не сказал <не выдержал>... В 1962 году, читая Матери <Шри Ауробиндо, или Путешествие сознания>, я употребил именно это выражение, но Она моментально возразила: <Что значит "не выдержал"?! Ничего иного и быть не могло; Он ушёл не потому, что работа была трудной... Причина в чём-то другом>. Может быть, во <втором раунде> мы поймём, отчего это случилось, тем более, что и Его и Её уход обусловлены одной и той же причиной - впрочем, слово <уход> бессмысленно; тайна смерти может находиться прямо у нас под носом, но ведь надо ещё разглядеть её. Тут то же самое, что и с камнями в девственном лесу: не зная заранее, легко можно пройти мимо золотого самородка. Настоящие <пионеры> показывают нам золото, которое лежит у нас под ногами: наличное они делают очевидным.

В марте 1916 года в Лондоне Мать поднялась на борт последнего корабля на Дальний Восток - следующий был потоплен. Ришар был специалистом по чудесным предлогам. Ему удалось демобилизоваться и получить назначение в Японию. Почему, мы не знаем. Как и в случае с предвыборной кампанией в Пондишери, всё вело к одной цели - твёрдая Рука направляет нашу судьбу и пользуется любым поводом, чтобы сплести новую нить. Повсюду рассыпаны чудесные самородки, но мы даже не видим их. Доведись нам понять хоть один, мы бы поняли всё. Мир - это бесконечное чудо, разворачивающееся прямо у нас на глазах. Наверное, вся эволюция является постепенным раскрытием очевидности. Четыре года в Японии. Две смертельные болезни. Материю и правда <месили>. На японских фотографиях Мать бледна, на ней всегда кимоно - Она была родом сразу из всех стран мира - но в уголках рта появились первые морщины, и мы не знаем, какая боль таилась за ними... И всё-таки Она смеялась. Она всегда смеялась - перечисляя свои смертельные болезни, Мать потешалась над собой, и как потешалась! После очередного сердечного приступа её щеки раздувались от смеха, как у маленькой девочки: так Она бросала вызов болезни. Мать воплощала вечный вызов всему и всем. Чтобы жить рядом с Ней, человек должен был быть твёрдым (впрочем, твёрдым лишь настолько, чтобы дать себе распространиться подобно текучей бесконечности:

это твёрдость бесконечности). <Ненавижу драмы. Не хочу никаких трагедий, лучше смеяться над всем, чем устраивать трагедии!> Во время первой мировой войны в Японии разразилась эпидемия, унёсшая сотни и тысячи жизней. Люди ходили по улицам в повязках на ртах, а Ришар твердил: <Да что это за болезнь такая? Вы же знаете тайны оккультизма, что стоит за этим, что это такое? Давайте разберёмся!> - со смехом рассказывала Мать. Она села в трамвай, пересекла Токио и вернулась больной. Никаких лекарств: просто борьба с силами, стоявшими за болезнью. Матери действительно надо было найти силы в болезнях и смерти, так как это останется её полем боя до самого конца. Она выжила, как говорится, <чудом>, но дело в том, что все <чудеса> подобного рода оказываются лишь оборотной стороной медицинских предрассудков - куда ни глянь, всюду предрассудки. Существует некоторая <очевидность>... но её ещё надо увидеть. Может быть, всё лечение состоит в открытии Очевидности. Когда мы по-настоящему открываем глаза, Ложь рассыпается. Вся сила Лжи заключена в нашей слепоте или обманчивом зрении. То же самое касается смерти и болезней. Но глаза открываются не сразу, и Мать шаг за шагом шла по этому пути. Истощать смерть пришлось очень медленно. Туберкулез удалось вылечить только с помощью Шри Ауробиндо, но Он <был рядом всё то время, пока я была вдаль от Него>. Кто правдиво расскажет о взаимоотношениях этих двух существ?.. Они почти не говорили друг с другом - не думайте, что Мать и Шри Ауробиндо, прожив вместе тридцать лет, обменялись многими миллионами слов. Тем не менее, они моментально узнавали друг о друге, хотя бы Шри Ауробиндо был в Пондишери, а Мать - в Токио. <Телеграф без слов>, - смеялась Она: <Телеграфа без слов у людей нет лишь потому, что они ещё не настроили свой аппарат!> Действительно, прежде чем отправлять в космос межпланетные корабли, надо <настроить> множество вещей в нас самих.

Но даже болезни не помешали Ей насладиться красотами Японии: <За четыре года в Японии я повидала множество чудес> - прежде всего, архитектура: <Дома, кажется, составляют часть пейзажа; вообще никакой дисгармонии>. Затем, Природа, Её древняя союзница. Между Ними всегда было тайное взаимопонимание, какое бывает у старых знакомых: Мать проникала всюду. <В Токио у меня был сад, - рассказывала Мать детям Ашрама, - Там я выращивала овощи. Каждое утро после поливки я гуляла вдоль грядки и выбирала плоды на обед. Так вот, представьте себе, некоторые говорили мне: "Нет, не меня..." - а другие ещё издали звали: "Возьми меня, меня..." Так что всё было просто: я брала тех, которые хотели этого, а тех, что отказывались, оставляла на грядке... Я очень любила свой сад, заботилась о нём и вложила в овощи немало сознания во время прополок и поливок>. Мать работала над овощами, цветами, кошками (что до кошек, то их Она пыталась подвергнуть <метемпсихозу наоборот>, если вспомнить Её шутку). Да и вообще, что не интересовало Её? Иногда мы забываем, что эволюция охватывает всё живое, а не только человека.

Кроме того, Мать пыталась дать немного сознания японцам, точнее, японкам: Она убеждала их не только <не плодить детей как кроликов> но и <заниматься сознательным творчеством>, то есть сознательно создавать исключительное существо, окружая его гармоничными и исключительными вибрациями сознания, ведь ребёнок питается не только кровью матери, но и её мыслями. Со своим неизменным юмором Мать напоминала: <Сверхчеловек рождается от женщины, об этом и спорить смешно!.. Царство женщины - духовный мир. Об этом часто забывают>. Тагор, находившийся тогда в Японии, был поражён ясностью взглядов Матери и пригласил Её организовать процесс образования в его ашраме в Шантиникетане, - но Мать куда больше интересовал всемирный Ашрам.

В <Беседах с японскими женщинами> (1916 год) Мать пророчески возвестила приход Шри Ауробиндо и приметы, по которым мы узнаем начало Нового Века. Давайте просто послушаем: <Никакие знамения не откроют глаза слепым. Но для зрячих даже темнота становится знамением. Ведь они знают, что тьма сгущается перед рассветом. Мы дадим знак, который поможет всем: когда мир приходит в движение и трепещет, когда дрожь пробуждает народы, дремавшие веками, и угрожает тронам, когда то, что было неподвижным, начинает шататься, когда самые тяжёлые и прочные здания вздрагивают и начинают рушиться, ибо сам их фундамент сместился, - тогда вы узнаете, что пришёл тот, чья сверхчеловеческая поступь потрясает землю>.

Жизнь в Японии (мы мало знаем о ней и предпочитаем особенно долго о ней не рассказывать) близилась к концу. Иссекали и силы Матери. Ришар, как всегда, философствовал. Возможно, он мечтал за счёт силы Матери стать сверхчеловеком от разума, точно так же, как Теон хотел стать сверхчеловеком от витального. Но у Теона, по крайней мере, было достаточно величия. Мы испытываем удивление, когда видим наконец, что ментальные конструкции полностью покрывают нас - они такие элегантные, такие утончённые, зачастую они увенчаны светящимися нимбами. Эти конструкции хотят дать миру Красоту и Истину, они всегда проповедуют Истину, однако в фундаменте лежит прежнее человеческое эго - Истиной оно завладело так же, как и Ложью: это его способ питания и размножения. Стоит коснуться его прекрасной крепости, и наружу высунутся клыки. Шри Ауробиндо и Мать ясно видели это и знали, что здесь, в этом Разуме решения быть просто не может. Здесь гниёт даже истина. Можно до бесконечности философствовать, морализировать, погружаться в горный свет, в йогическое послушание и самоистязание, в дзен-медитацию и вообще во что угодно, но ничего не изменится: <я> просто получит новый корм. А пока оно остаётся таким же прожорливым, оно продолжает возвращаться к своей <противоположности> - хоть через день, хоть каждую минуту. Это будет продолжаться до тех пор, пока истина не перестанет быть питательной. Так что этой комедии конца не будет. Ум - великий мистификатор. Мы вспоминаем одну чудесную историю. Однажды Шри Ауробиндо навел сына Ганди. Увидев, как Шри Ауробиндо закуривает

сигару, он воскликнул: <Как! Вы привязаны к курению? Вы, йог! и т. д.> Шри Ауробиндо ответил мгновенно: <Как! Вы привязаны к некурению?..> В этом вся суть. Изменение должно быть радикальным. Когда мы уничтожим последние истины, мы освободимся и от курения и от некурения, и от насилия и от ненасилия, и от божественного и от небожественного, тем более что всё это принадлежит старым истинам. Тогда мы молча вдохнём невесомый, ни на что не похожий воздух, который, возможно будет истиной для всех. В той же <Беседе с японскими женщинами> Мать говорила: <Эта цивилизация была воздвигнута на силе разума, на ментальном руководстве жизнью и материей. Сегодня мы присутствуем при её драматическом финале... Для человека дорога к сверхчеловечеству откроется в тот день, когда ему хватит смелости объявить, что всего, построенного им до настоящего времени и составлявшего предмет его гордости (впрочем, напрасной), стало мало для него, и что отныне главным его занятием станет освобождение и открытие высшей силы внутри него самого>. Наверное, именно в Японии, с Ришаром Мать поняла, что обращение Разума не принесёт абсолютно никакой пользы. До сих пор все <спасители человечества> занимались именно этим, а нужно просто дойти до корня, и всё переменится само собой. Шри Ауробиндо понимал это с самого начала: <Я здесь не для того, чтобы кого-то обращать...>

Всего одна клетка.

<Прошло четыре года, - рассказывает Мать, - и я окончательно убедилась, что ничего тут не поделаешь, что это невозможно [обратить Ришара] - так ничего не получится. Делать было нечего. Я собиралась и спросила Господа: "Вот, я тебе всё рассказала, даже согласилась спуститься в ад, если это будет необходимо. Скажи теперь, что мне делать?.." Сила явно была рядом: всё во мне остановилось, внутреннее существо застыло и я увидела Высшее... это было красивее, чем описано в "Гите". Видение Высшего. Оно буквально взяло меня на руки, повернулось на Запад, то есть, к Индии, и я увидела там Шри Ауробиндо... Я чувствовала его физически. Я видела, видела - с закрытыми глазами, но... Нет, об этом не расскажешь. Бесконечность словно сжалась в более или менее гигантское существо. Он поднял меня как соломинку и представил. Ни звука, ни слова, только это. Потом всё исчезло... На следующий день я начала готовиться к отъезду в Индию>.

Последние страницы Её дневника, написанные в Ойваке, просты: <От прошлого осталась только любовь, дающая мне чистое сердце ребёнка, и лёгкую и свободную мысль бога>.

Внучка Миры Исмалун, взявшей Париж приступом в низко надвинутом синем тюрбане, воспитанница громовержца Теона, подруга Родена, Руо, Матисса, прилежная ученица всех ментальных и духовных акробатов, сестра математика Маттео, музыкант великой голубой ноты - все они закончили свой путь. Мать

положит свою ношу к ногам Шри Ауробиндо и взвалит на свои плечи ещё большую, ведь, избавляясь от <я>, мы получаем весь мир.

Возвращаясь в Индию, Мать в 1920 году ненадолго задержалась в Китае (я не знаю, где точно), чтобы, по Её выражению <вдохнуть воздух>... Как раз в это время Мао Дзе Дун писал <Великий союз народных масс> и организовывал первую в Китае коммунистическую ячейку. Совпадение? Она коснулась и этого - дважды. Какой узел эволюции завязался здесь?.. Какой шторм начался? Она штурмовала всего одну клетку. <Мы провели вместе год, - рассказывал старый японский джентльмен по имени Охава. - Каждый вечер мы проводили в совместной медитации час. Я занимался Дзеном, они - йогой... В её глазах как будто горели предрассветные лучи нового мира... С её волей можно было сдвинуть горы, а ум был остр как лезвие меча. Мысль была ясна, а понимание твёрже, чем корни столетнего дуба... Она была художница - её беглые наброски поражали своей красотой, её музыка очаровывала мою душу, играла ли она на органе или на гитаре. Как ученый она могла дать формулы новых небес и новой земли, составить новую космогонию... Даже не знаю, было ли для Мирры что-нибудь невозможное... В западном платье она была красива, но ещё красивее она была в кимоно. Если бы я увидел её сегодня, то несомненно сказал бы, что она столь же красива в индийском сари... Как мне, живущему в сердце Фудзиямы, описать силу её огня и величие её света?>

18

ПОГРУЖЕНИЕ В ФИЗИЧЕСКОЕ

Это было 24 апреля 1920 года.

<Я почувствовала, (физически почувствовала!) атмосферу Шри Ауробиндо за десять миль до берега - морских миль, а не километров! Внезапно я оказалась в чистой и лёгкой-лёгкой, будто вселяющей бодрость атмосфере>.

Она опять прошла сквозь ворота, увитые лианой по имени <Верность>. Шестнадцать лет назад Мать впервые увидела Его в <видении>. Но видение всё повторялось и повторялось: <Целая серия опытов, десятимесячное пребывание в Пондишери, пять лет разлуки, возвращение и встреча в том же самом доме и при тех же обстоятельствах - только после этого видение кончилось. Я стояла рядом с Ним. Я не клала голову Ему на плечо, но голова оказалась рядом с плечом (не знаю, как сказать, физического контакта не было). Мы стояли рядом, смотрели в открытое окно и вдруг почувствовали, СРАЗУ ОБА: "Теперь начнётся Реализация". Словно печать сняли: теперь начнётся Реализация. Я ощущала, как внутри меня нисходит Вещь, сплошная

масса, ясность, определённости, которую я чувствовала в видениях. С этого момента говорить нечего было - никаких слов. Мы, знали, что это было именно то>.

То... Божественное, Бог, Высшее, Супраментальное, называйте, как угодно - следующая стадия эволюции, другое сознание. Но это То. Очевидность. <Лично я называю его "Высшим Сознанием", потому что не хочу говорить о Боге. Само это слово полно лжи. Мы сами СУТЬ Божественное, забывшее себя. Наш труд, вот именно, труд, состоит в восстановлении связи, а слова тут мало что значат. Мы должны стать самим Совершенством, вот и всё. Мы должны стать воплощёнными Совершенством, Силой, Знанием. Называйте это как угодно, мне всё равно. Нужно только стремление. Нужно вырваться из этого болота, глупости, бессознательного, избавиться от отвратительного пораженчества, которое давит нас лишь потому, что мы разрешаем давить себя>. А главное наше поражение связано со смертью. Эти слова были сказаны в 1972 году, за год до Её ухода.

<Восстановление связи> на этот раз должно было затронуть не только одно дремлющее сознание, мнящее себя свободным, в то время как всё прочее охватывает гниение. Речь шла о том, чтобы восстановить связь прямо в Материи - найти в ней Очевидность, свежий воздух, простор и твёрдое знание. <Мне не важно, в каких словах вы говорите об этом. Главное - идите, идите СВОЕЙ дорогой, любой, только идите>. У птицы, электрона, бури, муссона своя точность. А вся мировая боль заключена в неточности - мы не знаем, что делаем, зачем и как; это бессознательность, беспомощность, нищета, в которых мы не ведаем точного места вещей, их роли, их значения: всё кажется чудовищным, и всё причиняет боль потому, что мы не видим то, что есть и не живём тем, что есть. А есть <только ЭТО>. Великая Точность - это Гармония, совершенство наших дел, бытиё сущего, всеобщая любовь, ибо в Точности мы повсюду видим Чудо, Сокровище, немыслимую Заботу - повсюду, в миллионах ошибок и неверных шагов, в которых никогда не было ничего неверного или ошибочного; все они - непрерывная прямая Сознания, ведущая человека к целостности его собственного сознания. Вот так, чистое это. Оно точно как электрон и как птица, как молния, но пребывает сразу в миллионах точностей, предоставленных взглядам друг друга через наши глаза и через весь мир одновременно. Таково супраментальное сознание. Его можно ещё назвать Точным Сознанием. Оно восстанавливает связь со всем. С тем, что есть. Человек - переходное существо: <Люди - искажённые посредники между чистотой животных и божественной чистотой богов>.

Ей было сорок два года. Ему - сорок восемь.

Реализация началась.

Лаборатория эволюции

<Честно говоря, когда я встретила Шри Ауробиндо, вопрос был один: либо самим завершать свою йогу и лишь затем заниматься другими людьми, либо немедленно пустить внутрь себя тех, кто имеет то же самое стремление и вместе идти к цели... Такой вот выбор: интенсивная индивидуальная садхана и уход от мира, то есть полное отсутствие связи с другими людьми, или естественное создание группы без помех с нашей стороны и совместный путь>.

Это вопрос всего мира.

В конце концов, у нас есть определённые взгляды на мир - мы поняли (или нам так кажется), какой будет следующая стадия эволюции человеческого сознания, поняли, что развитие неизбежно, но что об этом думает сама эволюция? Ведь в эволюцию вовлечены все - Пьер, Жан, Поль, Жак, кошки, даже овощи на грядке; не забывайте, что часть эволюции составляет также наша глупость, хотя ей-то, кажется, совсем не хочется менять свою косность на состояния сознания, представляющиеся ей несколько проблематичными. В мире всегда было достаточно групп людей-пионеров (только об обезьянах-пионерах мы ничего не знаем), которые хотели ускорить революцию, а в результате кончали жизнь на костре как знаменитые катары (посмотрите в любой энциклопедии статью <еретические секты>) или другие группы, закончившие жизнь в тине Нила или пыли Средней Азии. Вчерашние еретики сегодня могут оказаться ортодоксами, но всё же их эволюция терпит крах, точнее, это лишь капля в общем эволюционном океане. Так просто отсюда не выйдешь, эволюция должна охватить всех, иначе пионер надломится или сгорит. Для Матери и Шри Ауробиндо это было предельно ясно, никаких иллюзий они не питали: <Ваше понимание будущего бесконечно далеко от действительного будущего; даже если вы попытаетесь охватить его как можно более целостно, то всё равно упустите такое количество миров, что развитие для вас станет почти линейным, и в любом случае настолько мелким и узким, что большая часть вселенной останется в стороне от него. Даже если у вас будет предельно широкий охват целого, даже если вы сможете задумать что-то действительно всеобъемлющее и продвинуться по уже готовому пути (ведь с путями то же, что и с живыми существами - они бывают и зрелыми и незрелыми), но не наберёте терпения и не подождёте остальных, то есть решите реализовать некий замысел, более близкий к настоящей истине, нежели нынешнее состояние мира, то что у вас получится? Целое распадётся, и вы получите нарушение не только гармонии, но и равновесия, ибо часть общего творения не сможет пойти за вами. Вместо полной реализации Божественного будет бесконечно малая локальная реализация, а ваши намерения останутся только намерениями>.

Конечно, у Матери и Шри Ауробиндо не было никакого желания плодить новых катаров для фискальных костров и бюрократических инквизиторов XX века - последние знают толк в эволюционных чистках, ошибаемся как раз мы: и палач и его жертва делают своё дело. А в общем, кому работать, как не самой эволюции? Однако её намерения никак не связаны с фискальными или духовными ярлыками, наклеенными людьми. В чём вообще состоит Намерение?... Очевидно, оно охватывает весь мир. <Меня, - писал Шри Ауробиндо, - интересует земля, а не высшие миры, я ищу не бегства к далёким вершинам, а земных дел...> Соответственно, вопрос об <интенсивной садхане> в одиночестве и последующем сборе остальных, приятно проводивших время в эволюционном болоте, отпал сам собой - никаких <потом> не бывает. Это ужасная иллюзия. После столетней медитации в одиночестве можно <сбросить пальто>, как говорила Мать, но затем всё, что скопилось за эти сто лет, всплывёт разом и раздавит человека. Ведь грязь внутри всех одна, и от этого так просто не уйдёшь. Шри Ауробиндо и Мать взялись за <пальто> всего мира: <Никакого ментального выбора не было; решение пришло само собой. Обстоятельства были таковы, что выбирать просто не приходилось: группа составила́сь самым естественным образом, потому что в этом была необходимость. С размышлениями было покончено - надо было сразу идти до конца>.

Итак, сначала в Ашрам вошли футболисты, затем к ним присоединились десятки других людей, а затем - сотни и сотни. Это продолжалось целые годы. Чтобы создать эволюционную лабораторию, были собраны все пальто мира, все сорта грязи, света и человеческих ингредиентов: <Попытка сознательной эволюции>, - сказал Шри Ауробиндо в 1925 году. Целая гамма компонентов, и у каждого был для работы свой кусочек грязи. Вот в этом-то и состояла проблема: каждый из элементов охотно бросался в лабораторию, стремясь избавиться от обычной глупости и надеясь на <опыты>, открытие чистых и радостных просторов сознания, но с первой или со второй (чаще со второй, когда проходила эйфория) попытки натыкался не на свет, а на грязь, ещё более липкую, чем та, которую он собирался изменить. Действительно, у Матери и Шри Ауробиндо получилось пальто мира - ни одной лишней складки. Но чтобы создать лабораторию со всеми пробирками, стендами и смесями, нужно собрать множество, так сказать, образцов, ведь был задуман опыт сознательной и ускоренной эволюции в масштабе, наиболее близком к земному. Мать и Шри Ауробиндо прекрасно понимали это: <Если вы хотите работать в одиночестве, то не ждите глобального охвата: любое физическое существо, каким бы полным оно не было, остаётся ограниченным - оно представляет только один из всех законов мира. Он может быть очень сложным, но всё равно останется только законом...> Но ни Шри Ауробиндо ни Мать не желали ограничиваться каким-то одним законом; они с кристальной ясностью видели сразу всю проблему, так как не ограничивались психологическим масштабом разделённых и ненавидящих друг друга комков грязи, а уходили на телесный,

физиологический, можно даже сказать, генетический, уровень: <Любое физическое существо, пусть даже самое лучшее и созданное для совершенно особого рода работы, остаётся индивидуальным существом; это означает, что **ВСЕОБЩЕЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЕ НЕ МОЖЕТ ПРОХОДИТЬ ЧЕРЕЗ ОДНО ТЕЛО**... Если вы хотите общего действия, вам нужно, по крайней мере, несколько физических существ>. Преобразование бессознательных комочков грязи - лишь первая стадия эволюционной операции; в конце приходит очередь преобразования тела, изменения вида. Нет смысла в разговорах о <потом>: все <потом> находятся прямо здесь, рог эволюционного быка бьёт один раз - как только мы столкнулись с вопросом, последнее преобразование уже здесь. А вот подходить к вопросу можно как с правильной, так и с неправильной стороны. Посмотрим правде в глаза: эта операция очень опасна, поэтому остаётся только недоумевать, почему те, кто любит острые ощущения, ищут их на луне. Внутри нас существуют не менее глубокие кратеры и бурлят неизвестные ещё Вьетнамы. Может быть те, кто сражается во внешнем мире, в Бангладеш или Чили, неосознанно воспроизводят механическими и физическими средствами то, что происходит во внутренней лаборатории - все идут к одной цели, но каждый на свой манер. <С помощью любого метода> - говорит Шри Ауробиндо. Различие в том, что здесь мы занимаемся сознательной эволюцией: в предельно сжатой миниатюре мы <представляем> грандиозный конфликт во внешнем мире. На самом деле, внутри человека находится настоящий Вьетнам, возможно, самая незаметная победа отзывается эхом на всём эволюционном поле сражения - но, конечно же, поле едино! Очистка одной внутренней глупости стоит целой дельты Меконга. Одна чистая маленькая клетка очищает целое земное поле, готовит и приближает преобразование великого тела. Мы становимся <представителями>. <Кто знает, - говорила Мать, - возможно, одно символическое существо с силой (тут нужны сила и твёрдость!), позволяющей ему представлять все раздоры и работать над этим символическим представлением, помогло бы всем>.

Шри Ауробиндо ещё тридцать лет, а Мать - ещё пятьдесят три, будут <символами> всевозможных раздоров и расстройств.

Итак, нужна была, по выражению Матери, <представительная группа>. Одного существа мало, одного закона мало, одного образца клетки мало (так нам кажется, но ведь мы не знаем законов этой операции: быть может, в одном атоме заключён ключ ко всему миру, существуют же цепные реакции). <Вот почему, - говорила Она детям Ашрама, - вы этого не знаете и даже не воображаете: каждый из вас представляет какую-то одну проблему, победа над которой необходима для преобразования. Отсюда множество трудностей. Когда-то я писала, что это больше, чем проблемы: **КАЖДЫЙ ПРЕДСТАВЛЯЕТ СОБОЙ НЕВОЗМОЖНОСТЬ, ПОДЛЕЖАЩУЮ РАЗРЕШЕНИЮ**. А сумма всех невозможностей составляет Дело. Трудности уже не изолированные, а коллективные, ведь йогой вы занимаетесь не для самих себя, а для всех, даже если вы этого не хотите, так получается>.

Таков был смысл лаборатории эволюции под названием <Ашрам>.

Нет, Ашрам - это не скит отшельника, это мир в миниатюре. Его Свет соответствует плотности преобразуемой Грязи. Оба этих полюса даны здесь в точной пропорции. А смотреть можно... и на одно и на другое.

А может быть, на что-то третье, тихо пробивающееся на свет. Пробьётся или нет?

Интересно будет взглянуть.

Но если выйти за пределы этой символической площадки, то мировой вопрос будет таким: получится ли что-нибудь, или эволюция опять потерпит крах? Какой ураган одержит верх - маленькой клетки или другой?

Радужный свет

<После моего возвращения из Японии мы приступили к работе. Он [Шри Ауробиндо] принёс в ментальный мир супраментальный свет и хотел преобразовать Разум. Он говорил: "Удивительно, этой работе не видно конца. Такое ощущение, что ничего ещё и не сделано. Вроде бы закончил, но постоянно приходится всё переделывать". А я поделилась с ним своими впечатлениями: так будет продолжаться до тех пор, пока не достигнешь самого дна>. Действительно, воспоминания о пребывании с Ришаром в Японии были совсем свежи: Разум похож на угря или, скорее, на хамелеона. В зависимости от вкусов и обстоятельств он принимает то одну, то другую окраску - и в чём-то он прав, ибо создан для всего, что угодно; всё зависит от того, <кому> это угодно. Его предназначение - не отыскание истины, и вообще не отыскание чего-либо, но лишь упорядочение материалов, причем любых. <И вот вместо того, чтобы продолжать работу в Разуме, мы почти мгновенно (это заняло не более двух дней) из Разума (он остался в достигнутом нами состоянии, то есть полный света, но не изменённый до конца) опустились в Витальное, а затем ещё ниже. Спускались мы достаточно быстро... Как только мы достигли Физического, начались трудности. Но мы не остались там, мы пошли ещё ниже - сначала к Подсознательному, а затем - к Бессознательному>. Бессознательное с полным правом можно назвать началом миров, колыбелью Материи. Это знаменитое <нечто>, на котором громоздятся все слои эволюции, откуда все формы. Это, так сказать, первая в мире <хромосома> - в основе нашего тела лежит она, а уж потом появляется всё то, что собрала эволюция. <Вот такая работа. Только в Бессознательном, в самом сердце Тьмы я нашла божественное

Присутствие...> Повторился опыт Тлемсена. <Солнце во Тьме> или <Чёрное Солнце> Вед (Martanda). На рациональном наречии его можно назвать Точным Сознанием, приводящим в движение атомы и животные инстинкты; этот маленький чистый закон правит всеми движениями Природы. Шри Ауробиндо называл его Сознание Истины или Сверхразум. <Внезапно я оказалась у чего-то развёрстого как пещера или открытый рот (но только <как>) и увидела внутри Существо из радужного света. Оно лежало, положив голову на руки и спало, а вокруг него сиял радужный свет...> Слово <радужный> означает наличие всех цветов одновременно, и это очень важно потому, что свет мы будем встречать очень часто. Он играет особую роль - это специфическая власть над силами разрушения (болезнями, смертями, тёмным НЕТ в глубинах Материи, как будто родственных этому свету или сопровождающих его). <Свет> для нас - это не рассказы ясновидящих и не явление Святой Терезы, а сила. Бывают атомные силы, бывают электрические, а бывают и другие... или, может быть, другая, источник всех остальных. На самом деле есть только одна Сила и один Свет, окрашивающиеся или затемняющиеся в зависимости от слоя, через который они приходят. Такой радужный свет, возможно, спасёт нам жизнь. <Затем произошло ещё одно интересное событие. Когда я посмотрела на это существо, оно открыло глаза и проснулось. Оно дало понять, что это - начало сознательной деятельности, бодрствования>. То, что до сих пор шло через инстинктивные и <естественные> (или не очень естественные, вроде нашего мозга) слои, старалось выйти на поверхность, или по крайней мере, попытаться. В этом и состоит смысл всей работы. Получится или нет? Но как это пробьётся на поверхность сознания, ничего не уничтожив и не перевернув? Как добиться непосредственного воздействия радужного света? - Он кажется созидательным по своей природе в отличие от бесчисленных неприятных и смертоносных проявлений, сопровождающих другие силы и другой свет.

Это главная проблема работы.

Связь должна проходить через Материю. <Наверху>, на последней ступени лестницы в прозрачности развёрнутого сознания есть только совершенство супраментального, потому что там царит совершенная чистота, <внизу>, в глубине Материи (и, так сказать, ниже Материи) также есть только совершенство супраментального, потому что и там тоже царит совершенная чистота. Но между полюсами чистоты нет. Там располагаются разные по загрязнённости ступени, более или менее (скорее менее) чистые слои, словом, бурлящий эволюционный компост поверх <нечто>, располагающегося как вверху, так и внизу в чистом виде. <Сверхразум> (если нам хочется называть его этим словом) один повсюду, на протяжении всей лестницы он непрерывен, полный и круглый как солнце, но скрытый, искажённый, замутнённый промежуточными слоями. А индивидуальное сознание похоже на большой занавес: наверху оно светло и прозрачно, чуть ниже оно становится серебристо-серым, ещё ниже появляется синий цвет, всё более и более густой (густота зависит от пласта Разума), затем красный - он тоже сгущается (в

области солнечного сплетения), - потом приходит очередь изумрудно-зелёного и фиолетового цветов (это цвет силы, он располагается в области пупка и таза), затем оттенки становятся грязными и переходят в непроницаемый чёрный цвет (район коленей и ступней, а Мать говорила, что ещё один центр находится прямо под ступнями), а в самом низу занавеса мы снова видим чистоту и прозрачность, радужный свет, в котором, кажется соединены все промежуточные оттенки. В общем, этот занавес надо поднять. Именно в этом смысле Шри Ауробиндо и Мать хотели <низвести Сверхразум>, соединить высокое и низкое, тем более, что в них нет ничего ни высокого, ни низкого - это просто полюса спектра сознания. Древние традиции символизировали это единство в образе змеи, пожирающей свой хвост. По словам Матери, если вместо эфирных высших сфер отправиться прямо к хвосту, то вы получите то же самое, только к этому добавится преобразованная Материя, а не Небытие света. Неясно только одно: примет ли материя трансформацию? Иными словами (мы думаем, что так ставить вопрос правильнее), позволят ли промежуточные слои очистить себя? Ведь настоящая Материя куда чище и податливее всех блестящих промежуточных туманностей, которыми мы жонглируем с величайшим удовольствием и до полного самозабвения.

<Промежуточные слои> - это и есть миниатюрная эволюционная лаборатория, сформировавшаяся вокруг Матери и Шри Ауробиндо, или, скорее, самопроизвольно вошедшая в Них. Кажется, что в ней собрана вся земля, а может быть, не столько земля, сколько земные трудности. Теперь Их замысел становится понятнее для нас.

Физическое погружение

Итак, <погружение в физическое>.

Чисто внешне приезд Матери не повлёк за собой никаких изменений, разве что <цыганская жизнь> в Доме для Гостей стала более упорядоченной и благополучной. <Каждый вечер, - рассказывает Барин, младший брат Шри Ауробиндо, - Поль и Мирра Ришар приходили к Шри Ауробиндо, говорили о йоге, спорили о великом будущем, когда человек сможет перекинуть мост между материей и духом и обожествит своё тело... Никто из нас даже не подозревал, какую роль эта странная дама будет играть в садхане Шри Ауробиндо... Она была поразительно красива>. Мать жила в доме на берегу моря. Однажды разразился такой сильный циклон, что крышу чуть не сорвало, и Шри Ауробиндо уговорил Её переехать к нему - с того самого дня Они уже не расставались. Это было 24 ноября 1920 года. Немного позже Поль Ришар, <неспособный жить в полном самоотречении>, как выразился Барин, исчез.

Через два года Мать и Шри Ауробиндо перебрались в нынешнее здание Ашрама - дом 9 по улице Марин, с жемчужно-серыми стенами, воротами с колоннадой в колониальном стиле и кустами жасмина у входа. Старый археолог из Пондишери по имени Жуво-Дебрейль говорил, что именно на этом месте ведический Риши Агастья, пришедший, как и Шри Ауробиндо, с Севера со своей супругой Лопамудрой семь тысяч лет назад, основал Ашрам. Это место называли Веда Пури, город Вед. Мы не поручимся, что всё это действительно так, но традиция утверждает, что именно в этот район ушли первые Риши, говорившие о <Солнце Истины> под камнем <горы>. Истина в глубине материи. И простые, но волнующие слова Лопамудры доносятся до нас как эхо: <Многие годы трудилась я днём и ночью, и рассветы старили меня. Век умаляет славу наших тел>. Она искала <Нектар Бессмертия>. Найдёт ли?

Обожествление тела.

Наступил период <Вечерних бесед>. До 1926 года, когда Шри Ауробиндо окончательно удалился от дел, ещё можно было услышать Его голос. С ним была уже дюжина учеников (к 1926 году их станет двадцать четыре). <Всегда казалось, - говорит Пурани, один из первых учеников Шри Ауробиндо, - что этот голос принадлежит человеку, не желающему выразить в словах всё свое существо. В Его молчании всегда было что-то такое, что значило гораздо больше, чем все слова... Иногда Он высказывал своё личное мнение по каким-то вопросам, но и тогда Шри Ауробиндо не притязал на безоговорочность своих высказываний. Чаще всего Он давал строгое логическое заключение, но никогда не ссылался на самого себя. Такая безличность была одной из самых ярких черт его характера! Даже когда речь заходила об отправке письма или телеграммы, он никогда никому ничего не приказывал. Просто, проходя через столовую, Шри Ауробиндо останавливался рядом с группой учеников, держа письмо в руке и говорил: <Думается, это надо отправить...> Он очень часто выражался подобным образом - "произошло", "случилось", но никогда не "я сделал">. Барин тоже обратил внимание на молчаливость своего старшего брата - ничего от <провидца>, никаких представлений, свойственных чудотворцам: <Даже во время самых увлекательных занятий его спокойные и мечтательные глаза практически всегда сохраняли выражение внутренней собранности... Он всегда использовал один и тот же метод, чтобы пробудить других людей к йоге: осторожное молчаливое внушение, помогавшее медленно открыть в ищущем дверь>.

Вот эта <осторожность> останется со Шри Ауробиндо до самого конца. Возможно, британское воспитание привило ему ужас перед всем, что напоминало чудеса. Они ведь свидетельствуют только о дурных манерах! <Я пришёл сюда не затем, чтобы творить чудеса, а затем, чтобы показать и наметить путь, вывести людей на дорогу, ведущую к глубокому внутреннему изменению человеческой природы>. Действительно, Он искал не <чудес>, а их

противоположности - естественного мира, пусть даже посторонним или некоторым ученикам это и не нравилось: <Только целая куча сомнительных чудес в подарок сделала бы их счастливыми>, - сказал Он однажды Матери. А если кто-то вдруг просил разрешения медитировать вместе со Шри Ауробиндо, то Он принимал такого человека утром на просторной веранде у входа в Ашрам и оставлял его за медитацией, а сам... <читал газету>, - с лёгким удивлением вспоминает Чампаклал, оставшийся Его верным помощником до самого конца. Зачем Шри Ауробиндо было закрывать глаза и сосредоточиваться? Да и что это за сосредоточение такое? В голове? Сосредоточивалось всё Его тело; оно занималось йогой и излучало йогу. <Погружение в физическое> означает жизнь в физическом, а в физическом не живет никто; в Материи все живут через посредство Разума, за исключением, может быть, нескольких счастливых садовников и ремесленников (но и те большую часть времени, занимаясь своими горшками и розами, топчутся в голове). Нисхождение в физическое - это прежде всего спуск в косность и мрак, потому что субстанция настолько привыкла к приказам и руководству разума, что разучилась жить самостоятельно. Всё покрыто непроницаемой ментальной скорлупой. <Как пионеры мы прокладываем путь в джунглях низшей Пракрити [Природы]>. Телу приходится медленно учиться жить самостоятельно. Никакие высоты разума тут не помогут: просто поднимайте ведра с водой (любимое упражнение Шри Ауробиндо в тюрьме Алипора), поднимайтесь по лестнице, делайте хоть что-нибудь, и это <что-нибудь> заживёт своей жизнью, вдохнёт свой воздух и станет ощущать самостоятельно. Шри Ауробиндо искал <другую конституцию физического сознания>; её Он тщетно пытался передать своим ученикам, но те так и остались при традиционных взглядах на йогу - космическое сознание и прочая чепуха. <Вы можете чувствовать, что слились с Космическим Я, можете чувствовать экстатическую любовь и Ананду, но во внешних частях природы вы будете мыслить интеллектом или, в лучшем случае, интуитивным разумом. Желания будут исходить от ментальной воли, радость и боль вы будете ощущать на поверхности витального уровня. Вы никуда не уйдёте от физических мучений, а борьба за жизнь с болезнями и смерть будет причинять вам прежние страдания>. Шри Ауробиндо постоянно твердил своим ученикам: <Успех нашей йоги возможен только в случае изменения внешнего человека. Это труднее всего. Мы добьёмся своего, только изменив физическую природу, низведя высший свет на самые низшие уровни Природы. Там разворачивается битва... А внешний человек по-прежнему цепляется за старые привычки и манеры. Многие до сих пор даже не чувствуют необходимости в изменении>. (Это было сказано через четырнадцать лет, в 1934 году, сейчас минуло сорок лет, но ситуация так и не изменилась). Если подниматься по лестнице особым образом, то измениться может вся жизнь.

Только тут нет ничего <явного>. Мы уже говорили, что йога Шри Ауробиндо совершенно незаметна. Когда она станет явной, никакие прекрасные мысли уже не увлекут нас в могилу: земля изменится, зримо изменится. Никакой

<прекрасной земли> во вкусе сверх-Бернардена де Сен-Пьера нет - другая земля и другая Материя. Она создаётся или, скорее, открывается в миллионах забытых привычек... к ложному зрению, фальшивой жизни, ложному существованию. А космическое сознание... Оно будет прямо в Материи, в каждой минуте и каждой песчинке. Пора сбросить космического самозванца - Разум. <Великий союз народных масс> Мао Дзе Дуна, возможно, продвинул нас на пути эволюции дальше, чем целые библиотеки о духовных материях, но место механического угнетающего и внешнего единства должно занять единство сознательное, внутреннее... и весёлое. Остаётся только выяснить, что приведёт к этому космическому единству - согласие материи или подавление материи? Всё в этом вопросе.

Божественный материализм или другой.

Физическое сознание

Мы не знаем, что такое материя. Она наиболее очевидна и наиболее загадочна. Если нам удастся очистить тело от его ментального покрова, а Материю - от витальных вибраций, сотрясающих её реакциями на желание, влечение, ненависть, большее, меньшее, отрицание, утверждение (будь это хотя бы настоящее <витальное>, присущее животным! Нет, речь идёт о Разуме, забившемся в Материю), если это получится, то в джунглях появится первая поляна: физическое сознание, сознание тела вырвется на свободу. Оно обретает полную автономию, когда избавляется от двойной тирании ментального и витального. Это сознание кажется нам странным: <В его присутствии, - говорит Шри Ауробиндо, - ощущается спокойствие. Оно самостоятельно, твёрдо и устойчиво, как неподвижный камень. Даже самое материальное воздействие, не говоря уже о ментальном и витальном, не могут опрокинуть это сознание>. Эта устойчивость покоя, можно даже сказать, устойчивая неподвижность, отличительная черта самого Шри Ауробиндо, оказывается фундаментом невероятной силы, неведомой пока земле - ведь мы не знаем ни маленьких тайн тела, ни его <маленьких чудес>, как говорила Мирра. <Мощная незыблемость бессмертного духа>, - писал в одной из своих книг Шри Ауробиндо. Эти слова великолепно подходят к Нему самому. Неподвижность в клетках всё <замораживает>, нейтрализует, растворяет и даёт нам увидеть, почувствовать или даже осознать факт, что клетки в своём естественном состоянии, когда они не затронуты ржавчиной Разума, неуязвимы для болезней; они не хотят болезни, они не хотят беспорядка, - всё это чуждо им, и они отвергают это, точнее, даже в отвержении нет необходимости: болезнь не может пересечь барьер неподвижности. И, наконец, клетки чувствуют своё бессмертие. Проблема одна - износ, так сказать,

разрушает непроницаемый барьер. Что же до силы клеточного спокойствия, то она настолько необычна, что благодаря ей внутренняя Материя легко воздействует на внешнюю, тем более, что они неразрывны. Самый поразительный пример - <сильная буря> в Пондишери (я не помню точно, когда это произошло, знаю только, что до 1930 года). Послушаем рассказ Матери: <Ночью разразилась буря. Грохотал гром, сверкали молнии, а на город водопадом низвергался дождь. Я подумала, что надо подняться в спальню Шри Ауробиндо и помочь Ему закрыть окна. Приоткрыв дверь, я увидела, что Он спокойно сидит за столом и что-то пишет. В комнате царило настолько глубокое спокойствие, что даже в голову не приходило, что буря может нарушить его. Окна были раскрыты настежь, однако ни одной капли дождя не упало внутрь>. Она не могла попасть внутрь. Зачем нам совершать чудеса? Если дать Материи свободу, она сама прекрасно будет творить свои маленькие чудеса. Удивительнее всего то, что самопроизвольная сила Материи (ведь Шри Ауробиндо ничего не делал, он даже не думал о буре) может излучаться и оказывать воздействие даже на группы людей. Кажется, это сложнее, чем буря(!), потому что дело иметь приходится с разумом этих людей. Как-то раз во время разговора о несчастных случаях и нападениях, Шри Ауробиндо безразличным как горный ручей тоном заметил: <Что касается насилия - например, бунта, - то мне потребовалось четыре или даже пять дней сосредоточения, чтобы защититься>. Имелось в виду сосредоточение Материи (тут потребовалось больше времени, чем в случае с циклоном, и волевой акт потому, что человеческие силы в корне отличаются от естественных). Но кто мог представить, что материя без участия каких бы то ни было сверхчеловеческих или оккультных (вспомните Теона) сил сама сумеет установить невидимый барьер и остановить целую толпу людей, не понимающих, почему они остановились?.. На самом деле, люди никогда не знают, почему они проступают так, а не иначе. Чем больше выдумывается причин, тем дальше от человека суть.

Но не от маленькой клетки.

Мы так ничего и не узнали о материи.

Джунгли становятся всё гуще. Мы выходим на очаровательные и удивительные поляны, ни на что не похожие, но затем деревья смыкаются ещё плотнее, и джунгли становятся ещё таинственнее. Материя просто пытается <заманить> нас ещё ближе к своей Тайне, она как будто хочет, чтобы мы открыли её. Удивительно, но стоит ступить на <тропу>... нет, тропы не существует, но стоит отправиться в путь, и она появляется: с первым же шагом из земли выныривают указатели и знаки, их становится всё больше, и наконец они окружают нас со всех сторон. Тайна будто сама хочет быть раскрытой. Конечно, она столь же сложна, как и сама Материя, и нам не раз доведётся сбиться с пути или вернуться назад. И всё же она чрезвычайно проста. До самого конца человек ощущает прозрачность Тайны, но всё же проридается

сквозь густые джунгли... <Физический слой, - говорил Шри Ауробиндо во времена <Вечерних бесед>, - очень упрямая вещь. Тут нужна тщательная работа. У вас что-то получилось, вы, кажется, достигли успеха, но возникают новые обстоятельства и приходится возвращаться к давно, казалось бы, пройденному. В ментальном или витальном Силе работать легче, а здесь - другое. Более того, для тех уровней можно установить некие общие законы, опустив мелочи, в физическом же всё не так: от вас постоянно требуется терпение и усердие...> И Шри Ауробиндо привёл пример: <Возьмите Свами Брахмананду (из Чандода); он прожил триста лет, выработал полный иммунитет к старению, но однажды поранился о ржавый гвоздь и умер от одной царапины. То, что вы не доделали в физическом плане, может вынырнуть совершенно внезапно и показать, что ваше завоевание ещё далеко не закончено. Потому-то этот процесс и требует столько времени. Высшее Сознание должно установиться в КАЖДОМ АТОМЕ ТЕЛА, иначе вы что-нибудь упустите, и оно скроется в тайных глубинах низших уровней физического и враждебные силы нападут на вас. В результате обстоятельства могут сложиться так, что точка, работа над которой не была завершена, выйдет из-под вашего контроля прежде, чем вы успеете остановить эти враждебные силы. В этом случае они могут уничтожить вас>.

В каждом атоме...

<Если не сделано всё, не сделано ничего> - говорила Мать. Нам может показаться, что тропа уводит нас к смерти. Но это не потому, что она хочет уничтожить нас, а потому, что именно там находится Тайна. Она хочет, чтобы мы открыли её. В конечном итоге, любое препятствие ведёт к более глубокому открытию и более полной реализации. Искусство заключается в том, чтобы любой яд превратить в нектар. А пока мы пытаемся избавиться от яда с помощью пенициллина или морали, мы ничего не понимаем в Материи. Она ждёт от нас голых рук и огня в сердце, веры... <памяти о душе>, как говорил Шри Ауробиндо. Что-то внутри напоминает о безбрежной и победоносной Амазонке. Вера - эта сама Амазонка, зовущая нас к открытию.

<Остался самый материальный уровень - во время той же беседы (это было в 1924 году) говорил Шри Ауробиндо, - самый опасный, - Почему опасный? - спросил ученик. - Потому, что он твёрдый, плотный и может полностью отбросить или даже покинуть свою собственную субстанцию. Он наиболее неподатлив для убеждения; чтобы управлять им, потребуется высшая божественная Сила. А кроме того, вся санскара, устоявшийся облик мира, будет против вашего усилия>.

В тот момент речь шла уже не об одном теле и не об одной материи, а о теле мира и мировой Материи. Это Подсознание мира, Бессознательное мира. Кажется, что проблема решалась не для одного человека, а только для всех... или вообще ни для кого.

Вот здесь экземпляры из эволюционной лаборатории и сыграли заметную... и печальную роль.

19

ПЕРВЫЙ РАУНД

1926-1950

Невыносимое давление

<С начала ноября давление Высшей Силы становится невыносимым>, - отмечает ученик. Говорить об этом было не обязательно. Оно и так чувствовалось. Давило на голову - возможно, на голову всей земли. Это было в 1926 году. 24 ноября около пяти часов пополудни Мать неожиданно созвала всех учеников. Кто-то побежал за ними - одни гуляли на берегу, другие были на футбольном поле. Наконец, около шести часов все были в сборе. На веранде, за креслом Шри Ауробиндо висел ковёр с тремя золотыми драконами, - китайскими - пожирающими хвосты друг у друга. Шри Ауробиндо в общем не любил вымыслов, но такое могло случиться когда-нибудь. Кажется, этот ковер Мать привезла из Китая. Как бы там ни было, эти драконы что-то да означали: древнее китайское пророчество гласило, что Истина явится на земле, когда три дракона - один земли (то есть тела), другой - разума, и третий - небес - встретятся вместе. Вот и в тот день, возможно, должна была состояться первая встреча Материи и <небес>. <Это> и давило на головы ученикам. Так или иначе. Китайская традиция дотянулась до комнаты Шри Ауробиндо и старалась ничего не упустить. Возможно, это просто случай, но ничего, кроме случаев, нам и не встречается. Кто знает, не представляет ли Китай дракона Разума?... Китайцы, пожалуй, разумнее любого другого народа; от такой разумности у нас мурашки по спине бегут. В шесть часов вечера из своей комнаты вышел Шри Ауробиндо в сопровождении Матери. Он всегда ходил медленно и с достоинством. Перемены (физические) уже начались. Чуть раньше, ученик, увидев его после разлуки, воскликнул: <Что с Вами случилось?> А Шри Ауробиндо насмешливо спросил в ответ: <А с вами что случилось?> Он всё-таки добавил: <Спустившись на ментальный и витальный уровни, а то и ниже, Высшее Сознание вызывает огромные изменения в нервной системе и даже в физическом существе>. Кожа Шри Ауробиндо стала светлее, хотя Он был <обычным бенгальцем>, и, следовательно, довольно

смуглым человеком. Пурани, старый ученик, замечает: <Его щёки стали светло-розовыми, а всё тело светилось мягким телесным светом>. <Заметное> изменение. Но это ещё пустяки: между 1926 и 1950 годами телесный свет стал золотистым, и это видели уже все - но нам этого уже не увидеть и не узнать. Сияние смягчило резковатую аскетичность двадцатых годов и дало Шри Ауробиндо особую устойчивость, прочность, какие встретишь разве что в Гималаях, но в Гималаях очень мягких, обширных, прозрачных, словно сливающихся с живой и незыблемой вечностью. - О, Он легко мог уйти в эту бесконечность и взглянуть на неё, или, скорее, предоставить себя взгляду глаз, сменивших тёмно-карий цвет воина Кали на золотисто-карий, а потом - на цвет бесконечности, когда никто уже не понимал, были ли его глаза голубыми, или какими-то другими. Он ведь шёл к великой вечной Стране, где всегда хорошо, где человек всегда чувствует себя как дома, где всегда царят правда и чистота. Это заключает в себе всё. Нам больше не увидеть и не узнать этой бесконечности, живущей в нескольких клетках. Он не разрешал фотографам снимать его вплоть до 1950 года, когда решил уйти, но это уже был Шри Ауробиндо с другой стороны. Он оставил свою материю, да и не будет у нас никогда чистой фотографии; нимб на снимке добавлен для тех, кто не умеет смотреть. Так случается всегда. После смерти на головы покойников вешают нимбы, потому что у живых людей они <невыносимы>... для тех, кто не умеет растворяться. А как приятно было растворяться там, забывая о пигмее человека и вспоминать единственную Память. Я видел Его только однажды, но и это подобно жизни. Только тогда я узнал, что такое любить.

Шри Ауробиндо вышел из комнаты в шесть часов вечера. За ним лёгкой походкой шла Мать. Она была лёгкой и невысокой, Она даже казалась хрупкой, однако физически в Ней ощущалась такая сила, словно Мать была гигантом. Но это другая история (и в ней нет никаких <словно>), мы считаем её абсолютно правдивой - и она станет правдивой. Никаких нимбов: чистая истина чудеснее любой святости. Шри Ауробиндо сел, а Мать присела справа от Него на маленькую табуретку. Около пятидесяти пяти минут под тремя драконами продолжалась медитация. Там было двадцать четыре ученика. <Все чувствовали, как на головы что-то давит. Было такое ощущение, словно атмосфера переполнена электрической энергией... Мы были уверены, что высшее Сознание спускается на землю>, - рассказывает Пурани. Вот так.

Мои клетки дрожат; их раскачивает великий прилив...

Твёрдое как камень, неподвижное как холм или как статуя,

Моё безграничное тело принимает на себя тяжесть мира.

Ужасное и великое божественное нисхождение достигает моих смертных членов...

Это стихотворение было написано в тот самый день. Так начали открываться клетки. Ученикам же Шри Ауробиндо сказал только одно: <Я позвал вас, чтобы сказать, что, начиная с сегодняшнего дня, я удаляюсь, чтобы заниматься своей садханой, представлять меня и делать всю работу будет Она>. Так был основан Ашрам. С тех пор Шри Ауробиндо появлялся на людях три (а потом четыре) раза в год, в дни, называемые даршан, когда ученики молча проходили перед Ним, чтобы получить его взгляд. На двадцать четыре года Он заперся в своей комнате, чтобы to work things out, - говорил Шри Ауробиндо на своем непереводаемом, полном эвфемизмов английском, - чтобы <довести работу> до того дня, когда Его положат под жёлтыми цветами (Мать называла их <Служба>) во дворе Ашрама:

Ты вынесешь всё, чтобы всё изменилось.

Когда я читал эту строчку из <Савитри>, Мать добавила: <Даже смерть - ради этого Шри Ауробиндо оставил тело>.

Нужно ли было умирать, чтобы изменить смерть?.. Что значит изменить смерть? В этих двух жизнях остаётся ещё так много тайн, что перед этой строкой мы склоняемся словно в молитве.

Незримая дисциплина

Он сказал: <Делать всю работу будет Она>, - но Мать рассказывала совсем другое! <По идее, всю ответственность Он возложил на меня, а сам держался в стороне, но на самом деле всё делал Он, а я просто крутилась!> Она крутилась как волчок. Мать организовывала всю жизнь Ашрама - булочная (ведь людей надо было кормить), сады, прачечная, мастерская, покупка, ремонт, содержание зданий - последние были разбросаны по всему городу (ещё до основания Ашрама, в 1920 году Шри Ауробиндо говорил: <Я бы хотел, чтобы наша система развивалась в обществе, а не вовне...> - словом, все проблемы, присущие липкой субстанции, которую называют обыденной жизнью. Таким образом, принималась самая обычная жизнь в самом грубом виде - мужчины и женщины вперемешку и так далее, а сделать из этого надо было то, чего в мире ещё не существовало, но в самых что ни на есть <мирских> условиях. Никаких <четырёх стен> Ашрама - вообще на свете не было ничего, менее похожего на ашрам, чем этот Ашрам, откуда и происходили все сложности с людьми и житейскими условиями. Аскетам проще: они погружаются в <духовную жизнь>, сбрасывая <пальто>, и сосредоточиваются на своих добродетелях. Им

хорошо известно, где простое зёрнышко риса, где гусеница, где циновка на земле - они отрекаются от мира и открывают радости свободы. Но стоит столкнуться с обыденностью - еда, одежда, дом с садиком и служанкой, - и аскет обнаруживает, что еда недосолена, что одежда мятая, что сад зарос сорняками, что служанка лжива и ленива: повсюду скрип и трение. С утра до вечера он во всём сталкивается с какими-то помехами. Материя понемногу душит вас. Шри Ауробиндо и Мать прекрасно знали, что делали. Героем быть легко, однако героизм на самом банальном уровне невыносимо сложен. Старые наследственные, семейные и кулинарные привычки вырываются на поверхность отовсюду - все они пользуются любым предлогом, чтобы выскочить наружу, и предстать во всей красе. Это утомляет. Этому нет конца. Человек постоянно замечает, что он - не тот, кем нужно быть. Он видит, что всё делает неправильно. Старые реакции, старые взгляды, ментальные завалы, витальные вибрации бурлят и клокочут; в глубине нашего существа слышен недовольный ропот, там поднимается бунт - сама Материя стонет и не даёт Давлению Света, или даже слабому ментальному давлению отступить хотя бы на шаг от привычного, бессознательного и тёмного поведения. Попробуйте хотя бы просто взять бритву и побриться, осознавая каждое своё движение. Это кошмарный труд - ничего не получается, материя не желает этого, она сопротивляется и смеётся над вами. Повсюду, во всех своих делах, словах и мыслях, человек натывается на стены! Это мелко и убого. Непокорная и тугая Материя - тысячелетия материи и столетия предков живут в любом движении... Постоянное осознание, чистота, точность материи? Нет, это совсем не легко. <Вся суть физического мира в том, что нам нужна неусыпная бдительность в обращении с ним, - писала Она сыну в 1924 году. - Если человек хочет завоевать материальную область, ему нельзя допускать ни одной ошибки: любой огрех приводит к совершенно катастрофическим результатам, которые, кажется, несоизмеримы по силе и продолжительности с самой оплошностью>. Действительно, в крупнице фальшивой Материи или неверной материальной реакции как будто содержатся зёрна разрушения и смерти. В области разума можно рассуждать, но в Материи пульсация любого мгновения ведёт либо к жизни, либо к смерти. Выбор здесь прост и радикален. Едва увидев эти микроскопические мелочи, мы найдём неразрывную цепь событий, связывающую вывихнутую во время прогулки ногу с величайшими катастрофами. Мы прикоснёмся к ошеломляющей сложности Материи, для которой не существует разницы между великим и малым: всё либо от смерти, либо от жизни, какими бы ни были масштабы, и всё это непрерывно. Или - или. Здесь не существует <почти>. В эволюционной лаборатории всё, до мельчайших деталей, пронизывает строгая и незримая дисциплина. Да и как изменить Материю, если держаться от неё в стороне?

Мать переходила от одного к другому, и во всём вникала в каждую деталь: качество муки, трещины на стене, всякие мелочи, плохо вымытая чашка, болячки одного, бунты другого, споры третьих, глупости четвёртых. Она чинила, выправляла, молчаливо ободряла или давала каждой точке свой яркий

свет, улыбалась и проводила в сердца людей искрящуюся улыбку, нежность или великий Простор, что вдруг открывался в глубине её глаз и уносил всё в водоворот победоносной радости; Она давала поток энергии, сносящий все препятствия и обновляющий мир так, будто с Ней жизнь в любой момент могла вновь начаться сначала. Мать - это постоянное воссоздание. В одну секунду вы могли забыть все старые глупости, одолевавшие вас, и стать чистым и невинным младенцем, но и сама Мать обновлялась столь же бесконечно, сколь и другие. <Все мои достижения остались бы, так сказать, на теоретическом уровне, - говорил Шри Ауробиндо. - Путь к практическому воплощению показала мне именно Мать>. Да, Мать была мостом к универсальной материи. Шакти в действии. Лаборатория расширялась. В 1930 году Она писала сыну: <У нас уже двадцать первый дом. Оплачиваемый персонал Ашрама (рабочие, домашние слуги) увеличился до шестидесяти или шестидесяти пяти человек, а число членов Ашрама (учеников Шри Ауробиндо, живущих в Пондишери) колеблется от восьмидесяти пяти до ста - пять автомобилей, двенадцать автобусов, пять швейных машин, дюжина пишущих машинок, несколько гаражей, швейная мастерская (европейские и индийские портные, вышивальщицы и т.д.), библиотека и читальный зал, содержащие несколько тысяч томов, фотоателье, магазин с самыми разными товарами, завезёнными из Франции, большой сад с цветами, овощами и фруктами, молочная ферма, пекарня и т. д. Как видишь, дело немалое. А поскольку слежу за всем этим именно я, то могу с полным правом сказать, что я занята>. К 1950 году число учеников вырастет до семьсот сорока одного. Из монгольских монастырей, куда он, отрёкшись от всего, отправился в поисках истины, в Ашрам приехал молодой выпускник Политехнической школы (решительно, это заведение преследовало Мать). Он станет одним из самых умелых и чистых (что было редкостью) сотрудников эволюционной лаборатории. Шри Ауробиндо назвал этого человека Павитра, <Чистый>. Кроме того, он был способным химиком. Кажется, в 1923 году, будучи в Японии (Павитра приехал туда сразу после отъезда Матери), он открыл удивительный способ высвобождения атомной энергии из большей части распространенных металлов (в первую очередь, алюминия и меди). Такое открытие могло бы сделать атомную бомбу доступной для любого студента или для любого безумца. Павитра уничтожил свои бумаги и уехал в Монголию. В его лице была символически представлена завтрашняя наука. И тем не менее, он фыркал, как и все остальные, не понимая толком механизма странной йоги наоборот, отказывавшей в <освобождении>! Едва Павитра смог прорваться сквозь барьер и выйти из тела в горние просторы, Мать потянула его назад в тело: <Вместо того, чтобы помочь мне выйти, - воскликнул он в разговоре со Шри Ауробиндо, - Она, похоже, вернула меня к физическому сознанию!> А Мать ответила: <Да. Речь идёт о соединении обоих сознаний; высшее сознание должно спуститься к физическому. Оба должны присутствовать в естественном сознании>. Нам даже не понять, насколько глубокую революцию в мире начали Шри Ауробиндо и Мать... А та как всегда насмешливо говорила: <Вас будут

возвращать всякий раз, как вы попытаетесь сбежать>. Категорическое утверждение, но Мать была абсолютно категоричной. Это станет её правилом.

Она вовсе не щадила себя. <У неё было хрупкое телосложение, - замечает один из докторов Ашрама, - а продолжительность сна и питание явно не соответствовали её перегруженной делами жизни>. Однако мы и так понимаем, что Шри Ауробиндо и Мать сами не соответствовали медицине, впрочем, как и многим другим вещам. <Я атеистка от медицины!> - со смехом восклицала Она. На самом деле, Она просто <вгрызалась>, по её собственному выражению, в Материю, тратя на это двадцать два часа в сутки (на сон Мать тратила всего два часа) - постоянно, день за днём, не упуская ни единой мелочи. Так продолжалось тридцать шесть лет, до самого 1962 года, когда Она удалилась, чтобы заняться тем... что делал Шри Ауробиндо. <Отдых находят в действии, в усилении, в движении вперёд>, - говорила Она. Действительно, слияние противоположностей - отдыха и движения и тому подобного - главная черта Супраментального. В этом можно найти чрезвычайно полезную для жизни формулу. Есть способ пустить Шакти сквозь клетки без трения. Трение приводит к износу, усталости, а в конце концов - и к смерти. Всего одна чистая клетка станет куда более мощным источником энергии, нежели все наши атомные бомбы: <неистощимая энергия>, - говорила Она. Примерно в час ночи Мать в последний раз заходила в комнату Шри Ауробиндо. Это место было её тихой гаванью. Весь остаток дня ученики преследовали Её настолько настойчиво, что отдохнуть и перевести дыхание Мать могла только... в ванной. Уж там-то Её по крайней мере никто не осмеливался беспокоить. Так что же было между этими двумя существами? - Молчание и взгляд. <Чудесным образом, мы были настроены на одну и ту же вибрацию... Когда нисходила какая-то сила, когда что-то открывалось или проявлялось супраментальное, мы узнавали об этом одновременно. В словах нужды не было: лишь впоследствии мы обменивались несколькими репликами о практических результатах работы. Такого у меня не было ни с кем, кроме Шри Ауробиндо>.

Так и тянулась жизнь до того самого рокового дня в 1947 году, когда Шри Ауробиндо сказал: <One of us must go>. Один из нас должен уйти. Он произнёс это таким спокойным тоном, что могло показаться, будто он спрашивает, который час.

Что произошло?..

<Почему? Сколько раз я спрашивала себя с тех пор...> - двадцать лет спустя, в 1969 году, говорила Она. Причины, конечно, есть, даже сама Мать привела некоторые из них, но... Это <но> опасно, потому что ответ на наш вопрос, возможно, содержит в себе судьбу мира. Провал? Или что?... <Никаких провалов не было, - сказала Она. - Он пошёл на это сознательно, потому что считал, что так результат будет достигнут быстрее. О <провалах> здесь

говорить нельзя. Провал означает, что это был несчастный случай, но никаких <провалов> быть не могло>

Так что же это было?

<Почему? Сколько раз я спрашивала себя...>

<We can't both remain upon earth>. - <Вдвоём на земле оставаться мы не можем>. Неужели один из них должен был уйти в иной мир? Но ведь теперь и Она ушла туда же... Ну, так где этот <иной мир>?... Что в нём иного?.. Изменился ли иной мир?.. И он ли изменился?.. Может быть, никакого <иного мира> больше нет - невероятное слияние... Нечто... Это столь же таинственно, как и будущая земля. Но тайну найти надо, потому что только так её можно вызвать к жизни. Как только кто-то скажет: <Да вот же она!> - она появится здесь. Занавес поднимется, и мы увидим, что он и не опускался. Но как?.. Надо увидеть. Надо найти. Наверное, тайна и так прямо у нас перед глазами, но мы не видим её. Мы не привыкли видеть. Надо завести эту привычку, найти образ.

Надо что-то найти.

В час ночи, закончив работу. Она садилась у Его ног, найдя, наконец, покой. <Абсолютная безопасность в течение тридцати лет. Не могло быть ни одного неверного шага - Он был здесь>.

Затем Она возвращалась в свою комнату, брала с подносов свежие цветы, подрезала их, расставляла по вазам в соответствии с цветом, в два часа ночи ложилась и <спала>> до четырёх. Наутро именно с этими цветами Она выходила к ученикам и без устали повторяла: <Стремление>, <Пламя>, <Прозрачность>, <Открытие>, <Чистота>, <Простота>...

Пламя! Пламя! Чтобы Работа была успешной, надо было столько пламени!

Была ли она успешной?

Надо смотреть. Надо научиться смотреть.

Возможно, нужно пламя.

В противном случае, всё потеряно. Но это не может быть потеряно, ведь Он говорил: <Моя вера и воля говорят, что это происходит СЕЙЧАС... Ни с одним событием в мире... к которому у меня была бы такая же устойчивая воля, не случилось так, чтобы оно не происходило, хотя бы и после задержки, неудач или даже катастрофы>. Это было сказано в 1946 году, после войны.

Ещё одна катастрофа?

Или внутреннее пламя подстегнёт ход событий.

Перпендикулярный разрез

Что Он делал за занавесом?

По правде сказать, мы знаем об этом совсем немного. Ученики проявляли нетерпение и требовали, чтобы Он объяснил, что такое Супраментальное (Бог знает, что их толкало на это, возможно, сомнение здесь перемешивалось с верой, со вкусом к чудесам и с глубочайшим скрытым недоверием Материи, недоумевавшей, что свалилось ей на голову). Шри Ауробиндо отвечал: <Зачем вам объяснения? Насколько вы их поймёте? Потом, сейчас нам нужно не объяснять, что такое Супраментальное, а заставить его спуститься вниз и укрепиться здесь. Если получится, оно объяснит себя само, - если нет, то и в объяснениях нет нужды. В старых книгах я уже писал об этом, но просветить кого-либо так и не удалось. Так зачем повторять попытку?> Оно объяснит себя само... и это правда, оно действительно само объясняет себя - убедительно как бульдозер, во всех уголках сознания и мира. То, что было неясно тогдашним ученикам, сегодня очевидно почти для всех. Шлюз открылся. Можно понять, почему Шри Ауробиндо мало заботился о записи своего учения. <Божественной жизни>> пришлось дожидаться 1939 года, чтобы быть опубликованной, и то лишь по настоянию издателя из Калькутты. Для обычного человеческого сознания такое пренебрежение непонятно - где это видано, чтобы гений двадцать лет держал свой главный труд в ящике стола! Просто Шри Ауробиндо заглядывал глубже и дальше своей личности - Супраментальному надо было установиться: <Нисхождение Супраментального означает только то, что Сила будет здесь, на земле, точно так же, как мыслящий и высший разум>. Ученики возражали: <Кто может Вас понять?> - говорили они. Не все же, дескать, могут заниматься йогой и тяжёлым, но необходимым очищением (тут следовал тяжёлый вздох). А Шри Ауробиндо отвечал: <Мы взвалили на свои плечи этот груз, чтобы расчистить путь для тех, кто последует за нами... вот для них я и прилагаю все свои силы на то, чтобы в ближайшее время низвести на землю супраментальную Силу>. Этого не было ни в тонких брошюрках, ни в толстых томах с кожаным переплетом и золотым обрезом; Он хотел (и так должно было случиться) внедрить это в универсальную Материю, чтобы люди будущего дышали этим точно так же, как сегодня мы дышим (хотя и плохо) Разумом. Итак, вместо того, чтобы ловить новые идеи, витающие в воздухе, надо поймать в субстанции новую вибрацию - но какую?.. Наверное (то есть, наверняка), она сама <объяснит себя>, но, получив хотя бы намёк на её <устройство> в обход осторожности

Шри Ауробиндо, мы бы могли подстегнуть естественный ход событий, поскольку время действительно не терпит. Но мы, вероятно, ошибаемся; возможно, всё идёт так, как должно идти. Суть в том, что у нас есть одна привилегия: мы можем сознательно участвовать в эволюционном переходе, а не бездумно прыгать с одной надломленной ветки на другую, как это делали обезьяны. <Детали и метод поздней стадии Йоги, ведущей в малоизвестные и неизученные области, я не открыл широкой публике и в настоящее время делать этого не собираюсь>. Это было сказано в 1935 году. Шри Ауробиндо никогда этого не сделал. <Он ушёл прежде, чем рассказал о своих делах>, - говорила Мать.

На это была причина. Но о ней позже.

Всё равно, можно попытаться разгадать загадку этого человека, подбирая ключи на манер <дорогого Уотсона> Артура Конан Дойла. Впрочем, с Матерью о Конан Дойле придется забыть: это предприятие потребует расшифровки и составления карт леса, изучения биологии. Здесь нам поможет скорее Уэллс или Киплинг, да ещё маленький Маугли, зачарованный навеки, - и что-то другое, от любви и обожествления, ибо только они позволяют открыть тайны.

Нам нужна эта тайна.

Самое первое ясное указание на механизм можно найти в беседе 1923 года (это было ещё до <ухода> Шри Ауробиндо). <Не расскажете ли Вы о нынешнем состоянии Вашей садханы?> - спросил Пурани (этому старому ученику мы обязаны записью <Вечерних бесед>). Шри Ауробиндо ясно, но очень тихо ответил: <Я не могу назвать это состоянием или положением. Скорее, это сложное движение. В настоящее время я стараюсь низвести Супраментальное в физическое сознание, стремясь довести его до суб-материального уровня. Физическое косно по своей природе; оно не хочет становится сознательным и изо всех сил сопротивляется всем изменениям. Кажется, будто <копаешь землю>, если вспомнить выражение из Вед. Человеку приходится как бы рыть проход от верхнего Супраментального к нижнему. Существо становится сознательным, но постоянное движение вверх и вниз, подъём и спуск не прекращаются. Веды говорят о <двух концах> - голова и хвост дракона, ограничивающие и замыкающие сознание. Я обнаружил, что разум и витальное не могут быть пропитаны Супраментальным в полной мере, пока оно не установится в Материи. Поэтому физическое надо принять и преобразовать... Вот я и пытаюсь перенести самый высокий слой Сверхразума в физическое сознание>. Это движение вверх и вниз наиболее заметно для всех, кто хоть немного занимался подобными вещами. Освобождённое от ментальной оболочки и более или менее низких и утилитарных установок, сознание уподобляется лучу силы (Сознание-Сила, как говорил Шри Ауробиндо), продвигающемуся сквозь тело свободно как электрический ток

переменной мощности и силы. Оно подобно подвижному сгустку силы. Сознание поднимается, опускается, то выходит вовне, то входит внутрь, воздействуя на людей, обстоятельства, внутренние сложности. Совсем как <кобальтовая бомба> - на самом деле бывают <бомбочки>, а бывают и огромные <бомбы>: всё зависит от стадии эволюции. Неизменным остаётся принцип: если вы обеими ногами увязли в плотной и удушающей Материи, нужно, подобно утопающему, подниматься наверх, искать кислород в самых чистых и пригодных для дыхания слоях сознания - скажем, до прозрачных высот занавеса. Человек то поднимается, то опускается, но с каждым возвращением он приносит вниз тонкую и хрупкую нить света. Она постоянно рвётся, доходя до ног, увязших в Материи. Это занятие похоже на вдывание кислорода в грязь. Постепенно нить становится всё прочнее и рвётся уже не так часто. Наконец, устанавливается мост. Сначала он похож на световую трещинку в мощных геологических пластах. Их можно увидеть, если проследить путь лучика сквозь океанские толщи (или воду аквариума): за поверхностью начинаются всё более и более тёмные глубины (это Разум), затем идёт взвесь (это Витальное), затем грязь, и, наконец, - каменное ложе. Чем глубже копаешь, как говорят Шри Ауробиндо и Веды, тем большая чистота или сила нужны лучу. Ведь в конечном итоге работа делается не для одного тела - путь землекопа проходит сквозь тело земли. Трещина расширяется, шаг за шагом она захватывает всё большие площади, проникает всё глубже - это происходит <просто так>: человек может гулять, слоняться без дела, чистить зубы, а работа идёт. Работа совершенно незаметно делается всё время. Нет ничего более незаметного. Но чем дальше она продвигается, тем большее. Повсюду вы слышите шипение и видите копошение, точно луч света привёл вас в гнездо змей или червей. Мир приходит в движение, и начинаются беспричинные восстания - то справа, то слева. Веды рассказывают о маленьких бесноватых <дасьюс>, пещерных троглодитах. Ни кислород, ни свет им не нужны, они любят грязь, и точка. А всё, что пытается проникнуть внутрь, по их мнению, суть безжалостный убийца и опасный враг безопасности общественной грязи. Такова общая картина <в разрезе>. И всё же в определённый момент на самом дне ямы человек находит <супраментальное внизу>. Тот же Свет, что и наверху, та же сила, та же прозрачность, та же Точность. Это <источник мёда, скрытый под скалой>, о котором рассказывают Веды. <Величайшая задача - открыть физические клетки Божественному Свету>, - говорил Шри Ауробиндо в 1926 году, перед самым уходом. Момент чрезвычайно опасен: или всё рухнет, или выдержит. Выдержит ли тело? Выдержит ли земля?... Вот, в чём вопрос. Лопнет ли мир от <невыносимого давления> или свет просочится, адаптируется, наполнит землю воздухом? В этом смысле Шри Ауробиндо и говорил о <концентрированной эволюции>.

Сопротивление

Итак, Он <доводил работу>...

Другие указания можно обнаружить в реакциях самой лаборатории и в нескольких отрывках, не попавших под перо Шри Ауробиндо.

Лаборатория не выдерживала манипуляции или, скорее, <давления>. Сначала показались самые крупные рыбы; их легко увидеть, а от их длинных зубов несложно увернуться: по крайней мере, вы знаете, что это зубы. За ними следуют целые косяки полузадушенных и обезумевших мелких рыбёшек. Им нет конца... Если жить на обычном уровне, а не взирать на мир с высоты космической трапеции, начинаются странности: удушье мелких рыбёшек переживается как собственное удушье, человек близок к безумию - кажется, что зло можно излечить, только приняв его полностью в себя. Это мучительно. Это отвратительно. Вас окружает зловоние, вы превращаетесь в карлика и недоумеваете: <Да неужели это йога? Да неужели это я?..> Всё это очень неприятно. <Я же искал космических высот, а не этого омерзительного вздора!> Ну, конечно, только вот из такого вздора и состоит боль мира, великая мировая боль - акулы очаровательны, но смерть несут не они, а бесчисленные невидимые <пустяки>, которые наполняют каждый день нашей жизни и таятся под всеми нашими красивыми словами и самодовольными идеалами. Утомительные голоса Ведических Асуров - титанов и демонов - всё время звучат в ваших ушах: <У тебя ничего не получится, зря ты это затеял, ты просто теряешь время. Поищи лучше наверху, в космическом сознании!..> Так продолжается день за днём и ночь за ночью, без всякого отдыха или передышки: или ты, или я. Кто победит? Иногда человек чувствует себя как съеденный волками серенький козлик. Орда бесенят постоянно нашёптывает ему: <Тебя съедят, съедят...> Что и говорить, эта битва ужасна и неприятна. Легко понять мудрецов и святых, торопливо удиравших в рай сознания. А здесь мы имеем дело с Подсознательным: этот термин употреблял Шри Ауробиндо, но Он понимал его иначе, чем наша психология поверхностей. Имеется в виду эволюционное до-человеческое прошлое, животные и растительные слои, тянущиеся до самых глубин клеток. <Это труд Геракла, - говорил Шри Ауробиндо. - Попадая туда, человек оказывается как бы на неисследованном континенте. Йоги прошлого доходили только до витального. Да и я, если бы мог предвидеть, что случится, испытывал бы меньше энтузиазма...>

А ученики и подавно... Первый приступ воодушевления сменяется постоянным недовольством на самом мелком уровне - все микроскопично. Но ведь всю работу делали за них, им даже не надо было сражаться (битву вёл Шри Ауробиндо) - только иди за Ним, присоединись к нему, откройся. А открыться значит подчиниться руководству, не мешать битве. <Путь, пройденный Шри Ауробиндо, я проходила автоматически>, - замечает Мать.

Это закон автоматизма Супраментального, однако, чтобы он вошёл в силу, человек должен в некотором смысле пустить прогресс в себя - помочь Лучу, а не бурлению мира. А ученики, кажется, посвящали всё свое время созданию стен - пусть даже это не было заметно! На поверхности было прекрасное, поэтизирующее и высокодуховное сознание, красивые речи и преклонение перед Мастером. А под ним скрывалось что-то другое. Это настолько обыденно, что мы даже не замечаем его, когда сталкиваемся с ним вплотную - просто не хотим видеть. Люди приходят к йоге в поисках <опыта>, <озарения>. Они хотят, чтобы их перо само писало стихи, они хотят статей для своей газеты, вдохновения для своих книг, светлых просторов... для крепкого сна. Они посылали Учителю тысячи писем с требованиями. Он с неизменным терпением отвечал на все, пытаясь что-то втолковать людям: <Давление, призыв созданы для того, чтобы изменить природу, зависящую непосредственно от Бессознательного [тогда йога от Подсознательного спустилась к Бессознательному] - устоявшиеся привычки, самопроизвольные движения, механические повторения природы, невольные реакции на события, словом, всё то, что, казалось бы, проистекает из самой человеческой натуры... Опыты - это хорошо, но дело в том, что они, похоже, не изменяют природы. Они только обогащают сознание>. Даже когда высшие планы сознания понимают это, принять такие слова нелегко. Внизу нас ждёт только рык и бурление, это проявляется в тысячах повседневных мелочей. Мы не хотим избавиться от мелких рыбёшек и с горячностью защищаем свое право на страдания и темноту. Внимательно читая переписку Шри Ауробиндо с учениками, мы чувствуем боль: через что Он только не прошёл, что не вынес. День за днем Он сталкивался с пустяковыми вопросами, мольбами, требованиями, угрозами самоубийства, голодовками, болезнями сопротивления - сопротивлялось всё. Если кто-то вдруг умирал, то ученики удивлялись, как это лживый Сверхразум не дал им иммунитета от смерти. <Моя цель - обожествление человеческого сознания, - писал Шри Ауробиндо одному из учеников, - сведение Супраментального, Сознания Истины, Света, Силы в физическое и трансформация последнего... а отвечают мне отвращением, страхом, нежеланием, или сомнением в возможности того, что цель будет достигнута. С одной стороны, все хотят, чтобы болезни стали невозможны, а с другой - отбрасывают единственное условие их невозможности>. Вот этому <единственному условию> люди будут сопротивляться до самого конца. <Закон автоматизма> стал работать наоборот: Шри Ауробиндо автоматически получал всю темноту своих учеников. Мать немного печально (хотя печаль была вовсе не свойственна ей), заметила: <Даже среди лучших, даже среди тех, кто без колебаний поставил бы свою жизнь на кон ради великого случая, не найдётся ни одного человека, который был бы готов отказаться от своих пристрастий, привычек, удобств ради скорейшего достижения победы>. Вот так. Небольшие дела вообще сложны. Дело вовсе не в том, что ученики были <дурными> - по сравнению с теми, кто оказался впоследствии под началом Матери, эти вообще были ангелы. Вернее, они были и хорошие и плохие, как и любой человек; они, собственно и были любыми людьми. <Учеников> не было,

была просто земля. Она сопротивлялась, упорствовала, не подчинялась.
Великолепная <репрезентативность>. Никакой благородный свет не вынесет
того, с чем пришлось столкнуться Шри Ауробиндо, и не избежит этой
глупости. Это глупость самой земли. Нищета земли. Это <Труд Бога>:

Я долго копал, уходя всё глубже

В ужас, мерзость и грязь.

Я копал русло для песни реки золотой,

Очаг для бессмертного огня.

Я трудился и страдал в ночи Материи,

Чтобы принести огонь человеку.

Но ненависть ада и презрение людей

Стали моей участью с начала мира...

На моём теле зияет тысяча и одна рана,

И Титаны-короли наступают на меня...

<Иди туда, куда никто не ходил! - крикнул голос,

Копай всё глубже и глубже,

Пока не достигнешь серого камня основания

И постучишь в дверь, к которой нет ключа...>

Сквозь слепые дороги тела

(Я) дошёл до подземных таинств.

Я дошёл до безгласного и опасного сердца Земли

И слышал колокол её черной мессы.

Я увидел источник её агонии

И внутренний смысл ада.* *A God's Labour

Вся земля

А на Западе на поверхности раздавался грохот, исходящий из слепых недр Земли. Шри Ауробиндо увидел опасность ещё до того, как некий маляр стал рейхсканцлером. В любом Его письме можно найти следы тревоги и озабоченности. Он и правда видел, откуда поднимется грязь: это было видно на Его собственной плоти, даже на плоти Матери. В 1925 году (неужели это случайность?) у Нёе начались сильнейшие приступы флебита, осложнённые общим заражением крови: <Сегодня ночью у меня едва не остановилось сердце - и это повторилось дважды>, - писала Она сыну. В том 1925 году на свет появилась национал-социалистическая партия. В ногах находится центр Подсознания. Зловонная опухоль поднималась всё выше. Как тяжело было Шри Ауробиндо растолковать ученикам опасность <вопящей орды>! Те настолько ненавидели Английских Захватчиков, что наивно полагали, будто враг их врагов друг для них. Даже Ганди оправит открытое письмо Членам Британского Парламента, умоляя их не заниматься насилием и не поднимать оружия против Гитлера... (<Я прошу вас прекратить военные действия, - говорил он в письме от 2 июля 1940 года, - ведь война дурна в принципе. Вы хотите уничтожить нацизм: ваши солдаты, точно так же, как и германские, занимаются только разрушением. Разница, возможно, только в том, что вы не столь последовательны... Осмелюсь предложить вам более благородное и более достойное ваших отважных солдат средство. Я бы хотел, чтобы вы боролись с нацизмом без оружия... или с руками, не запятнанными насилием. Сложите оружие, ибо оно не спасёт ни вас, ни человечество... Пригласите герра Гитлера и синьора Муссолини и предложите им то, что якобы принадлежит вам. Отдайте им свой чудесный остров и красивые дома. Вы отдадите только это, но сохраните свои души и дух...>) А Шри Ауробиндо без усталости повторял: <Победа одной стороны (союзников) оставит путь для эволюционных сил открытым; победа другой стороны оттянет человечество назад, к чудовищной деградации, а то и к провалу, к гибели биологического вида, что уже случалось в другими видами в истории эволюции>. Он был категоричен: победа Оси

станет <разрушением моей работы>. В 1936 году, увидев фото Чемберлена и Гитлера в Мюнхене, Шри Ауробиндо сказал, что Чемберлен <выглядел как пойманная в паутину муха перед пауком>. Игра в комнате наверху становилась всё жёстче и беспощадней. <Ну, так когда же нам ждать супраментального нисхождения?> - допытывались одни, а для других оно стало как бы мифом, в который люди верят без всякой надежды на то, что он когда-либо осуществится. <Когда же? Сейчас? Это возможно?> Однако уже в 1925 году перед Шри Ауробиндо словно бы развернулась вся картина: <Я бы не пытался, если бы это не было возможно... Всё зависит от внешних обстоятельств, - говорил Он. - Готов ли физический план к принятию Света, - вот в чём вопрос>. Конечно, ведь этот план всюду един! Как <низвести> этот Луч в своё тело, оставив в стороне весь мир? Чем больше Он старался низвести его в Себя, тем сильнее становилось сопротивление вовне, что среди учеников, что на восточном берегу Рейна. <Я заметил, - писал Он, - что сопротивление растёт по мере нисхождения Света и Силы. Вы сами (это письмо адресовано ученику) можете видеть, что давление опускается всё ниже. Мощь сопротивления столь же заметна>. <Означает ли это, - спросил ученик, - что для нисхождения Супраментального в физический план нужно создать особую атмосферу?> <Вот именно. Вы должны помочь и создать необходимые Условия, если хотите, чтобы нисхождение состоялось сейчас>.

Всё росло - давление, сопротивление, число учеников: в 1938 году их было сто семьдесят два человека. Шри Ауробиндо прекрасно понимал, в чём состоит трудность: Он ни разу не поднимал голос против их заблуждений, - Он писал и писал, пытался вразумить учеников, дать им силу, убрать с их пути помехи. Над каждым человеком Он трудился как над клочком земли: ведь не отбросишь землю под тем предлогом, что она дурна? Так ведь дело дойдёт до всей планеты! <Почему бы вам не сократить персонал? Тогда работа пошла бы быстрее> - невинно спросил Шри Ауробиндо один из учеников: сопротивлялся-то <персонал>. <Я не Гитлер! - ответил Шри Ауробиндо. - Так дела не делаются, С тем же успехом вы бы могли предложить нам с Матерью перебраться в Гималаи и бросить всех...> Он всё понимал и только говорил скромно: <Вы могли бы помочь...> <Я верю в определённую свободу, свободу искать самостоятельно и даже совершать ошибки. Природа ведёт нас окольными путями через разнообразные ошибки. Создавая человека, в котором заложены возможности как добра, так и зла, она прекрасно знала, что делает>. Нам не понять величия Шри Ауробиндо, если мы не понимаем свойственной Ему целостности видения. Для Него не было ничего запретного или постыдного, и <добро> и <зло> равно были частями работы, причём не было ничего доброго или злого, просто в субстанцию, укрытую поддельным добром и поддельным злом надо было влить нечто другое. Шри Ауробиндо не видел ничего плохого ни в учениках, ни в земле, - это было поле Его работы, вот и всё. Если бы не боялись парадоксов, то сказали бы, что своими трудностями ученики помогали Ему. Однако некоторые просто мыли тарелки в стороне. Вот эти и составляли настоящий <Ашрам>. <Почему же вы с Матерью не живёте

полностью в Супраментальном? Ведь для вас это легко, а затем его можно распространить на всех!> Они не понимали проблему и не могли объять её целиком. Тем не менее Шри Ауробиндо пытался растолковать им, в чём дело: <Если бы мы физически жили в Сверх-разуме с самого начала, никто не смог бы приблизиться к нам... Не было бы даже надежды на связь с землей и людьми. Даже в нынешнем состоянии Матери приходится спускаться на низший уровень сознания, иначе ученики начинают причитать: "Как вы далеки, как вы жестоки, вы не любите меня..." и так далее>. Даже несколько капель луча сделали Давление <невыносимым> для них. Что же говорить о водопаде? Земля уже корчилась. Так что толку в божественном затворничестве? Всю грязь приходилось принимать на себя - всю землю. Вот в этом и заключалась проблема, которая станет затем проблемой Матери. Если терпение кончается и ждать остальных уже не вмоготу, человек теряет контакт и становится <невыносимым>. Свет может ослепить мелкую рыбёшку, а некоторые силы невыносимы для непросвещённой человеческой субстанции: они растворяют её. Мать и Шри Ауробиндо не собирались растворять мир одним ударом лучезарного Супраментального. <Моя садхана предназначена не для меня, а для сознания земли...>

Они копали, копали и очищали.

А Давление всё росло.

Честная работа

<Вы не понимаете, что я сижу по двенадцать часов за письмами, разнообразными докладами и так далее... Каждый вечер по три часа, и целая ночь до шести часов утра>. Это было в 1933 году. Десятки тысяч писем. Немыслимый труд. И все задавали одни и те же вопросы - маленькие трудности, большие, личные проблемы каждого. Шри Ауробиндо отвечал всем; могучая тишина свободно пропускала Силу. Для Него не было ничего мелкого или глупого. Любое письмо помогало Ему работать над некоторым человеческим типом, категорией сознания, образцом затруднения или сопротивления. Его клетки поглощали темноту и <доводили работу>. Но если вдруг Он мешкал с ответом, адресат начинал суетиться: <Что случилось с моей рукописью? Бездействие?> Ведь Он занимался также стихами своих учеников, их прозой, даже... Даже насморком. <Уважаемый господин, - отвечает Шри Ауробиндо, - если бы вы видели, как я всю ночь напролёт сижу над бумагами, расшифровываю и пишу, то даже сердце ученика было бы тронуто, и вы забыли бы как о рукописи, так и о забвении. По крайней мере, в настоящем, моя попытка уменьшить поток корреспонденции не увенчалась успехом...> Это

было в 1936 году. <Когда люди пишут вам по четыре письма в день - по десять страниц мелким почерком подряд, когда вы получаете по двадцать писем вечером и по сорок - ночью (естественно, не всегда, но всё же), то это уже кажется перебором>. Так будет продолжаться до тех пор... пока Он не ослепнет. Но даже слепой Шри Ауробиндо будет диктовать... А люди говорили, что Он живет <наверху>, в супраментальном сне при том, что бедные человечки должны бороться с <суровыми реалиями жизни>. <Ну что за глупости! - терпеливо отвечал Шри Ауробиндо. - Я будто бы родился с супраментальным темпераментом и никогда не сталкивался с суровой реальностью. Господи! Вся моя жизнь была борьбой с этой самой реальностью - голод и нищета в Англии, постоянная опасность и угрозы во время революции, и наконец гораздо более тяжёлые проблемы здесь в Пондишери: тут они возникают постоянно, как извне, так и изнутри. Битва началась с самого детства и продолжается до сегодняшнего дня - ни то, что я сижу в своей комнате наверху, ни духовные силы... ничего не меняют. Естественно, я не кричал об этом на всех углах, и конечно, я догадываюсь, что люди полагают, будто я живу в блаженной стране, мечте пожирателей лотосов, и никак не связан с грубой реальностью жизни или природы. Только это иллюзия!> Более того, Ему приклеили ярлык <Аватара> - бога, воплотившегося в человеческом теле и только притворяющегося, будто он страдает, а на самом деле ничего не знающего о тяготах человеческой жизни. Один так и сказал - <притворство>. <Значит, вы полагаете, что у меня (я не хочу говорить здесь о Матери) никогда не было ни сомнений, ни отчаяния, ни подобных им чувств? Я перенёс всё, что выпадает на долю любого человека, иначе я не мог бы говорить, что и с этим можно справиться... Мне приходилось работать над каждой проблемой и над каждым планом сознания, чтобы разрешить задачу или преобразовать план. И в каждом случае я оказывался в кошмарных условиях, которые приходилось принимать такими, как они есть, без всяких чудес>.

В 1942 году, ещё не до конца ослепнув, Шри Ауробиндо писал (наверное, какое-то письмо ускользнуло от Его внимания, или Он пытался извиниться за то, что на несколько дней прервал переписку из-за войны и работы над ней): <Это правило [не писать] было вызвано не личной прихотью, а лишь тем, что переписка отнимала у меня большую часть времени и энергии, поэтому возникла опасность, что моя настоящая РАБОТА будет заброшена или не закончена, если я не займусь ей вплотную и не изменю распорядок дня. С другой стороны, результат внешней деятельности (то есть, переписки) очень невелик: нельзя сказать, что она привела к большому духовному прогрессу в Ашраме...> Это тоже знак. Зачем эти тонны писем? Но Он с застенчивой нежностью добавляет: <Всё равно, для вас, и только для вас, я нарушил своё правило; я не думаю, что это можно понять как недостаток любви и гранитное безразличие>. 1942 год. Обложившись картами и сводками со всех фронтов, Он боролся с нацизмом сутки напролёт. Затем Шри Ауробиндо вновь вернулся к переписке. Однажды Он сказал человеку, писавшему под его диктовку: <Работа недоделана>. Это было в 1945 году. <Он сделал одно замечание -

говорит Его секретарь, - и продолжал... до 1949 года>. Семнадцать лет переписки.

Его настоящая работа...

Но мог ли Он отбросить хотя бы одно из писем, не отбросив при этом какую-то часть земли? Говорят: <Ну, ведь ученики могли бы...> Да разве в учениках дело! Могла бы земля? Шри Ауробиндо принимал <условия такими, как они есть>, и работал над ними... <честно>. Всего на одно письмо меньше, одно забытое письмо... кто бы вспомнил о нём?

<Каждый атом>, - говорил Он.

А ученики походили на стаю голодных волков.

Его настоящая работа... Он делал её во время прогулок после писем - Он ходил до тех пор, пока не отказывали ноги. Своими шагами он ковал Материю. Какое Слово Шри Ауробиндо молча повторял про себя, какой Сезам? Когда его верный телохранитель впервые оказался в Доме для Гостей, то заметил странный желобок, тянущийся вдоль веранды и углубляющийся в пол на <четверть дюйма>: его выбили шаги Шри Ауробиндо. Но нам уже не увидеть его следов в коридоре со стенами, покрытыми ультрамариновой плиткой, где как будто звучало эхо Луксора - однажды ученики принесли целое ведро чёрного клея и покрыли весь пол великолепным линолеумом. Можно негодовать или грустить по этому поводу, только ведь каждый из нас в чём-то варвар. Мы не замечаем собственного варварства только потому, что оно отличается от варварства соседа. Вот это ежесекундное и бесконечно многообразное Варварство и надо уничтожить! А когда ноги отказывали, и дробить Материю сил уже не было, Шри Ауробиндо садился в зелёное, немного выцветшее кресло и в течение нескольких часов сидел с открытыми или полужакрытыми глазами, глядя на стену напротив... Так продолжалось до тех пор, пока эти глаза не закрылись 5 декабря 1950 года.

Стена.

Вехи

Что же до Его настоящей работы, то у нас есть несколько полупрозрачных намеков, несколько нитей, мелькающих то тут, то там: то натиск, то задний ход, то внезапная победа, то кропотливый и незаметный труд. Это история всей

земли, изложенная в нескольких простых и пронзительных в своем лаконизме абзацах:

март 1924. Надо изменить закон земли и создать новую атмосферу. Вопрос не в том, как получить знание, силу и так далее, а в том, как низвести их; сложность заключается именно в этом.

август 1925. Я обнаружил, что чем больше Света и Силы приходит вниз, тем сильнее становится сопротивление.

август 1932. Я знаю, что нисхождение Супраментального неизбежно - мой опыт убеждает, что момент пришёл уже сейчас... Но если бы даже я знал, что это случится позже, я бы не свернул со своего пути, не растерялся бы и не прекратил работу. Прежде, возможно, я бы так и поступил, но СЕЙЧАС - после того, что я прошёл... Я настаиваю, что это произойдёт сейчас, а не в будущей жизни, и не в запредельном мире.

ноябрь 1933. Нет, Супраментальное не низошло ни в тело, ни в материю, просто сейчас его нисхождение стало не только возможным, но и неизбежным.

сентябрь 1934. Супраментальная Сила спускается, но она ещё не завладела телом или материей.

февраль 1935. Пусть люди смеются надо мной, если им так хочется, пусть хоть весь Ад падёт на меня, если, по его мнению, моё намерение заслуживает этого, но я дойду до конца - или до победы, или до гибели.

апрель 1935. Лично мне реализация Супраментального не нужна... моя супраментализация - это ключ, открывающий двери Супраментального земному сознанию.

май 1935. (Ученик): Кажется, вы помогли нам одержать победу. Люди видели вокруг Матери розовое сияние. (Шри Ауробиндо): А потом поднялась грязь, и оно угасло... Это Бунт Подсознания.

август 1935. Мне, наконец, удалось разобраться в этой проклятой истории. Я, совсем как Эйнштейн, составил математическую формулу процесса (как и в случае Эйнштейна она понятна только мне) и сейчас выверяю цифру за цифрой.

август 1935. Что до людей (учеников), то они отнюдь не в супраментальном. Одни достигли высших слоёв разума, другие рванулись туда, но вновь упали в подсознание, и так и колеблются между небом и адом - то одно, то другое... до бесконечности. А кто-то прочно и со всеми удобствами обосновался в грязи; некоторые сидят в грязи и видят сны или видения; у некоторых же ноги увязли

в грязи, а голова оказалась в небесах. Словом, бесконечное количество вариаций. Кое-кто же вообще нигде не пребывает.

ноябрь 1935. Хвост Супраментального всё ниже и ниже... Пока только хвост, но где хвост, там и всё остальное... <Формула> вырабатывается быстро... Это моё личное <нисхождение>... Попытка всеобщего нисхождения подняла бы такое количество грязи в подсознательном, что мне пришлось отказаться от неё.

сентябрь 1938. Мюнхен.

24 ноября 1938. Шри Ауробиндо сломал правую ногу выше колена.

декабрь 1938. (Ученик): Когда это опустится? (Шри Ауробиндо): А как оно может опуститься? Чем оно ближе, тем сильнее сопротивление... (Ученик): Вам удалось реализовать Супраментальное? (Шри Ауробиндо): Я знаю, что Супраментальное существует. Физическое существо ловит его отблески и вспышки. Я не удовлетворен частичным присутствием Супраментального в физическом сознании: я хочу низвести его целиком, в чистом виде, а это крайне сложно.

январь 1939. Всё вроде бы шло хорошо, и работа продвигалась, но тут произошёл несчастный случай (перелом). Это означает, что для того, чтобы Сознание Истины могло воплотиться в теле, надо изменить Подсознание, тогда Сознание Истины волнами разойдётся по всему человечеству.

сентябрь 1939. Война.

август 1945. Лично я близок к цели.

9 апреля 1947. Облегчить сопротивление Бессознательного.

15 августа 1947. Декларация независимости Индии.

июль 1948. Ситуация плоха и становится всё хуже, может быть, она станет даже хуже, чем самое худшее, если такое вообще возможно, но в нынешнем взбаламученном мире возможно всё, что угодно... Но всё это было необходимо: некоторые возможности должны были проявиться хотя бы для того, чтобы мы могли избавиться от них, если должен родиться новый и лучший мир; напоследок это откладывать уже нельзя... Задуманный нами новый мир будет отличаться от старого не только структурой, но и тканью, он придёт совершенно иным образом: не извне, а изнутри.

1949. Первое испытание атомной бомбы в России. Мао Дзе Дун провозглашает Китайскую Народную Республику.

август 1949. (Запись секретаря Шри Ауробиндо): Практически вся переписка прекратилась, продолжается только работа над <Савитри>. Мне кажется, Он решил оставить тело, и поэтому торопится закончить свой эпос.

Без даты. Только божественная Любовь может вынести ношу, взваленную на мои плечи.

20

ОН И ОНА

Сейчас?

Хотелось бы нам расшифровать эту <математическую формулу>... В <тёмных аллеях тела> многое прояснилось. Но Тайна всё равно остаётся. Иногда мы едва не касаемся её, она кажется простой, прозрачной и неожиданной... но спустя мгновение ускользает как дуновение ветра. Будущее мира заключено в сущем пустяке. Чем прозрачнее, тем таинственнее. Надо найти эту Тайну.

<Лично> Он был близок к цели. <Даже в своей постели он был супраментальным> - говорила Мать. Они читали в Его комнате газеты и устраивали различные проделки(!), пока Мать не вынесла прочь кипы газет. Для него-то цель была близка, а для остальных? Зачем быть супраментальным в одиночку? Другие восстанавливали свой мирок, создавали ООН, строили планы - кошмар закончился, но не для Них. Они знали. Они видели, к чему идёт дело: <Некоторые возможности должны проявиться хотя бы для того, чтобы мы могли избавиться от них, если мы хотим рождения нового и лучшего мира>. Это было сказано в 1948 году. Медленное и долгое освобождение, медленное восхождение бездны во всех уголках мира, всех людях, всех сознаниях: тяжелый катарсис Подсознания был необходим, чтобы Сила Истины могла распространяться <волнами>. Шри Ауробиндо видел всё это полуприкрытыми или, напротив, широко открытыми глазами. Он сидел в выцветшем зелёном кресле с белыми арабесками и смотрел на стены, а за Его спиной резвились ученики. <Некоторое время назад Гитлер побеждал повсюду, и казалось, будто на землю ложится чёрное ярмо демона. Однако где теперь Гитлер и его власть? Берлин и Нюрнберг стали финалом этой ужасной главы человеческой истории...> Но Шри Ауробиндо добавил: <Новый мрак охватывает человечество и грозит поглотить его...> Это было в 1946 году -

после Гитлера! Но, как всегда, Он смог заглянуть дальше: <Впрочем, и это рассеется точно так же, как рассеялся кошмар Гитлера>. Вот только дотянет ли Он до этих времен? Уже перелом был подобен набату. Люди всё развлекались и писали письма, а Шри Ауробиндо всё диктовал и диктовал... Он <облегчил Бессознательное>. Мать тоже видела с чудесной и прозрачной простотой чистого горного ручья. Она говорила детям: <Мы избавились от Гитлера, потому что за ним стояла нация и физическая сила, однако его победа стала бы катастрофой для человечества. Впрочем, не надо строить иллюзий... Смерть одного или другого [Сталина, Гитлера] ничего не решает, речь идёт совсем о другом. Эти люди были только формами. Как будто в одной рубашке вы будете вести себя плохо, а затем переоденетесь и скажете: "Ну всё, теперь я хороший", - да разве в рубашке дело!>. Ни смерть, ни рубашка ничего не меняют! Шри Ауробиндо и Мать ясно видели, что эпидемия смертельной болезни не остановится, пока не будет вырван её корень. Земной корень. Он видел это со своего кресла и до последнего дыхания бился в Стену.

Голая чёрная стена.

А за нею -

Небеса.* *Collected Poems

Что-то в земном сознании надо было выкорчевать, <довести работу> над зловещей тайной. По сравнению с этим мы со всеми нашими панацеями и дипломатическими чудесами кажемся детьми... совсем как те, что веселились за спиной у Шри Ауробиндо. Когда же мы поймём, что наша собственная часть тайны, часть победы или поражения находится прямо здесь, в нашем теле? Смерть совсем мала, она живёт в каждом мгновении. Чудо земли, возможно, в наших руках. Он смотрел и копал, и чем дальше он углублялся, тем больше грязи выплескивалось на поверхность. You ought to help... Вы могли бы помочь.

Но однажды Он увидел - что? <Один из нас должен уйти, мы не можем оставаться на земле вдвоём>. Она реагировала с яростью раненой львицы. <Я всё помню ясно, я до сих пор вижу комнату, Его и слышу его слова: "We can't both remain upon earth". Вот и всё>. Больше ни слова. Это случилось, кажется, в начале 1949 года, а до Его ухода оставалось чуть меньше двух лет. <Я восприняла это очень тяжело, Я сделала всё возможное, чтобы помешать Ему уйти, но только увеличила его муки, ибо Он ХОТЕЛ уйти, Он решил - "Он": всевышний Господь решил, что Он уйдёт. Почему?.. Сколько раз я думала об этом? "I am ready, I'll go", - я готов, я ухожу>. Она позвала в Пондишери сына и занялась подготовкой. <"It can't be you", - только не вы, потому что кроме вас некому заняться материальной работой. И всё. Больше Он ничего не сказал. Он запретил мне покидать тело, и всё. Он сказал: это не подлежит обсуждению - "you can't, you must remain", - вам нельзя, вы должны остаться>. Она настаивала, боролась - кто не знает ураган Матери? Но Шри Ауробиндо был

сильнее всех ураганов, его бесконечность гасила любую бурю: <"No, you can't go, your body is better than mine", - нет, вам нельзя уходить, ваше тело лучше моего, оно лучше перенесёт трансформацию>. Перенесёт... День за днём переживать все войны, бесчисленные маленькие Вьетнамы в своём теле. Они не хотят умирать и пробиваются на поверхность то здесь, то там потому, что мы не желаем спуститься в неуловимо маленькую смерть и вырвать их с корнем - в маленькую смерть, живущую в тот миг, когда мы хлопаем ушами и думаем сразу о двадцати вещах. Микроскопические татаро-монгольские орды день за днём ведут свою разрушительную работу, их тайное смертное игло не ослабевает ни на минуту, а мы говорим: <Ну и что?> - и проходим стороной: Тайна остаётся в стороне от нас... но мы полностью погружены в Тайну. <"Your body is indispensable for the work" - ваше тело необходимо для работы. Без него Работа не будет закончена>. Больше не было сказано ни слова, ураган затих, а жизнь продолжала течь обычным чередом. Мать думала, что это невозможно. Она не хотела верить.

Постепенно начала проявляться болезнь. В 1948 году появились симптомы диабета, но через несколько месяцев Он прогнал болезнь. Шри Ауробиндо не мог болеть. В его тело, державшее на расстоянии бури, не могло войти ничего, оно было слишком чистым - клетка была чистой. В 1924 году (но это было столь же верно спустя 25 лет) Он сказал, что только три вещи могут привести к его смерти: <Насильственная смерть или несчастный случай, действие возраста, и мой собственный выбор. Последнее возможно в том случае, если что-то докажет мне, что осуществление моего дела сейчас невозможно>. Так неужели Он заметил, что сейчас это <невозможно>. Нет, в это никто не поверит, ведь такое решение похоже на утрату веры в будущее мира. Мы уже сыты по горло греческими календами, а Он сам часто повторял: сейчас, сейчас, *hic et nunc* - здесь и теперь. Слишком часто рай откладывался на потом. Что случилось? Игра была проиграна? Ведь Он же говорил, что <новый мрак рассеется> как Гитлеровский кошмар. И Мать осталась. И Мать тоже ушла. А мы боремся с тайной, будто что-то зависит от понимания одного человека. Понять бы нам тайну, и дело было бы сделано. За двенадцать лет до своего ухода Она как-то раз остановилась на пороге своей комнаты, обернулась ко мне, взглянула своими ясными глазами так, будто глядела в лицо Судьбе, и бесстрастным и твёрдым голосом, с властностью, присущей разве что голосу Бога, сказала (а мы говорили тогда о смерти): <Никогда не забывай одного: то, что мы должны сделать, надо делать вместе. Всё остальное - так или эдак, тем способом или другим, - не имеет значения. Но вот это - Факт>. Мы сделаем это вместе, вместе мы раскроем Тайну... так или эдак.

Получилось именно <эдак>.

А Тайна осталась.

Раскроем ли мы её?

Мы идём через эту книгу, как сквозь смерть.

Бесконечно малая смерть

Симптомы вновь появились в 1949 году. Он только и сказал: <Расскажите Матери> - и продолжал свою работу. <Он не хотел, чтобы мы узнали, что Он делает это нарочно. Он ведь понимал, что, узнав об этом, я приду в такую ярость, что Он не сможет уйти. Вот Он и... и выносил всё это как обычное бессознательное, простую "болезнь"... только бы я не узнала. Он знал, что я могу покинуть тело, как только захочу этого, потому и молчал - до последнего момента>. Она не хотела верить. Чуть ли не с гневом Мать продолжала работу, а та с начала войны стала ещё тяжелее, ведь в Калькутту приехали дети, бежавшие от японских бомбардировок. Ашрам расширился. В 1950 году в нём было сто двадцать три ребенка. Приходилось все реорганизовывать, открывать школы, готовить преподавателей, наставников по физическому воспитанию и умирять недовольство старых учеников, которые с упрёком или с непониманием смотрели на эту почти не <йогическую> молодежь и фривольные гимнастические упражнения... Она несла тяжесть на сердце и затаённую горечь. Улучив свободную минутку, Она бежала в Его комнату, но Шри Ауробиндо всегда был окружён людьми - маленькой группой <избранных>, сложившейся за время его перелома и медленного наступления слепоты. <Всё время кто-то оказывался между нами> - с оттенком печали, словно рана ещё была свежа, говорила Она через несколько лет. Однажды, только однажды, присела Мать к Его столу: <Сегодня я не успела поесть...> Шри Ауробиндо улыбнулся. <В первый и последний раз мы увидели, как они едят вместе>, - пишет преданный Чампаклал. Это было в августе 1950 года, за три месяца до ухода Шри Ауробиндо. Она принесла Ему стакан фруктового сока, чашку супа, который Он ел довольно редко, и причесала Его длинные белые шелковистые волосы. Иногда Мать выходила из тела, не закончив жеста - Она застывала с гребнем в руке, а люди шутили у Неё за спиной. <Знаете, у меня на затылке есть глаза> - говорила Она им потом. Мать никуда не успевала. Бесконечные микроскопические трудности цеплялись одна за другую, и приходилось терпеливо их распутывать - в каждом клочке Материи, в каждом сознании. Стоило забыть об одном зёрнышке, и в Материи появлялись ловушки, несущие с собой несчастные случаи, восстания, опустошение. Те же ловушки Он обезвреживал в тысячах писем. Это безмолвная захватническая орда, подобная смерти, нападающей под видом стаи тараканов. Мы ведь не знаем, что такое смерть: мы думаем о сокрушительных ударах Судьбы и даже не замечаем тысяч лёгких тычков, которые, в общем, и составляют смерть. Шри Ауробиндо боролся вот с этим

бесконечно малым, но оно постоянно возвращалось... Иногда у Него вырывался крик: <Мне очень хочется избавить учеников от конфликтов и сомнений, потому что в нынешней ситуации, когда то тут, то там вспыхивает огонь и всё бурлит, моя работа постоянно оказывается под угрозой. Я даже не знаю, когда закончится нисхождение. На самом деле, нам с Матерью приходится отдавать девять десятых энергии на умиротворение спорщиков, на то, чтобы более или менее ублажить всех учеников и так далее... Только одна десятая идёт на настоящую работу, а в случае Матери - и того меньше. Этого недостаточно>. Глупости лилипутов постоянно мешают довести работу до конца. Это было сказано в 1934 году, но и спустя шестнадцать лет ситуация не изменилась. <Можно сказать и так: мир не был готов. Но на самом деле не было готово то, что окружало Его. Когда Он увидел это (я догадалась позже), то подумал, что дело пойдёт быстрее, если Он исчезнет... Он был абсолютно прав, так и получилось>. Временами нам кажется, что мы понимаем эти слова. Окружающие, символы человечества, не сумели бы вынести <заряда> (если перейти на язык электричества). Маленькие внутренние тараканы взорвались бы, вынеся во внешний мир <большую> смерть. Пришлось выгнать наружу подземную незаметную орду; надо было, чтобы она предстала миру, чтобы Поток волна за волной распространился по всему миру и не уничтожил бы при этом тех, кто нёс в себе маленькие смерти. Шри Ауробиндо никогда ничего не уничтожал, за исключением мифов. Он не желал ускорять ход событий и множить число недовольных. Поэтому Он и ушёл. Недовольство Он понёс под землю.

На смутных границах Материи и Жизни...

Находится зловеший мир пигмеев,

Где берёт начало эта злополучная магия.* *Савитри

Но это другая история, а, возможно, даже и не вся.

Ученики читали газеты, болтали, развлекались своими невинными шуточками, а когда Он выходил из многочасового созерцания Стены или, возможно, <смутных границ> Жизни и Смерти, задавали Ему тысячу и один праздный вопрос. <Мы могли видеть только одно, - говорит Его секретарь, - Он молча сидел в кресле с открытыми глазами как самый обычный человек. Разве что проводил Он так целые часы; время от времени Он менял положение, чтобы устроиться поудобнее. Его глаза двигались, и, хотя Он смотрел на стену прямо перед собой, непохоже было, чтобы Он сосредоточивался на какой-либо точке. Иногда, к нашему удивлению, Его лицо без всякой видимой причины озарялось широкой улыбкой - так улыбаются во сне дети. Только Он-то если и спал, то очень чутко: хоть мы и старались ходить тише теней, Шри Ауробиндо всё равно слышал, когда мы пересекали комнату [слишком часто!]. Заслышав шум, который мог указывать на приход Матери, Он сразу оборачивался к двери...>

Он всегда ждал Мать! Нет, это не сон, хотя бы и <чуткий>, они просто не знали, что это такое - они вообще ничего не знали. <Когда Он чего-то хотел, Его голос звучал гулко, будто доносился из глубокой пещеры. Очень редко мы заставляли Его погружённым в себя, с закрытыми глазами>. Шри Ауробиндо диктовал бесконечные письма, отчасти сдабривая их юмором - единственным глотком чистого воздуха, возможным в грязном болоте. Перелом иногда кажется нам божьей милостью, потому что только благодаря ему Шри Ауробиндо смог прервать поток переписки и посвятить себя пересмотру <Божественной Жизни> по просьбе издателя из Калькутты. Впервые за 25 лет Он нашёл время вернуться к своей книге. Если бы передышка затянулась, Он бы мог исправить и дополнить так и оставшийся незаконченным <Синтез Йоги>. Тогда у нас были бы хотя бы намеки на <математическую формулу>, однако у адресатов Шри Ауробиндо было другое мнение - а Он сам, наверное, рассудил, что маленькие смерти важнее формулы... тем более, что она объяснит себя сама, если только сработает. И всё же Он продиктует <Супраментальное проявление на земле>: Мать попросила у Него статей для <Бюллетеня физического воспитания>, предназначенного для детей Ашрама. И вновь Шри Ауробиндо утонул в лавине переписки. Это продолжалось до того дня 1949 года, когда Он уже в четвёртый раз заметил: <Моя настоящая работа не закончена>. В первый раз это было сказано в 1934 году, второй - в 1942, и в третий - в 1945. Пятый и последний раз - октябрь 1950 года, когда до Его ухода оставалось два месяца, а сквозь закрытые двери опять просочилась переписка и всё прочее (литературные опыты и статьи учеников, стихи и так далее). Здесь Он был категоричнее: <У меня нет времени на настоящую работу... Возьмите "Савитри", я хочу поскорее закончить её> - секретарь крайне поразился: он никогда не видел, чтобы Шри Ауробиндо спешил. Он не понимал. Никто не понимал.

Ему оставалось жить шестьдесят дней.

Савитри

В той комнате с высоким потолком даже сегодня царит некая незыблемая вечность, будто стены, широкая пустая кровать и даже выцветший ковер с белыми морскими цветами на голубом фоне сохранили Его тишину. Стрелки часов остановились на одном часе двадцати шести минутах. Календарь так и показывает пятое декабря. Западный ветер слегка колышет синюю шелковую занавеску с серебряными драконами между спальней и ванной комнатой. Всё здесь настолько устойчиво и неподвижно, словно это единственное надёжное место во всем мире. Пока вы находитесь в этой комнате, века проходят как лёгкий ветерок над полями пшеницы. За этим покоем царит глубокая нежность,

жившая в глубине карих, золотистых глаз Шри Ауробиндо, в которых можно было уловить улыбку и даже нежность, если всматриваться подольше. Он там. Его руки лежат на подлокотниках зелёного кресла; светлый, полноватый как у ребенка торс обнажён или наполовину прикрыт белым дхоти, переброшенным через левое плечо. Босые ноги стоят на ковре. Шри Ауробиндо диктует, глядя прямо перед собой... какое будущее он видит? Его голос <низок, размерен, спокоен>, - почти бесстрастен. Английский выговор чист и безупречен. Медленно, как широкая река, впадающая в океан, Он надиктовывает за день <по четыреста-пятьсот строк подряд>. Это <Савитри>. Шри Ауробиндо в течение пятидесяти лет писал, переписывал и дополнял эту поэму. Это Его эпос. Его послание. Двадцать три тысячи восьмьсот четырнадцать стихов. История Сатьявана, сына Короля Дьюматцена, обречённого Судьбой на раннюю смерть, и о Савитри, Принцессе Солнца, спустившейся в смерть, чтобы вызволить своего Возлюбленного. <Страсть женщины, одинокой в своей силе и ужасной тишине, восставшая против Смерти> - сказал Он в письме своему брату. История Матери и Шри Ауробиндо. Это легенда из <Махабхараты>, Орфей и Эвридика наоборот, только здесь присутствует полное описание невидимых миров и невероятная география области, называемой обычно <смертью>. Шри Ауробиндо выверяет <Книгу Судьбы> - это последняя часть поэмы, пересмотренная Им. Через двадцать дней Он уйдёт, а Мать начнёт своё долгое завоевание. <"Савитри" - это эпопея о победе над смертью> - сказала Она. Он должен был умереть, но почему? Его тело отчасти подобно миллионам смертных тел: Сатьяван - это душа земли, обречённой на смерть; это бесконечно умирающая земля. Кто спустится к смерти и избавит землю от её участи? Кто найдёт ключ, кто найдёт обратную дорогу и вернёт Сатьявана к свету бессмертного дня? Освободится ли земля от смерти? В этой поэме <сказано ВСЁ, - говорила Мать, - Точность удивительная... Детальнейшее описание, шаг за шагом, параграф за параграфом, страница за страницей... Чудесная книга>. Возможно, в <Савитри> собраны все ключи, <математическая формула> для тех, кто умеет читать. В каждом параграфе - множество ключиков. Надо искать, надо копать. Земле не каждый день выпадает шанс узнать свою тайну. Неотрывно глядя на стену, Он диктовал без единой запинки. Он видел <конец Смерти>, <детей с солнечными глазами чудесной зари>, поднимающихся из руин Железного Века.

Даже если враждебная сила держится за свою власть,

Провозглашая право на вечное господство,

И человек отказывается от высокого духовного предназначения,

Всё равно, Истина, скрытая в вещах, возьмёт верх...

И Материя откроет лицо Духа.* *Савитри

Пришла ли в действие эта <Истина, скрытая в вещах>, то есть самостоятельное супраментальное? Или нам надо подождать ещё немного, пока сознательный дух не погрузится во тьму Материи?

Он видел близкую Судьбу. Он видел Мать: та всё время опаздывала, вечно спешила, и всегда за Ней по пятам следовала толпа. В пять часов утра Она приносила гирлянду жасмина и клала цветы на Его кровать. Они ничего не говорили друг другу. Только взгляд. В Ней поднимался ураган скорби, Она не хотела верить... Мать смотрела на Шри Ауробиндо как львица; в Её сердце пылало пламя. Тридцать шесть лет назад Она сказала: <Тот, кого мы видели вчера, живёт на земле>. <Победы во внутренних мирах мало, мы должны победить даже в самых материальных мирах>. Даже в смерти. <О, Господи, пусть исчезнет неведение, пусть рассеется иллюзия; да вырвется этот печальный мир из кошмара и остановит этот жуткий сон...> Весь мир Она видела через это тело. <Какое же невиданное великолепие, какое чудо света и величия нужны, чтобы вытащить людей из искажённого мира...> Она сказала это ровно за месяц до встречи со Шри Ауробиндо - этот свет не мог исчезнуть? Так в чём же дело? <Стать как бы огромным покровом любви - обнять вся землю, проникнуть в каждое сердце...> Мать покрыла Его своей любовью; Она обняла всю бесконечно умирающую землю - Она никому не желала смерти. <Савитри> - это величайшая на свете поэма любви. Подобно Матери и Шри Ауробиндо, это отказ от смерти. До 95 лет Она будет сражаться со смертью. Где Она сейчас? Приведёт ли Она назад Сатьявана? Или борьба проиграна, и земля обречена на гибель? Что случилось в 1973 году? Что случилось в 1950 году? Он расставлял последние запятые, следил за каждой мелочью - так Шри Ауробиндо и давал истину Материи. Если истина начинается не с точки с запятой, то с чего? Если она никогда не войдёт в Материю, то через что она может вернуться? <Каждое слово должно было быть точным, каждый стих совершенным, - замечает Его секретарь, - каждый знак препинания - безупречным. Чтобы изменить одну запятую, приходилось по несколько раз перечитывать весь раздел>. Закончив работу, Шри Ауробиндо прогуливался, а занавеска с серебряными драконами легко колыхалась на ветру. Всё было спокойно и царственно, как Луксор, и умиротворённо как бесконечные Гималаи тёплым вечером. Никому не узнать этого Покоя. <Еда, питье, прогулка, разговоры - Он всё делал в спокойном и размеренном ритме, казалось, будто любое движение было сознательным и осмысленным>.(Nirodbaran, Twelve Years...) А иногда Он вытягивался на кровати, положив голову на сложенные руки, смотрел на потолок и улыбался <как ребёнок во сне>. Наконец, <Книга Судьбы> была закончена: <А, готово? - тень улыбки появилась в Его левом глазу (удивительно, но правый, казалось, постоянно смотрел в вечность). - Что ещё осталось?> <"Книга Смерти" и "Эпилог">, - ответил секретарь. <Oh, that? We shall see about that later on...> Мы займёмся этим попозже.

<Попозже> было уже у самых дверей. Этот разговор происходил 10 ноября.

Осталось 25 дней.

Нисхождение в смерть

<Болезнь> усилилась. Как и Матери, Шри Ауробиндо было достаточно одного усилия воли, чтобы покинуть тело: вытянуть душу наверх, а одежду оставить внизу. Но все страдания, даже медицинские пытки Он вынес до конца, <без всяких чудес> - честная работа. <Почему бы вам не воспользоваться Силой и не исцелиться?> - спросил секретарь. <Нет>, - спокойным и безапелляционным тоном ответил Шри Ауробиндо. Ученики поразились. Они не хотели верить своим ушам и переспросили: <Но почему?> - <Не могу объяснить, вы не поймёте>. Позже Мать скажет: <Каждый раз, входя в его комнату, я видела, как Он притягивает супраментальный свет>. Она была рядом, яростная и неподвижная, дрожащая от волнения, а ученики стояли вокруг. <Мы никогда не были одни>. Шри Ауробиндо тянул вниз Свет. Что за слияние пытался Он воплотить до самого конца? Что за слияние с мятежной, любимой Им землёй? В <Савитри> Он писал:

Король, твои земные дела гораздо выше

Всех славных вольностей небес.

Мы толком не знаем его дел и, возможно, даже не понимаем бесконечности сознательной смерти в теле, каждая клетка, каждый атом которого были сознательны... Сознательное нисхождение в гроб. Сознательное - каждая клетка, каждый атом, всё, что составляло величие Шри Ауробиндо, широко открыв глаза, опускалось к смерти. Кто поймёт, что это такое?.. Однажды (тогда я был ещё новичком), держась за нить, связывающую меня с телом, я попытался сойти туда живым: это невысказано. Там нет никакой мысли. Только бездна из чёрного базальта, удушливое отрицание - дикое и пустое <НЕТ> из глубин мира. Этот жестокий отказ лишает воздуха любого, кто прикоснётся к нему. Чистая ненависть к жизни. Она не прощает Жизни её существования и пытается уничтожить всё в своём каменном мешке. Безвоздушная базальтовая бездна. Вероятно, вот этому <нет>, <тяжёлому камню основания> Он пытался противопоставить свет своих сознательных клеток. Но как? Полностью, сознательно войти в это? Ужасно.

Упорный бессловесный отказ в глубинах Жизни,

Тупое <Нет> у истока вещей.* *Савитри

Огромное тысячеликое <НЕТ> прячется в каждом неверном шаге человека, в маленьких страданиях, в фальшивых поступках, косых взглядах, телах - тысячи корней смерти ждут великой Смерти как избавления от тягостей бытия и жизни; глубинная воля к смерти существует только потому, что мы не нашли настоящей жизни! Мы не жили, жизнь не живёт, жизнь - это ещё не жизнь, а смертная суета! Смерть спешит покончить с болью бытия и никогда не стать тем, что должно быть, тем, что есть... Но дальше - дальше, под камнем, под ложью и отрицанием бунтовщика что-то ждёт своего часа. Да, <источник мёда, скрытый под скалой>, Жизнь, которой пока нет. Супраментальное - настоящая жизнь. Только оно не знает смерти. Только оно существует, не зная тени. Простая живая Истина. Там, под камнем, под тысячами маленьких <нет> тысяч шагов, ведущих туда и сюда, вверх и вниз, не знающих и даже не желающих Жизни. Привычка к боли. Они держатся смерти. Если кто-то осмеливается нажать, то почва уходит у него из-под ног - всего три капли Луча, а грязь уже бунтует и протестует: десятки тысяч писем. Куда, в какой мрак и отчаяние погружался Шри Ауробиндо? Откуда отрицание, зачем оно? Что вдруг случилось с этой Жизнью?.. Шри Ауробиндо так и не открыл свою тайну: никто не задал Ему настоящий вопрос. Но Мать рядом с Ним, гордая и яростная, никогда не признала поражения. Еще двадцать три года. Она будет день за днём и ночь за ночью истощать всю свою душу, пытаясь вырвать Тайну и пережить смерть в собственном теле, - шаг за шагом выводить Сатьявана из-под спуда тысяч смертей и мороков, что будут кружить рядом до самого конца - в каждом Мать будет отвоёвывать Сатьявана. В каждом Она будет встречаться со смертью. Мы не знаем и, наверное, никогда не узнаем, что Она делала... если это <не объяснит себя само> однажды, и реальная жизнь, освобождённая от своего отрицания, не возникнет перед нашими глазами и не сметёт всех наших пигмеев взрывом божественного смеха.

Однажды я вернусь, держа в своей руке Его руку,

И вы увидите лицо Абсолюта.* *Савитри

Мы верим, что пигмеи уже чувствуют себя неудобно. Может, и Шри Ауробиндо хотел принести из глубин это великое землетрясение. Во внешнем мире пигмеи буйствуют, они ведь уже проиграли. Чем страшнее их бунт, тем ближе их смерть - смерть смерти. Все, мы все стоим перед лицом смерти, или возможности настоящей жизни. Настал час земного выбора. Нам не понять, насколько важен этот час для всей истории эволюции: либо земля переродится полностью, либо сгинет в чёрной дыре отрицания. В каждом человеке находится как победа, так и поражение: надо выкорчевать микроскопическую смерть во всех людях. Победа как будто зависит от одной пылинки: маленькая сердечная привязанность, незаметное <да>, которое человек несёт повсюду, поднимаясь или спускаясь по лестнице, гуляя, принимая пищу, во всём и несмотря ни на что, даже наши собственные ошибки - неизменное принятие

настоящей жизни. А настоящая жизнь сама сделает за нас работу, если мы примем её сторону. Надо оказаться на нужной стороне - на верной стороне эволюции.

Надо быть правдивыми.

Его дыхание становилось всё короче и тяжелее. Окружающие хотели <вылечить> Его! Во имя фальшивой жизни люди не могут отказаться от медицинских пыток; как же можно оставить ваше тело в покое! <Мы настаивали на сильнодействующих лекарствах...> - признался один из докторов. Мать отказалась. Шри Ауробиндо отказался - один раз. Затем Он предпочёл молчать, чтобы сохранить покой в <сердцах> учеников - Он честно нёс груз до самого конца. Приехал верный ученик, хирург из Калькутты: <Закрыв глаза, Шри Ауробиндо лежал на постели, спокойный и неподвижный как изваяние>. Он открыл свои глаза: <Болезнь? Всё в порядке; человек может быть выше страданий>, - Он выслушал новости о беженцах из Бенгалии. Затем вновь наступила кома. <Он теряет интерес к себе> - сказала Мать. <Она выглядела сосредоточенной и спокойной>, - заметил ученик. Иногда Мать подносила стакан воды или фруктового сока; Шри Ауробиндо выпивал, улыбался и вновь уходил: <Странная кома, - пишет хирург, - тело пребывает в агонии, оно ничего не чувствует, дыхание едва заметно, и вдруг оно успокаивается: сознание возвращается, человек просыпается и кажется абсолютно здоровым. Затем он пьёт, сознание уходит, и тело вновь близко к агонии>. Начиналась уремия. Было уже 4 декабря. <Он уходит>, - сказала Мать. Но Шри Ауробиндо встал. Величественный, торжественный Он сидел в большом бледно-зелёном кресле с белыми арабесками, и смотрел прямо перед собой. <Вы видите, к Учителю вернулся интерес к жизни>, - сказал хирург. <Хmmm> - протянула в ответ Мать. Шри Ауробиндо вернулся в постель, и конец ускорился. В 22 часа Она вернулась, дала Ему немного томатного сока, который Он выпил, выйдя из комы. В полночь Она появилась в комнате Шри Ауробиндо в последний раз. Она стояла у Его кровати: Он открыл глаза, и Они в последний раз посмотрели друг на друга.... Затем Она вышла.

В час утра Мать на одно мгновение вернулась: <Позовите меня, когда всё кончится>.

Несколько лет спустя Она рассказывала так, словно всё это происходило вчера: <Я не хотела верить. Пока я оставалась в комнате, Он не мог покинуть тело. Ужасное напряжение: с одной стороны внутренняя воля к уходу из мира, а с другой - что-то (то есть Мать) держало Его здесь, в теле - потому что я знала, что Он жив и НЕ МОГ не быть живым... Ему пришлось дать мне знак, чтобы я ушла в свою комнату и отдохнула (отдыха так и не было), но как только я вышла, Он ушёл. Они сразу позвали меня>.

Это было в 1 час 26 минут...

<По Его телу прошла лёгкая, почти незаметная дрожь, - пишет ученик, - Он сложил руки на груди, и всё кончилось...>

Мать стояла в изножии постели Шри Ауробиндо. <Её взгляд был таким яростным, что я не мог смотреть Ей в глаза>, - сказал хирург.

<Я стояла рядом, и абсолютно конкретно - я разве что не видела этого воочию - вся супраментальная сила, бывшая в Нём, переходила в моё тело. Я даже ощущала трение сил в порах моей кожи... А люди говорили: <Он умер>.

Покидая своё тело и входя в моё, Он сказал: "Ты будешь продолжать. Ты доведёшь работу до самого конца">.

Момент

Она присоединилась к Нему под огромным деревом с ярко-жёлтыми цветами. Оба ушли. Что произошло?.. Нам надо расшифровать медленное развертывание сил, которые однажды создадут другую Историю. <Будет ли закончена работа сейчас? - спросил Пурани в 1924 году. - Было уже столько пророков и посвящённых, но земля по-прежнему вращается по кругу страдания>. <Я не могу пророчествовать, - ответил Шри Ауробиндо. - Я не могу сказать: "Вот это будет сделано". Я могу только говорить: "Что-то случится...> Что-то случится. Шри Ауробиндо не произнёс ни одного слова впустую. Его не заботило признание, восхищение, даже популярность его книг, - Он не нуждался в поклонниках, и не нуждался в том, чтобы Ему верили. Он слишком хорошо знал, что доверие людей непостоянно как флюгер, - а работу надо делать, надо сеять неразрушимое семя в бунтовскую почву; оно должно прорасти независимо от человеческой веры или неверия, поклонения или порицания. <Почему люди так любят поклоняться?! - воскликнула Мать. - Лучше бы они становились! Только лень толкает их на поклонение>. Но изменится ли что-нибудь на этот раз независимо от нас? Решится ли человек на становление?.. Действительно, Она ведь говорила: <Большая часть ответственности за то, что случилось со Шри Ауробиндо лежит на недостатке восприимчивости земли и поведении его учеников>. А в отношении учеников Матери это верно вдвойне. И Она тоже ушла.

Что случилось? В чем Её тайна?

Одетая во всё белое, бледная и одинокая, Она стояла, выпрямившись, в длинной галерее, тянувшейся над двором Ашрама и наблюдала, как Шри

Ауробиндо хоронят под жёлтыми цветами. Ей было семьдесят два года. Когда Они встретились, Ей было тридцать шесть. Три недели раньше Он написал:

Может прийти день, когда Она окажется беспомощной

На опасной границе между судьбой мира и своей собственной,

В одиночестве несущей на плечах будущее Земли,

Несущей в опустошённом сердце надежду человека

На победу или поражение на последнем рубеже

В битве один на один со смертью и на грани исчезновения.

Ей, великой и единственной в этой ужасной сцене,

Придётся в одиночку перейти через опасный мост времени

И достичь последней точки участи мира,

Где для человека всё - или победа, или поражение.

Это были последние продиктованные Им строки.

Через двадцать три года уже мы наблюдали, как второй гроб хоронят под теми же жёлтыми цветами, рядом с Его могилой: сердца учеников обливались кровью, словно не они вовсе были с Ней так жестоки... А мы смотрим на всё это и нас мучит тяжёлый вопрос - наверное, это вопрос всей земли: что произошло? Конечно, ученики - всего лишь представители земли. Мать и Шри Ауробиндо прекрасно знали, что с этими условиями надо честно бороться до самого конца. Так проиграна или выиграна битва?.. Шесть тысяч страниц <Агенды>: Она оставила нам свои секреты - пятнадцать лет изнурительной йоги тела; Мать рассказывала об этом тихим и ясным детским голосом. Смех перед лицом боли, но голос становился всё тише и тише, словно чтобы добраться до нас Ей приходилось одолеть целую вечность. Она говорила всё медленнее и всё сбивчивее, будто пробивалась сквозь слои смерти. Здесь собраны все тайны. Только способны ли мы на неё? Сумеем ли мы правильно прочесть <Агенду>? Поймаем ли рычаг?.. Простое понимание означает почти что свершение - или выявление. <Новый мрак охватывает человечество и грозит поглотить его>, - сказал Он. Он видел. Она видела, но увидим ли мы? Поймаем ли мы настоящий, <волшебный рычаг>, как говорил Шри Ауробиндо? Рычаг, переворачивающий весь мир в тот момент, когда кажется, что всё потеряно, и надежды не остаётся. Рычаг есть, тайна есть, сила есть.

Просто мы не всё понимаем. И всё же, чтобы земля перешла на нужную сторону, нам придётся сделать выбор. Никто не избежит его, и это надо понять! От этого понимания зависят жизнь и смерть. Мы не знаем, в каком... в каком чуде мы живём. Или?..

Спустя двенадцать лет, в 1962 году, Мать остановилась и посмотрела - окинула взглядом всю землю, - и почти что вскрикнула от боли; эти слова вырвались прямо из Её сердца: <Я вдруг подумала: как же так? Пока Он жил здесь, пока мы были вместе, жизнь, - земная жизнь - переживала настолько чудесную и божественную возможность, что... Правда, такого не было ещё никогда, а ведь продолжалось это тридцать лет... Неужели она этого не заметила?.. Я не понимаю: разве может быть так, чтобы люди, живущие здесь, так рядом, чтобы люди, живущие на земле, устремлённые и сознающие всё это, имели в своём распоряжении такую возможность и не воспользовались ею!.. Такое неповторимое чудо, а люди ограничились детским, внешним образом!.. Вот я и думаю: так пришло ли время?.. Возможно ли это?.. Или всё это произойдёт ещё позже?..>

Её тоже положили в гроб, а вопрос, только ещё более тяжёлый, остался нам. Все сегодняшние благонамеренные пигмеи могут уйти; они и уйдут, унося с собой всю свою глупость и злобу, но ведь великая Глупость останется в миллионах людей неизменной. Так что же изменится? Удастся ли нам поймать рычаг? Хоть кто-нибудь поймёт? Или? Мать как будто повторяет свой вопрос с той стороны могилы - будто у нас остался шанс.

<Иногда всё как бы сливается в одно. Но момент в этой Истории встречается очень редко: он выпадает один раз за долгие-долгие периоды почти неопределённой продолжительности. Уловить момент, который воплощается в этой жизни [Мать с силой ткнула кулаком в Землю], очень сложно. Но если упустить его... Я постоянно размышляю - ведь Шри Ауробиндо не открыл своей тайны. Он говорил, что уходит сознательно, говорил, что я должна знать об этом, но так и не сказал, настал ли момент... Я так и не узнала, увидел ли Он, что вещи ещё недостаточно подготовлены. Он, правда, сказал, что мир не готов, и что Ему <необходимо> уйти. По Его словам, я должна была остаться и продолжать, вот я и продолжаю. Вот об этом Он говорил, но я по-прежнему не знаю, получится у меня или нет, смогу ли приблизить этот момент, или нет>.

И вот сейчас нам кажется, что Момент настал. Он здесь, и мы полны этим чувством. Только он зависит... от чего? Может быть, от нашего понимания. Что-то откроется в земном сознании, - тихий зов, - и Поток сможет пройти без всяких препятствий. Возможно, ничего <особенного> делать не придётся. Иногда нам кажется, что судьба мира зависит от сущих пустяков - крохотной чистой капли среди миллионов повседневных дел, ведущих только в могилу.

Появится ли где-нибудь чистая капля?

Нанданам, 15 мая 1975 года.

С любовью,
электронная библиотека
Theosophy-Books.org

